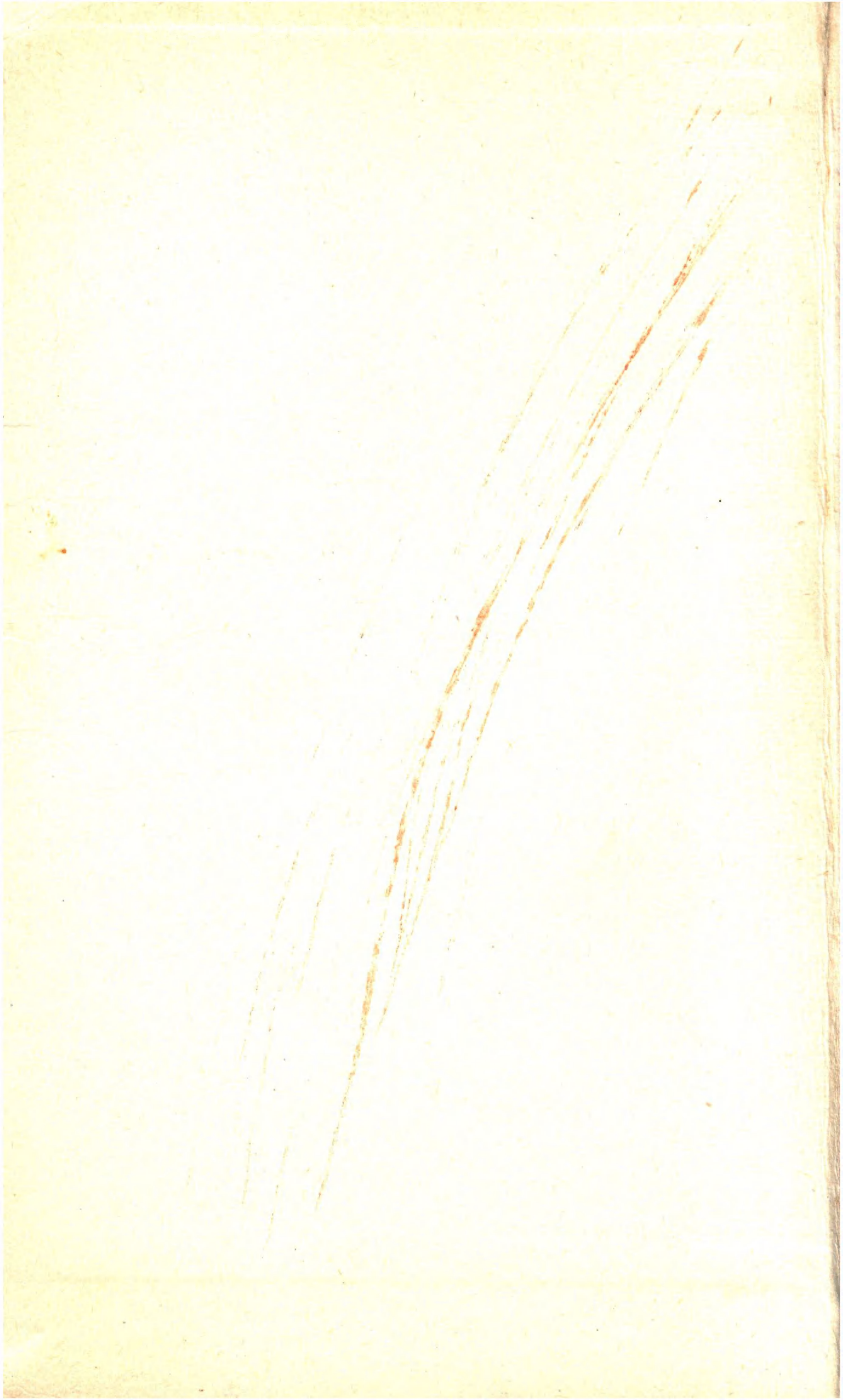
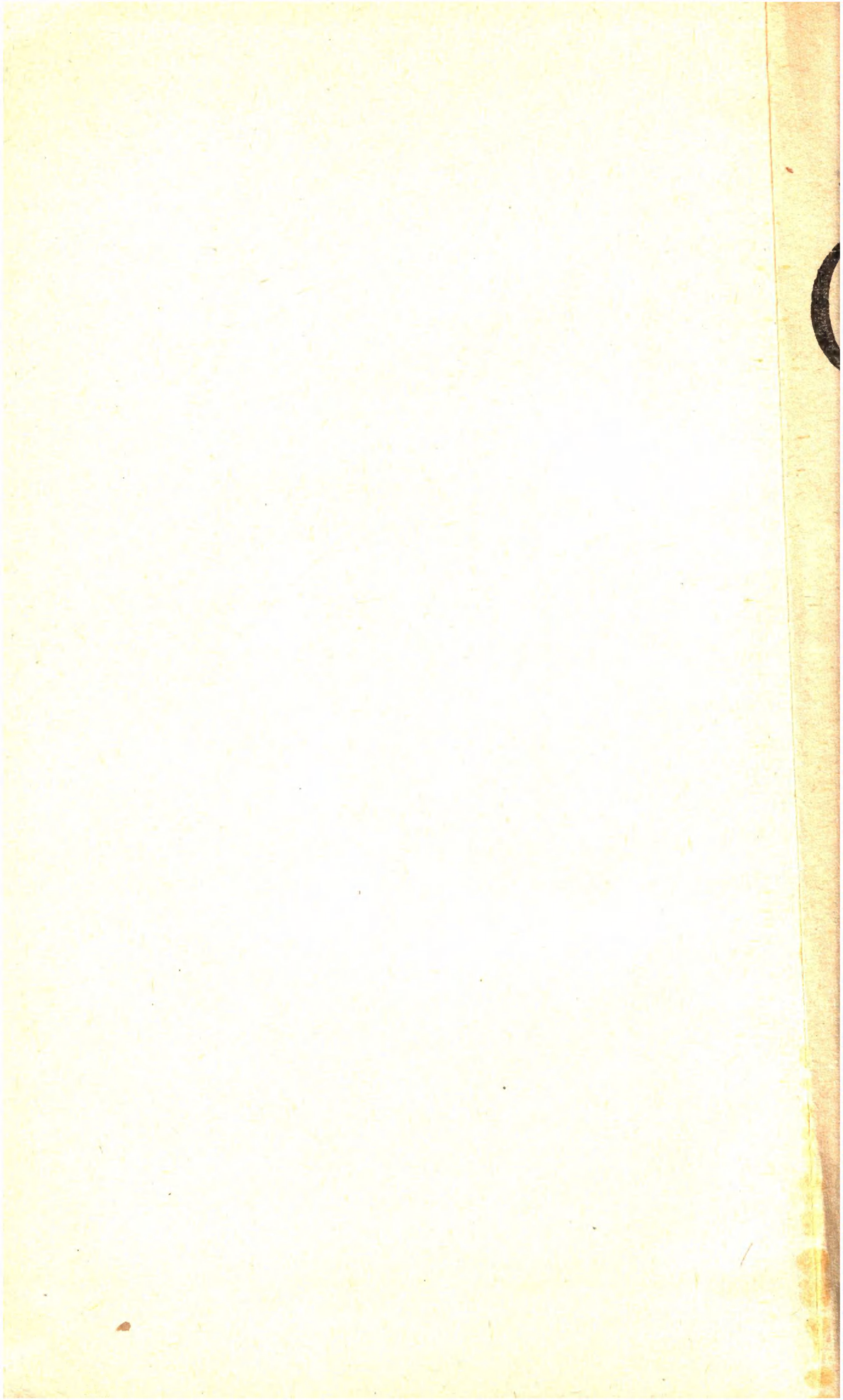

ФАНТАСТИКА, 1964 ГОД

ФАНТАС-ТИКА, 1964 ГОД

Издательство ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»
1964

Составитель *Г. Смирнов*

Обложка художника *Р. Авотина*

ФАНТАСТИКА, 1964 год. М., «Молодая гвардия», 1964.
368 с.
На обороте тит. л. сост. Г. Смирнов

Редактор *Б. Клюева*
Худож. редактор *Н. Печникова*
Техн. редактор *А. Бугрова*

А08910. Подп. к печ. 22/VIII 1964 г. Бум. 84×108$^1/_{32}$.
Печ. л. 11,5(18,86). Уч.-изд. л. 18,3.
Тираж 115 000 экз. Заказ 896. Цена 70 коп.
Т. П. 1964 г. № 244.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия», Москва, А-30, Сущевская, 21.

ФАНТАСТИКА, 1964 ГОД

(От составителя)

> Фантазия, лишенная разума, производит чудовищ; соединенная с ним, она — мать искусства и источник его чудес.
>
> *Ф. Гойя*

1964 год для советской научной фантастики знаменателен тем, что советские фантасты все чаще, все глубже и все серьезнее пытаются исследовать нашу земную, современную жизнь методами научной фантастики. Этот плодотворный поворот к действительности необычайно обогатил содержание научной фантастики, придал ей актуальное, современное звучание и, самое главное, открыл перед писателями совершенно новые возможности.

На первый взгляд кажется, что специфика научно-фантастического жанра дает простор фантазии писателя: садись и пиши все, что взбредет тебе в голову, нимало не заботясь о том, бывает это в реальной жизни или нет.

Вот почему чувствуешь себя несколько обескураженным, когда вместо фейерверка необычных идей, острых сюжетных ходов и тонкой игры ума в научно-фантастических произведениях обнаруживаешь во множестве одни и те же сюжетные линии, одинаковые развязки, сходные логические структуры. А ведь, в сущности, ничего удивительного в этом нет: недостатки научно-фантастического жанра суть продолжения его достоинств. Позволяя более свободно выбирать писателю то, что ему нужно, научно-фантастический жанр накладывает на писателя существенное ограничение. Номинально свободный в своем выборе, он оказывается зажатым в тесные рамки «правдоподобия» его построений. А в действительной жизни, нисколько не интересующейся, правдоподобно ли выглядят ее калейдоскопически меняющиеся картины, нередко встречаются такие фантастические ситуации, на которые никогда не осмелится ни один самый изощренный выдумщик.

Именно это богатство действительной жизни все чаще привлекает к себе внимание советских писателей-фантастов. Все меньше интересуют их лишь внешне необычные космические приключения, кибернетические роботы, машины времени. Все чаще и чаще они убеждаются в том, что удивительное и необычное можно найти не только в космических далях, в математических дебрях кибернетики, в таинственных просторах пространства — времени, но и в песчинке под нашими ногами, в капле воды, а главное, в нас самих.

В этом отношении, бесспорно, самым сложным и интересным произведением сборника следует считать удивительно изящную, остроумную повесть братьев Стругацких «Суета вокруг дивана». Основную идею этой вещи в двух словах можно было бы выразить так: «Удивительное рядом». Несмотря на всю необычность, сказочную фантастичность этой повести, она самым тесным образом связана с проблемами нашей сегодняшней жизни.

В самом деле, быстрые успехи современной науки, головокружительный прогресс техники с каждым днем опережают все больше и больше нашу способность осмысливать научные и технические достижения. Мы привычно крутим настройку радиоприемника, не подозревая о тех удивительных и таинственных процессах и силах, которыми управляем. Мы входим в салон воздушного лайнера, занятые мыслью лишь о том, кто будет нас встречать на аэродроме. Мы привыкаем к необычному, не вдумываясь в его суть и не осмысливая его. Конечно, один человек не может понимать и знать всего. Какими-то вещами мы все равно вынуждены пользоваться, принимая их такими, как они есть. Но главное в другом: мы привыкли быстро привыкать, не интересоваться, не удивляться тем чудесам, которые нас окружают.

Эту тенденцию больше ста лет назад заметил еще А. И. Герцен, когда техника только начала широко входить в жизнь. «Святой отец прислал по электрическому телеграфу свое благословение новорожденному императорскому принцу, — через два часа после разрешения императрицы французов». В этой фразе из газет есть что-то безумное», — писал Герцен в 1858 году. А в 1961 году один из пассажиров, летевший на «ИЛ-18», с недоумением сказал своей собеседнице: «Черт знает что! Вылетел из Риги и через полтора часа был уже в Москве у родственников, которых не видел лет пять. Вошел, даже не поздоровавшись, как будто был у них сегодня утром».

Повесть Стругацких — этот удивительный синтез сказочных химер с самой что ни на есть современной обстановкой — в наиболее острой форме показывает это противоречие между вещью, как мы ее привыкли видеть, и вещью, как она есть, со всеми ее сложностями и чудесами, которые скрыты от нас привычкой. В небе привычно жужжит вертолет, а герой повести ошалело смотрит на говорящую щуку, высунувшуюся из бадейки. А ведь, в сущности, привычный вертолет не менее удивительное, сложное и необычное зрелище, чем говорящая щука и другие сказочные обитатели повести Стругацких.

Ту же проблему, но совершенно иначе решает Дмитрий Биленкин в коротеньком рассказе «Обыкновенная минеральная вода». Где-то в глубокой каверне создались условия, необходимые для зарождения жизни, уже возникли аминокислоты и начали появляться белки, как вдруг скрежещущий бур ворвался в каверну, хлынула в нее промывочная вода, и тонкий, только что зарождающийся процесс прекратился. Вынесенные на поверхность остатки этой жизни для буровиков не более как «органические загрязнения». Они так никогда и не узнали, что мимоходом, из-за неведения, разрушили то, над чем бьются выдающиеся ученые мира, не разглядели вселенной в капле воды. Мы тщательно стерилизуем оборудование спутников и космических кораблей, чтобы наше вмешательство не исказило первозданную картину космоса. Но ведь и наша планета, на которой все мы живем, достойна такой же внимательности и чуткости — таков вывод этого рассказа-миниатюры.

Дмитрий Жуков берется за решение той же проблемы, если так можно выразиться, методом «от противного». Часто, очень часто головоломки в жизни возникают потому, что мы в необычном, в удивительном не решаемся увидеть что-то давно знакомое, хорошо изученное. Мы придумываем поистине фантастические гипотезы, мудрим над новыми механизмами, вместо того чтобы воспользоваться старым опытом. И нередко случайный толчок, непроизвольное действие вдруг разом проясняют проблему, над которой бились крупнейшие умы. Несмотря на кибернетико-космическую фабулу, рассказ Жукова, по сути дела, утверждает, что порою видеть «обычное в необычайном» не менее важно, чем видеть «необычное в привычном».

Большинство рассказов Анатолия Днепрова вписываются в его излюбленную формулу: открытие или изобретение, обращенное против своего создателя. С неистощимой фантазией и изобретательностью писатель находит все новые сюжеты и научные идеи. Два рассказа Анатолия Днепрова, предлагаемые читателю в этом сборнике, несколько отступают от традиционной формы. В рассказе «Случайный выстрел» речь идет о трагедии высококвалифицированного, но чудовищно узкого специалиста, неспособного подняться выше канонов своего ремесла.

Нет, профессор Глориан не совершает никаких античеловеческих, антигуманистических поступков. Он специалист и интересуется только своей наукой, ни в коем случае не политикой, стоящей, по его мнению, слишком далеко от него.

И тем не менее за этой фигурой добропорядочного специалиста мы видим тени фашистских врачей, участвующих в нацистских псевдонаучных исследованиях, ставящих опыты над живыми людьми. Именно о них прогрессивный американский психиатр Беттельхейм писал: «Опасными их сделала особого рода гордость своей профессиональной квалификацией и своими знаниями в сочетании с полным забвением нравственной стороны дела. Теперь концентрационные лагеря и крематории больше не существуют, но этот вид гордости остался. Это характерная особенность общества, где главное в специалисте — техническое уме-

ние. Освенцима больше нет, но пока это отношение к работе существует, существует опасное безразличие к жизни».

«Опасное безразличие к жизни»... Ни личная драма, ни доводы друзей, ни страдания окружающих практически не влияют на деятельность профессора Глориана. Человеческое чуждо ему. И только то, что, как оказывается, уравнения профессора не имеют решения, приводит к трагической развязке и выносит объективный приговор деятельности Глориана.

Глориан кончает самоубийством. Кусочек свинца венчает его попытки увязать в стройную систему экономику страны, раздираемой капиталистическими противоречиями.

«Ферма Станлю», казалось бы, тоже не является исключением из обычной замкнутой сюжетной линии. Здесь налицо и парадоксальное открытие, и головокружительный эксперимент, и ужас открывателя перед непредвиденными результатами опыта. Но основное, ради чего написан рассказ и против чего протестует автор, — это стандартизация человека: его внешности, его поведения, а самое главное — его чувств и мыслей. Логически вопреки фабуле сюжетная линия рассказа разомкнута. Этого писатель достигает абзацем, завершающим рассказ:

«И вдруг я стал замечать, что на моем пути стали часто попадаться очень похожие друг на друга люди, что они одинаково одеты и говорят об одном и том же. Очень похожие молодые мамаши нянчат совершенно одинаковых младенцев. С экранов кино на меня смотрят одинаковые актеры и актрисы. Почти тождественные лица и фигуры мелькают на обложках журналов и книг.

Вот поэтому и еще по многим другим причинам я иногда думаю, что ферма «Станлю» действительно существует».

Киевский писатель-фантаст Владимир Савченко иначе подходит к проблеме стандартизации мышления и пытается решить как бы обратную задачу. В своей повести «Алгоритм успеха» он показывает, что в наших условиях человек, поставивший своей целью только личное благополучие, неизбежно скатывается к нескольким элементарным принципам поведения: «око за око», «зуб за зуб», «я тебе — ты мне». А это рано или поздно приводит его к своеобразному «стандарту карьериста». Творческая, созидательная работа не терпит такой стандартизации, и человек, начавший следовать подобным принципам, неизбежно выпадает из коллектива — такова идея повести Владимира Савченко.

В очень интересной, присущей лишь ему манере работает молодой фантаст Владимир Григорьев. Но ни научная подоплека, ни фабульная интрига как будто не занимают его внимания. Рассказы Григорьева незатейливы по сюжету, просты с точки зрения научной идеи. Главное в его рассказах — удивительная человечность, любовь к своим героям, которую автор как будто стремится скрыть за легкой иронией и юмором.

Эта ирония и этот юмор позволяют Григорьеву избежать «громких слов» и ненужного пафоса, делают его рассказы ненавязчивыми и удивительно проникновенными. Особенно ярко

проявляется эта черта в рассказе «Рог изобилия». В нем автор затрагивает примерно такую же проблему, что и Владимир Савченко в своем «Алгоритме успеха». Но совершенно иначе, по-новому раскрывает он свою мысль: изобретательство, как и всякая творческая работа, несовместимо с бездушием и казенщиной. Даже один формалист, один чиновник от техники вроде Паровозова может нанести непоправимый вред делу технического прогресса, погубить, свести на нет вдохновенный труд изобретателя.

В рассказе сама техника наказывает бюрократа, но с ним вместе гибнет сам изобретатель и его изобретение. Автор тем самым подчеркивает мысль о том, что будущее не придет само собой, что за него надо бороться не только в сфере повышения производительности труда, но и в неизмеримо более тонкой и сложной сфере: в сфере человеческих отношений и мышления. Эта борьба не всегда бывает бескровной, и именно это обязывает нас быть непримиримыми ко всему, что мешает нашему движению к прекрасному будущему, — такова идея рассказа Владимира Григорьева.

«Дважды два старика робота» — небольшая философская новелла. В ней хотелось бы отметить тот любопытный парадоксальный прием, который найден автором для выражения своей главной мысли: веры в потрясающую мощь познающего человеческого разума.

В рассказе нет ни одного человека. В нем действуют одни лишь роботы. Но вопреки обычной коллизии «робот против человека», которую так любят обыгрывать западные фантасты, роботы в рассказе Григорьева страдают без людей. Деятельность роботов потеряла всякий смысл, они мечтают и верят в то, что покинувшие их люди вернутся. Так через мышление роботов, их глазами, если так можно выразиться, и раскрывается величие и мощь удивительнейшего творения природы — человека. Именно это восхищение человеком, его неистребимой потребностью творчества, лежит в основе этой поэтической новеллы.

Третий рассказ Григорьева — «Коллега, я назвал его так» — быть может, наиболее фантастический по сюжету, но и он, в сущности, повествует о добрых человеческих отношениях, о благородстве людей, о все более растущем творческом горении человека. Время для работы, время для творчества! — вот основная мечта героев рассказа. В фантастической форме, позволяющей многократно усилить, акцентировать события реальной жизни, автор развивает в общем-то простую мысль. Ведь, пожалуй, каждому из нас в тяжелые минуты жизни приходилось встречаться с людьми, которые оказали на нас огромное влияние, помогли не сломиться и стать такими, какие мы есть.

Ленинградский писатель-фантаст Илья Варшавский хорошо знаком читателям. Его короткие, парадоксальные, фантастические новеллы с концовкой резкой и неожиданной, как щелчок бича, неизменно вызывают восхищение неистощимой фантазией автора. Большинство рассказов Варшавского, помещенных в этом

сборнике, написаны в обычной для этого писателя юмористической манере.

Нередко научную фантастику связывают с попытками сквозь туманную даль веков заглянуть в будущее, о котором всегда мечтает и которым всегда интересуется всякий человек. И это не лишено оснований: многие научно-фантастические идеи оказались реализованными в действительности. И, оглядываясь назад, мы не устаем поражаться прозорливости Жюля Верна, Герберта Уэллса, Алексея Толстого, Александра Беляева.

Но нередко писатели-фантасты обращались и к прошлому, к человеческой истории и там черпали богатый материал для своих произведений.

Глядя на глиняный черепок, на позеленевший от времени бронзовый наконечник, на источенные ветрами и непогодой камни развалин, неопытный человек вряд ли увидит больше, чем ему может рассказать специалист-археолог. Исторические памятники чаще задают вопросы, чем отвечают на них. Отвечать на эти вопросы приходится нам самим. Стоит ли удивляться, что в наши суждения о прошлом мы привносим много своего, современного. И это правильно, иначе и быть не может: «...последовательно оглядываясь, мы смотрим на прошедшее всякий раз иначе; всякий раз разглядываем в нем новую сторону, всякий раз прибавляем к уразумению его весь опыт вновь пройденного пути. Полнее сознавая прошедшее, мы уясняем современное; глубже опускаясь в смысл былого, раскрываем смысл будущего; глядя назад, шагаем вперед...» (А. Герцен).

Вот почему прошлое, история дают богатейшие возможности фантасту. Три миниатюры Романа Подольного и рассказ Ромэна Ярова «Пусть они скажут» дают представление об этих возможностях. Особенно интересна форма «неисторических рассказов» Подольного. В них порой как будто совсем нет фантастики. Чаще всего описываемые случаи «могли бы быть» в действительности. Больше того, такие случаи «должны были быть», ибо должен же был кто-то первым отважиться на далекое плавание, на применение огня, на приручение лошади. Недостаток точных сведений, предоставляя простор фантазии художника, позволяет ему нарисовать правдоподобную картину того, что должно было быть, без чего не была бы возможной наша сегодняшняя жизнь. Миниатюры Романа Подольного лишний раз убеждают в том, что история — на редкость современная наука.

Количество «космических» рассказов за последнее время сократилось, а их качество существенно изменилось. Об этом свидетельствует, в частности, и тот факт, что в настоящем сборнике всего два рассказа посвящены космической тематике. Но, несмотря на явно космическую фабулу, оба рассказа молодого фантаста Владимира Щербакова, по сути дела, нельзя назвать космическими, хотя на первый взгляд «Кратер» может показаться избитой идеей о некоем таинственном «нечто», а «Возвращение Сухарева» — рассказом о таинственных обитателях космоса.

Но если разобраться внимательнее, мы увидим, что и «нечто» и «таинственные обитатели» нужны автору лишь как сред-

ство для выражения привычных человеческих поступков и взаимоотношений. В самом деле, величие открытия, как и величие подвига, редко осознается в момент совершения. В первом рассказе Сухарев, занятый мыслью добежать до кратера, не упасть, выполнить какие-то очень обычные действия, по сути дела, совершает подвиг, человеческий и научный. На его долю выпадает честь, быть может, самая высокая для искателя: поставить перед наукой проблему, которая стимулирует новые поиски, приводит иногда к новым направлениям в науке.

Второй рассказ, «Возвращение Сухарева», при всей фантастичности научной идеи — полное восстановление человеческого организма, — по сути дела, посвящен другому. Здесь нет описания операций, наукообразных терминов и т. п. Научная идея нужна автору лишь для того, чтобы в необычной, сверхнапряженной ситуации показать величие человеческих чувств.

«Путешествие к эпицентру дискуссии» Г. Альтова и В. Журавлевой можно назвать научно-фантастической гипотезой. Творчество научного фантаста зачастую имеет немало сходного с творчеством ученого. И там и здесь не должно быть противоречия с известными науке данными, и там и здесь действуют строгие законы логики. Флогистон или мировой эфир ученых в принципе не менее фантастичны, чем машина времени или человек-невидимка. И нередко фантастика заглядывает гораздо дальше, чем наука и техника.

Радиолокация, атомная энергия, автоматы появились на страницах научно-фантастических произведений гораздо раньше, чем в планах научных лабораторий и институтов. Вот почему в беседах с писателями-фантастами мы не раз обсуждали вопрос о том, что в принципе возможно научно-фантастическое произведение без литературных героев, без фабулы и других атрибутов беллетристического произведения. Главным «героем» в них будет сама научно-фантастическая гипотеза. Именно таким произведением является «Путешествие к эпицентру дискуссии» Г. Альтова и В. Журавлевой.

Казалось бы, что нового можно внести в проблему пресловутого тунгусского метеорита, вокруг которого с легкой руки А. Казанцева разгорелись такие страсти и споры? Но взгляните, как убедительно «гальванизируют этот труп» Г. Альтов и В. Журавлева. Пожалуй, только одно слабое звено есть в этой цепи стройных рассуждений: число неизвестных во много раз больше числа уравнений, поэтому авторам приходится слишком много «дописывать» от себя. Ну, хорошо, все старые попытки объяснить тайну тунгусского метеорита неудовлетворительны, потому что никто не знал тогда о лазерах. Но можно ли быть уверенными, что завтра наука не откроет еще какого-нибудь явления, еще более удачно объясняющего «тунгусское диво»? При той нехватке исходных посылок, о которой мы говорили, одно и то же явление может быть объяснено сотнями одинаковых по убедительности методов.

Однако в этом и состоит особенность научно-фантастических

гипотез. Давая богатую картину возможных объяснений, они будят мысль, возбуждают интерес к проблеме, привлекают в науку новые кадры молодых людей и тем самым, быть может, немало способствуют разрешению научных вопросов.

Следуя хорошей традиции, установившейся в сборниках «Молодой гвардии», мы помещаем и в этом сборнике статью, которая посвящена размышлениям о специфике и будущем развитии научно-фантастического жанра.

Это статья Р. Нудельмана «Разговор в купе».

Таковы наиболее интересные произведения сборника «Фантастика, 1964 год». При отборе рассказов для этого сборника мы руководствовались одним правилом: в сборнике должны быть представлены фантастические произведения, в которых наиболее ярко проявляются основные направления современной советской научно-фантастической литературы. Внимательный читатель убедится в том, что главная особенность, присущая всем без исключения рассказам сборника, это горячая заинтересованность писателей-фантастов проблемами современной жизни, их нетерпимость к тому, что мешает советским людям строить самое разумное, самое счастливое общество на земле.

Г. СМИРНОВ

АРКАДИЙ СТРУГАЦКИЙ, БОРИС СТРУГАЦКИЙ

СУЕТА ВОКРУГ ДИВАНА

(Сказка для научных работников младшего возраста)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

> *Учитель:* Дети, запишите предложение: «Рыба сидит на дереве».
> *Ученик:* Разве рыбы сидят на деревьях?
> *Учитель:* Ну... это была сумасшедшая рыба.
>
> *(Школьный анекдот)*

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня, прижимаясь к самой дороге, зеленел лес, изредка уступая место полянам, поросшим желтой осокою. Солнце садилось уже который час, все никак не могло сесть и висело низко над горизонтом. Машина катила по узкой дороге, засыпанной хрустящим гравием. Крупные камни я пускал под колесо, и каждый раз в багажнике лязгали и громыхали пустые канистры.

Справа из лесу вышли двое, ступили на обочину и остановились, глядя в мою сторону. Один из них поднял руку. Я сбросил газ, рассматривая их. Это были, как мне показалось, охотники, молодые люди, может быть немного старше меня. Их лица понравились мне, и я остановился. Тот, что поднимал руку, просунул в машину смуглое горбоносое лицо и спросил улыбаясь:

— Вы нас не подбросите до Соловца?

Второй, с рыжей бородой и без усов, тоже улыбался, выглядывая из-за его плеча. Положительно, это были приятные люди.

— Давайте садитесь, — сказал я. — Один вперед, другой назад, а то у меня там барахло на заднем сиденье.

— Благодетель! — обрадованно произнес горбоносый, снял с плеча ружье и сел рядом со мной. Бородатый, нерешительно заглядывая в заднюю дверцу, сказал:

— А можно я здесь немножко того?..

Я перегнулся через спинку и помог ему расчистить место, занятое спальным мешком и свернутой палаткой. Он деликатно уселся, поставив ружье между коленей.

— Дверцу прикройте получше, — сказал я.

Все шло как обычно. Машина тронулась. Горбоносый повернулся назад и оживленно заговорил о том, что много приятнее ехать в легковой машине, чем идти пешком. Бородатый невнятно соглашался и все хлопал и хлопал дверцей. «Плащ подберите, — посоветовал я, глядя на него в зеркало заднего вида. — У вас плащ защемляется». Минут через пять все, наконец, устроилось. Я спросил: «До Соловца километров десять?» — «Да, — ответил горбоносый. — Или немножко больше. Дорога, правда, неважная, для грузовиков». — «Дорога вполне приличная, — возразил я. — Мне обещали, что я вообще не проеду». — «По этой дороге даже осенью можно проехать». — «Здесь — пожалуй, но вот от Коробца—грунтовая». — «В этом году лето сухое, все подсохло». — «Под Затонью, говорят, дожди», — заметил бородатый на заднем сиденье. «Кто это говорит?» — спросил горбоносый. «Мерлин говорит». Они почему-то засмеялись. Я вытащил сигареты, закурил и предложил им. «Фабрика Клары Цеткин, — сказал горбоносый, разглядывая пачку. — Вы из Ленинграда?» — «Да». — «Путешествуете?» — «Путешествую, — сказал я. — А вы здешние?» — «Коренные», — сказал горбоносый. «Я из Мурманска», — сообщил бородатый. «Для Ленинграда, наверное, что Соловец, что

Мурманск — одно и то же, север», — сказал горбоносый. «Нет, почему же», — сказал я вежливо. «В Соловце будете останавливаться?» — спросил горбоносый. «Конечно, — сказал я. — Я в Соловец и еду». — «У вас там родные или знакомые?» — «Нет, — сказал я. — Просто подожду ребят. Они идут берегом, а Соловец у нас — точка рандеву».

Впереди я увидел большую россыпь камней, притормозил и сказал: «Держитесь крепче». Машина затряслась и запрыгала. Горбоносый ушиб нос о ствол ружья. Мотор взревывал, камни били в днище. «Бедная машина», — сказал горбоносый. «Что делать...» — сказал я. «Не всякий поехал бы по такой дороге на своей машине». — «Я бы поехал», — сказал я. Россыпь кончилась. «А, так это не ваша машина», — догадался горбоносый. «Ну, откуда у меня машина! Это прокат». — «Понятно», — сказал горбоносый, как мне показалось, разочарованно. Я почувствовал себя задетым. «А какой смысл покупать машину, чтобы разъезжать по асфальту? Там, где асфальт, ничего интересного, а где интересно, там нет асфальта». — «Да, конечно», — вежливо согласился горбоносый. «Глупо, по-моему, делать из машины идола», — заявил я. «Глупо, — сказал бородатый. — Но не все так думают». Мы поговорили о машинах и пришли к выводу, что если уж покупать что-нибудь, так это «ГАЗ-69», вездеход, но их, к сожалению, не продают. Потом горбоносый спросил: «А где вы работаете?» Я ответил. «Колоссально! — воскликнул горбоносый. — Программист! Нам нужен именно программист. Слушайте, бросайте ваш институт и пошли к нам!» — «А что у вас есть?» — «Что у нас есть?» — спросил горбоносый, поворачиваясь. «Алдан-3», — сказал бородатый. «Богатая машина, — сказал я. — И хорошо работает?» — «Да как вам сказать...» — «Понятно», — сказал я. «Собственно, ее еще не отладили, — сказал бородатый. — Оставайтесь у нас, отладите...» — «А перевод мы вам в два счета устроим», — добавил горбоносый. «А чем вы занимаетесь?» — спросил я. «Как и вся наука, — сказал горбоносый. — Счастьем человеческим». — «Понятно, — сказал я. — Что-ни-

будь с космосом?» — «И с космосом тоже», — сказал горбоносый. «От добра-добра не ищут», — сказал я. «Столичный город и приличная зарплата», — сказал бородатый негромко, но я услышал. «Не надо, — сказал я. — Не надо мерять на деньги». — «Да нет, я пошутил», — сказал бородатый. «Это он так шутит, — сказал горбоносый. — Интереснее, чем у нас, вам нигде не будет». — «Почему вы так думаете?» — «Уверен». — «А я не уверен». Горбоносый усмехнулся. «Мы еще поговорим на эту тему, — сказал он. — Вы долго пробудете в Соловце?» — «Дня два максимум». — «Вот на второй день и поговорим». Бородатый заявил: «Лично я вижу в этом перст судьбы — шли по лесу и встретили программиста. Мне кажется, вы обречены». — «Вам действительно так нужен программист?» — спросил я. «Нам позарез нужен программист». — «Я поговорю с ребятами, — пообещал я. — Я знаю недовольных». — «Нам нужен не всякий программист, — сказал горбоносый. — Программисты народ дефицитный, избаловались, а нам нужен небалованный». — «Да, это сложнее», — сказал я. Горбоносый стал загибать пальцы: «Нам нужен программист: а, небалованный, бэ, доброволец, цэ, чтобы согласился жить в общежитии...» — «Дэ, — подхватил бородатый, — на сто двадцать рублей». — «А как насчет крылышек? — спросил я. — Или, скажем, сияния вокруг головы? Один на тысячу!» — «А нам всего-то один и нужен», — сказал горбоносый. «А если их всего девятьсот?» — «Согласны на девять десятых».

Лес расступился, мы переехали через мост и покатили между картофельными полями. «Девять часов, — сказал горбоносый. — Где вы собираетесь ночевать?» — «В машине переночую. Магазины у вас до которого часа работают?» — «Магазины у нас уже закрыты», — сказал горбоносый. «Можно в общежитии, — сказал бородатый. — У меня в комнате свободная койка». — «К общежитию не подъедешь», — сказал горбоносый задумчиво. «Да, пожалуй», — сказал бородатый и почему-то засмеялся. «Машину можно поставить возле милиции», — сказал горбоно-

сый. «Да ерунда это, — сказал бородатый. — Я несу околесицу, а ты за мной, вслед. Как он в общежитие-то пройдет?» — «Д-да, черт, — сказал горбоносый. — Действительно, день не поработаешь, забываешь про все эти штуки». — «А может быть, трансгрессировать его?» — «Ну-ну, — сказал горбоносый. — Это тебе не диван. Ты не Кристобаль Хунта, да и я тоже...»

— Да вы не беспокойтесь, — сказал я. — Пересплю в машине, не первый раз. — Мне вдруг страшно захотелось поспать на простынях. Я уже четыре ночи спал в спальном мешке.

— Слушай, — сказал горбоносый, — хо-хо! Изнакурнож!

— Правильно! — воскликнул бородатый. — На Лукоморье его!

— Ей-богу, я пересплю в машине, — сказал я.

— Вы переночуете в доме, — сказал горбоносый, — на относительно чистом белье. Должны же мы вас как-то отблагодарить...

— Не полтинник же вам совать, — сказал бородатый.

Мы въехали в город. Потянулись старинные крепкие заборы, мощные срубы из гигантских почерневших бревен, с неширокими окнами, с резными наличниками, с деревянными петушками на крышах. Попалось несколько грязных кирпичных строений с железными дверями, вид которых вынес у меня из памяти полузнакомое слово «лабазы». Улица была прямая и широкая и называлась Проспектом Мира. Впереди, ближе к центру, виднелись двухэтажные шлакоблочные дома с открытыми сквериками.

— Следующий переулок направо, — сказал горбоносый.

Я включил указатель поворота, притормозил и свернул направо. Дорога здесь заросла травой, но у какой-то калитки стоял, приткнувшись, новенький «Запорожец». Номера домов висели над воротами, и цифры были едва заметны на ржавой жести вывесок. Переулок назывался изящно: «Ул. Лукоморье». Он был неширок и зажат между тяжелыми старинными заборами, поставленными, наверное, еще в те

времена, когда здесь шастали шведские и норвежские пираты.

— Стоп, — сказал горбоносый.

Я тормознул, и он снова стукнулся носом о ствол ружья.

— Теперь так, — сказал он, потирая нос. — Вы меня подождите, а я сейчас пойду и все устрою.

— Право, не стоит, — сказал я в последний раз.

— Никаких разговоров. Володя, держи его на мушке.

Горбоносый вылез из машины и, нагнувшись, протиснулся в низкую калитку. За высоченным серым забором дома видно не было. Ворота были совсем уж феноменальные, как в паровозном депо, на ржавых железных петлях в пуд весом. Я с изумлением читал вывески. Их было три. На левой воротине строго блестела толстым стеклом синяя солидная вывеска с серебряными буквами:

НИИЧАВО
Изба на куриных ногах
Памятник соловецкой старины

На правой воротине сверху висела ржавая жестяная табличка: «Ул. Лукоморье, д. № 13, Н. К. Горыныч», а под нею красовался кусок фанеры с надписью чернилами вкривь и вкось:

КОТ НЕ РАБОТАЕТ.
Администрация.

— Какой КОТ? — спросил я. — Комитет Оборонной Техники?

Бородатый хихикнул.

— Вы, главное, не беспокойтесь, — сказал он. — Тут у нас забавно, но все будет в полном порядке.

Я вышел из машины и стал протирать ветровое стекло. Над головой у меня вдруг завозились. Я поглядел. На воротах умащивался, пристраиваясь поудобнее, гигантский — я таких никогда не видел — черно-серый разводами кот. Усевшись, он сыто и равнодушно посмотрел на меня желтыми глазами. «Кис-кис-кис», — сказал я машинально. Кот вежливо и

холодно разинул зубастую пасть, издал сиплый горловой звук, а затем отвернулся и стал смотреть внутрь двора. Оттуда, из-за забора, голос горбоносого произнес:

— Василий, друг мой, разрешите вас побеспокоить.

Завизжал засов. Кот поднялся и бесшумно канул во двор. Ворота тяжело закачались, раздался ужасающий скрип и треск, и левая воротина медленно отворилась. Появилось красное от натуги лицо горбоносого.

— Благодетель! — позвал он. — Заезжайте!

Я вернулся в машину и медленно въехал во двор. Двор был обширный, в глубине стоял дом из толстых бревен, а перед домом красовался приземистый необъятный дуб, широкий, плотный, с густой кроной, заслоняющей крышу. От ворот к дому, огибая дуб, шла дорожка, выложенная каменными плитами. Справа от дорожки был огород, а слева, посредине лужайки, возвышался колодезный сруб с во́ротом, черный от древности и покрытый мохом.

Я поставил машину в сторонке, выключил двигатель и вылез. Бородатый Володя тоже вылез и, прислонив ружье к борту, стал прилаживать рюкзак.

— Вот вы и дома, — сказал он.

Горбоносый со скрипом и треском затворял ворота, я же, чувствуя себя довольно неловко, озирался, не зная, что делать.

— А вот и хозяйка! — вскричал бородатый. — По здорову ли, баушка, Наина свет Киевна!

Хозяйке было, наверное, за сто. Она шла к нам медленно, опираясь на суковатую палку, волоча ноги в валенках с калошами. Лицо у нее было темно-коричневое, из сплошной массы морщин выдавался вперед и вниз нос, кривой и острый, как ятаган, а глаза были бледные, тусклые, словно бы закрытые бельмами.

— Здравствуй, здравствуй, внучек, — произнесла она неожиданно звучным басом. — Это, значит, и будет новый программист? Здравствуй, батюшка, добро пожаловать!..

Я поклонился, понимая, что нужно помалкивать. Голова бабки поверх черного пухового платка, завязанного под подбородком, была покрыта веселенькой капроновой косынкой с разноцветными изображениями Атомиума и с надписями на разных языках: «Международная выставка в Брюсселе». На подбородке и под носом торчала редкая седая щетина. Одета была бабка в ватную безрукавку и черное суконное платье.

— Таким вот образом, Наина Киевна! — сказал горбоносый, подходя и обтирая с ладоней ржавчину. — Надо нашего нового сотрудника устроить на две ночи. Позвольте вам представить... м-м-м...

— А не надо, — сказала старуха, пристально меня рассматривая. — Сама вижу. Привалов Александр Иванович, одна тысяча девятьсот тридцать восьмой, мужской, русский, член ВЛКСМ, нет, нет, не участвовал, не был, не имеет, а будет тебе, алмазный, дальняя дорога и интерес в казенном доме, а бояться тебе, бриллиантовый, надо человека рыжего, недоброго, а позолоти ручку, яхонтовый...

— Гхм! — громко сказал горбоносый, и бабка осеклась. Воцарилось неловкое молчание.

— Можно звать просто Сашей... — выдавил я из себя заранее приготовленную фразу.

— И где же я его положу? — осведомилась бабка.

— В запаснике, конечно, — несколько раздраженно сказал горбоносый.

— А отвечать кто будет?

— Наина Киевна!.. — раскатами провинциального трагика взревел горбоносый, схватил старуху под руку и поволок к дому. Было слышно, как они спорят: «Ведь мы же договорились!..» — «...А ежели он что-нибудь стибрит?..» — «Да тише вы! Это же программист, понимаете? Комсомолец! Ученый!..» — «А ежели он цыкать будет?..» Я стесненно повернулся к Володе. Володя хихикал.

— Неловко как-то, — сказал я.

— Не беспокойтесь — все будет отлично...

Он хотел сказать еще что-то, но тут бабка дико

заорала: «А диван-то, диван?..», я вздрогнул и сказал:

— Знаете, я, пожалуй, поеду, а?

— Не может быть и речи! — решительно сказал Володя. — Все уладится. Просто бабке нужна мзда, а у нас с Романом нет наличных.

— Я заплачу, — сказал я. Теперь мне очень хотелось уехать: терпеть не могу этих так называемых житейских коллизий.

Володя замотал головой.

— Ничего подобного. Вон он уже идет. Все в порядке.

Горбоносый Роман подошел к нам, взял меня за руку и сказал:

— Ну, все устроилось. Пошли!

— Слушайте, неудобно как-то, — сказал я. — Она в конце концов не обязана...

Но мы уже шли к дому.

— Обязана, обязана, — приговаривал Роман.

Обогнув дуб, мы подошли к заднему крыльцу. Роман толкнул обитую дерматином дверь, и мы оказались в прихожей, просторной и чистой, но плохо освещенной. Старуха ждала нас, сложив руки на животе и поджав губы. При виде нас она мстительно пробасила:

— А расписочку чтобы сейчас же!.. Так, мол, и так: принял, мол, то-то и то-то от такой-то, каковая сдала вышеуказанное нижеподписавшемуся...

Роман тихонько взвыл, и мы вошли в отведенную мне комнату. Это было прохладное помещение с одним окном, завешенным ситцевой занавесочкой. Роман сказал напряженным голосом:

— Располагайтесь и будьте как дома.

Старуха из прихожей сейчас же ревниво осведомилась:

— А зубом они не цыкают?

Роман, не оборачиваясь, рявкнул:

— Не цыкают! Говорят вам: зубов нет.

— Тогда пойдем, расписочку напишем...

Роман поднял брови, закатил глаза, оскалил зубы и потряс головой, но все-таки вышел. Я осмотрелся.

Мебели в комнате было немного. У окна стоял массивный стол, накрытый ветхой серой скатертью с бахромой, перед столом — колченогий табурет. Возле голой бревенчатой стены помещался обширный диван, на другой стене, заклеенной разнокалиберными обоями, была вешалка с какой-то рухлядью (ватники, вылезшие шубы, драные кепки и ушанки). В комнату вдавалась большая русская печь, сияющая свежей побелкой, а напротив в углу висело большое мутное зеркало в облезлой раме. Пол был выскоблен и покрыт полосатыми половиками.

За стеной бубнили в два голоса: старуха басила на одной ноте, голос Романа повышался и понижался. «Скатерть, инвентарный номер двести сорок пять...» —«Вы еще каждую половицу запишите!..» — «Стол обеденный...» — «Печь вы тоже запишете?..» — «Порядок нужен... Диван...»

Я подошел к окну и отдернул занавеску. За окном был дуб, больше ничего не было видно. Я стал смотреть на дуб. Это было, видимо, очень древнее растение. Кора была на нем серая и какая-то мертвая, а чудовищные корни, вылезшие из земли, были покрыты красным и белым лишайником. «И еще дуб запишите!» — сказал за стеной Роман. На подоконнике лежала пухлая засаленная книга, я бездумно полистал ее, отошел от окна и сел на диван. И мне сейчас же захотелось спать. Я подумал, что вел сегодня машину четырнадцать часов, что не стоило, пожалуй, так торопиться, что спина у меня болит, а в голове все путается, что плевать мне в конце концов на эту нудную старуху, и скорее бы все кончилось, и можно было бы лечь и заснуть...

— Ну вот, — сказал Роман, появляясь на пороге. — Формальности окончены. — Он помотал рукой с растопыренными пальцами, измазанными в чернилах. — Мы писали, мы писали, наши пальчики устали... Ложитесь спать. Мы уходим, а вы спокойно ложитесь спать. Что вы завтра делаете?

— Жду, — вяло ответил я.

— Где?

— Здесь. И около почтамта.

— Завтра вы, наверное, не уедете?

— Завтра вряд ли... Скорее всего — послезавтра.

— Тогда мы еще увидимся. Наша любовь впереди, — он улыбнулся, махнул рукой и вышел. Я лениво подумал, что надо бы его проводить и попрощаться с Володей, и лег. Сейчас же в комнату вошла старуха. Я встал. Старуха некоторое время пристально на меня глядела.

— Боюсь я, батюшка, что ты зубом цыкать станешь, — сказала она с беспокойством.

— Не стану я цыкать, — сказал я утомленно. — Я спать стану.

— И ложись и спи... Денежки только вот заплати и спи...

Я полез в задний карман за бумажником.

— Сколько с меня?

Старуха подняла глаза к потолку.

— Рубль положим за помещение... Полтинничек за постельное белье — мое оно, не казенное. За две ночи выходит три рубли... А сколько от щедрот накинешь — за беспокойство, значит, я уж и не знаю...

Я протянул ей пятерку.

— От щедрот пока рубль, — сказал я. — А там видно будет.

Старуха живо схватила деньги и удалилась, бормоча что-то про сдачу. Не было ее довольно долго, и я уже хотел махнуть рукой и на сдачу и на белье, когда она вернулась и выложила на стол пригоршню грязных медяков.

— Вот тебе и сдача, батюшка, — сказала она. — Ровно рублик, можешь не пересчитывать.

— Не буду пересчитывать, — сказал я. — Как насчет белья?

— Сейчас постелю. Ты выйди во двор, прогуляйся, а я и постелю.

Я вышел, на ходу вытаскивая сигареты. Солнце, наконец, село, и наступила белая ночь, где-то лаяли собаки. Я присел под дубом на вросшую в землю скамеечку, закурил и стал смотреть на бледное беззвездное небо. Откуда-то бесшумно появился кот,

глянул на меня флуоресцирующими глазами, затем быстро вскарабкался на дуб и исчез в темной листве. Я сразу забыл о нем и вздрогнул, когда он завозился где-то наверху. На голову мне посыпался мусор. «Чтоб тебя...» — сказал я вслух и стал отряхиваться. Спать хотелось необычайно. Из дому вышла старуха, не замечая меня, побрела к колодцу. Я понял это так, что постель готова, и вернулся в комнату.

Вредная бабка постелила мне на полу. Ну уж нет, подумал я, запер дверь на щеколду, перетащил постель на диван и стал раздеваться. Сумрачный свет падал из окна, на дубе шумно возился кот. Я замотал головой, вытряхивая из волос мусор. Странный это был мусор, неожиданный: крупная сухая рыбья чешуя. Колко спать будет, подумал я, повалился на подушку и сразу заснул.

ГЛАВА ВТОРАЯ

...Опустевший дом превратился в логово лисиц и барсуков, и потому здесь могут появляться странные оборотни и призраки.

А. Уэда

Я проснулся посреди ночи оттого, что в комнате разговаривали. Разговаривали двое едва слышным шепотом. Голоса были очень похожи, но один был немного сдавленный и хрипловатый, а другой выдавал крайнее раздражение.

— Не хрипи, — шептал раздраженный. — Ты можешь не хрипеть?

— Могу, — отозвался сдавленный и заперхал.

— Да тише ты, — прошипел раздраженный.

— Хрипунец, — объяснил сдавленный. — Утренний кашель курильщика... — Он снова заперхал.

— Удались отсюда, — сказал раздраженный.

— Да все равно он спит.

— Кто он такой? Откуда свалился?

— А я почем знаю?

— Вот досада... Ну просто феноменально не везет.

Опять соседям не спится, подумал я спросонья. Я вообразил, что я дома. Дома у меня в соседях два брата-физика, которые обожают работать ночью. К двум часам пополуночи у них кончаются сигареты, и тогда они забираются ко мне в комнату и начинают шарить, стуча мебелью и переругиваясь.

Я схватил подушку и швырнул в пустоту. Что-то с шумом обрушилось, и стало тихо.

— Подушку верните, — сказал я, — и убирайтесь вон. Сигареты на столе.

Звук собственного голоса разбудил меня окончательно. Я сел. Уныло лаяли собаки, за стеной грозно храпела старуха. Я, наконец, вспомнил, где нахожусь. В комнате никого не было. В сумеречном свете я увидел на полу свою подушку и барахло, рухнувшее с вешалки. Бабка голову оторвет, подумал я и вскочил. Пол был холодный, и я переступил на половики. Бабка перестала храпеть. Я замер. Потрескивали половицы, что-то хрустело и шелестело в углах. Бабка оглушительно свистнула и захрапела снова. Я поднял подушку и бросил ее на диван. От рухляди пахло псиной. Вешалка сорвалась с гвоздя и висела боком. Я поправил ее и стал подбирать рухлядь. Едва я повесил последний салоп, как вешалка оборвалась и, шаркнув по обоям, снова повисла на одном гвозде. Бабка перестала храпеть. Где-то поблизости завопил петух. В суп тебя, подумал я с ненавистью. Старуха за стеной принялась вертеться, скрипели и щелкали пружины. Я ждал, стоя на одной ноге. Во дворе кто-то сказал тихонько: «Спать пора, засиделись мы сегодня с тобой». Голос был молодой, женский. «Спать так спать, — отозвался другой голос. Послышался протяжный зевок. — Плескаться больше не будешь сегодня?» — «Холодно что-то. Давай баиньки». Стало тихо. Бабка зарычала и заворчала, и я осторожно вернулся на диван. Утром встану пораньше и все поправлю как следует...

Я лег на правый бок, натянул одеяло на ухо, закрыл глаза и вдруг понял, что спать мне совершенно не хочется — хочется есть. Ай-яй-яй, подумал я. Надо было срочно принимать меры, и я их принял.

Вот, скажем, система двух интегральных уравнений типа уравнений звездной статистики; обе неизвестные функции находятся под интегралом. Решать, естественно, можно только численно, скажем, на БЭСМе... Я вспомнил нашу БЭСМ. Панель управления цвета заварного крема. Женя кладет на эту панель газетный сверток и неторопливо его разворачивает. «У тебя что?» — «У меня с сыром и колбасой». С польской полукопченой, кружочками. «Эх ты, жениться надо! У меня котлеты с чесночком, домашние. И соленый огурчик». Нет, два огурчика... Четыре котлеты и для ровного счета четыре крепких соленых огурчика. И четыре куска хлеба с маслом...

Я откинул одеяло и сел. Может быть, в машине что-нибудь осталось? Нет, все, что там было, я съел. Осталась поваренная книга для Валькиной мамы, которая живет в Лежневе. Как это там... Соус пикантный. Полстакана уксусу, две луковицы... и перчик. Подается к мясным блюдам... Как сейчас помню: к маленьким бифштексам. Вот подлость, подумал я, ведь не просто к бифштексам, а к ма-а-аленьким бифштексам. Я вскочил и подбежал к окну. В ночном воздухе отчетливо пахло ма-а-аленькими бифштексами. Откуда-то из недр подсознания всплыло: «Подавались ему обычные в трактирах блюда, как-то: кислые щи, мозги с горошком, огурец соленый (я глотнул) и вечный слоеный сладкий пирожок...» Отвлечься бы, подумал я и взял книгу с подоконника. Это был Алексей Толстой, «Хмурое утро». Я открыл наугад. «Махно, сломав сардиночный нож, вытащил из кармана перламутровый ножик с полусотней лезвий и им продолжал орудовать, открывая жестянки с ананасами (плохо дело, подумал я), французским паштетом, с омарами, от которых резко запахло по комнате». Я осторожно положил книгу и сел за стол на табурет. В комнате вдруг обнаружился вкусный резкий запах: должно быть, пахло омарами. Я стал размышлять, почему я до сих пор ни разу не попробовал омаров. Или, скажем, устриц. У Диккенса все едят устриц, орудуют складными ножами, отрезают толстые ломти хлеба, намазывают

маслом. Я стал нервно разглаживать скатерть. На скатерти виднелись неотмытые пятна. На ней много и вкусно ели. Ели омаров и мозги с горошком. Ели маленькие бифштексы с соусом-пикант. Большие и средние бифштексы тоже ели. Сыто отдувались, удовлетворенно цыкали зубом... Отдуваться мне было не с чего, и я принялся цыкать зубом.

Наверное, я делал это громко и голодно, потому что старуха за стеной заскрипела кроватью, сердито забормотала, загремела чем-то и вдруг вошла ко мне в комнату. На ней была длинная серая рубаха, а в руках она несла тарелку, и в комнате сейчас же распространился настоящий, а не фантастический аромат еды. Старуха улыбалась. Она поставила тарелку прямо передо мной и сладко пробасила:

— Откушай-ко, батюшка, Александр Иванович. Откушай, чем бог послал, со мной переслал...

— Что вы, что вы, Наина Киевна, — забормотал я, — зачем же было так беспокоить себя...

Но в руке у меня уже откуда-то оказалась вилка с костяной ручкой, и я стал есть, а бабка стояла рядом, кивала и приговаривала:

— Кушай, батюшка, кушай на здоровьице...

Я съел все. Это была горячая картошка с топленым маслом.

— Наина Киевна, — сказал я истово, — вы меня спасли от голодной смерти.

— Поел? — сказала Наина Киевна как-то неприветливо.

— Великолепно поел. Огромное вам спасибо! Вы себе представить не можете...

— Чего тут не представить, — перебила она уже совершенно раздраженно. — Поел, говорю? Ну и давай сюда тарелку... Тарелку, говорю, давай!

— По... пожалуйста, — проговорил я.

— Пожалуйста, пожалуйста... Корми тут вас за пожалуйста.

— Я могу заплатить, — сказал я, начиная сердиться.

— Заплатить, заплатить... — Она пошла к две-

ри. — А ежели за это и не платят вовсе? И нечего врать было...

— То есть как это — врать?

— А так вот и врать! Сам говорил, что цыкать не будешь... — Она замолчала и скрылась за дверью.

Что это она, подумал я. Странная какая-то бабка... Может быть, она вешалку заметила? Было слышно, как она скрипит пружинами, ворочаясь на кровати и недовольно ворча. Потом она запела негромко на какой-то варварский мотив: «Покатаюся, поваляюся, Ивашкиного мяса поевши...» Из окна потянуло ночным холодом. Я поежился, поднялся, чтобы вернуться на диван, и тут меня осенило, что дверь я перед сном запирал. В растерянности я подошел к двери и протянул руку, чтобы проверить щеколду, но едва пальцы мои коснулись холодного железа, как все поплыло у меня перед глазами. Оказалось, что я лежу на диване, уткнувшись носом в подушку, и пальцами ощупываю холодное бревно стены.

Некоторое время я лежал, обмирая, пока не осознал, что где-то рядом храпит старуха, а в комнате разговаривают. Кто-то наставительно вещал вполголоса:

— Слон есть самое большое животное из всех живущих на земле. У него на рыле есть большой кусок мяса, который называется хоботом потому, что он пуст и протянут, как труба. Он его вытягивает и сгибает всякими образами и употребляет его вместо руки...

Холодея от любопытства, я осторожно повернулся на правый бок. В комнате было по-прежнему пусто. Голос продолжал еще более наставительно:

— Вино, употребляемое умеренно, весьма хорошо для желудка; но когда пить его слишком много, то производит пары, унижающие человека до степени немыслимых скотов. Мы иногда видели пьяниц, и помните еще то справедливое отвращение, которое вы к ним возымели...

Я рывком поднялся и спустил ноги с дивана. Голос умолк. Мне показалось, что говорили откуда-то из-за стены. В комнате все было по-прежнему, даже

вешалка, к моему удивлению, висела на месте. И, к моему удивлению, мне опять очень хотелось есть.

— Тинктура экс витро антимонии, — провозгласил вдруг голос. Я вздрогнул. — Магифтериум антимон ангелий салаэ. Бафилии олеум витри антимонии алекситериум антимониалэ! — Послышалось явственное хихикание. — Вот ведь бред какой! — сказал голос и продолжал с завыванием: — Вскоре очи сии, еще не отверзаемые, не узрят более солнца, но не попусти закрыться оным без благоутробного извещения о моем прощении и блаженстве... Сие есть «Дух или Нравственныя Мысли Славнаго Юнга, извлеченныя из нощных его размышлений». Продается в Санкт-Петербурге и в Риме в книжных лавках Свешникова по два рубля в папке. — Кто-то всхлипнул. — Тоже бредятина, — сказал голос и произнес с выражением:

Чины, краса, богатства,
Сей жизни все приятства,
Летят, слабеют, исчезают,
О тлен и щастье ложно!
Заразы сердце угрызают,
А славы удержать не можно...

Теперь я понял, где говорили. Голос раздавался в углу, где висело туманное зеркало.

— А теперь, — сказал голос, — следующее. «Все — единое Я, это Я — мировое Я. Единение с неведением, происходящее от затмения света Я, исчезает с развитием духовности».

— А эта бредятина откуда? — спросил я. Я не ждал ответа. Я был уверен, что сплю.

— Изречения из «Упанишад», — ответил с готовностью голос.

— А что такое «Упанишады»? — Я уже не был уверен, что сплю.

— Не знаю, — сказал голос.

Я встал и на цыпочках подошел к зеркалу. Я не увидел своего отражения. В мутном стекле отражалась занавеска, угол печи и вообще много вещей. Но меня в нем не было.

— В чем дело? — спросил голос. — Есть вопросы?

— Кто это говорит? — спросил я, заглядывая за зеркало. За зеркалом было много пыли и дохлых пауков. Тогда я указательным пальцем нажал на левый глаз. Это было старинное правило распознавания галлюцинаций, которое я вычитал в увлекательной книге В. В. Битнера «Верить или не верить?» Достаточно надавить пальцем на глазное яблоко, и все реальные предметы в отличие от галлюцинаций раздвоятся. Зеркало раздвоилось, и в нем появилось мое отражение — заспанная, встревоженная физиономия. По ногам дуло. Поджимая пальцы, я подошел к окну и выглянул.

За окном никого не было, не было даже дуба. Я протер глаза и снова посмотрел. Я отчетливо видел прямо перед собой замшелый колодезный сруб с воротом, ворота и свою машину. Все-таки сплю, успокоенно подумал я. Взгляд мой упал на подоконник, на растрепанную книгу. В прошлом сне это был третий том «Хождений по мукам», теперь на обложке я прочитал: «П. И. Карпов, Творчество душевнобольных и его влияние на развитие науки, искусства и техники». Постукивая зубами от озноба, я перелистал книжку и просмотрел цветные вклейки. Потом я прочитал «Стих № 2»:

В кругу облаков высоко
Чернокрылый воробей
Трепеща и одиноко
Парит быстро над землей.
Он летит ночной порой,
Лунным светом освещенный,
И, ничем не удрученный,
Все он видит под собой.
Гордый, хищный, разъяренный
И летая, словно тень.
Глаза светятся, как день.

Пол вдруг качнулся под моими ногами. Раздался пронзительный протяжный скрип, затем, подобно гулу далекого землетрясения, раздалось рокочущее: «Ко-о... Ко-о... Ко-о...» Изба заколебалась, как лод-

ка на волнах. Двор за окном сдвинулся в сторону, а из-под окна вылезла и вонзилась когтями в землю исполинская куриная нога, провела в траве глубокие борозды и снова скрылась. Пол круто накренился, я почувствовал, что падаю, схватился руками за что-то мягкое, стукнулся боком и головой и свалился с дивана. Я лежал на половиках, вцепившись в подушку, упавшую вместе со мной. В комнате было совсем светло. За окном кто-то обстоятельно откашливался.

— Ну-с, так... — сказал хорошо поставленный мужской голос. — В некотором было царстве, в некотором государстве был-жил царь по имени... мнэ-э... ну, в конце концов не важно. Скажем, мнэ-э... Полуэкт... У него было три сына-царевича. Первый... мнэ-э-э... Третий был дурак, а вот первый?..

Пригибаясь, как солдат под обстрелом, я подобрался к окну и выглянул. Дуб был на месте. Спиною к нему стоял в глубокой задумчивости на задних лапах кот Василий. В зубах у него был зажат цветок кувшинки. Кот смотрел себе под ноги и тянул: «Мнэ-э-э-э...» Потом он тряхнул головой, заложил передние лапы за спину и, слегка сутулясь, как доцент Дубино-Княжицкий на лекции, плавным шагом пошел в сторону от дуба.

— Хорошо... — говорил он сквозь зубы. — Бывали-живали царь да царица. У царя, у царицы был один сын... мнэ-э... дурак, естественно...

Кот с досадой выплюнул цветок и, весь сморщившись, потер лоб.

— Отчаянное положение, — проговорил он. — Ведь кое-что помню! «Ха-ха-ха! Будет чем полакомиться: конь — на обед, молодец — на ужин...» Откуда бы это? А Иван, сами понимаете, дурак отвечает: «Эх ты, поганое чудище, не уловивши бела лебедя да кушаешь!» Потом, естественно, каленая стрела, все три головы долой, Иван вынимает три сердца и привозит, кретин, их домой матери... Каков подарочек! — Кот сардонически засмеялся, потом вздохнул. — Есть еще такая болезнь — склероз, — сообщил он.

Он снова вздохнул, повернул обратно к дубу и запел: «Кря-кря, мои деточки! Кря-кря, голубяточки! Я... мнэ-э... я слезой вас отпаивала... вернее — выпаивала...» Он в третий раз вздохнул и некоторое время шел молча. Поравнявшись с дубом, он вдруг немузыкально заорал: «Сладок кус не доедала!..»

В лапах у него вдруг оказались массивные гусли — я даже не заметил, где он их взял. Он отчаянно ударил по ним лапой и, цепляясь когтями за струны, заорал еще громче, словно бы стараясь заглушить музыку:

Дасс им таннвальд финстер ист,
Дасс махт дас хольтс
Дасс... мнэ-э... майн шатц... или катц?..

Он замолк и некоторое время шагал, молча стуча по струнам. Потом тихонько, неуверенно запел:

Ой, бував я в тим садочку
Та скажу вам всю правдочку:
Ото так
Копають мак.

Он вернулся к дубу, прислонил к нему гусли и почесал задней ногой за ухом.

— Труд, труд и труд, — сказал он. — Только труд!

Он снова заложил лапы за спину и пошел влево от дуба, бормоча:

— Дошло до меня, о великий царь, что в славном городе Багдаде жил-был портной, по имени... — Он встал на четвереньки, выгнул спину и злобно зашипел. — Вот с этими именами у меня особенно отвратительно! Абу... Али... Кто-то ибн чей-то... Н-ну, хорошо, скажем, Полуэкт. Полуэкт ибн... мнэ-э... Полуэктович... Все равно не помню, что было с этим портным. Ну и пес с ним, начнем другую...

Я лежал животом на подоконнике и, млея, смотрел, как злосчастный Василий бродит около дуба то вправо, то влево, бормочет, откашливается, подвывает, мычит, становится от напряжения на четверень-

ки — словом, мучается несказанно. Диапазон знаний его был грандиозен. Ни одной сказки и ни одной песни он не знал больше чем наполовину, но зато это были русские, украинские, западнославянские, немецкие, английские, по-моему, даже японские, китайские и африканские сказки, легенды, притчи, баллады, песни, романсы, частушки и припевки. Склероз приводил его в бешенство, несколько раз он бросался на ствол дуба и драл кору когтями, он шипел и плевался, и глаза его при этом горели, как у дьявола, а пушистый хвост, толстый как полено, то смотрел в зенит, то судорожно подергивался, то хлестал его по бокам. Но единственной песенкой, которую он допел до конца, был «Чижик-пыжик», а единственной сказочкой, которую он связно рассказал, был «Дом, который построил Джек» в переводе Маршака, да и то с некоторыми купюрами. Постепенно — видимо, от утомления — речь его обретала все более явственный кошачий акцент. «А в поли, поли, — пел он, — сам плужок ходэ, а... мнэ-э... а... мнэа-а-у!.. а за тым плужком сам... мья-а-у-а-у!.. сам господь ходэ... или бродэ?..» В конце концов он совершенно изнемог, сел на хвост и некоторое время сидел так, понурив голову. Потом тихо, тоскливо мяукнул, взял гусли под мышку и на трех ногах медленно уковылял по росистой траве.

Я слез с подоконника и уронил книгу. Я отчетливо помнил, что в последний раз это было «Творчество душевнобольных», я был уверен, что на пол упала именно эта книга. Но подобрал я и положил на подоконник «Раскрытие преступлений» А. Свенсона и О. Венделя. Я тупо раскрыл ее, пробежал наудачу несколько абзацев, и мне сейчас же почудилось, что на дубе висит удавленник. Я опасливо поднял глаза. С нижней ветки дуба свешивался мокрый серебристо-зеленый акулий хвост. Хвост тяжело покачивался под порывами утреннего ветерка.

Я шарахнулся и стукнулся затылком о твердое. Громко зазвонил телефон. Я огляделся. Я лежал поперек дивана, одеяло сползло с меня на пол, в окно сквозь листву дуба било утреннее солнце.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

> Мне пришло в голову, что обычное интервью с дьяволом или волшебником можно с успехом заменить искусным использованием положений науки.
>
> *Г. Дж. Уэллс*

Телефон звонил. Я протер глаза, посмотрел в окно (дуб был на месте), посмотрел на вешалку (вешалка тоже была на месте). Телефон звонил. За стеной в комнате у старухи было тихо. Тогда я соскочил на пол, отворил дверь (щеколда была на месте) и вышел в прихожую. Телефон звонил. Он стоял на полочке над большой кадушкой — очень современный аппарат белой пластмассы, такие я видел только в кино и в кабинете нашего директора. Я взял трубку.

— Алло!

— Это кто? — спросил пронзительный женский голос.

— А кого вам надо?

— Это Изнакурнож?

— Что?

— Я говорю, это изба на курногах или нет? Кто говорит?

— Да, — сказал я. — Изба. Кого вам нужно?

— О дьявол! — сказал женский голос. — Примите телефонограмму.

— Давайте.

— Записывайте.

— Одну минутку, — сказал я. — Возьму карандаш и бумагу.

— О дьявол! — сказал женский голос.

Я принес записную книжку и цанговый карандаш.

— Слушаю вас.

— Телефонограмма номер двести шесть, — сказал женский голос. — Гражданке Горыныч Наине Киевне...

— Не так быстро... Киевне... Дальше?

— Настоящим... предлагается вам... прибыть сегодня... двадцать седьмого июля... сего года... в пол-

ночь... на ежегодный республиканский слет... Записали?

— Записал.

— Первая встреча... состоится... на Лысой горе. Форма одежды парадная. Пользование механическим транспортом... за свой счет. Подпись... начальник канцелярии... Ха... Эм... Вий.

— Кто?

— Вий! Ха Эм Вий.

— Не понимаю.

— Вий! Хрон Монадович! Вы что, начальника канцелярии не знаете?

— Не знаю, — сказал я. — Говорите по буквам.

— Дьявольщина! Хорошо, по буквам: Вервольф — Инкуб — Ибикус краткий... Записали?

— Кажется, записал, — сказал я. — Получилось — Вий.

— Кто?

— Вий!

— У вас что, полипы? Не понимаю!

— Владимир! Иван! Иван краткий!

— Так. Повторите телефонограмму.

Я повторил.

— Правильно. Передала Онучкина. Кто принял?

— Привалов.

— С приветом, Привалов! Давно служишь?

— Собачки служат, — сердито сказал я. — Я работаю.

— Ну-ну работай. На слете встретимся.

Раздались гудки. Я повесил трубку и вернулся в комнату. Утро было прохладное, я торопливо сделал зарядку и оделся. Происходящее казалось мне чрезвычайно любопытным. Телефонограмма странно ассоциировалась в моем сознании с ночными событиями, хотя я представления не имел, каким образом. Впрочем, кое-какие идеи уже приходили мне в голову, и воображение мое было возбуждено.

Все, чему мне случилось быть здесь свидетелем, не было мне совершенно незнакомым, о подобных случаях я где-то что-то читал и теперь вспомнил, что поведение людей, попадавших в аналогичные обстоя-

тельства, всегда представлялось мне необычайно, раздражающе нелепым. Вместо того чтобы полностью использовать увлекательные перспективы, открывшиеся для них счастливым случаем, они пугались, терялись, торопились вернуться в обыденное. Какой-то герой даже заклинал читателей держаться подальше от завесы, отделяющей наш мир от неведомого, пугая духовными и физическими увечьями. Я еще не знал, как развернутся события, но уже был готов с энтузиазмом окунуться в них.

Бродя по комнате в поисках ковша или кружки, я продолжал рассуждать. Эти пугливые люди, думал я, похожи на некоторых ученых-экспериментаторов, очень упорных, очень трудолюбивых, но начисто лишенных воображения и поэтому очень осторожных. Получив нетривиальный результат, они шарахаются от него, поспешно объясняют его нечистотой эксперимента и фактически уходят от нового, потому что слишком сжились со старым, уютно уложенным в пределы авторитетной теории. Я уже обдумывал кое-какие эксперименты с книгой-перевертышем (она по-прежнему лежала на подоконнике и была теперь «Последним изгнанником» Олдриджа), с говорящим зеркалом и с цыканьем. У меня было несколько вопросов к коту Василию, да и русалка, живущая на дубе, представляла определенный интерес, хотя временами мне казалось, что она-то мне все-таки приснилась — я ничего не имею против русалок, но не представляю себе, как они могут лазить по деревьям..., хотя, с другой стороны, чешуя?..

Ковшик я нашел на кадушке под телефоном, но воды в кадушке не оказалось, и я направился к колодцу. Солнце поднялось уже довольно высоко. Где-то гудели машины, послышался милицейский свисток, в небе с солидным гулом проплыл вертолет. Я подошел к колодцу и, с удовлетворением обнаружив на цепи мятую жестяную бадью, стал раскручивать ворот. Бадья, постукивая о стены, пошла в черную глубину. Раздался плеск, цепь натянулась. Я крутил ворот и смотрел на свой «Москвич». У машины был усталый запыленный вид, ветровое стекло было за-

ляпано разбившейся вдребезги мошкарой. Надо будет воды долить в радиатор, подумал я. И вообще...

Бадья показалась мне очень тяжелой. Когда я поставил ее на сруб, из воды высунулась огромная щучья голова, зеленая и вся какая-то замшелая. Я отскочил.

— Опять на рынок поволочешь? — сильно окая, сказала щука. Я ошарашенно молчал. — Дай же ты мне покоя, ненасытная! Сколько можно?.. Чуть успокоюсь, приткнусь отдохнуть да подремать — тащит! Я ведь не молодая уже, постарше тебя буду... жабры тоже не в порядке...

Было очень странно смотреть, как она говорит. Совершенно как Щука в кукольном театре, она вовсю открывала и закрывала зубастую пасть в неприятном несоответствии с произносимыми звуками. Последнюю фразу она произнесла, судорожно сжав челюсти.

— И воздух мне вреден, — продолжала она. — Вот подохну, что будешь делать? Все скупость твоя, бабья да дурья... Все копишь, а для чего копишь — сама не знаешь... На последней реформе-то как погорела, а? То-то! А екатериновками? Сундуки оклеивала! А керенками-то, керенками! Ведь печку топила керенками...

— Видите ли, — сказал я, немного оправившись.

— Ой, кто это? — испугалась Щука.

— Я... Я здесь случайно... Я намеревался помыться.

— Помыться! А я думала — опять старуха. Не вижу я. Старая. Да и коэффициент преломления в воздухе, говорят, совсем другой. Воздушные очки было себе заказала, да потеряла, не найду... А кто ж ты будешь?

— Турист, — коротко сказал я.

— Ах, турист... А я думала — опять бабка. Ведь что она со мной делает! Поймает меня, волочит на рынок и там продает якобы на уху. Ну что мне остается? Конечно, говоришь покупателю: так и так, отпусти меня к малым детушкам, хотя какие у меня там малые детушки — не детушки уже, которые жи-

вы, а дедушки. Ты меня отпустишь, а я тебе послужу, скажи только «по щучьему велению, по моему, мол, хотению». Ну и отпускают. Одни со страху, другие по доброте, а которые и по жадности... Вот поплаваешь в реке, поплаваешь — холодно, ревматизм, заберешься обратно в колодезь, а старуха с бадьей опять тут как тут... — Щука спряталась в воду, побулькала и снова высунулась. — Ну что просить-то будешь, служивый? Только попроще чего, а то просят телевизоры какие-то, транзисторы... Один совсем обалдел: выполни, говорит, за меня годовой план на лесопилке. Года мои не те — дрова пилить...

— Ага, — сказал я. — А телевизор вы, значит, все-таки можете?

— Нет, — честно призналась Щука. — Телевизор не могу. И этот... комбайн с проигрывателем тоже не могу. Не верю я в них. Ты чего-нибудь попроще. Сапоги, скажем, скороходы, или шапку-невидимку... А?

Возникшая было у меня надежда отвертеться сегодня от смазки «Москвича» погасла.

— Да вы не беспокойтесь, — сказал я. — Мне ничего в общем не надо. Я вас сейчас отпущу.

— И хорошо, — спокойно сказала Щука. — Люблю таких людей. Давеча вот тоже... Купил меня на рынке какой-то, пообещала я ему царскую дочь. Плыву по реке, стыдно, конечно, глаза девать некуда. Ну сослепу и въехала в сети. Тащщат. Опять, думаю, врать придется. А он что делает? Он меня хватает поперек зубов, так что рот не открыть. Ну, думаю, конец, сварят. Ан нет! Защемляет он мне чем-то плавник и бросает обратно в реку. Во! — Щука высунулась из бадьи и выставила плавник, схваченный у основания металлическим зажимом. На зажиме я прочитал: «Запущен сей экземпляр в Солове-реке в 1854 году. Доставить в Е. И. В. Академию наук, СПБ». — Старухе не говори, — предупредила Щука. — С плавником оторвет. Жадная она, скупая.

Что бы у нее спросить? — лихорадочно думал я.

— Как вы делаете ваши чудеса?

— Какие такие чудеса?

— Ну... исполнение желаний...

— Ах, это? Как делаю... Обучена сызмальства, вот и делаю. Откуда я знаю, как я делаю... Золотая рыбка вот еще лучше делала, а все одно померла. От судьбы не уйдешь. — Мне показалось, что Щука вздохнула.

— От старости? — спросил я.

— Какое там от старости! Молодая была, крепкая... Бросили в нее, служивый, глубинную бомбу. И ее вверх брюхом пустили, и корабль какой-то подводный рядом случился, тоже потонул. Она бы и откупилась, да ведь не спросили ее, увидели и — сразу бомбой... Вот ведь как оно бывает. — Она помолчала. — Так отпускаешь меня или как? Душно что-то, гроза будет...

— Конечно, конечно, — сказал я, встрепенувшись. — Вас как — бросить или в бадье?..

— Бросай, служивый, бросай.

Я осторожно запустил руки в бадью и извлек Щуку — было в ней килограммов восемь. Щука бормотала: «Ну а ежели там скатерть-самобранку или, допустим, ковер-самолет, то я здесь буду... за мной не пропадет...» — «До свидания», — сказал я и разжал руки. Раздался шумный плеск.

Некоторое время я стоял, глядя на свои ладони, испачканные зеленью. У меня было какое-то странное ощущение. Временами, как порыв ветра, налетало сознание, что я сижу в комнате на диване, но стоило тряхнуть головой, и я снова оказывался у колодца. Потом это прошло. Я умылся отличной ледяной водой, залил радиатор и побрился. Старуха все не показывалась. Хотелось есть, и надо было идти в город к почтамту, где меня уже, может быть, ждали ребята. Я запер машину и вышел за ворота.

Я неторопливо шел по улице Лукоморье, засунув руки в карманы серой гэдээровской курточки и глядя себе под ноги. В заднем кармане моих любимых джинсов, исполосованных молниями, брякали старухины медяки. Я размышлял. Тощие брошюрки общества «Знание» приучили меня к мысли, что разговаривать животные не способны. Сказки с детства убеждали в обратном. Согласен я был, конечно,

с брошюрками, потому что никогда в жизни не видел говорящих животных. Даже попугаев. Я знавал одного попугая, который мог рычать, как тигр, но по-человечески он не умел. И вот теперь — Щука, кот Василий и даже зеркало. Впрочем, неодушевленные предметы как раз разговаривают часто. И, между прочим, это соображение никогда не пришло бы в голову, скажем, моему прадеду. С его, прадеда, точки зрения говорящий кот — вещь куда менее фантастическая, нежели деревянный полированный ящик, который хрипит, воет, музицирует и говорит на многих языках. С котом тоже более или менее ясно. А вот как разговаривает Щука? У Щуки нет легких. Это верно. Правда, у нее должен быть плавательный пузырь, функция коего, как мне известно, ихтиологам еще неокончательно ясна. Мой знакомый ихтиолог Женька Скоромахов полагает даже, что эта функция не ясна совершенно, и, когда я пытаюсь аргументировать доводами из брошюрок общества «Знание», Женька рычит и плюется. Совершенно утрачивает присущий ему дар человеческой речи. У меня такое впечатление, что о возможностях животных мы знаем пока еще очень мало. Только недавно выяснилось, что рыбы и морские животные обмениваются под водой сигналами. Очень интересно пишут о дельфинах. Или, скажем, обезьяна Рафаил. Это я сам видел. Разговаривать она, правда, не умеет, но зато у нее выработали рефлекс: зеленый свет — банан, красный свет — электрический шок. И все было хорошо до тех пор, пока не включили красный и зеленый свет одновременно. Тогда Рафаил повел себя так же, как Женька, например. Он страшно обиделся. Он кинулся к окошечку, за которым сидел экспериментатор, и принялся, визжа и рыча, плеваться в это окошечко. И вообще есть анекдот — одна обезьяна говорит другой: «Знаешь, что такое условный рефлекс? Это когда зазвонит звонок, и все эти квази-обезьяны в белых халатах побегут к нам с бананами и конфетами». Конечно, все это чрезвычайно непросто. Терминология не разработана. Когда в этих условиях пытаешься решать вопросы, связанные с психикой и потен-

циальными возможностями животных, чувствуешь себя совершенно бессильным. Но, с другой стороны, когда тебе дают, скажем, ту же систему интегральных уравнений типа звездной статистики с неизвестными функциями под интегралом, то самочувствие не лучше. А поэтому главное — думать. Как Паскаль: «Будем же учиться хорошо мыслить — вот основной принцип морали».

Я вышел на Проспект Мира и остановился, привлеченный необычным зрелищем. По мостовой шел человек с детскими флажками в руках. За ним, шагах в десяти, с натужным ревом медленно полз большой белый «МАЗ» с гигантским дымящимся прицепом в виде серебристой цистерны. На цистерне было написано «Огнеопасно», справа и слева от нее так же медленно катились красные пожарные «газики», ощетиненные огнетушителями. Время от времени в ровный рев двигателя вмешивался какой-то новый звук, неприятно леденивший сердце, и тогда из люков цистерны вырывались желтые языки пламени. Лица пожарных под нахлобученными касками были мужественны и суровы. Вокруг кавалькады тучей носились ребятишки. Они пронзительно вопили: «Тилили-тилили, а дракона повезли!» Взрослые прохожие опасливо жались к заборам. На их лицах было написано явственное желание уберечь одежду от возможных повреждений.

— Повезли родимого, — произнес у меня над ухом знакомый скрипучий бас.

Я обернулся. Позади стояла, пригорюнившись, Наина Киевна с кошелкой, наполненной пакетами сахарного песку.

— Повезли, — повторила она. — Каждую пятницу возят...

— Куда? — спросил я.

— На полигон, батюшка. Все экспериментируют... делать им больше нечего.

— А кого повезли, Наина Киевна?

— То есть как это — кого? Сам не видишь, что ли?..

Она повернулась и пошла прочь, но я догнал ее.

— Наина Киевна, вам там телефонограмму передали.

— Это от кого же?

— От Ха Эм Вия.

— А насчет чего?

— У вас слет какой-то сегодня, — сказал я, пристально глядя на нее. — На Лысой горе. Форма одежды — парадная.

Старуха явно обрадовалась.

— Вправду? — сказала она. — Вот хорошо-то!.. А где телефонограмма?

— В прихожей на телефоне.

— А насчет членских взносов там ничего не говорится? — спросила она, понизив голос.

— В каком смысле?

— Ну, что, мол, надлежит погасить задолженность с одна тысяча семьсот... — она замолчала.

— Нет, — сказал я. — Ничего такого не говорилось.

— Ну и хорошо. А с транспортом как? Машину подадут или что?

— Дайте я вам кошелку поднесу, — предложил я.

Старуха отпрянула.

— Это тебе зачем? — спросила она подозрительно. — Ты это оставь — не люблю... Кошелку ему!.. Молодой, да, видно, из ранних...

Не люблю старух, подумал я.

— Так как же с транспортом? — повторила она.

— За свой счет, — сказал я злорадно.

— Ах, скопидомы! — застонала старуха. — Метлу в музей забрали, ступу не ремонтируют, взносы дерут по пять рубликов на ассигнации, а на Лысую гору за свой счет! Счет-то не малый, батюшка, да пока такси ждет...

Бормоча и кашляя, она отвернулась от меня и пошла прочь. Я потер руки и тоже пошел своей дорогой. Мои предположения оправдывались. Узел удивительных происшествий затягивался все туже. И стыдно признаться, но это казалось мне сейчас более интересным, чем даже моделирование рефлекторной дуги.

На Проспекте Мира было уже пусто. У перекрестка крутилась стая ребятишек — играли, по-моему, в чижа. Увидев меня, они бросили игру и стали приближаться. Предчувствуя недоброе, я торопливо миновал их и двинулся к центру. За моей спиной послышался сдавленный восторженный возглас: «Стиляга!» Я ускорил шаг. «Стиляга!» — завопили сразу несколько голосов. Я почти побежал. Позади визжали: «Стиля-ага! Тонконогий! Папина победа!..» Прохожие смотрели на меня сочувственно. В таких ситуациях лучше всего куда-нибудь нырнуть. Я нырнул в ближайший магазин, оказавшийся «Гастрономом», походил вдоль прилавков, убедился в том, что сахар есть, выбор колбас и конфет не богат, но зато выбор так называемых рыбных изделий превосходит все ожидания. Там была такая семга и такой лосось... Я выпил стакан газированной воды и выглянул на улицу. Мальчишек не было. Тогда я вышел из магазина и двинулся дальше. Скоро лабазы и бревенчатые избы-редуты кончились, пошли современные двухэтажные дома с открытыми скавериками. В скавериках копошились младенцы, пожилые женщины вязали что-то теплое, а пожилые мужчины резались в домино.

В центре города оказалась обширная площадь, окруженная двух- и трехэтажными зданиями. Площадь была асфальтирована, посредине зеленел садик. Над зеленью возвышался большой красный щит с надписью «Доска почета» и несколько щитов поменьше со схемами и диаграммами. Почтамт я обнаружил здесь же на площади. Мы договорились с ребятами, что первый, кто прибудет в город, оставит до востребования записку со своими координатами. Записки не было, и я оставил письмо на имя Толика, в котором сообщил свой адрес и объяснил, как дойти до избы на курногах. Затем я решил позавтракать.

Обойдя площадь, я обнаружил кинотеатр, где шла «Козара»; книжный магазин, закрытый на переучет; горсовет, перед которым стояло несколько основательно пропыленных «газиков»; гостиницу «Студеное море» — как обычно без свободных мест; два киоска

с газированной водой и мороженым; магазин (промтоварный) № 2 и магазин (хозтоваров) № 18; столовую № 11, открывающуюся с двенадцати часов, и буфет № 3, закрытый без объяснений. Потом я обнаружил городское отделение милиции, возле открытых дверей которого побеседовал с очень юным милиционером в чине сержанта, объяснившим мне, где находится бензоколонка и какова дорога до Лежнева. «А где же ваша машина?» — осведомился милиционер, озирая площадь. «У знакомых», — ответил я. — «Ах, у знакомых...» — сказал милиционер значительно. По-моему, он взял меня на заметку. Я робко откланялся.

Рядом с трехэтажной громадой «Солрыбснабпромпотребсоюза ФЦУ» я, наконец, нашел маленькую опрятную чайную № 16/27. В чайной было хорошо. Народу было не очень много, пили действительно чай и разговаривали о вещах понятных: что под Коробцом завалился, наконец, мостик и ехать теперь приходится вброд; что пост ГАИ уже неделю как с пятнадцатого километра убрали; что «искра — зверь, слона убьет, а ни шиша не схватывает...». Пахло бензином и жареной рыбой. Не занятые разговорами люди пристально разглядывали мои джинсы, и я радовался, что на заду у меня имеет место профессиональное пятно — позавчера я очень удачно сел на шприц с солидолом.

Я взял себе полную тарелку жареной рыбы, три стакана чаю и три бутерброда с балыком, расплатился кучей старухиных медяков («На паперти стоял...» — проворчала буфетчица), устроился в укромном углу и принялся за еду, с удовольствием наблюдая за этими хриплоголосыми прокуренными людьми. Приятно было смотреть, какие они загорелые, независимые, жилистые, все повидавшие, как они с аппетитом едят, с аппетитом курят, с аппетитом рассказывают. Они до последней капли использовали передышку перед долгими часами тряской скучной дороги, раскаленной духоты кабины, пыли и солнца. Если бы я не был программистом, я бы обязательно стал шофером и уж работал бы не на плюгавенькой легковушке и не на

автобусе даже, а на каком-нибудь грузовом чудовище, чтобы в кабину было забираться по лестнице, а колесо чтобы менять с помощью небольшого подъемного крана.

За соседним столиком сидели два молодых человека, не похожих на шоферов, и поэтому сначала я на них внимания не обратил. Так же, впрочем, как и они на меня. Но когда я допивал второй стакан чаю, до меня долетело слово «диван». Затем кто-то из них произнес: «...а тогда непонятно, зачем она вообще существует, эта Изнакурнож...», и я стал слушать. К сожалению, говорили они не громко, да и сидел я к ним спиной, так что слышно было плохо. Но голоса показались мне знакомыми. «...никаких тезисов... только диван...», «...такому волосатому?..», «...диван... шестнадцатая степень...», «...при трансгрессии только четырнадцать порядков...», «...легче смоделировать транслятор...», «...мало ли кто хихикает!..», «...бритву подарю...», «...не можем без дивана...». Тут один из них заперхал, да так знакомо, что я сразу вспомнил вчерашнюю ночь и обернулся, но они уже шли к выходу, два здоровенных парня с крутыми плечами и спортивными затылками. Некоторое время я еще видел их в окно, они перешли площадь, обогнули садик и скрылись за диаграммами. Я допил чай, доел бутерброды и тоже вышел. Диван их, видите ли, волнует, думал я. Русалка их не волнует. Говорящий кот их не интересует. А без дивана они, видите ли, не могут... Я попытался вспомнить, какой же у меня там диван, но ничего особенного вспомнить не мог. Диван как диван. Хороший диван. Удобный. Только странная действительность на нем снится.

Теперь хорошо было бы вернуться домой и заняться всеми этими диванными делами вплотную. Поэкспериментировать с книгой-перевертышем, поговорить с котом Василием начистоту и посмотреть, нет ли в избе на куриных ногах еще чего-нибудь интересного. Но дома меня ждал мой «Москвич» и необходимость делать как ЕУ, так и ТО. С ЕУ еще можно было примириться, это всего-навсего Ежедневный Уход, всякое там вытряхивание ковриков и обмыв

кузова струей воды под давлением, каковой обмыв, впрочем, можно заменить при нужде поливанием из садовой лейки или ведра. Но вот ТО... Чистоплотному человеку в жаркий день страшно подумать о ТО. Потому что ТО есть не что иное, как Техническое Обслуживание, а техническое обслуживание состоит в том, что я лежу под автомобилем с масляным шприцем в руках и постепенно переношу содержимое шприца как в колпачковые масленки, так и себе на физиономию. Под автомобилем жарко и душно, а днище его, покрытое толстым слоем засохшей грязи... Короче говоря, мне не очень хотелось домой.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Кто позволил себе эту дьявольскую шутку? Схватить его и сорвать с него маску, чтобы мы знали, кого нам поутру повесить на крепостной стене!

Э. А. По

Я купил позавчерашнюю «Правду», выпил газированной воды и устроился на скамье в садике, в тени Доски почета. Было одиннадцать часов. Я внимательно просмотрел газету. На это ушло семь минут. Тогда я прочитал статью о гидропонии, фельетон о хапугах из Канска и большое письмо рабочих химического завода в редакцию. Это заняло всего-навсего двадцать две минуты. Не сходить ли в кино, подумал я. Но «Козару» я уже видел — один раз в кино и один раз по телевизору. Тогда я решил попить воды, сложил газету и встал. Из всей старухиной меди в кармане у меня остался всего один пятак. Пропью, решил я, выпил воды с сиропом, получил копейку сдачи и купил в соседнем ларьке коробок спичек. Больше делать мне в центре города было решительно нечего. И я пошел куда глаза глядят — в неширокую улицу между магазином № 2 и столовой № 11.

Прохожих на улице почти не было. Меня обогнал большой пыльный грузовик с грохочущим трейлером; шофер, высунув в окно локоть и голову, устало смотрел на булыжную мостовую. Улица, понижаясь, кру-

то заворачивала направо, у поворота рядом с тротуаром торчал из земли ствол старинной чугунной пушки, дуло ее было забито землей и окурками. Вскоре улица кончилась обрывом к реке. Я посидел на краю обрыва и полюбовался пейзажем, затем перешел на другую сторону и побрел обратно.

Интересно, куда девался тот грузовик? — подумал вдруг я. Спуска с обрыва не было. Я стал оглядываться, ища ворота по сторонам улицы, и тут обнаружил небольшой, но очень странный дом, стиснутый между двумя угрюмыми кирпичными лабазами. Окна нижнего этажа его были забраны железными прутьями и до половины замазаны мелом. Дверей же в доме вообще не было. Я заметил это сразу потому, что вывеска, которую обычно помещают рядом с воротами или рядом с подъездом, висела здесь прямо между двумя окнами. На вывеске было написано: «АН СССР НИИЧАВО». Я отошел на середину улицы: да, два этажа по десяти окон и ни одной двери. А справа и слева, вплотную, лабазы. НИИЧАВО, подумал я. Научно-исследовательский институт. Чаво? В смысле — чего? Чрезвычайно Автоматизированной Вооруженной Охраны? Черных Ассоциаций Восточной Океании? Изба на курногах, подумал я, музей этого самого НИИЧАВО. Мои попутчики, наверное, тоже отсюда. И те, в чайной, тоже... С крыши здания поднялась стая ворон и с карканьем закружилась над улицей. Я повернулся и пошел назад, на площадь.

Все мы наивные материалисты, думал я. И все мы рационалисты. Мы хотим, чтобы все было немедленно объяснено рационалистически, то есть сведено к горсточке уже известных фактов. И ни у кого из нас ни на грош диалектики. Никому в голову не приходит, что между известными фактами и каким-то новым явлением может лежать море неизвестного, и тогда мы объявляем новое явление сверхъестественным и, следовательно, невозможным. Вот, например, как бы мэтр Монтескье принял сообщение об оживлении мертвеца через сорок пять минут после зарегистрированной остановки сердца? В штыки бы, наверное, принял. Так сказать, в багинеты. Объявил

бы это обскурантизмом и поповщиной. Если бы вообще не отмахнулся от такого сообщения. А если бы это случилось у него на глазах, то он оказался бы в необычайно затруднительном положении. Как я сейчас, только я привычнее. А ему пришлось бы либо счесть это воскрешение жульничеством, либо отречься от собственных ощущений, либо даже отречься от материализма. Скорее всего, он счел бы воскрешение жульничеством. Но до конца жизни воспоминание об этом ловком фокусе раздражало бы его мысль подобно соринке в глазу... Но мы-то дети другого века. Мы всякое повидали: и живую голову собаки, пришитую к спине другой живой собаки; и искусственную почку величиной со шкаф; и мертвую железную руку, управляемую живыми нервами; и людей, которые могут небрежно заметить: «Это было уже после того, как я скончался в первый раз». ...Да, в наше время у Монтескье было бы немного шансов остаться материалистом. А мы вот остаемся, и ничего! Правда, иногда бывает трудно — когда случайный ветер вдруг доносит до нас через океаны неизвестного странные лепестки с необозримых материков непознанного. И особенно часто так бывает, когда находишь не то, что ищешь. Вот скоро в зоологических музеях появятся удивительные животные, первые животные с Марса или Венеры. Да, конечно, мы будем глазеть на них и хлопать себя по бедрам, но ведь мы давно уже ждем этих животных, мы отлично подготовлены к их появлению, гораздо более мы были бы поражены и разочарованы, если бы этих животных не оказалось или они оказались бы похожими на наших кошек и собак. Как правило, наука, в которую мы верим (и зачастую слепо), заранее и задолго готовит нас к грядущим чудесам, и психологический шок возникает у нас только тогда, когда мы сталкиваемся с непредсказанным — какая-нибудь дыра в четвертое измерение, или биологическая радиосвязь, или живая планета... или, скажем, изба на куриных ногах... А ведь прав был горбоносый Роман: здесь у них очень, очень и очень интересно.

Я вышел на площадь и остановился перед киоском с газированной водой. Я точно помнил, что мелочи у меня нет, и знал, что придется разменивать бумажку, и уже готовил заискивающую улыбку, потому что продавщицы газированной воды терпеть не могут менять бумажные деньги, как вдруг обнаружил в кармане джинсов пятак. Я удивился и обрадовался, но обрадовался больше. Я выпил газированной воды с сиропом, получил мокрую копейку сдачи и поговорил с продавщицей о погоде. Потом я решительно направился домой, чтобы скорее покончить с ЕУ и ТО и заняться рационал-диалектическими объяснениями. Копейку я сунул в карман и остановился, обнаружив, что в том же кармане имеется еще один пятак. Я вынул его и осмотрел. Пятак был слегка влажный, на нем было написано «5 копеек 1961», и цифра «6» была замята неглубокой выщербленкой. Может быть, я даже тогда не обратил бы внимания на это маленькое происшествие, если бы не то самое мгновенное ощущение, уже знакомое мне, будто я одновременно стою на Проспекте Мира и сижу на диване, тупо разглядывая вешалку. И так же, как раньше, когда я тряхнул головой, ощущение исчезло.

Некоторое время я еще медленно шел, рассеянно подбрасывая и ловя пятак (он падал на ладонь все время решкой), и пытался сосредоточиться. Потом я увидел «Гастроном», в котором утром спасался от мальчишек, и вошел туда. Держа пятак двумя пальцами, я направился прямо к прилавку, где торговали соками и водой, и без всякого удовольствия выпил стакан без сиропа. Затем, зажав сдачу в кулаке, я отошел в сторонку и проверил карман. Это был тот самый случай, когда психологического шока не происходит. Скорее я удивился бы, если бы пятака в кармане не оказалось. Но он был там — влажный, 1961 года, с выщербленкой на цифре «6». Меня подтолкнули и спросили, не сплю ли я. Оказывается, я стоял в очереди в кассу. Я сказал, что не сплю, и выбил чек на три коробка спичек. Встав в очередь за спичками, я обнаружил, что пятак находится в кармане. Я был совершенно спокоен. Получив три

коробка, я вышел из магазина, вернулся на площадь и принялся экспериментировать.

Эксперимент занял у меня около часа. За этот час я десять раз обошел площадь кругом, разбух от воды, спичечных коробков и газет, перезнакомился со всеми продавцами и продавщицами и пришел к ряду интересных выводов. Пятак возвращается, если им платить. Если его просто бросить, обронить, потерять, он останется там, где упал. Пятак возвращается в карман в тот момент, когда сдача из рук продавца переходит в руки покупателя. Если при этом держать руку в одном кармане, пятак появляется в другом. В кармане, застегнутом на «молнию», он не появляется никогда. Если держать руки в обоих карманах и принимать сдачу локтем, то пятак может появиться где угодно на теле (в моем случае он обнаружился в ботинке). Исчезновение пятака из тарелочки с медью на прилавке заметить визуально не удается: среди прочей меди пятак сейчас же теряется, и никакого движения в тарелочке в момент перехода пятака в карман не происходит.

Итак, мы имели дело с так называемым неразменным пятаком в процессе его функционирования. Сам по себе факт неразменности не очень заинтересовал меня. Воображение мое было потрясено прежде всего возможностью внепространственного перемещения материального тела. Мне было совершенно ясно, что таинственный переход пятака от продавца к покупателю представляет собой не что иное, как частный случай пресловутой нуль-транспортировки, хорошо известной любителям научной фантастики также под псевдонимами: гиперпереход, репагулярный скачок, феномен Тарантоги... Открывающиеся перспективы были ослепительны.

У меня не было никаких приборов. Обыкновенный лабораторный минимальный термометр мог бы дать очень много, но у меня не было даже его. Я был вынужден ограничиваться чисто визуальными субъективными наблюдениями. Свой последний круг по площади я начал, поставив перед собой следующую задачу: «Кладя пятак рядом с тарелочкой для мелочи

и по возможности препятствуя продавцу смешать его с остальными деньгами до вручения сдачи, проследить визуально процесс перемещения пятака в пространстве, одновременно пытаясь хотя бы качественно определить изменение температуры воздуха вблизи предполагаемой траектории перехода». Однако эксперимент был прерван в самом начале.

Когда я приблизился к продавщице Мане, меня уже ждал тот самый молоденький милиционер в чине сержанта.

— Так, — сказал он профессиональным голосом.

Я искательно посмотрел на него, предчувствуя недоброе.

— Попрошу документики, гражданин, — сказал милиционер, отдавая честь и глядя мимо меня.

— А в чем дело? — спросил я, доставая паспорт.

— И пятак попрошу, — сказал милиционер, принимая паспорт.

Я молча отдал ему пятак. Маня смотрела на меня сердитыми глазами. Милиционер оглядел пятак и, произнеся с удовлетворением: «Ага...», раскрыл паспорт. Паспорт он изучал, как библиофил изучает редкую инкунабулу. Я томительно ждал. Вокруг медленно росла толпа. В толпе высказывались разные мнения на мой счет.

— Придется пройти, — сказал, наконец, милиционер.

Мы прошли. Пока мы проходили, в толпе сопровождающих было создано несколько вариантов моей нелегкой биографии и был сформулирован ряд причин, вызвавших начинающееся у всех на глазах следствие.

В отделении сержант передал пятак и паспорт дежурному лейтенанту. Тот осмотрел пятак и предложил мне сесть. Я сел. Лейтенант небрежно произнес: «Сдайте мелочь», — и тоже углубился в изучение паспорта. Я выгреб из кармана медяки.

— Пересчитай, Ковалев, — сказал лейтенант и, отложив паспорт, стал смотреть мне в глаза. — Много накупили? — спросил он.

— Много, — ответил я.

— Тоже сдайте, — сказал лейтенант.

Я выложил перед ним на стол четыре номера позавчерашней «Правды», три номера местной газеты «Рыбак», два номера «Литературной газеты», восемь коробков спичек, шесть штук ирисок «Золотой ключик» и уцененный ершик для чистки примуса.

— Воду сдать не могу, — сказал я сухо. — Пять стаканов с сиропом и четыре без сиропа.

Я начинал понимать, в чем дело, и мне было чрезвычайно неловко и муторно при мысли, что придется оправдываться.

— Семьдесят четыре копейки, товарищ лейтенант, — доложил юный Ковалев.

Лейтенант задумчиво созерцал кучу газет и спичечных коробков.

— Развлекались или как? — спросил он меня.

— Или как, — сказал я мрачно.

— Неосторожно, — сказал лейтенант. — Неосторожно, гражданин. Расскажите.

Я рассказал. В конце рассказа я убедительно попросил лейтенанта не рассматривать мои действия, как попытку скопить денег на «Запорожец». Уши мои горели. Лейтенант усмехнулся.

— А почему бы и не рассматривать? — осведомился он. — Были случаи, когда накапливали.

Я пожал плечами.

— Уверяю вас, такая мысль не могла бы прийти мне в голову... То есть что я говорю — не могла бы! Она действительно не приходила...

Лейтенант долго молчал. Юный Ковалев взял мой паспорт и снова принялся его рассматривать.

— Даже как-то странно предположить... — сказал я растерянно. — Совершенно бредовая затея... Копить по копейке... — Я снова пожал плечами. — Тогда уж лучше, как говорится, на паперти стоять...

— С нищенством мы боремся, — значительно сказал лейтенант.

— Ну правильно, ну естественно... Я только не понимаю, при чем тут я, и... — Я поймал себя на том, что очень много пожимаю плечами, и дал себе слово впредь этого не делать.

Лейтенант снова изнуряюще долго молчал, разглядывая пятак.

— Придется составить протокол, — сказал он, наконец.

Я пожал плечами.

— Пожалуйста, конечно... хотя... — Я не знал, что, собственно, «хотя».

Некоторое время лейтенант смотрел на меня, ожидая продолжения. Но я как раз соображал, под какую статью уголовного кодекса подходят мои действия, и тогда он придвинул к себе лист бумаги и принялся писать.

Юный Ковалев вернулся на свой пост. Лейтенант скрипел пером и часто со стуком макал его в чернильницу. Я сидел, тупо рассматривая плакаты, развешанные на стенах, и вяло размышлял о том, что на моем месте Ломоносов, скажем, схватил бы паспорт и выскочил в окно. В чем, собственно, суть? — думал я. Суть в том, чтобы человек сам не считал себя виновным. В этом смысле я не виновен. Но виновность, кажется, бывает объективная и субъективная. И факт остается фактом: вся эта медь в количестве семидесяти четырех копеек юридически является результатом хищения, произведенного с помощью технических средств, в качестве каковых выступает неразменный пятак.

— Прочтите и подпишите, — сказал лейтенант.

Я прочел. Из протокола явствовало, что я, нижеподписавшийся Привалов А. И., неизвестным мне способом вступил в обладание действующей моделью неразменного пятака образца ГОСТ 718-62 и злоупотребил ею; что я, нижеподписавшийся Привалов А. И., утверждаю, будто действия свои производил с целью научного эксперимента без каких-либо корыстных намерений; что я готов возместить причиненные государству убытки в размере одного рубля пятидесяти пяти копеек; что я, наконец, в соответствии с постановлением Соловецкого горсовета от 22 марта 1959 года передал указанную действующую модель неразменного пятака дежурному по отделению лейтенанту Сергиенко У. У. и получил взамен пять

копеек в монетных знаках, имеющих хождение на территории Советского Союза. Я подписался.

Лейтенант сверил мою подпись с подписью в паспорте, еще раз тщательно пересчитал медяки, позвонил куда-то с целью уточнить стоимость ирисок и примусного ершика, выписал квитанцию и отдал ее мне вместе с пятью копейками в монетных знаках, имеющих хождение. Возвращая газеты, спички, конфеты и ершик, он сказал:

— А воду вы, по собственному вашему признанию, выпили. Итого с вас восемьдесят одна копейка.

С гигантским облегчением я рассчитался. Лейтенант, еще раз внимательно пролистав, вернул мне паспорт.

— Можете идти, гражданин Привалов, — сказал он. — И впредь будьте осторожнее. Вы надолго в Соловец?

— Завтра уеду, — сказал я.

— Вот до завтра и будьте осторожнее.

— Ох, постараюсь, — сказал я, пряча паспорт. Затем, повинуясь импульсу, спросил, понизив голос: — А скажите мне, товарищ лейтенант, вам здесь в Соловце не странно?

Лейтенант уже смотрел в какие-то бумаги.

— Я здесь давно, — сказал он рассеянно. — Привык.

ГЛАВА ПЯТАЯ*

> — А вы сами-то верите в привидения? — спросил лектора один из слушателей.
> — Конечно, нет, — ответил лектор и медленно растаял в воздухе.
>
> Правдивая история

До самого вечера я старался быть весьма осторожным. Прямо из отделения я направился домой на Лукоморье и там сразу же залез под машину. Было очень жарко. С запада медленно ползла грозная

---

* Авторы считают своим долгом поблагодарить Л. А. Каминко за активное участие в работе над этой главой.

черная туча. Пока я лежал под машиной и обливался маслом, старуха Наина Киевна, ставшая вдруг очень ласковой и любезной, дважды подъезжала ко мне с тем, чтобы я отвез ее на Лысую гору. «Говорят, батюшка, машине вредно стоять, — скрипуче ворковала она, заглядывая под передний бампер. — Говорят, ей ездить полезно. А уж я бы заплатила, не сомневайся...» Ехать на Лысую гору мне не хотелось. Во-первых, в любую минуту могли прибыть ребята. Во-вторых, старуха в своей воркующей модификации была мне еще неприятнее, нежели в сварливой. Далее, как выяснилось, до Лысой горы было девяносто верст в одну сторону, а когда я спросил бабку насчет качества дороги, она радостно заявила, чтобы я не беспокоился — дорога гладкая, а в случае чего она, бабка, будет сама машину выталкивать. («Ты не смотри, батюшка, что я старая, я еще очень даже крепкая».) После первой неудачной атаки старуха временно отступилась и ушла в избу. Тогда ко мне под машину зашел кот Василий. С минуту он внимательно следил за моими руками, а потом произнес вполголоса, но явственно: «Не советую, гражданин... мнэ-э... не советую. Съедят», — после чего сразу удалился, подрагивая хвостом. Мне хотелось быть очень осторожным, и поэтому, когда бабка вторично пошла на приступ, я, чтобы разом со всем покончить, запросил с нее пятьдесят рублей. Она тут же отстала, посмотрев на меня с уважением.

Я сделал ЕУ и ТО, с величайшей осторожностью съездил заправиться к бензоколонке, пообедал в столовой № 11 и еще раз подвергся проверке документов со стороны бдительного Ковалева. Для очистки совести я спросил у него, какова дорога до Лысой горы. Юный сержант посмотрел на меня с большим недоверием и сказал: «Дорога? Что это вы говорите, гражданин? Какая же там дорога? Нет там никакой дороги». Домой я вернулся уже под проливным дождем. Старуха отбыла. Кот Василий исчез. В колодце кто-то пел на два голоса, и это было жутко и тоскливо. Вскоре ливень сменился скучным мелким дождиком. Стало темно.

Я забрался в свою комнату и попытался экспериментировать с книгой-перевертышем. Однако в ней что-то застопорило. Может быть, я делал что-нибудь не так или влияла погода, но она как была, так и оставалась «Практическими занятиями по синтаксису и пунктуации» Ф. Ф. Кузьмина, сколько я ни ухищрялся. Читать такую книгу было совершенно невозможно, и я попытал счастья с зеркалом. Но зеркало отражало все что угодно и молчало. Тогда я лег на диван и стал лежать.

От скуки и шума дождя я уже начал было задремывать, когда вдруг зазвонил телефон. Я вышел в прихожую и взял трубку.

— Алло!

В трубке молчало и потрескивало.

— Алло, — сказал я и подул в трубку. — Нажмите кнопку.

Ответа не было.

— Постучите по аппарату, — посоветовал я. Трубка молчала. Я еще раз подул, подергал шнур и сказал: — Перезвоните с другого автомата.

Тогда в трубке грубо осведомились:

— Это Александр?

— Да, — я был удивлен.

— Ты почему не отвечаешь?

— Я отвечаю. Кто это?

— Это Петровский тебя беспокоит. Сходи в засольный цех и скажи мастеру, чтобы мне позвонил.

— Какому мастеру?

— Ну кто там сегодня у тебя?

— Не знаю.

— Что значит — не знаю? Это Александр?

— Слушайте, гражданин, — сказал я, — по какому номеру вы звоните?

— По семьдесят второму... Это семьдесят второй?

Я не знал.

— По-видимому, нет, — сказал я.

— Что же вы говорите, что вы Александр?

— Я в самом деле Александр!

— Тьфу!.. Это комбинат?

— Нет, — сказал я. — Это музей.

— А... Тогда извиняюсь. Мастера, значит, позвать не можете...

Я повесил трубку. Некоторое время я стоял, оглядывая прихожую. В прихожей было пять дверей: в мою комнату, во двор, в бабкину комнату, в туалет и еще одна, обитая железом, с громадным висячим замком. Скучно, подумал я. Одиноко. И лампочка тусклая, пыльная... Волоча ноги, я вернулся в свою комнату и остановился на пороге.

ДИВАНА НЕ БЫЛО.

Все остальное было совершенно по-прежнему: стол, и печь, и зеркало, и вешалка, и табуретки. И книга лежала на подоконнике точно там, где я ее оставил. А на полу, где раньше был диван, остался только очень пыльный, замусоренный прямоугольник. Потом я увидел постельное белье, аккуратно сложенное под вешалкой.

— Только что здесь был диван, — вслух сказал я. — Я на нем лежал.

Что-то странно изменилось в доме. Комната наполнилась невнятным шумом. Кто-то где-то разговаривал, слышалась музыка, где-то смеялись, кашляли, шаркали ногами. Смутная тень на мгновение заслонила свет лампочки, отчетливо скрипнули половицы. Потом вдруг запахло аптекой, и в лицо мне пахнуло холодом. Я попятился. И тотчас же кто-то резко и отчетливо постучал в наружную дверь. Шумы мгновенно утихли. Оглядываясь на то место, где раньше был диван, я вновь вышел в сени и открыл дверь.

Передо мной под мелким дождем стоял невысокий изящный человек в коротком кремовом плаще идеальной чистоты, с поднятым воротником. Он снял шляпу и с достоинством произнес:

— Прошу прощения, Александр Иванович. Не могли бы вы уделить мне пять минут для разговора?

— Конечно, — сказал я растерянно. — Заходите...

Этого человека я видел впервые в жизни, и у меня мелькнула мысль, не связан ли он с местной милицией. Незнакомец шагнул в прихожую и сделал движение пройти прямо в мою комнату. Я заступил ему дорогу. Не знаю, зачем я это сделал, наверное, по-

тому, что мне не хотелось расспросов насчет пыли и мусора на полу.

— Извините, — пролепетал я, — может быть, здесь... А то у меня беспорядок... И сесть негде...

Незнакомец резко вскинул голову.

— Как — негде? — сказал он негромко. — А диван?

С минуту мы молча смотрели друг другу в глаза.

— М-м-м... Что — диван? — спросил я почему-то шепотом.

Незнакомец опустил веки.

— Ах, вот как? — медленно произнес он. — Понимаю. Жаль. Ну что ж, извините...

Он вежливо кивнул, надел шляпу и решительно направился к дверям туалета.

— Куда вы? — закричал я. — Вы не туда!

Незнакомец, не оборачиваясь, пробормотал: «Ах, это безразлично», — и скрылся за дверью. Я машинально зажег ему свет, постоял немного, прислушиваясь, затем рванул дверь. В туалете никого не было. Я осторожно вытащил сигарету и закурил. Диван, подумал я. При чем здесь диван? Никогда не слыхал никаких сказок о диванах. Был ковер-самолет. Была скатерть-самобранка. Были: шапка-невидимка, сапоги-скороходы, гусли-самогуды. Было чудо-зеркальце. А чудо-дивана не было. На диванах сидят или лежат, диван — это нечто прочное, очень обыкновенное... В самом деле, какая фантазия могла бы вдохновиться диваном?..

Вернувшись в комнату, я сразу увидел Маленького Человечка. Он сидел на печке под потолком, скорчившись в очень неудобной позе. У него были сморщенное небритое лицо и серые волосатые уши.

— Здравствуйте, — сказал я утомленно.

Маленький Человечек страдальчески скривил длинные губы.

— Добрый вечер, — сказал он. — Извините, пожалуйста, занесло меня сюда — сам не понимаю как... Я насчет дивана.

— Насчет дивана вы опоздали, — сказал я, садясь к столу.

— Вижу, — тихо сказал Человечек и неуклюже заворочался.

Посыпалась известка. Я курил, задумчиво его разглядывая. Маленький Человечек неуверенно заглядывал вниз.

— Вам помочь? — спросил я, делая движение.

— Нет, спасибо, — сказал Человечек уныло. — Я лучше сам...

Пачкаясь в мелу, он подобрался к краю лежанки и, неловко оттолкнувшись, нырнул головой вниз. У меня екнуло внутри, но он повис в воздухе и стал медленно опускаться, судорожно растопырив руки и ноги. Это было не очень эстетично, но забавно. Приземлившись на четвереньки, он сейчас же встал и вытер рукавом мокрое лицо.

— Совсем старик стал, — сообщил он хрипло. — Лет сто назад или, скажем, при Гонзасте за такой спуск меня лишили бы диплома, будьте уверены, Александр Иванович.

— А что вы кончали? — осведомился я, закуривая вторую сигарету.

Он не слушал меня. Присев на табурет напротив, он продолжал горестно:

— Раньше я левитировал, как Зекс. А теперь, простите, не могу вывести растительность на ушах. Это так неопрятно... Но если нет таланта? Огромное количество соблазнов вокруг, всевозможные степени, звания, лауреатские премии, а таланта нет! У нас многие обрастают к старости. Корифеев это, конечно, не касается. Жиан Жиакомо, Кристобаль Хунта, Джузеппе Бальзамо или, скажем, Киврин Федор Семенович... Никаких следов растительности! — Он торжествующе посмотрел на меня. — Ника-ких! Гладкая кожа, изящество, стройность...

— Позвольте, — сказал я. — Вы сказали — Джузеппе Бальзамо... Но это же то же самое, что граф Калиостро! А по Толстому граф был жирен и очень неприятен на вид...

Маленький Человечек с сожалением посмотрел на меня и снисходительно улыбнулся.

— Вы просто не в курсе дела, Александр Ивано-

вич, — сказал он. — Граф Калиостро — это совсем не то же самое, что великий Бальзамо. Это... как бы вам сказать... Это не очень удачная его копия. Бальзамо в юности сматрицировал себя. Он был необычайно, необычайно талантлив, но вы знаете, как это делается в молодости... Побыстрее, посмешнее, тяп-ляп, и так сойдет... Да-с... Никогда не говорите, что Бальзамо и Калиостро — это одно и то же. Может получиться неловко.

Мне стало неловко.

— Да, — сказал я. — Я, конечно, не специалист. Но... Простите за нескромный вопрос, но при чем здесь диван? Кому он понадобился?

Маленький Человечек вздрогнул.

— Непростительная самонадеянность, — сказал он громко и поднялся. — Я совершил ошибку и готов признаться со всей решительностью. Когда такие гиганты... А тут еще наглые мальчишки... — Он стал кланяться, прижимая к сердцу бледные лапки. — Прошу прощения, Александр Иванович, я вас так обеспокоил... Еще раз решительно извиняюсь и немедленно вас покидаю... — Он приблизился к печке и боязливо поглядел наверх. — Старый я, Александр Иванович, — сказал он, тяжело вздохнув. — Старенький...

— А может быть, вам было бы удобнее... через... э-э... Тут перед вами приходил один товарищ, так он воспользовался.

— И-и, батенька, так это же был Кристобаль Хунта! Что ему — просочиться через канализацию на десяток лье... — Маленький Человечек горестно махнул рукой. — Мы попроще... Диван он с собой взял или трансгрессировал?

— Н-не знаю, — сказал я. — Дело-то в том, что он тоже опоздал.

Маленький Человечек ошеломленно пощипал шерсть на правом ухе.

— Опоздал? Он? Невероятно... Впрочем, разве можем мы с вами об этом судить? До свидания, Александр Иванович, простите великодушно.

Он с видимым усилием прошел сквозь стену и исчез. Я бросил окурок в мусор на полу. Ай да диван! Это тебе не говорящая кошка. Это что-то посолиднее — какая-то драма. Может быть, даже драма идей. А ведь, пожалуй, придут еще... опоздавшие. Наверняка придут. Я посмотрел на мусор. Где это я видел веник?..

Веник стоял рядом с кадкой под телефоном. Я принялся подметать пыль и мусор, и вдруг что-то тяжело зацепило за веник и выкатилось на середину комнаты. Я взглянул. Это был блестящий продолговатый цилиндрик величиной с указательный палец. Я потрогал его веником. Цилиндрик качнулся, что-то сухо затрещало, и в комнате запахло озоном. Я бросил веник и поднял цилиндр. Он был гладкий, отлично отполированный и теплый на ощупь. Я пощелкал по нему ногтем, и он снова затрещал. Я повернул его, чтобы осмотреть с торца, и в ту же секунду почувствовал, что пол уходит у меня из-под ног. Все перевернулось перед глазами. Я пребольно ударился обо что-то пятками, потом плечом и макушкой, выронил цилиндр и упал. Я был здорово ошарашен и не сразу понял, что лежу в узкой щели между печью и стеной. Лампочка над головой раскачивалась, и, подняв глаза, я с изумлением обнаружил на потолке рубчатые следы своих ботинок. Кряхтя, я выбрался из щели и осмотрел подошвы. На подошвах был мел.

— Однако, — сказал я вслух. — Не просочиться бы в канализацию!..

Я поискал глазами цилиндрик. Он стоял, касаясь пола краем торца, в положении, исключающем всякую возможность равновесия. Я осторожно приблизился и опустился возле него на корточки. Цилиндрик тихо потрескивал и раскачивался. Я долго смотрел на него, вытянув шею, потом подул на него. Цилиндрик качнулся сильнее, наклонился, и тут за моей спиной раздался хриплый клекот и пахнуло ветром. Я оглянулся и сел на пол. На печке аккуратно складывал крылья исполинский гриф с голой шеей и зловещим загнутым клювом.

— Здравствуйте, — сказал я. Я был убежден, что гриф говорящий.

Гриф, склонив голову, посмотрел на меня одним глазом и сразу стал похож на курицу. Я приветственно помахал рукой. Гриф открыл было клюв, но разговаривать не стал. Он поднял крыло и стал искаться у себя под мышкой, щелкая клювом. Цилиндрик все покачивался и трещал. Гриф перестал искаться, втянул голову в плечи и прикрыл глаза желтой пленкой. Стараясь не поворачиваться к нему спиной, я закончил уборку и выбросил мусор в дождливую тьму за дверью. Потом я вернулся в комнату.

Гриф спал, пахло озоном. Я посмотрел на часы: было двадцать минут первого. Я немного постоял над цилиндриком, размышляя над законом сохранения энергии, а заодно и вещества. Вряд ли грифы конденсируются из ничего. Если данный гриф возник здесь, в Соловце, значит, какой-то гриф (не обязательно данный) исчез на Кавказе или где они там водятся. Я прикинул энергию переноса и опасливо посмотрел на цилиндрик. Лучше его не трогать, подумал я. Лучше его чем-нибудь прикрыть и пусть стоит. Я принес из прихожей ковшик, старательно прицелился и, не дыша, накрыл им цилиндрик. Затем я сел на табурет, закурил и стал ждать еще чего-нибудь. Гриф отчетливо сопел. В свете лампы его перья отливали медью, огромные когти впились в известку. От него медленно распространялся запах гнили.

— Напрасно вы это сделали, Александр Иванович, — сказал приятный мужской голос.

— Что именно? — спросил я, оглянувшись на зеркало.

— Я имею в виду умклайдет...

Говорило не зеркало. Говорил кто-то другой.

— Не понимаю, о чем речь, — сказал я. В комнате никого не было, и я чувствовал раздражение.

— Я говорю про умклайдет, — произнес голос. — Вы совершенно напрасно накрыли его железным ковшом. Умклайдет, или, как вы его называете, волшеб-

ная палочка, требует чрезвычайно осторожного обращения.

— Потому я и накрыл... Да вы заходите, товарищ, а то так очень неудобно разговаривать.

— Благодарю вас, — сказал голос.

Прямо передо мной неторопливо сконденсировался бледный, весьма корректный человек в превосходно сидящем сером костюме. Несколько склонив голову набок, он осведомился с изысканнейшей вежливостью:

— Смею ли надеяться, что не слишком обеспокоил вас?

— Отнюдь, — сказал я, поднимаясь. — Прошу вас, садитесь и будьте как дома. Угодно чайку?

— Благодарю вас, — сказал незнакомец и сел напротив меня, изящным жестом поддернув штанины. — Что же касается чаю, то прошу извинения, Александр Иванович, я только что отужинал.

Некоторое время он, светски улыбаясь, глядел мне в глаза. Я тоже улыбался.

— Вы, вероятно, насчет дивана? — сказал я. — Дивана, увы, нет. Мне очень жаль, и я даже не знаю...

Незнакомец всплеснул руками.

— Какие пустяки! — сказал он. — Как много шума из-за какого-то, простите, вздора, в который никто к тому же по-настоящему не верит... Посудите сами, Александр Иванович, устраивать склоки, безобразные кинопогони, беспокоить людей из-за мифического — я не боюсь этого слова, — именно мифического Белого Тезиса... Каждый трезво мыслящий человек рассматривает диван как универсальный транслятор, несколько громоздкий, но весьма добротный и устойчивый в работе. И тем более смешны старые невежды, болтающие о Белом Тезисе... Нет, я и говорить не желаю об этом диване.

— Как вам будет благоугодно, — сказал я, сосредоточив в этой фразе всю свою светскость. — Поговорим о чем-нибудь другом.

— Суеверия... Предрассудки... — рассеянно проговорил незнакомец. — Леность ума и зависть, за-

висть, поросшая волосами, зависть... — он прервал самого себя. — Простите, Александр Иванович, но я бы осмелился все-таки просить вашего разрешения убрать этот ковш. К сожалению, железо практически не прозрачно для гиперполя, а возрастание напряженности гиперполя в малом объеме...

Я поднял руки.

— Ради бога, все, что вам угодно! Убирайте ковшик... убирайте даже этот самый... ум... ум... Эту волшебную палочку... — тут я остановился, с изумлением обнаружив, что ковшика больше нет. Цилиндрик стоял в луже жидкости, похожей на окрашенную ртуть. Жидкость быстро испарялась.

— Так будет лучше, уверяю вас, — сказал незнакомец. — Что же касается вашего великодушного предложения убрать умклайдет, то я, к сожалению, не могу им воспользоваться. Это уже вопросы морали и этики, вопросы чести, если угодно... Условности так сильны! Я позволю себе посоветовать вам больше не прикасаться к умклайдету. Я вижу, вы ушиблись, и этот орел... Я думаю, вы чувствуете... э-э... некоторое амбре...

— Да, — сказал я с чувством. — Воняет гадостно. Как в обезьяннике.

Мы посмотрели на орла. Гриф, нахохлившись, дремал.

— Искусство управлять умклайдетом, — сказал незнакомец, — это сложное и тонкое искусство. Вы ни в коем случае не должны огорчаться или упрекать себя. Курс управления умклайдетом занимает восемь семестров и требует основательного знания квантовой алхимии. Как программист вы, вероятно, без особого труда освоили бы умклайдет электронного уровня, так называемый «УЭУ-17»... Но квантовый умклайдет... гиперполя... трансгрессивные воплощения... обобщенный закон Ломоносова — Лавуазье... — Он виновато развел руками.

— О чем разговор! — поспешно сказал я. — Я ведь и не претендую... Конечно же, я абсолютно не подготовлен.

Тут я спохватился и предложил ему закурить.

— Благодарю вас, — сказал незнакомец. — Не употребляю, к великому моему сожалению.

Тогда, пошевелив от вежливости пальцами, я осведомился — не спросил, а именно осведомился:

— Не позволено ли мне будет узнать, чем я обязан приятностию нашей встречи?

Незнакомец опустил глаза.

— Боюсь показаться нескромным, — сказал он, — но, увы, я должен признаться, что уже довольно давно нахожусь здесь. Мне не хотелось бы называть имена, но я думаю, даже вам, как вы ни далеки от всего этого, Александр Иванович, ясно, что вокруг дивана возникла некоторая нездоровая суета, назревает скандал, атмосфера накаляется, напряженность растет. В такой обстановке неизбежны ошибки, чрезвычайно нежелательные случайности... Не будем далеко ходить за примерами. Некто — повторяю, мне не хотелось бы называть имена, тем более что это сотрудник, достойный всяческого уважения, а говоря об уважении, я имею в виду, если не манеры, то большой талант и самоотверженность, — так вот некто, спеша и нервничая, теряет здесь умклайдет, и умклайдет становится центром событий, в которые оказывается вовлеченным человек, совершенно к оным непричастный... — Он поклонился в мою сторону. — А в таких случаях совершенно необходимо воздействие, как-то нейтрализующее вредные влияния... — Он значительно посмотрел на отпечатки ботинок на потолке. Затем он улыбнулся мне. — Но я не хотел бы показаться абстрактным альтруистом. Конечно, все эти события меня весьма интересуют как специалиста и как администратора... Впрочем, я не намерен более мешать вам, и, поскольку вы сообщили мне уверенность в том, что больше не будете экспериментировать с умклайдетом, я попрошу у вас разрешения откланяться.

Он поднялся.

— Ну что вы! — вскричал я. — Не уходите! Мне так приятно беседовать с вами, у меня к вам тысяча вопросов!..

— Я чрезвычайно ценю вашу деликатность, Алек-

сандр Иванович, но вы утомлены, вам совершенно необходимо отдохнуть...

— Нисколько! — горячо возразил я. — Наоборот!

— Александр Иванович, — произнес незнакомец, ласково улыбаясь и пристально глядя мне в глаза. — Но ведь вы действительно утомлены. И вы действительно хотите отдохнуть.

И тут я почувствовал, что действительно засыпаю. Глаза мои слипались. Говорить больше не хотелось. Ничего больше не хотелось. Страшно хотелось спать.

— Было исключительно приятно познакомиться с вами, — сказал незнакомец негромко. Я видел, как он начал бледнеть, бледнеть и медленно растворился в воздухе, оставив после себя легкий запах дорогого одеколона. Я кое-как расстелил матрас на полу, ткнулся лицом в подушку и моментально заснул.

Разбудило меня хлопанье крыльев и неприятный клекот. В комнате стоял странный голубоватый полумрак. Орел на печке шуршал, гнусно орал и стучал крыльями по потолку. Я сел и огляделся. На середине комнаты парил в воздухе здоровенный детина в тренировочных брюках и в полосатой гавайке навыпуск. Он парил над цилиндриком и, не прикасаясь к нему, плавно помовал огромными костистыми лапами.

— В чем дело? — спросил я.

Детина мельком взглянул на меня из-под плеча и отвернулся.

— Не слышу ответа, — сказал я зло. Мне все еще очень хотелось спать.

— Тихо, ты, смертный, — сипло произнес детина. Он прекратил свои пассы и взял цилиндрик с пола. Голос его показался мне знакомым.

— Эй, приятель, — сказал я угрожающе. — Положи эту штуку на место и очисти помещение.

Детина смотрел на меня, выпячивая челюсть. Я откинул простыню и встал.

— А ну, положи умклайдет! — сказал я в полный голос.

Детина опустился на пол и, прочно упершись но-

гами, принял стойку. В комнате стало гораздо светлее, хотя лампочка не горела.

— Детка, — сказал детина, — ночью надо спать. Лучше ляг сам.

Парень был явно не дурак подраться. Я, впрочем, тоже.

— Может, выйдем во двор? — деловито предложил я, подтягивая трусы.

Кто-то вдруг произнес с выражением:

— Устремив свои мысли на высшее Я, свободный от вожделения и себялюбия, исцелившись от душевной горячки, сражайся, Арджуна!

Я вздрогнул. Парень тоже вздрогнул.

— «Бхагават — Гита»! — сказал голос. — Песнь третья, стих тридцатый.

— Это зеркало, — сказал я машинально.

— Сам знаю, — проворчал детина.

— Положи умклайдет, — потребовал я.

— Чего ты орешь, как больной слон? — сказал парень. — Твой он, что ли?

— А может быть, твой?

— Да, мой!

Тут меня осенило.

— Значит, диван тоже ты уволок?

— Не суйся не в свои дела, — посоветовал парень.

— Отдай диван, — сказал я. — На него расписка написана.

— Пошел к черту, — сказал детина, озираясь.

И тут в комнате появились еще двое: Тощий и Толстый, оба в полосатых пижамах, похожие на узников Синг-Синга.

— Корнеев! — завопил Толстый. — Так это вы воруете диван?! Какое безобразие!

— Идите вы все, — сказал детина.

— Вы грубиян! — закричал Толстый. — Вас гнать надо! Я на вас докладную подам!

— Ну и подавайте, — мрачно сказал Корнеев. — Займитесь любимым делом.

— Не смейте разговаривать со мной в таком то-

не! Вы мальчишка! Вы дерзец! Вы забыли здесь умклайдет! Молодой человек мог пострадать!

— Я уже пострадал, — вмешался я. — Дивана нет, сплю как собака, каждую ночь разговоры... орел этот вонючий...

Толстый немедленно повернулся ко мне.

— Неслыханное нарушение дисциплины, — заявил он. — Вы должны жаловаться... А вам должно быть стыдно! — Он снова повернулся к Корнееву.

Корнеев угрюмо запихивал умклайдет за щеку. Тощий вдруг спросил тихо и угрожающе:

— Вы сняли Тезис, Корнеев?

Детина мрачно ухмыльнулся.

— Да нет там никакого Тезиса, — сказал он. — Что вы все сепетите? Не хотите, чтобы мы диван воровали, дайте нам другой транслятор...

— Вы читали приказ о неизъятии предметов из запасника? — грозно осведомился Тощий.

Корнеев сунул руки в карманы и стал смотреть в потолок.

— Вам известно постановление Ученого совета? — еще раз осведомился Тощий.

— Мне известно, что понедельник начинается в субботу, — угрюмо сказал Корнеев.

— Не разводите демагогии, — сказал Тощий. — Немедленно верните диван и не смейте сюда больше возвращаться.

— Не верну я диван, — сказал Корнеев. — Эксперимент закончим — вернем.

Толстый устроил безобразную сцену. «Самоуправство! — визжал он. — Хулиганство!» Гриф взволнованно заорал опять. Корнеев, не вынимая рук из карманов, повернулся спиной и шагнул сквозь стену. Толстяк устремился за ним с криком: «Нет, вы вернете диван!» Тощий сказал мне:

— Это недоразумение. Мы примем меры, чтобы оно не повторилось.

Он кивнул и тоже двинулся к стене.

— Погодите! — вскричал я. — Орла! Орла заберите! Вместе с запахом!

Тощий, уже наполовину войдя в стену, обернулся

и поманил орла пальцем. Гриф шумно сорвался с печки и втянулся ему под ноготь. Тощий исчез. Голубой свет медленно померк, стало темно, в окно снова забарабанил дождь. Я включил свет и оглядел комнату. В комнате все было по-прежнему, только на печке зияли глубокие царапины от когтей грифа да на потолке дико и нелепо темнели рубчатые следы моих ботинок.

— Прозрачное масло, находящееся в корове, — с идиотским глубокомыслием произнесло зеркало, — не способствует ее питанию, но оно снабжает наилучшим питанием, будучи обработано надлежащим способом.

Я выключил свет и улегся. На полу было жестко, тянуло холодом. Будет мне завтра от старухи, подумал я.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

> — Нет, — произнес он в ответ настойчивому вопросу моих глаз, — я не член клуба, я призрак.
> — Хорошо, но это не дает вам права расхаживать по клубу.
> *Г. Дж. Уэллс*

Утром оказалось, что диван стоит на месте. Я не удивился. Я только подумал, что так или иначе старуха добилась своего: диван стоит в одном углу, а я лежу в другом. Собирая постель и делая зарядку, я размышлял о том, что существует, вероятно, некоторый предел способности к удивлению. По-видимому, я далеко шагнул за этот предел. Я даже испытывал некоторое утомление. Я пытался представить себе что-нибудь такое, что могло бы меня сейчас поразить, но фантазии у меня не хватало. Это мне очень не нравилось, потому что я терпеть не могу людей, неспособных удивляться. Правда, я был далек от психологии «подумаешь, эка невидаль», скорее мое состояние напоминало состояние Алисы в Стране чудес: я был словно во сне и принимал и готов был принять любое чудо за должное, требующее более разверну-

той реакции, нежели простое разевание рта и хлопанье глазами.

Я еще делал зарядку, когда в прихожей хлопнула дверь, зашаркали и застучали каблуки, кто-то закашлял, что-то загремело и упало, и начальственный голос позвал: «Товарищ Горыныч!» Старуха не отозвалась, и в прихожей начали разговаривать: «Что это за дверь?.. А, понятно... А это?» — «Тут вход в музей». — «А здесь?.. Что это — все заперто, замки...» — «Весьма хозяйственная женщина, Янус Полуэктович. А это телефон». — «А где же этот знаменитый диван? В музее?» — «Нет. Тут должен быть запасник».

— Это здесь, — сказал знакомый угрюмый голос.

Дверь моей комнаты распахнулась, и на пороге появился высокий худощавый старик с великолепной снежно-белой сединой, чернобровый и черноусый, с глубокими черными глазами. Увидев меня (я стоял в одних трусах, руки в стороны, ноги на ширине плеч), он приостановился и звучным голосом произнес:

— Так.

Справа и слева от него заглядывали в комнату еще какие-то лица. Я сказал: «Прошу прощения», — и побежал к своим джинсам. Впрочем, на меня не обратили внимания. В комнату вошли четверо и столпились вокруг дивана. Двоих я знал: угрюмого Корнеева, небритого, с красными глазами, все в той же легкомысленной гавайке, и смуглого горбоносого Романа, который подмигнул мне, сделал непонятный знак рукой и сейчас же отвернулся. Седовласого я не знал. Не знал я и полного рослого мужчину в черном, лоснящемся со спины костюме и с широкими хозяйскими движениями.

— Вот этот диван? — спросил лоснящийся мужчина.

— Это не диван, — угрюмо сказал Корнеев. — Это транслятор.

— Для меня это диван, — заявил лоснящийся, глядя в записную книжку. — Диван мягкий, полуторный, инвентарный номер одиннадцать двадцать

три. — Он наклонился и пощупал. — Вот он у вас влажный, Корнеев, таскали под дождем. Теперь считайте: пружины проржавели, обшивка сгнила.

— Ценность данного предмета, — произнес, как мне показалось, издевательски горбоносый Роман, — заключается отнюдь не в обшивке и даже не в пружинах, которых нет.

— Вы мне это прекратите, Роман Петрович, — предложил лоснящийся с достоинством. — Вы мне вашего Корнеева не выгораживайте. Диван проходит у меня по музею и должен там находиться...

— Это прибор, — сказал Корнеев безнадежно. — С ним работают...

— Этого я не знаю, — заявил лоснящийся. — Я не знаю, что это за работа с диваном.

— А мы вот знаем, — тихонько сказал Роман.

— Вы это прекратите, — сказал лоснящийся, поворачиваясь к нему. — Вы здесь не в пивной, вы здесь в учреждении. Что вы, собственно, имеете в виду?

— Я имею в виду, что это не есть диван, — сказал Роман. — Или в доступной для вас форме это есть не совсем диван. Это есть прибор, имеющий внешность дивана.

— Я попросил бы прекратить эти намеки, — решительно сказал лоснящийся. — Насчет доступной формы и все такое. Давайте каждый делать свое дело. Мое дело — прекратить разбазаривание, и я его прекращаю.

— Так, — звучно сказал седовласый. Сразу стало тихо. — Я беседовал с Кристобалем Хозевичем и с Федором Семеновичем. Они полагают, что этот диван-транслятор представляет лишь музейную ценность. В свое время он принадлежал королю Рудольфу Второму, так что историческая ценность его неоспорима. Кроме того, года два назад, если память мне не изменяет, мы уже выписывали серийный транслятор... Кто его выписывал, вы не помните, Модест Матвеевич?

— Одну минутку, — сказал лоснящийся Модест Матвеевич и стал быстро листать записную книж-

ку. — Одну минуточку... Транслятор двухходовой ТДХ-80Е Китежградского завода... По заявке товарища Бальзамо.

— Бальзамо работает на нем круглосуточно, — сказал Роман.

— И барахло этот ТДХ, — добавил Корнеев. — Избирательность на молекулярном уровне.

— Да, да, — сказал седовласый. — Я припоминаю. Был доклад об исследовании ТДХ. Действительно, кривая селективности не гладкая... Да. А этот... э... диван?

— Ручной труд, — быстро сказал Роман. — Безотказен. Конструкции Льва бен Бецалеля. Бен Бецалель собирал и отлаживал его триста лет...

— Вот! — сказал лоснящийся Модест Матвеевич. — Вот как надо работать! Старик, а все делал сам.

Зеркало вдруг прокашлялось и сказало:

— Все оне помолодели, пробыв час в воде, и вышли из нея такими же красивыми, розовыми, молодыми и здоровыми, сильными и жизнерадостными, какими были в двадцать лет.

— Вот именно, — сказал Модест Матвеевич. Зеркало говорило голосом седовласого.

Седовласый досадливо поморщился.

— Не будем решать этот вопрос сейчас, — произнес он.

— А когда? — спросил грубый Корнеев.

— В пятницу на Ученом совете.

— Мы не можем разбазаривать реликвии, — вставил Модест Матвеевич.

— А мы что будем делать? — спросил грубый Корнеев.

Зеркало забубнило угрожающим замогильным голосом:

> Видел я сам, как, подобравши черные платья,
> Шла босая Канидия, простоволосая, с воем,
> С ней и Сагана, постарше годами, и бледные обе
> Страшны были на вид. Тут начали землю ногтями
> Обе рыть и черного рвать зубами ягненка...

Седовласый, весь сморщившись, подошел к зеркалу, запустил в него руку по плечо и чем-то щелкнул. Зеркало замолчало.

— Так, — сказал седовласый. — Вопрос о вашей группе мы тоже решим на совете. А вы... — по лицу его было видно, что он забыл имя-отчество Корнеева, — вы пока воздержитесь... э... от посещения музея.

С этими словами он вышел из комнаты. Через дверь.

— Добились своего, — сказал Корнеев сквозь зубы, глядя на Модеста Матвеевича.

— Разбазаривать не дам, — коротко ответил тот, засовывая во внутренний карман записную книжку.

— Разбазаривать! — сказал Корнеев. — Плевать вам на все это. Вас отчетность беспокоит. Лишнюю графу вводить неохота.

— Вы это прекратите, — сказал непреклонный Модест Матвеевич. — Мы еще назначим комиссию и посмотрим, не повреждена ли реликвия...

— Инвентарный номер одиннадцать двадцать три, — вполголоса добавил Роман.

— В таком вот аксепте, — величественно произнес Модест Матвеевич, повернулся и увидел меня. — А вы что здесь делаете? — осведомился он. — Почему это вы здесь спите?

— Я... — сказал я.

— Вы спали на диване, — произнес Модест, сверля меня взглядом контрразведчика. — Вам известно, что это прибор?

— Нет, — сказал я. — То есть теперь известно, конечно.

— Модест Матвеевич! — воскликнул горбоносый Роман. — Это же наш новый программист, Саша Привалов!

— А почему он здесь спит? Почему не в общежитии?

— Он еще не зачислен, — сказал Роман, обнимая меня за талию.

— Тем более!

— Значит, пусть спит на улице? — злобно спросил Корнеев.

— Вы это прекратите, — сказал Модест. — Есть общежитие, есть гостиница, а здесь музей, госучреждение. Если все будут спать в музеях... Вы откуда?

— Из Ленинграда, — сказал я мрачно.

— Вот если я приеду в Ленинград и пойду спать в Эрмитаж?

— Пожалуйста, — сказал я, пожимая плечами.

Роман все держал меня за талию.

— Модест Матвеевич, вы совершенно правы, непорядок, но сегодня он будет ночевать у меня.

— Это другое дело. Это пожалуйста, — великодушно разрешил Модест. Он хозяйским взглядом окинул комнату, увидел отпечатки на потолке и сразу же посмотрел на мои ноги. К счастью, я был босиком. — В таком вот аксепте, — сказал он, поправил рухлядь на вешалке и вышел.

— Д-дубина, — выдавил из себя Корнеев. — Пень. — Он сел на диван и взялся за голову. — Ну их всех к черту! Сегодня же ночью опять утащу.

— Спокойно, — ласково сказал Роман. — Ничего страшного. Нам просто немножко не повезло. Ты заметил, какой это Янус?

— Ну? — сказал Корнеев безнадежно.

— Это же А-Янус.

Корнеев поднял голову.

— Откуда ты знаешь?

— Огромный опыт, — сказал Роман и подмигнул. — А главное — У-Януса вызвал Келдыш. Он вчера улетел и еще не вернулся. Понял, расхититель музейных ценностей?

— Слушай, ты меня спасаешь, — сказал Корнеев, и я впервые увидел, как он улыбался.

— Дело в том, Саша, — сказал Роман, обращаясь ко мне, — что у нас идеальный директор. Он един в двух лицах. Есть А-Янус Полуэктович и У-Янус Полуэктович. У-Янус — это крупный ученый международного класса. Что же касается А-Януса, то это довольно обыкновенный администратор.

— Близнецы? — осторожно спросил я.

— Да нет, это один и тот же человек. Только он един в двух лицах.

— Ясно, — сказал я и стал надевать ботинки.

— Ничего, Саша, скоро все узнаешь, — сказал Роман ободряюще.

Я поднял голову.

— То есть?

— Нам нужен программист, — проникновенно сказал Роман.

— Мне очень нужен программист, — сказал Корнеев.

— Всем нужен программист, — сказал я, возвращаясь к ботинкам. — И прошу без гипноза и всяких там заколдованных мест.

— Он уже догадывается, — сказал Роман.

Корнеев хотел что-то сказать, но за окном грянули крики.

— Это не наш пятак! — кричал Модест.

— А чей же это пятак?

— Я не знаю, чей это пятак! Это не мое дело! Это ваше дело — ловить фальшивомонетчиков, товарищ сержант!..

— Пятак изъят у некоего Привалова, каковой проживает здесь у вас, в Изнакурноже!..

— Ах, у Привалова? Я сразу подумал, что он ворюга!

Укоризненный голос А-Януса произнес:

— Ну-ну, Модест Матвеевич!..

— Нет, извините, Янус Полуэктович! Этого нельзя так оставить! Товарищ сержант, пройдемте!.. Он в доме... Янус Полуэктович, встаньте у окна, чтобы он не выскочил! Я докажу! Я не позволю бросать тень на товарища Горыныч!..

У меня нехорошо похолодело внутри. Но Роман уже оценил положение. Он схватил с вешалки засаленный картуз и нахлобучил мне на уши.

Я исчез.

Это было очень странное ощущение. Все осталось на месте, все, кроме меня. Но Роман не дал мне насытиться новыми переживаниями.

— Это кепка-невидимка, — прошипел он. — Отойди в сторонку и помалкивай.

Я на цыпочках отбежал в угол и сел под зеркало. В ту же секунду в комнату ворвался возбужденный Модест, волоча за рукав юного сержанта Ковалева.

— Где он? — завопил Модест, озираясь.

— Вот, — сказал Роман, показывая на диван.

— Не беспокойтесь, стоит на месте, — добавил Корнеев.

— Я спрашиваю, где этот ваш... программист?

— Какой программист? — удивился Роман.

— Вы это прекратите, — сказал Модест. — Здесь был программист. Он стоял в брюках и без ботинок.

— Ах, вот что вы имеете в виду, — сказал Роман. — Но мы же пошутили, Модест Матвеевич. Не было здесь никакого программиста. Это было просто... — он сделал какое-то движение руками, и посредине комнаты возник человек в майке и в джинсах. Я видел его со спины и ничего о нем сказать не могу, но юный Ковалев покачал головой и сказал:

— Нет, это не он.

Модест обошел призрак кругом, бормоча:

— Майка... штаны... без ботинок... Он! Это он.

Призрак исчез.

— Да нет же, это не тот, — сказал сержант Ковалев. — Тот был молодой, без бороды...

— Без бороды? — переспросил Модест. Он был сильно сконфужен.

— Без бороды, — подтвердил Ковалев.

— М-да... — сказал Модест. — А по-моему, у него была борода...

— Так я вручаю вам повестку, — сказал юный Ковалев и протянул Модесту листок бумаги казенного вида. — А вы уж сами разбирайтесь со своим Приваловым и со своей Горыныч...

— А я вам говорю, что это не наш пятак! — заорал Модест. — Я про Привалова ничего не говорю, может быть, Привалова и вообще нет как такового... Но товарищ Горыныч наша сотрудница!..

Юный Ковалев, прижимая руки к груди, пытался что-то сказать.

— Я требую разобраться немедленно! — орал Модест. — Вы мне это прекратите, товарищи милиция! Данная повестка бросает тень на весь коллектив! Я требую, чтобы вы убедились!

— У меня приказ... — начал было Ковалев, но Модест с криком: «Вы это прекратите! Я настаиваю!» бросился на него и поволок из комнаты.

— В музей повлек, — сказал Роман. — Саша, где ты? Снимай кепку, пойдем посмотрим...

— Может, лучше не снимать? — сказал я.

— Снимай, снимай, — сказал Роман. — Ты теперь фантом. В тебя теперь никто не верит — ни администрация, ни милиция...

Корнеев сказал:

— Ну, я пошел спать. Саша, ты приходи после обеда. Посмотришь наш парк машин и вообще...

Я снял кепку.

— Вы это прекратите, — сказал я. — Я в отпуске.

— Пойдем, пойдем, — сказал Роман.

В прихожей Модест, вцепившись одной рукой в сержанта, другой отпирал мощный висячий замок. «Сейчас я вам покажу наш пятак! — кричал он. — Все заприходовано... Все на месте...» — «Да я ничего не говорю, — слабо защищался Ковалев. — Я только говорю, что пятаков может быть не один...» Модест распахнул дверь, и мы все вошли в обширное помещение.

Это был вполне приличный музей — со стендами, диаграммами, витринами, макетами и муляжами. Общий вид более всего напоминал музей криминалистики: много фотографий и неаппетитных экспонатов. Модест сразу уволок сержанта куда-то за стенды, и там они вдвоем загудели как в бочку: «Вот наш пятак...» — «А я ничего и не говорю...» — «Товарищ Горыныч...» — «А у меня приказ!..» — «Вы мне это прекратите!..»

— Полюбопытствуй, полюбопытствуй, Саша, — сказал Роман, сделал широкий жест и сел в кресло у входа.

Я пошел вдоль стены. Я ничему не удивлялся. Мне было просто очень интересно. «Вода живая. Эффективность 52%. Допустимый осадок 0.3» (старинная прямоугольная бутыль с водой, пробка залита цветным воском). «Схема промышленного добывания живой воды». «Макет живо-водоперегонного куба». «Зелье приворотное Вешковского — Траубенбаха» (аптекарская баночка с ядовито-желтой мазью). «Кровь порченая обыкновенная» (запаянная ампула с черной жидкостью)... Над всем этим стендом висела табличка: «Активные химические средства. XII—XVIII вв.». Тут было еще много бутылочек, баночек, реторт, ампул, пробирок, действующих и недействующих моделей установок для возгонки, перегонки и сгущения, но я пошел дальше.

«Меч-кладенец» (очень ржавый двуручный меч с волнистым лезвием, прикован цепью к железной стойке, витрина тщательно опечатана). «Правый глазной (рабочий) зуб графа Дракулы Задунайского» (я не Кювье, но, судя по этому зубу, граф Дракула Задунайский был человеком весьма странным и неприятным). «След обыкновенный и след вынутый. Гипсовые отливки» (следы, по-моему, не отличались друг от друга, но одна отливка была с трещиной). «Ступа на стартовой площадке. IX век» (мощное сооружение из серого пористого чугуна). «Змей-Горыныч, скелет, $^1/_{25}$ наст. вел.» (похоже на скелет диплодока с тремя шеями). «Схема работы огнедышащей железы средней головы». «Сапоги-скороходы гравигенные, действующая модель» (очень большие резиновые сапоги). «Ковер-самолет гравизащитный. Действующая модель» (ковер примерно полтора на полтора с черкесом, обнимающим младую черкешенку на фоне соплеменных гор).

Я дошел до стенда «Развитие идеи философского камня», когда в зале вновь появились сержант Ковалев и Модест Матвеевич. Судя по всему, им так и не удалось сдвинуться с мертвой точки. «Вы это прекратите», — вяло говорил Модест. «У меня приказ», — так же вяло ответствовал Ковалев. «Наш пятак на месте...» — «Вот пусть старуха явится

и даст показания...» — «Что же мы, по-вашему, фальшивомонетчики?..» — «А я этого и не говорил...» — «Тень на весь коллектив...» — «Разберемся...» Ковалев меня не заметил, а Модест остановился, мутно осмотрел с головы до ног, а затем поднял глаза, вяло прочитал вслух надпись на табличке: «Гомункулус лабораторный, общий вид», — и пошел дальше.

Я двинулся за ним, предчувствуя нехорошее. Роман ждал нас у дверей.

— Ну как? — спросил он.

— Безобразие, — вяло сказал Модест. — Бюрократы.

— У меня приказ, — упрямо повторил сержант Ковалев уже из прихожей.

— Ну выходите, Роман Петрович, выходите, — сказал Модест, позвякивая ключами.

Роман вышел. Я сунулся было за ним, но Модест остановил меня.

— Я извиняюсь, — сказал он. — А вы куда?

— Как куда? — сказал я упавшим голосом.

— На место, на место идите.

— На какое место?

— Ну где вы там стоите? Вы, извиняюсь, хамункулус? Ну и стойте, где положено...

Я понял, что погиб. И я бы, наверное, погиб, потому что Роман, по-видимому, тоже растерялся, но в эту минуту в прихожую с топотом и стуком ввалилась Наина Киевна, ведя на веревке здоровенного черного козла. При виде сержанта милиции козел взмемекнул дурным голосом и рванулся прочь. Наина Киевна упала. Модест кинулся в прихожую, и поднялся невообразимый шум. С грохотом покатилась пустая кадушка. Роман схватил меня за руку и, прошептав: «Ходу, ходу!..», бросился в мою комнату. Мы захлопнули за собой дверь и навалились на нее, тяжело дыша. В прихожей кричали:

— Предъявите документы!

— Батюшки, да что же это!

— Почему козел?! Почему в помещении козел?

— Мэ-э-э-э-э...

— Вы это прекратите, здесь не пивная!

— Не знаю я ваших пятаков и не ведаю!
— Мэ-э-э!..
— Гражданка, уберите козла!
— Прекратите, козел заприходован!
— Как заприходован?!
— Это не козел! Это наш сотрудник!
— Тогда пусть предъявит!..
— Через окно — и в машину! — приказал Роман.

Я схватил куртку и выпрыгнул в окно. Из-под ног моих с мявом шарахнулся кот Василий. Пригибаясь, я подбежал к машине, распахнул дверцу и вскочил за руль. Роман уже откатывал воротину. Мотор не заводился. Терзая стартер, я увидел, как дверь избы распахнулась, из прихожей вылетел черный козел и гигантскими прыжками помчался прочь куда-то за угол. Мотор заревел. Я развернул машину и выкатился на улицу. Дубовая воротина с треском захлопнулась. Роман вынырнул из калитки и с размаху сел рядом со мной.

— Ходу! — сказал он бодро. — В центр!

Когда мы поворачивали на Проспект Мира, он спросил:

— Ну как тебе у нас?
— Нравится, — сказал я. — Только очень шумно.
— У Наины всегда шумно, — сказал Роман. — Вздорная старуха. Она тебя не обижала?
— Нет, — сказал я. — Мы почти и не общались.
— Подожди-ка, — сказал Роман. — Притормози.
— А что?
— А вон Володька идет. Помнишь Володю?

Я затормозил. Бородатый Володя влез на заднее сиденье и, радостно улыбаясь, пожал нам руки.

— Вот здорово! — сказал он. — А я как раз к вам иду!
— Только тебя там и не хватало, — сказал Роман.
— А чем все кончилось?
— Ничем, — сказал Роман.
— А куда вы теперь едете?
— В институт, — сказал Роман.
— Зачем? — спросил я.

— Работать, — сказал Роман.

— Я в отпуске.

— Это неважно, — сказал Роман. — Понедельник начинается в субботу, а август на этот раз начнется в июле!

— Меня ребята ждут, — сказал я умоляюще.

— Это мы берем на себя, — сказал Роман. — Ребята абсолютно ничего не заметят.

— С ума сойти, — сказал я.

Мы проехали между магазином № 2 и столовой № 11.

— Он уже знает, куда ехать, — заметил Володя.

— Отличный парень, — сказал Роман. — Гигант!

— Он мне сразу понравился, — сказал Володя.

— Видимо, вам позарез нужен программист, — сказал я.

— Нам нужен далеко не всякий программист, — сказал Роман.

Я затормозил возле странного здания с вывеской «НИИЧАВО» между окнами.

— Что это означает? — спросил я. — Могу я по крайней мере узнать, где меня вынуждают работать?

— Можешь, — сказал Роман. — Ты теперь все можешь. Это Научно-Исследовательский Институт Чародейства и Волшебства. Ну что же ты стал? Загоняй машину!

— Куда? — спросил я.

— Ну неужели ты не видишь?

И я увидел.

Но это уже совсем другая история.

В настоящее время авторы заканчивают работу над повестью «Понедельник начинается в субботу». «Суета вокруг дивана» является первой частью этой повести. *(Прим. ред.)*

ВЛАДИМИР САВЧЕНКО

АЛГОРИТМ УСПЕХА

Все талантливые люди пишут по-разному. Все бездарные — одинаково и даже одинаковым почерком.

И. Ильф, Записные книжки

1. ДВА РАЗГОВОРА С ДИРЕКТОРОМ

25 марта в кабинет директора Института вычислительной техники академика Пантелеева решительно вошли два инженера из отдела машинных расчетов: худощавый рыжеволосый Володя Кайменов и плотный, невозмутимо круглолицый Сергей Малышев.

— Валентин Георгиевич, мы просим вас принять на хранение этот пакет, — пронзительно глядя на академика зелеными глазами, сказал Кайменов.

Пантелеев прикинул на руку небольшой конверт, на котором была крупно написана дата: «25 марта 196... года» — и больше ничего.

— О, под сургучной печатью! — Он присмотрелся. — С номером тридцать четыре от двери машинного зала... А что в нем?

Инженеры замялись. Кайменов посмотрел на Малышева. Тот индифферентно повел широкими плечами: мол, ты это затеял, ты и выкручивайся.

— В нем некоторые бумаги... которые... Валентин Георгиевич! Мы потом все расскажем. Даже больше: вы сами распечатаете этот пакет и ознакомитесь с его содержанием.

— Что ж, — улыбнулся академик, доставая из кармана ключ от сейфа, — пусть полежит. Я тоже люблю тайны.

Второй разговор между Валентином Георгиевичем и Кайменовым состоялся десять дней спустя, четвертого апреля. На этот раз Кайменов был разыскан и доставлен в кабинет с помощью секретарши Зоечки. Пантелеев яростно вышагивал по кабинету.

— Послушайте, Владимир... э-э... Михайлович, что вы там нагородили на межинститутском семинаре? Я имею в виду ваше сообщение «Организация труда исследователя». Прежде надо дело сделать, а потом, прошу прощения, бить в колокола.

— В сообщении только формулировалась постановка задачи, Валентин Георгиевич, и не более...

— Мне пересказывали, как она «формулировалась»: будто алгоритм «электронного организатора» чуть ли не вошел в быт нашего института! Не хочу вас огорчать, но такие поступки я вынужден буду рассматривать без скидок на вашу молодость, житейскую неопытность и прочее. Вам поручена серьезная работа, рискованная, как и всякий общественный эксперимент. А преждевременная, мало обоснованная реклама скомпрометировала уже не одну научную идею...

Кайменов раскрыл рот, чтобы что-то сказать, но директор не предоставил ему для этого паузы.

— И потом эти опоздания на работу! Вот, — Валентин Георгиевич взял со стола карточку Кайменова: на таких карточках автоматические часы на проходной отбивали время прихода и ухода сотрудников, — четыре красных числа за последние два месяца! Недурно для человека, который намеревается организовать труд исследователей, право, недурно!

— Да, но...

— А ваши взаимоотношения с Павлом Николаевичем! Мало того, что академик Феофан Степанович Мезозойский со времени последней конференции, на которой вы имели удовольствие высказаться по поводу его доклада, смотрит на меня, прошу прощения, чертом, так вы еще позволили себе в присутствии со-

трудников поставить под сомнение целесообразность пребывания Павла Николаевича на посту моего заместителя в частности и в нашем институте вообще! Не находите ли вы, что для решения данного вопроса существует Ученый совет, администрация и ваш покорный слуга наконец? Павел Николаевич Шишкин — кандидат наук, заведующий отделом. Вы же хоть и, несомненно, способный человек, но все это, прошу прощения, еще в перспективе...

— Есть! — сказал Кайменов. — Павел Николаевич! Понятно, Валентин Георгиевич, распечатайте конверт, который мы с Малышевым вам вручили.

— Конверт?! Ах, да... Но при чем здесь эта ваша запечатанная тайна? Впрочем, пожалуйста!

Загремела дверца сейфа. Директор сломал печать на пакете. Оттуда выпал ворох усеянных цифрами лент и сложенный пополам лист.

— Валентин Георгиевич, прочтите, пожалуйста, пункт первый.

Пантелеев сменил очки. В этих очках с круглой черной оправой он сразу становился похожим на дореволюционного интеллигента.

— «В период со второго по шестое апреля П. Н. Шишкин на... на-ка-па-ет... — академик поморщился, — ...Валентину Георгиевичу на Кайменова следующее: 1) о его опозданиях на работу; 2) о его вызывающем поведении и 3) о сомнительной общественной характеристике...» Любопытно!

Валентин Георгиевич покосился на дату перекидного календаря на своем столе, затем на дату, написанную на конверте.

— Любопытно. «Пункт два. Примерно в это же время... (Кайменов сделал движение, будто намереваясь вырвать листок, но субординация превозмогла, он опустил руку.) ...П. Н. Шишкин будет уговаривать Валентина Георгиевича не включать в алгоритм «электронного организатора» функции распределения жилой площади, премий, перемещений в штатах. Если Валентину Георгиевичу этим заниматься обременительно, то он согласен принять перечисленные функции на себя. Мотивы: 1) умелое использова-

ние этих функций улучшает управляемость системы (института) и 2) Кайменов — человек без общественного и административного опыта и может неправильно запрограммировать в машину эти функции...» Послушайте! — Пантелеев поднял глаза на инженера и шумно выдохнул. — Разговор шел при закрытых дверях!.. Гм! Впрочем, какое подслушивание, даты не те... к тому же мотив номер один высказан не был. Павел Николаевич изложил второй описанный у вас мотив и еще...

— Что? — Кайменов понял, что теряться нельзя.

— Что это может быть истолковано как попытка подменить машиной общественность...

— И что вы ему ответили? — наседал Кайменов.

— Что общественность у нас не простая, а научная: если Кайменов не осилит программирования, его всегда смогут подправить. В конце концов это лишь эксперимент... Послушайте! — опомнился академик. — Не вы должны меня спрашивать, а я вас! Что вы там затеяли?

— Небольшая сверхурочная работа... На общественных началах... — Кайменов начал бочком отходить к дверям: не выдержав взгляда Пантелеева, приложил руки к груди. — Валентин Георгиевич, единственное, что я вам могу сказать наверное: на плане работ по «электронному организатору» это не отразится. Ей-богу!.. Валентин Георгиевич, а про мою характеристику было?

— Было! — сердито ответил директор. — И вот что: если вы намереваетесь передавать мне подобные пакеты и впредь, не употребляйте, пожалуйста, в них слово «капать»!

Малышев дожидался в коридоре. Увидев распаренное, как после бани, лицо Кайменова, он спросил сочувственно:

— Поставил?

— Ох, с битым стеклом... Хорошо, что я вовремя попросил его распечатать пакет. Дай сигарету...

— Ну и?..

— Совпадать-то совпадает, но многого мы не учитываем. Павел Николаевич работает более тонко...

2. РОЖДЕНИЕ «ПНШ-2»

Этому разговору предшествовала сцена в кабинете директора, в результате чего и возник проект алгоритма «электронный организатор».

Однажды в январе Валентин Георгиевич пригласил в свой кабинет инженеров-программистов. Встреча была назначена на 10.00, и, разумеется, никто не опоздал.

До 10.25 Валентин Георгиевич бурно разговаривал по телефону с директором Главцветметсбытснаба. Судя по колебаниям мембраны, тот требовал пропустить машинные задачи главка вне всякой очереди и угрожал Риспарконтролем.

В 10.26 прибыл командировочный из Экономсовета республики: координировать систему плановых расчетов. Координация длилась до одиннадцати и разнообразилась телефонными разговорами с конторой «Нефтегаз», обкомом профсоюза машиностроителей, тремя управлениями совнархоза, Госавтоинспекцией, редакциями одного научного и одного научно-популярного журнала и двумя частными лицами по неотложным делам.

В 11.00 с возгласом «Валентин Георгиевич, Госплан наступает на пятки!» вбежал начальник отдела кадров согласовывать штатное расписание на предстоящий год.

В 11.30 смирно сидевшие на стульчиках программисты начали негромко роптать. Пантелеев закончил разговор с начкадрами, запер за ним дверь, выключил снова начавший звенеть телефон и обратился к инженерам:

— Что, не нравится? Между прочим, мне тоже... Вот мне и захотелось, чтобы вы понаблюдали, как некогда довольно квалифицированный математик превращается в кондового бюрократа и головотяпа. Да, именно так. Я передвинул на четыре пункта в плане решение задач для Главметцвет... Главцветмет...

— ...санбат, — подсказал кто-то.

— Вот именно, благодарю вас! А что прикажете делать? В Госпартконтроле я, несомненно, доказал

бы, что значимость задач этого главка непропорциональна настырности его директора, но сколько бы на это ушло времени и сил! И координировал с представителями Экономсовета я кое-как, для порядка, и штатное расписание мы составили наспех, потому что Госплан действительно наступает на пятки. Потом придется ездить, выпрашивать нужные единицы... Словом, пора с этим кончать! — Пантелеев решительно тряхнул серебряной шевелюрой. — Для других мы неплохо решаем организационные задачи, а сами... сапожник ходит без сапог. Итак, задача номер один: оперативное планирование заказных работ. Заказы поступают непрерывно: одни важные, другие нет. Смешно выстраивать их в порядке живой очереди, как в магазине. Идея такая: директор или Ученый совет оценивают по выбранной шкале чисел значимость каждой работы. В машину вводятся эта шкала и сведения о возможностях выполнить задачу: загрузка машин, мастерских, кто из специалистов чем занят, кто в отпуске, в командировке, кто на бюллетене. Машина вырабатывает оптимальный график выполнения заказов: сроки, количество и качество специалистов, занятых в каждой работе, машинное время, заказы для мастерских, для отдела снабжения — все.

Подобную схему можно применить и для перспективных исследований, которые мы ведем. Вовсе не обязательно ждать конца года, чтобы развить полученный в начале года поисковый результат, или, наоборот, прикрыть работу, бесперспективность коей выяснилась во втором квартале. Здесь дирекция и Ученый совет также задают шкалу важности результатов. Задача машины: оперативно планировать перераспределение сил и средств между успешными и неуспешными работами.

И, наконец, я прошу вас подумать: не сможем ли мы применить машины к различным внутренним проблемам? Вот, например, обеспечение жилплощадью. Известно, что количество выделяемых нам горсоветом квартир и комнат всегда заметно меньше числа желающих. Известны также хорошо продуманные постановления и инструкции, которые определяют, кого

и как нужно обеспечивать квартирами. У нашей профорганизации есть исчерпывающие данные о нуждающихся. И тем не менее, как вы знаете, каждое распределение не обходится без обиженных, обойденных, без распрей, испорченных отношений... Между тем эта проблема, на мой взгляд, не сложнее, скажем, машинного проектирования заводов. А мы ведь проектируем их!..

Стоит подумать и над автоматизацией штатных перемещений. Мы все достаточно хорошо знаем друг друга, и, кроме того, мы — математики. Поэтому, мне кажется, мы можем выразить не только в осторожных словах, но и в числах научные и деловые качества каждого, его заслуги, его опыт, превратить в логические схемы его наклонности и идеи... Конечно, — поднял палец академик, — решающее слово во всех случаях останется за администрацией и общественностью. Но наш институт — это большая и сложная система. Машина поможет нам оптимально и полно развивать ее.

Итак, объявляю внутренний конкурс на лучшую идею алгоритма «электронный организатор»! — торжественно заключил Валентин Георгиевич. — Срок конкурса — одна неделя. Думайте, готовьте предложения. В следующий понедельник обсудим и решим, кому поручить.

— А вы не опасаетесь, Валентин Георгиевич? — лукаво спросил Кайменов. — Вот перейдут ваши директорские функции к машине — и в один прекрасный день...

— ...«электронный директор» подсидит живого? — закончил его мысль Пантелеев. — Нет. Умному человеку (а я, с вашего разрешения, отношу себя к таковым) незачем бояться машин. Видите ли, единственный способ быть всегда сильнее машин — это использовать их. Что мы и будем делать. Все! Встретимся через неделю! — И академик включил телефон, который сразу, как будто только ждал этого момента, зазвонил.

— Нет, все-таки он мечтатель, — вздохнул Малышев, когда они с Кайменовым вышли из кабинета. —

Математики, они все мечтатели. На бумаге оно просто.

— Мечтатель, — весело согласился Кайменов. — А сейчас время мечтателей, разве ты не заметил?

Неделю спустя Кайменов предложил план работ по алгоритму «электронный организатор», который и был принят. Для отработки алгоритма ему выделили недавно закупленную машину «М-117».

А потом... случилось так, что Володька Кайменов назвал Павла Николаевича Шишкина дураком...

За витринными окнами машинного зала сгущались фиолетовые сумерки. Над шестью серыми шкафами «Молнии-5» (самой старой из машин института, еще на электронных лампах) шипели воздуходувки системы кондиционирования. На пульте ее, за которым работал Сергей Малышев, загорались и потухали ряды неоновых лампочек. Справа нервно отщелкивал цифры печатающий автомат.

Кайменов сидел спиной к товарищу, возле другой, недавно установленной в зале машины «М-117». Она выглядела куда менее эффектно, чем «Молния», — всего один шкаф и пультик величиной с тумбу. Но «М-117» умела делать многое.

Малышев заправил между роликами вводного устройства «Молнии» перфоленту с новой программой, запустил ее на считывание, потом записал в журнале номер и название задачи.

— «Составление оптимального графика перевозок красителей органических по Южной и Юго-Западной дорогам», — прочел, склонясь за его спиной, Кайменов и выругался. — Ну, Шишкин, ну, Павлуша! Устроил себе кормушку на всю жизнь. Оптимальный маршрут перевозок молока пастеризованного, оптимальный график перевозок хлеба печеного, оптимальный график перевозок овощей ранних. И, наконец, неслыханный взлет мысли: оптимальный график перевозок красителей... Постой, а почему именно красителей органических, почему не шкатулок палехских? Ага, понятно: созвучно эпохе!

— Ну, видишь ли! — Сергей возвел брови, чуть откинул голову, значительно сложил губы. — Все-таки это расширяет возможности применения машин.

— Да, да, конечно! Странная вещь наука! Будь это на заводе, давно бы смекнули, что человек строгает одну и ту же деталь, только под разные размеры. А здесь... Расширяет возможности применения, ха!

— Слушай, отвяжись, — огрызнулся Сергей, утрачивая невозмутимость. — Я Шишкину говорил, что пора решать универсальную задачу о перевозках всех грузов по всем магистралям.

— А он что?

— Произнес, что эти частные задачи превыше всего и прежде всего!

— А ты что?

— Попросил разрешения заняться составлением универсального алгоритма в свободные часы.

— А он?

— Лучше бы я не говорил о свободных часах! Он тотчас выдал мне еще две папки частных задач на погрузки-разгрузки, развозки-перевозки. Там есть даже про стиральное мыло.

— А ты что?

— Слушай, иди от меня по-хорошему! — окончательно взбеленился Малышев. — Тебе хорошо, ты работаешь по заданию Валентина Георгиевича...

На пульте «Молнии» замигал верхний ряд неонок: машина переработала серию подпрограмм, ждала дальнейших команд оператора. Сергей привычно защелкал тумблерами, ввел команду контрольного пересчета. Кайменов вернулся к своей машине, выключил питание; на сегодня у него было все. Он снял халат, повесил его в шкафчик, спрятал в письменный стол бумаги.

— Сереж, ты скоро?

— Еще минут двадцать.

— Давай закругляйся, я подброшу тебя на мотоцикле.

Кайменов прогулялся по залу. Около окна его посетила новая идея. Он вернулся к пульту «Молнии»,

дождался, пока Малышев кончит играть тумблерами и клавишами, заговорил:

— Кстати, о возможностях машин! Почему никто еще не догадался применить кибернетику к организации личной жизни человека, а? Современная жизнь сложна: сотни дел, намерений, проблем, поступков, событий. Как распределить время, чтобы осталось и на свидание с девушкой, на театр, на отдых? Как встретиться с нужным человеком? Как уклониться от встречи с ненужным? Как не опаздывать на работу, как распределить деньги до получки? Как строить взаимоотношения с родственниками, чтобы легче жилось? Как и где отдыхать? Какие идеи стоит осуществлять, какие нет? И в какой последовательности? Как получить справку? Как получше наладить свой быт в этом городе? А может, не стоит и налаживать, плюнуть да уехать...

— В Рио-де-Жанейро! — фыркнул Малышев, просматривая ленту с числами решений машины.

— Нет, зачем? На Тихий океан, в Кобеляки, на целину. Эмпирически живем, понимаешь? А жизнь все стремительнее: радио, телефон, самолеты.... От нашего города до Москвы долетаешь так быстро, что не успеваешь обдумать командировку! И так во всем: медлительный человеческий мозг не успевает осмыслить и сопоставить все, выбрать из тысяч вариантов наилучший. А ведь этот вариант — твоя жизнь, человек!

Голос Володьки звучал задумчиво:

— Дороги, которые мы выбираем... Ни черта мы их не выбираем, живем как придется, хватаемся за что поближе, что на глаза попалось. А потом грызет неудовлетворенность. Вот ты замечал: в книгах, в фильмах — в хороших, конечно, — жизнь описана всегда как-то интереснее, ярче, логичнее, чем она есть на самом деле. Вроде бы люди тем же занимаются: влюбляются, работают, враждуют, страдают, дружат, изобретают, но все у них как-то ловчее выходит, совершеннее!

— Ну, замечал, — кивнул Сергей.

— А знаешь почему? У писателя есть время про-

думать поступки и дела своих героев. Книгу, где описываются события одного дня, он, может, пишет год. Фильм, который мы смотрим полтора часа, снимают несколько лет. А у нас нет такого времени на обдумывание! Жить приходится каждый день, успевай только поворачиваться. Продираемся сквозь чащу неотложных житейских мелочей, и не хватает у нас порой ни времени, ни сил на самое главное в жизни: творчество, подвиги, настоящую любовь, настоящую дружбу. Остается осадок, и чувствуем мы себя не то что несчастными, а как-то не очень счастливыми... А вот если передать машинам всю серую житейскую требуху, — Кайменов прищелкнул пальцами, — то можно организовать отличную жизнь! Если голова человека не занята мелочами, он каждый день сможет прожить интересно, даже талантливо — лучше, чем в книгах!

Сергей снизу глянул на горевшие зеленым огнем глаза товарища.

— Идеистый ты парень, Володька, только идеи у тебя какие-то... шальные. Скажи: сколько стоит час машинного времени, например, у моей «Молнии»?

— Рублей триста...

— Триста сорок. Задача средней сложности решается на ней за восемь-десять минут. Кто же станет платить пятьдесят карбованцев, чтобы выяснить, почему ему не хватает десятки до получки?

— Так ведь это только сейчас так, — горячо взмахнул руками Кайменов, — пока все на ноги становится! Алюминий когда-то стоил дороже золота, а теперь из него кастрюли делают. Развернется микроэлектроника, наладят серийный выпуск — и через десять лет кибернетические машины будут иметь размеры и цену радиоприемников. К тому времени надо иметь общедоступные алгоритмы, чтобы кибернетика вошла в жизнь, в быт, в труд каждого! Талантливо прожить каждый день, — со вкусом повторил он. — Нет, над этим надо думать сейчас...

Защелкал печатающий автомат, выталкивая из металлической пасти бумажную ленту с колонками цифр. Сергей дождался, пока он кончит, оборвал

ленту, стал заносить числа в журнал. Кайменов, насвистывая, стал прохаживаться по залу.

В этот момент наверху раскрылась дверь, появился Павел Николаевич Шишкин. В облике Павла Николаевича все было прямым: прямые темные волосы, прямой нос, прямоугольный волевой подбородок, прямая спина и прямой взгляд из-под прямых, как черные палочки, бровей. Зачем он появился здесь во внеурочный час: просто ли для порядка, дать ли руководящие указания и продвинуть науку — осталось невыясненным. Павел Николаевич спустился в зал, обласкал взглядом деловито склонившегося над пультом Малышева и заметил праздную фигуру Володьки.

Последовал искрометный диалог:

— А вы почему не работаете и находитесь здесь?

— Я? Я работаю... Я думаю.

— Думаете?! — Шишкин оскорбленно распрямился. — Попрошу вас думать не в рабочем помещении!

Кайменов остановился, склонив голову, и стал похож на козла, готового боднуть. Некоторое время он рассматривал Шишкина, как предмет, требующий размышлений. Потом в глазах его заблестели искорки, и Володька спросил самым доброжелательным тоном:

— Послушайте, Павел Николаевич, вам никто не говорил, что вы дурак?

— Н-нет, не гово... — От неожиданности энергическое лицо Шишкина на миг раскисло, но тут же налилось лиловой кровью. — Что-о-о-о? Эт-то вы говорите мне? Вы — мне?! — Он хлопнул себя ладонью по нагрудному карману пиджака.

Кайменову уже нечего было терять. У него сузились глаза.

— Если хотите получить настоящий звук, бейте себя не в грудь, а в лоб... Бездарь!

Малышев, хоть и был перепуган таким поворотом событий, тем не менее заметил, что на лице Шишкина выразился не гнев, а страх. Тот ловил ртом воздух.

— Да я вам!.. Я вас... выговор... уво... в двадцать четыре часа! Ввввв...

Павел Николаевич ринулся к лестнице, яростно

рванул дверь не в ту сторону, вылетел из зала. Вывихнутая дверь беспомощно покачалась на петлях и застыла.

— Ну, ты да-ал! — Малышев поднял глаза на товарища, хлопнул себя по коленям. — И кто тебя за язык тянет? Нажил себе врага, поздравляю!

— Но ведь он дурак. Как это я раньше не понял?

— Ну, видишь ли... — Взмах бровей, движение головы и губ. — Что значит «дурак»? Это понятие относительное... Кстати, я не считаю, что Шишкин дурак, без ума на таком посту не удержишься. И потом у него высшее образование, степень...

— Ты не темни! — Кайменов рассердился, у него покраснело правое ухо. — Никакое это не относительное понятие, самое что ни на есть абсолютное. Высшее образование, ха! Если дурака учить, он не станет умным — он просто будет больше знать... Конечно, он не клинический идиот, тех легко различить. Дурак, бездарь, посредственность — не в названии дело. Но есть определенный тип людей... Ведь любое дело поганит...

Снова защелкал цифропечатающий автомат, но Малышев не обратил на него внимания, повернулся к Володьке:

— Допустим, он дурак, бездарь, но ведь достиг!.. Значит, может. С этим надо считаться, а не воевать... как тот чудак с ветряными мельницами.

Кайменов не обратил внимания на шпильку. Он сел, упер локти в колени, а кулаки в щеки.

— Вот это самое интересное. Достигают. Как? Почему? Непонятно. И ведь ясно, что за человек... Вот, скажем, Валентин Георгиевич: ведь насквозь должен этого Шишкина видеть — что ни таланта, ни ума, ни порядочности. И гнать. А он наоборот даже: приближает, возвышает...

— Валентин Георгиевич талантливый математик, — пожал плечами Малышев, — а не талантливый специалист по подбору заместителей. К тому же Шишкин охотно берет на себя хлопотливые дела: по обеспечению работ, по штатам, по всяким щекотливым внутренним конфликтам. В них Валентин Геор-

гиевич в силу своего высокого полета мыслей вникать не любит.

— Не научно ты как-то рассуждаешь, — покачал головой Кайменов. — В самом деле, спутники запускаем, управляемым термоядерным синтезом скоро овладеем, а перед заурядной глупостью и подлостью часто оказываемся беспомощнее котят. Почему здесь нет научного подхода? Неужели эта задача труднее других? А может, просто никто не брался?

— Вот ты и возьмись, — фыркнул Малышев.

Кайменов закурил сигарету, начал размышлять вслух.

— А ведь если разобраться... Как преуспевают Шишкин и ему подобные? Во-первых... во-первых, у них узко ограниченная цель: благополучие во что бы то ни стало. Они не утруждают себя поисками смысла жизни, анализом своих и чужих переживаний, размышлением над общечеловеческими проблемами, вообще лишней игрой ума. Логика упрощена... Во-вторых, поведение их в большой степени предсказуемо. Обратись к тому же Шишкину с самым несложным делом — можно наперед сказать, что он никогда сразу не разрешит: либо откажет, либо что-то изменит, либо «отложит вопрос», чтобы доказать свою значимость и нужность. Верно?

— Верно! — подтвердил Сергей, с удовольствием захлопывая журнал. Он поднялся, сделал несколько энергичных движений, чтобы размять затекшее от сидения тело. — Берусь еще предсказать, что теперь он устроит тебе веселую жизнь.

— Очень вероятно! — оживился Кайменов. — В этом же все и дело, понимаешь? У них определенные алгоритмы поведения! «Я тебе — ты мне», «не нами установлено — не нам отменять», «око за око, зуб за зуб», «умный в гору не пойдет, умный гору обойдет», «разделяй и властвуй», «каждый за себя»... Понимаешь, эти житейские алгоритмы имеют четкую логическую структуру! Их можно выразить символами математической логики и электронными схемами. Смотри: «я тебе — ты мне» — типичная схема с положительной обратной связью. «Око за око...» — схема

с отрицательной. «Тише едешь...» — линия задержки. «Умный в гору не пойдет...» — типичная схема «не — или», универсальный логический элемент из транзистора и двух диодов. А «разделяй и властвуй» — это вообще принцип разбиения сложной информации на элементарные двоичные символы, которые легко перерабатывать! Слушай, Сережка, — Кайменов вскочил на ноги, — давай промоделируем Шишкина, а?

— Смотри, как бы он тебя не промоделировал, — холодно ответил Малышев.

Он подошел к электрощиту, повернул два переключателя. Погасли лампочки на пульте «Молнии», перестали завывать воздуходувки. В зале стало непривычно тихо. Сергей снял халат, надел пальто и берет, протянул Кайменову кожаную куртку.

— Одевайся, поехали... Хорошая у тебя кожанка. Сколько заплатил?

Володька поставил кожанку на пол. Она осталась стоять колоколом.

— Слушай, ты, — медленно сказал он, — специалист по перевозкам банного мыла. Я тебе всерьез предлагаю: давай промоделируем на «М-117» поведение Павла Николаевича Шишкина. Это можно сейчас сделать, а другого такого случая не будет...

— Знаешь, я, пожалуй, поеду троллейбусом, — Сергей повернулся к лестнице. — С тобой и в пустом-то зале разговаривать жутковато, а уж ездить на мотоцикле — слуга покорный.

— Ты, я вижу, совсем отупел на погрузочно-разгрузочных работах! Скидывай пальтишко, садись — я тебя развивать буду... Ты про данные института мозга слышал?

— Ну, слышал, — скучающе сказал Малышев. — «Из нескольких миллиардов нервных клеток коры головного мозга даже у талантливого человека задействованы лишь десятки миллионов, а у посредственного — миллионы или даже сотни тысяч...» — и все такое... Так что? Все равно это гораздо больше, чем транзисторов в твоей «М-117». А ведь транзистор — это еще не нервная клетка.

— Правильно. Теперь слушай дальше. Этот мил-

лион клеток у Павла Николаевича перерабатывает всю информацию, которую он получает от органов чувств в сыром, так сказать, виде. В машины же мы всегда вводим не сырье, а полуфабрикат: информацию, закодированную в двоичные числа и логические схемы. То есть мы разгрузим машинный мозг Павла Николаевича от этой тяжелой работы. Далее. Будем моделировать не все его поведение, а только служебное, от девяти до пяти. Этим мы сразу отсекаем дела семейные, состояние здоровья, воспоминания детства — огромный кусок информации. Служебная же информация в большой степени подчинена не эмоциям, а законам логики — это Валентин Георгиевич теоретически обосновал. Причем и эту информацию мы очищаем от шелухи подробностей: какое у меня было выражение лица, когда я с ним мило поговорил, какого цвета глаза секретарши Зоечки, — оставляем только суть. Двадцать восемь тысяч оперативных ячеек «М-117» это вполне потянут, а объем памяти у нее огромный.

— Ну, допустим, — согласился Сергей. — А откуда мы возьмем необходимую служебную информацию? Да еще ведь надо ее закодировать!

— А вон она, в шкафу! — небрежно повел головой Кайменов. — И уже подготовлена для ввода в память машины...

— Где?! — взвился Малышев.

— Шесть папок. Ты что, забыл, что я готовлю алгоритм «электронного организатора»? Да скинь пальтишко-то, упреешь... Я ведь тебе о том и толкую, что другого такого случая не будет. Во-первых, у нас в руках вся писаная информация: о структуре института, о сотрудниках, готовы схемы взаимоотношений с внешними организациями, инструкции обо всем — от присуждения степеней до выделения квартир. Во-вторых, мы с тобой и сами в курсе дела, располагаем неписаной информацией для оперативной памяти. В-третьих, есть конфликт между Шишкиным и мной, то есть та ситуация, когда все качества человека проявляются наиболее ярко. И в-четвертых, в нашем распоряжении машина...

— В нашем ли? — усомнился Малышев. — Она ведь казенная.

— Да в том-то и дело, что я сейчас имею право, даже обязан, прежде чем моделировать «электронного организатора», проработать на машине задачи такого же класса! Мне это в план записано, понимаешь?

— Хм... — Сергей стал расстегивать пуговицы на пальто. — Покажи папки.

Кайменов сунул руку в карман, встал.

— Вот ключ, вон шкаф. А я пока сбегаю в магазин, куплю чего-нибудь поесть.

— Сигарет не забудь, — пробормотал Сергей, отпирая шкаф.

Володька действительно потрудился на славу. Сведения о научных работах, данные бухгалтерии, отдела кадров, местного комитета, требования к результатам научных работ, организационная и научная структура института, взаимоотношения общественных организаций, данные тематического плана, постановления, регулирующие работу института, — все было расписано в шкалы сравнительной оценки и расчерчено в виде логических схем.

— «Шкала значимости должностей, — читал Малышев. — Директор — 900, замдиректора — 450, начальник отдела — 360... так далее... ведущий инженер — 160, старший инженер — 130...» Узнаю тебя, ведомость зарплаты! «Шкала значимости научных степеней и званий», ну, это тоже понятно. «Шкала административных воздействий»: повышение в должности — 1 000, премия 700—200, благодарности в приказе — 50... сотруднику ничего не будет — нуль... — Сергей усмехнулся. — Что ж, математически правильно: если шкала охватывает и положительные и отрицательные числа, должен быть и нуль. «Выговор — минус 50, выговор с лишением премии — от минус 100 до минус 600... Увольнение — минус 1 500...» Здесь Володька упростил, увольнения бывают по разным статьям. Впрочем, для начала сойдет.

Он взял лист из другой папки. «Схема админи-

стративной подчиненности». Директор и заместитель заключены в квадратики, от директора — линии к кружочкам, в которые вписаны начальники отделов, от начальников отделов — разветвления к руководителям тем, от них — к исполнителям. От замдиректора Шишкина разветвления к отделу кадров, к руководимому им отделу, к снабженцам, мастерским, службе обеспечения. Правильно. «Схема внутренних научных связей»: директор — Ученый совет — отделы, тематические группы — исполнители...

Вернулся Кайменов, выложил из карманов кожанки колбасу, булочки, сигареты, две бутылки кефира.

— Послушай, а что это за пунктирные линии? — спросил Малышев.

— Где?

— Ну вот: от исполнителей к начальникам отделов, к Ученому совету...

— Обратная связь. Ведь у исполнителей тоже есть идеи, замыслы. Инициатива снизу, так сказать.

— Отсеки, не смущай машину, — посоветовал Малышев. — Шишкин, поддерживающий инициативу снизу, — самый короткий анекдот!

— Это ведь не для Шишкина писалось. А как вообще? — Володька с надеждой посмотрел на товарища.

— М-м... все правильно, во всяком случае правдоподобно. Только для данной задачи надо упростить. Ни к чему вводить в память все отделы, всех сотрудников, все работы. В конфликте участвуете вы двое. Впрочем, без Валентина Георгиевича не обойдется — трое. Ну и я, как невольный свидетель. Стало быть, четыре персонажа — четыре главных машинных кода.

Сергей взял листок, написал:

«001 — П. Н. Шишкин.
010 — В. Г. Пантелеев.
011 — В. М. Кайменов.
100 * — С. А. Малышев».

---

* Двоичные числа: 001 = 1 010 = 2 011 = 3 100 = 4. *(Прим. авт.)*

— По этим четырем адресам и будем распределять всю информацию, идет? Если она благоприятна для данного адресата — число со знаком «плюс». Если нет — «минус».

— Правильно, товарищ 100! Давай упрощай схемы, а я пока запрограммирую шишкинские алгоритмы... Итак: «Разделяй и властвуй». Гм... Это относится к персонажам, к трем главным адресам. Передача информации и команд происходит лишь через объект 001, через Пал Николаича... «Око за око» — программа взаимного вычитания. Первым обращается в нуль меньшее число...

— Стоп! — Малышев положил карандаш. — Не кажется ли тебе, что ты на Пал Николаича напраслину возводишь?

Кайменов поднял на него затуманенные глаза.

— О чем ты?

— Об алгоритмах, которые ты придумал. Какие у тебя доказательства, что он руководствуется этими «разделяй и властвуй», «око за око»?

— Мозг его я, конечно, не исследовал... но, по-моему, это очевидно...

— В математике не существует очевидного. Мы не должны предписывать модели рецепты поведения, — упорствовал Сергей. — Очень возможно, что алгоритмы ПэЭнШа не так просты, как пословицы и поговорки...

— Ой, правильно! — в восторге прошептал Кайменов. — Умничка! Не надо алгоритмов, к черту алгоритмы! Мы сообщаем машине информацию об обстановке, задаем цель, и пусть выкручивается как может: ищет оптимальный вариант поведения. И нам работы меньше. — Он порвал листок. — Сережка, ты гений!..

Оранжевый трепещущий свет неонок на пульте складывался в причудливые фигуры. Электронный луч на контрольном экране то рисовал спокойную зеленую горизонталь, то изламывался серией импульсов. Глухо пощелкивали контакторы моторов магнит-

ного барабана. В пластмассовом кубе «М-117» теперь поселилось какое-то электронное существо. Стремительно и бесшумно оно включало и выключало транзисторы, направляло потоки электронов через диоды, выплескивало импульсы магнитного поля в ферритовых кольцах. По проводам-нервам метались, усиливая или уничтожая друг друга, электрические сигналы.

Кайменов и Малышев нервно курили возле пульта. Через десять минут мерцание неонок на пульте прекратилось.

— Так... — Володька погасил окурок. — Можно запрашивать. Давай для начала... запросим 010. Как вы относитесь к Валентину Георгиевичу, уважаемый ПэЭнШа-два?

Он перекинул три тумблера на панели пульта: два вправо, один влево. Тотчас же раздалась отрывистая дробь цифропечатающего устройства, из прямоугольного зева выдвинулся белый язык бумажной ленты. Инженеры склонились над ним.

— Адрес 2, подадрес «электронного организатора», — переводил Малышев цифры. — Символы вычитания, числа... Дай-ка наши таблицы, без них не разобрать. Так, так. Намеревается вычесть из «электронного организатора» функции 14, 21 и 35...

— Распределение премий, распределение повышений и распределение жилплощади, — справился по листу Володька.

— ...и прибавить их себе. Эге! В следующих строчках от этих функций Павла Николаевича возникли дополнительные прямые связи в административных и общественных схемах. И даже какие-то обратные...

— Что ж, это тоже понятно, — Кайменов снова положил пальцы на тумблеры.

— Запроси насчет частных задач по перевозкам, — быстро сказал Сергей. — Пусть ответит как на духу: почему он так полюбил эти задачи? Почему пренебрегает общим решением?

— Ввожу!

«М-117» отбарабанила новый кусок ленты. Кайменов пробежал по ней взглядом.

— Адрес 4, подадрес «перевозки». Постой, у него иная оценка значимости этих задач... — Сергей навис над ним, дыша чуть ли не в ухо. — Ага, есть! Частные задачи — с каждой по статье. Общая задача — всего одна статья... Все правильно: количество научных трудов — это же самый железный критерий в науке. Смотри. Шишкин — а понимает!

— Ни черта он не понимает, — в сердцах сказал Сергей.

— Ну ладно, — Кайменов повернулся к пульту. — А теперь запросим про себя.

На этот раз дробь литер буквопечатающего устройства получилась удивительно однообразной. Малышев оборвал ленту, взглянул.

— Что такое?! Одни нули. Даже твоего адреса нет... — Он поднял глаза на товарища. — Слушай, Володька, а ведь он тебя того... убил...

3. УБИЙЦА МЕНЯЕТ ПРОГРАММУ

Кайменов посмотрел на ленту, потом на машину, лоснившуюся в свете ламп, скривился.

— Фи, как грубо! Наверно, получился сбой *! Проверим оперативную память... — Он нажал несколько кнопок на пульте.

Ни одна лампочка на пульте не мигнула. Володька чертыхнулся, нажал несколько белых клавиш.

— Батюшки, сведения обо мне остались только в долговременной памяти, над которой машина не властна. Некролог, милое дело!

Он стал вышагивать по залу. Малышев следил за ним.

— Вообще Павел Николаевич — мужик крепкий. И если он тебя подстережет где-нибудь с кирпичом, проблема 011 будет решена окончательно.

Кайменов рассеянно посмотрел сквозь него.

— Постой, я, кажется, понимаю. Надо ввести шкалу опасностей. Конечно! Напугали бедную машину до смерти. Я ведь не намереваюсь отнимать

---

* Случайная ошибка в работе машины. *(Прим. авт.)*

у Павла Николаевича жизнь, руки-ноги, даже здоровье. — Он подошел к столу, стал набрасывать на листке. — Жизнь — 10 000, большой вред здоровью, членовредительство, так сказать... Сколько?

— Пять тысяч, — подсказал Сергей.

— Тяжелые болезни — 3 000, легкие болезни — 1 000. Что, спрашивается, в сравнении с этим какая-то сотня, связанная со служебными неприятностями? Стоит из-за нее уничтожать хорошего меня?

Кайменов сел за пульт, положил листок перед собой.

— Ну, попробуем теперь, — сказал Кайменов, когда замершая россыпь неонок показала, что машина переварила новую порцию информации.

Он перекинул рычажки тумблеров на 011. Цифропечатающее устройство резануло по тишине зала пулеметной дробью: язычок ленты был усеян строчками нулей.

Кайменов с негодованием взглянул на машину.

— Ну что ты на это скажешь? Ничего себе оптимальный вариант!

Сергей сел, вытянул ноги.

— Когда будешь составлять завещание, запиши на меня мотоцикл и куртку: буду ездить и вспоминать тебя хорошими словами.

— Сережка, шутки шутками, но ведь первые два решения вполне правдоподобны... И потом: почему он не прикончил Валентина Георгиевича? Ведь его позиция для Шишкина тоже не сахар.

— Ну, на Валентина Георгиевича у него чисел не хватит!

Образ Павла Николаевича, который со сбитым набок галстуком, энергично двигая плечами, душит Кайменова, возник перед глазами Сергея. Он поморщился:

— Нет! Он не настолько дурак.

Володька вдруг стал столбом посреди зала.

— Есть! Боже, какие мы с тобой идиоты!

— Почему обязательно «мы с тобой»?

— Кто ж еще? Все ввели: схемы, шкалы, поста-

новления, инструкции... Уголовный кодекс не ввели, понял? Сколько времени? Пол-одиннадцатого! Так... Только один человек сможет меня спасти в этот поздний и страшный час.

Кайменов набрал номер телефона.

— Клава? Вот что, маленькая: зайди к Михал Николаичу, возьми у него Уголовный кодекс, поймай такси и жми сюда.... к проходной института. Что значит «поздно»?.. У Михал Николаича все есть... Маленькая, ну зачем эти «зачем»? Ну, здесь замышляется убийство с обдуманным намерением, ну, мы хотим предотвратить... Все, жду!.. Да! Возьми у Михника еще Кодекс законов о труде. Обязательно!

Положив трубку, он победно посмотрел на машину:

— Пусть знает, что и уволить меня не так-то просто!

...Они вышли из института в половине первого. Клава, жена Володьки, ждала, сидя верхом на одиноко блестевшем под луной мотоцикле: не хватило денег на обратный путь в такси. Кайменов завел мотоцикл, распрощался с Малышевым, и они умчались в пахнущую весной темноту.

Сергей направился к остановке. Город лежал внизу. Вереницы газосветных фонарей расчертили его светящимися голубыми пунктирами. Трамваи и троллейбусы озаряли низкие тучи фоторепортерскими вспышками от пантографов. Сегмент луны воровски выглядывал из-за туч. Холодно лоснился накатанный шинами асфальт.

По случаю весны на шестигранном, как карандаш, бетонном столбе у остановки появился большой жестяной плакат:

ВНИМАНИЮ ГРАЖДАН!

Посадка огородов в черте атомного реактора воспрещена. Произведенные посадки будут перепаханы.

Дирекция ядерного института.

— Атомный век! — усмехнулся Сергей, вскакивая в подкативший троллейбус.

4. РАЗГОВОР-ТЕСТ

После обеда Валентин Георгиевич уезжал в физико-технический институт читать лекции, а в его кабинете поселялся Шишкин. В это время к нему и пришел Сергей Малышев.

Ступив на порог кабинета, Сергей удивился: как преобразилось здесь все! Шелковые портьеры на окнах были приспущены и процеживали, казалось, лишь сумеречную сосредоточенную отрешенность. Предметы, которые при Валентине Георгиевиче просто не замечались, сейчас лезли в глаза, давили своей значительностью. Ковровая дорожка цвета генеральского лампаса уходила в перспективу к полированным столам, составленным посадочным знаком «Т». Телефонный агрегат из перламутровой пластмассы (внутренний, внешний, междугородный) солидно лоснился, готовый испустить ответственный трезвон. Небольшая коричневая доска, с которой были стерты меловые формулы, совсем стушевалась на стене. Весь вид кабинета как бы говорил, что здесь нельзя просто сидеть и работать — здесь надо принимать меры.

Павел Николаевич необыкновенно точно вписывался в обстановку. Он сидел слева от телефонного комбайна, развернув плечи, читал бумаги, на лице его застыло выражение по форме № 2.

...По мнению институтских острословов, у Шишкина было четыре выражения лица, которые он утром примерял вместе с галстуком и потом носил весь рабочий день с перерывом на обед с часу до двух:

выражение № 1 (для бесед с вышестоящими в научном и административном отношении товарищами, для сопровождения высоких комиссий и иностранных делегаций, а также корреспондентов крупных газет): любезность, внимательность, готовность согласиться, поддержать и засмеяться удачной шутке;

выражение № 2 (для разговора с подчиненными): взгляд, смотрящий чуть поверх и за собеседника и видящий нечто, рядовому сотруднику недоступное; хмурая озабоченность делами, несравнимо более важными, чем то, которое приходится обсуждать;

ритмичное наклонение головы, которое означало, что все сказанное известно ему тысячу раз;

выражение № 3 (для присутствия на семинарах, Ученом совете, конференциях): снисходительная внимательность, скучливое понимание и того, что говорит докладчик, и того, что он намеревается сказать; усталая удовлетворенность от обилия свершенного им самим;

выражение № 4 (для сидения в месткоме, в партбюро, в президиумах и для выступлений): неподвижная идейность во взоре, мрачноватая решимость и озабоченность проблемами и делами коллектива.

«Да, интерьерчик!» — подумал Сергей, ступая по малиновому ковру. Приблизившись, он быстро глянул на папку, которую листал Шишкин, и почувствовал чисто научное удовлетворение: «Личное дело Кайменова Владимира Михайловича».

Заместитель директора, увидев свидетеля вчерашнего скандала, нахмурился и быстро отодвинул папку. Сергей и бровью не повел. У него несколько дел к Павлу Николаевичу — как к ученому, как к руководителю и общественнику. Поскольку он, так сказать, один в трех лицах. (Единый в трех лицах Шишкин расправил и без того прямые плечи.) Не считает ли Павел Николаевич, что результаты их работ по расчету оптимального графика перевозок красителей органических уже можно оформить в статью двух соавторов? Собственно, статья начерно написана. Собственно, вот она. Надо лишь коечто обсудить и уточнить.

Выражение лица Павла Николаевича стало промежуточным между № 2 и № 1; наклонение головы и легкая улыбка свидетельствовали, что он готов и обсудить и уточнить.

В течение двадцати минут оба демонстрировали друг другу горячий интерес к проблеме перевозок красителей.

— Здесь необходимо вставить абзац о значении оптимальных перевозок красителей, — замечал Павел Николаевич.

— Да, да, конечно, — соглашался Малышев, — это я упустил.

— А это следует изложить более осторожно. Не «разработано», а «показана возможность». Научная осторожность, она, знаете...

— Да, пожалуй.

— А здесь следует выпятить роль Валентина Георгиевича, отметить его идеи...

— И сослаться на монографию?

— Обязательно. О-бя-за-тель-но!

Наконец Шишкин не выдержал:

— А этот... как его? — он даже потер лоб, чтобы вспомнить незначительную фамилию Володьки, хотя Сергей мог бы поклясться, что она пылает в его памяти, как неоновая реклама. — Этот... — Павел Николаевич придвинул папку. — Кайменов... Как у него дела с алгоритмом «электронного организатора»?

Малышев решил отмежеваться.

— Кайменов? Мы обычно работаем в разные смены, не знаю точно.

— Да, да... Ну, вы статеечку доработайте в соответствии... и мы пошлем ее в журнал «Химическая промышленность».

— Но, Павел Николаевич, у этого журнала ведь не тот профиль, не кибернетика! — не удержался Малышев.

Шишкин посмотрел на него светлым взглядом:

— Зато химия. И мы — химия плюс кибернетика...

— Плюс транспорт?

— Да. Постойте, а вы, кажется, подсказали мне мысль. Можно послать и в журнал «Железнодорожное дело». Это будем иметь в запасе.

Шишкин помолчал, озабоченно хмуря лоб.

— А этот... Кайменов... вы его хорошо знаете?

— Да... как вам сказать? Постольку-поскольку... — Сергей насторожился: начинался второй цикл развития алгоритма «я тебе — ты мне». — Учились на одном факультете.

— Он и тогда отличался такими... э-э-э... выходками?

— Такими, собственно, нет, но...

Шишкину было достаточно этого «но».

— Да, да, крайне недисциплинирован, возомнил о себе. И характеристика от института у него не блестящая — отнюдь. Вот: «С товарищами по учебе нетактичен, в общественной работе участвовал мало...» Нам либерализм этих характеристик известен: и вовсе не участвовал и выпады допускал, а все равно напишут уклончиво, чтобы не портить карьеру. Вот и получается... И у нас он уже неоднократно отличался... («Сейчас — про опоздания, — подумал Малышев. — Ну, раз, два...») А трудовая дисциплина?! Четыре опоздания с начала года...

«Он далеко живет», — чуть не сказал Сергей, но вовремя спохватился: от алгоритма отступать нельзя.

— И, наконец, вчерашнее, — распалялся Шишкин. — Сегодня он меня обзовет, завтра — Валентина Георгиевича, послезавтра... — он осекся, не решаясь сказать, кого Кайменов назовет «дураком» послезавтра. — И такому человеку доверили ответственную научную работу! А?

Сергей понял, что сейчас самое время ввести в разговор алгоритм «тише едешь». Лицо у него сделалось уклончиво-непроницаемым.

Шишкин помолчал, взглянул на него с плотоядной ласковостью.

— А какое у вас еще ко мне дело, Сергей... э-э... Алексеевич?

— Все-таки пора нам, Павел Николаевич, браться за общую задачу по составлению оптимальных графиков перевозок. Ведь частные перевозки — это задачи-однодневки... — Павел Николаевич придал своему лицу выражение № 2, но Сергея оно не смутило. — Сейчас на крупных узловых станциях, на перевалочных базах уже внедряют вычислительные машины. Скоро они будут везде. Можно разработать для них стандартные программы применительно к любым грузам и программы согласованной работы всех машин по стране. Конечно, это сложнее, чем

расчеты оптимального графика перевозки молока, но зато какое научное значение будет иметь этот алгоритм! А экономическое?! Ускоряются перевозки, нет простоев, товары не портятся, миллионы рублей экономии!

Сергей сам увлекся, излагая Шишкину план, как построить обобщенный алгоритм перевозок. Шишкин ритмично кивал головой. «Неужели не проберет?» Малышев поднял голову, встретился с глазами Павла Николаевича и заметил в них не поддающийся научной классификации блеск. Но тот сразу же привел свое лицо в соответствие с формой № 2.

— Интересно, конечно, интересно... Но здесь еще надо хорошенько подумать... хорошенько надо подумать, да... — тянул он. — Основательно... да... (Сергей вспомнил, что вчера вечером «М-117» точно так же многократно пропускала эту информацию через линии задержек, прежде чем переварила ее в логических блоках.) — Чтобы все было обоснованно... продуманно, да. Мы к этому вопросу еще вернемся...

«Не переварил, ушло в пассивную память». Сергей встал, попрощался.

После этого контрольного разговора они с Володькой и вручили Валентину Георгиевичу первый пакет.

Вечером того же дня Володька и Сергей ввели в «М-117» дополнительную информацию для модели «ПНШ». Поведение ее было просчитано на две недели вперед. Комбинации чисел и команд предсказывали:

1) Павел Николаевич обяжет Кайменова резко сократить сроки работы по алгоритму «электронный директор».

2) Он откажется принять на работу в группу Володьки инженера Власюка, которого тот себе присмотрел.

3) Он выдаст за свою идею Малышева об обобщенном алгоритме перевозок грузов.

— Фу, как банально! — разочарованно восклик-

нул Кайменов, упаковывая в конверты куски лент с числами машинных предсказаний и листки перевода. — Никакой тебе искры божьей, никаких тайн мадридского двора. Только и прорезалось однажды злодейство, да и то по нашему недосмотру...

Первые два предсказания подтвердились в течение недели. Как-то после обеда Кайменов вбежал в машинный зал, размахивая бумажкой, позвал Сергея:

— Есть! Смотри: «Отказать ввиду несоответствия специальности. П. Шишкин, 10 апреля 196...» Все по науке.

Малышев взял заявление, пробежал глазами. «Прошу принять меня на работу в отдел вычислительной техники на должность...»

— Он что, в самом деле не соответствует?

— Формально — да. У него в дипломе написано «инженер-радист». Но с таким же успехом можно отказать двум третям инженеров института. Ведь мы учились, когда кибернетика считалась лженаукой. Я тоже «инженер-радист», ты электрик... А по существу, радист Власюк на заводе в Н-ске руководил бригадой по наладке вычислительных машин. Чувствуешь?

— И парень стоящий?

— Очень стоящий, с идеями, несколько изобретений сделал на заводе.

Володька погрустнел, спрятал заявление в карман.

— Так, может, тебе следует поговорить с Валентином Георгиевичем?

— Что ты?! — удивленно взглянул на него Кайменов. — Так мы все испортим. Ничего не попишешь, наука требует жертв.

— Смотри, тебе виднее...

День спустя в зале появился Шишкин. Он прогулялся по рабочим местам инженеров, пожурил вычислительницу Лидочку Чайник за неаккуратные записи в журнале, потом подошел к Кайменову. Сергей не утерпел и подошел ближе, к шкафу, стал рыться в справочниках.

— Ну, как у вас дела с «электронным... хе-хе... директором», Владимир... э-э Михайлович?

— «Электронный директор» мне в план не записан, Павел Николаевич, а вот «электронного замдиректора» уже, пожалуй, можно программировать, — бодро ответил Володька.

— Ага... гм... — Шишкин слегка помрачнел, но продолжал разговор. — Очень хорошо, что у вас все так хорошо, что вы идете впереди графика. Стало быть, к Первому мая можно осуществить запуск «электронного организатора»?

— К Первому мая? — Володька с интересом посмотрел на своего начальника. — По плану первая проба намечена на конец мая! У меня еще нет многих данных...

— Но вы сами говорите, что можете программировать... этого... замдиректора. Что ж вы, то так, то этак? На семинарах расписываете своего «электронного организатора» так, что всем кажется, будто машина уже подменяет администрацию и общественность, а на деле — в кусты? Надо дать к маю обязательно.

При упоминании о семинаре правое ухо у Володьки заалело и стало сливаться с шевелюрой.

— Значит, к Первому мая? К светлому празднику всех трудящихся?

— Да, к празднику всех трудящихся! — с достоинством ответил Шишкин.

— Чтобы звучно отрапортовать? И это после того, как вы отказались принять на работу Власюка?! — Кайменов драматическим жестом подвинул к Шишкину лист бумаги и авторучку. — В письменном виде, пожалуйста. Чтобы потом не меня упрекали, что я запорол работу.

Шишкин было заколебался, глядя на листок. Но отступать было некуда: он сел к столу.

— Еще один удар в нашу пользу, — ликующе сказал Володька, когда Шишкин удалился из зала. — «Ведущему инженеру Кайменову В. М. Поскольку задание по разработке алгоритма «электронный организатор» выполняется успешно, считаю, что

работу следует вести в более сжатые сроки. Предлагаю Вам подготовить экспериментальные программы для машины и осуществить пробный запуск до 1 мая сего года. Начальник отдела, к. т. и. П. Шишкин». Подпись, дата... Простая математика: если уменьшить время на работу, то она либо будет сделана в меньшем объеме, либо вовсе провалится. В такой сложной задаче, как электронная модель всего института, это не исключено. Понял, как работает?

— Да, «по-мокрому», — сказал Малышев. — Но ведь ты не справишься до мая?

— С «электронным организатором», конечно, нет. А с «электронным замдиректором»... кто знает? Либо я с ним, либо он со мной.

5. СЕРГЕЙ ПРОГРАММИРУЕТ УСПЕХ

В следующий понедельник на семинаре в кабинете Пантелеева исполнилось и третье предсказание модели. Обсуждали планы работ на второе полугодие. Валентин Георгиевич разругал начальника лаборатории электронных автоматов за мелкость замыслов («Такими поделками могут заниматься в мастерских, Валерий Семенович, а у вас под началом — исследователи!»). После сбивчивых оправданий Валерия Семеновича поднялся Шишкин.

— По нашему отделу, — весомо сказал он, — во втором полугодии мы поставим задачу «Разработка обобщенных программ для перевозок грузов с применением комплекса машин на узловых станциях и оптовых базах»... — и далее он, не слишком отклоняясь от высказанных Малышевым неделю назад идей, развил план работ по задаче.

Его выслушали со вниманием, а Пантелеев, блестя очками, сказал:

— О, это важная задача! Кому вы намереваетесь поручить ее, Павел Николаевич?

— Я думаю, мы поручим ее... — Шишкин повернул голову в сторону Сергея, — товарищу Малышеву.

Он уже приобрел достаточный опыт в разрешении частных задач и сможет справиться с этой. Сергею... э-э... Алексеевичу надо расти. Ну, а если не осилит, поможем.

Малышев, хоть и предвидел подобный поворот дела, не ожидал, что его оберут так просто и нагло. Он ошеломленно посмотрел на сидящих: вокруг были ясные глаза, спокойные умные лица, очки, шевелюры, лысины... Совершенно естественно, что кандидат наук Павел Николаевич Шишкин, начальник отдела, — автор этой далеко идущей научной идеи, а он, инженер Малышев, лишь исполнитель, которому надо расти. Так и должно быть. Странно, если было бы иначе. А он теперь, как гаршинская лягушка, если крикнет: «Это я!», то шлепнется в лужу.

Сергей взглянул на Кайменова — тот сидел молча, только смотрел на Шишкина упорным взглядом.

А Пантелеев хрипловатым честным голосом благодарит Шишкина и других выступавших, просит не тянуть с оформлением планов.

Семинар кончился.

Кайменов и Малышев остались в кабинете. Пантелеев, который сразу после окончания семинара взялся прикидывать на доске какие-то расчеты, вопросительно посмотрел на них.

— Валентин Георгиевич, — сказал Кайменов, — я боюсь показаться вам однообразным, но распечатайте, пожалуйста, наш пакет номер четыре.

— А, эта ваша тайна! — Академик коротко усмехнулся, положил мелок, достал из сейфа пакет, протянул его Володьке. — Прошу вас.

Кайменов сломал печать, вынул из пакета листик.

— Прочтите, пожалуйста.

— «10—15 апреля П. Н. Шишкин изложит замысел о разработке обобщенного алгоритма составления оптимальных графиков и оптимальных маршрутов перевозок всех грузов...» и так далее. — Валентин Георгиевич опустил бумажку, посмотрел на программистов. — Все правильно, ценная идея. Ну, так что?

— Как что? — ошеломленно переспросил Кайменов. — Вы обратили внимание на дату?

— Обратил. Ваша бумага написана шестого апреля, сегодня пятнадцатое. Тоже правильно. Естественно, что человек сначала придумывает идею, а потом высказывает ее. Странно, если бы было наоборот.

— Дело в том, что эту идею высказал и предложил Павлу Николаевичу Сергей Малышев, — выпалил Кайменов.

— Вот как? — Пантелеев с интересом посмотрел на Малышева. Тот молчал, опустив голову. — Гм... Павел Николаевич, вы и товарищ Малышев работаете вместе, не так ли? Естественно, что вы обмениваетесь взглядами на работу, формулируете проблемы, высказываете идеи. Бывает, что идея приходит в голову сразу нескольким исследователям, бывает, что она носится в воздухе... Зачем же из всего этого устраивать драму? — Академик начал злиться и с нетерпением поглядывал на доску. — И потом, Владимир Михайлович, если вы знали, что не Шишкин, а э... э... товарищ Малышев является автором этой идеи, почему вы на семинаре не сказали об этом? Почему вы сочли более удобным... как это вы сами выражались? — «капать» мне об этом конфиденциальным образом?

Кайменов беспомощно взглянул на него: такого удара он не ждал.

— Извините, Валентин Георгиевич, — не выдержал Сергей. — Мы не хотели... лично я никаких претензий к Павлу Николаевичу не предъявляю. Пойдем, Володя!

— Одну секунду, — остановил инженеров Пантелеев. — Послушайте, вы, я вижу, затеяли какую-то игру... вероятно, с привлечением кибернетики. Я не считаю себя вправе вмешиваться, так как понимаю, что у вас могут возникать идеи и не по темплану института. Что ж, каждый исследователь имеет право на свободный поиск... Но коль скоро вы избрали меня... гм... посредником или, вернее сказать, «почтовым ящиком» в вашей игре, то я хотел бы надеяться,

что она не сводится к интригам. Нет ничего отвратительнее интриг. Ничто так не иссушает мозг, как интриги... — И академик еще пять минут говорил на эту тему.

Когда Малышев и Кайменов выходили из кабинета, щеки их горели от унижения.

— Не унывай, Сережка, — Володька положил ему руку на плечо. — Мы с ним все равно рассчитаемся в самом прямом смысле слова. Давай сегодня вечером засядем, а?

Малышев двинул плечом, чтобы сбросить руку, но ничего не успел сказать: навстречу по лестнице поднимался Шишкин.

«...Хватит исканий, достаточно прекраснодушия! Вон оно как повернулось. Шишкина голой математикой не возьмешь... И Кайменов тоже — хорош товарищ! Видно, все останется, как есть, нечего играть в бирюльки с машиной...»

Малышев сидел один в зале у пульта «Молнии»; сквозняк от воздуходувок шевелил пряди на его голове.

...Мчат поезда по блестящим рельсам, ревут автовозы на поворотах дорог, плывут пароходы по рекам и морям. Они везут грузы: пшеницу, уголь, станки, руду, ткани, игрушки, яблоки. На сортировочных горках и перевалочных базах электронные машины переводят стрелки, командуют автопогрузчиками, зажигают на диспетчерских табло схемы наилучших маршрутов: без заторов и простоев. Со временем автоматизируют транспорт: шоферы, машинисты, диспетчеры и кондукторы займутся другими делами. Математические машины станут сердцем в кровеносной системе страны.

И это будет не его подвиг, если даже совершит его он. «Под руководством кандидата наук Павла Николаевича Шишкина в Институте вычислительной техники создан алгоритм... разрабо...» — взахлеб начнут писать газеты. А об исполнителях кто пишет!

Сергей представил себе монументально-самодовольное лицо Шишкина на газетной странице, и ему стало невыносимо тошно.

...В этот час Павел Николаевич Шишкин торопливо шел среди молчаливых домов и деревьев, облитых серо-зеленым лунным светом. Он допоздна задержался в институте, чтобы не встретиться с Малышевым и Кайменовым, и теперь клял себя. Тогда, на семинаре, Малышев смотрел на него тяжелым взглядом, а этот бандит Кайменов даже бросил выразительным движением губ беззвучное слово. Павел Николаевич убедил себя, что не понял этого слова. Но в душу закрались сомнение и тоска. И потом на лестнице: «Мы с ним рассчитаемся... давай засядем сегодня...» Что они задумали?

В переулке застучали шаги. Шишкин теперь едва не бежал, и луна прыгала за ним над крышами.

Павел Николаевич давно, еще в вузе, смекнул, что наука — это такое занятие, где каждый разбирается лишь в том, что делает сам. Он быстро освоил нехитрый алгоритм получения степени: статьи, написанные руководимыми им дипломниками, диссертация, составленная из их работ, экзамены, сдаваемые хорошим знакомым, «двадцать минут позора» на защите... Оказавшись в институте, Павел Николаевич чутьем уловил круг тех дел и обязанностей, выполняя которые можно считаться крепким работником, даже преуспевать. С ним считались, его уважали — и он стал проникаться уважением к себе.

И все-таки страх не оставлял его никогда. Каждая новая идея, новый человек, новые дела заставляли его настораживаться. Он пугался всего непонятного и боялся, как бы другие не заметили, что он не понимает. Когда Валентин Георгиевич с увлечением рассказывал ему свои новые замыслы, он порой замирал от ужаса: а вдруг тот оборвет речь и гневно закричит: «Слушайте, что вы киваете? Я разыгрываю вас, плету чепуху!..» Он боялся выдвигать идеи: а вдруг идея окажется *не такой?* Он

боялся и не выдвигать идей: а вдруг заметят, что у него их нет? И он уставал от этих страхов, как другие устают от непосильной работы...

А сейчас Павла Николаевича пугали непроницаемо черные тени домов и киосков, сырые запахи из подворотен. «Они ничем не докажут, все права на моей стороне, — горячо убеждал он себя весь день. — Но если они вправду где-то засядут... Их двое, они молоды и сильны, они злы. Особенно этот Кайменов, такой на все пойдет...»

До дома оставалось еще несколько кварталов. Улица была тиха и пустынна. «Неужели они хотят меня избить?!» — думал Павел Николаевич, обходя тени. Мысль о том, что его — интеллигентного, еще не старого и нравящегося женщинам — будут бить, была унизительна и ужасна.

Сергей Малышев стоял у окна, смотрел на луну. «Что ж, видно, сам о себе не позаботишься — никто не станет стараться. Работу я, конечно, все равно выполнять буду: дело есть дело. Но и себя забывать не стоит, а то ходить мне всю жизнь в исполнителях при Шишкине... А что, если?.. Черт побери, как я раньше не догадался! Хожу около машин, всякие погрузки-перевозки решаю, Шишкина на утеху Володьке помогаю моделировать — а для себя?!»

Малышев был инженер — свежая техническая идея сразу вернула ему ясность мысли и хорошее настроение. «Кто сказал, что на машине можно моделировать ситуации лишь для Шишкина? Почему бы не запрограммировать цели и стремления С. А. Малышева?» Он включил на прогрев «М-117», нашел в столе Кайменова бумаги, по которым они кодировали информацию, сел к столу. «Итак, дополнение к ситуации: я согласен быть исполнителем при Шишкине, не буду вычитать его числа, но хочу... что я хочу? Первое: кандидатскую степень. Второе: квартиру... А что?»

Он покосился на игру оранжевых огоньков на пульте машины. «Для тебя, сударыня, создан пре-

красный зал с кондиционированием — надо же подумать и о себе!»

Машина приобрела опыт и теперь не перебирала, как раньше, все варианты: лента с решением выскочила через минуту. Малышев пробежал глазами по числам, сгруппированным около адресов 01, 03 и 04, коротко усмехнулся:

— Что ж, это можно было понять и так...

Павел Николаевич поднимался по освещенной лестнице своего дома, с каждой ступенькой наполняясь покоем. Вот и все, чего он волновался? «Ведь они же порядочные люди...»

Он отпер дверь, вошел в тихую темную переднюю. Квартира была новая, трехкомнатная, из стен еще не выветрились строительные запахи. Немного жутковато в темноте (Шишкин редко задерживался в институте допоздна, а сейчас еще жена уехала в Ригу за обстановкой), но это были уютные домашние страхи. Он вошел в комнату, стал нашаривать выключатель на стене: глаза, не привыкшие к темноте, ничего не различали.

Вдруг что-то протяжно скрипнуло, и справа из темноты на Павла Николаевича стала медленно надвигаться ужасная серо-зеленая харя с черными ямами глазниц, темной повязкой на подбородке и перекошенной набок теневой гримасой. «Вот оно!»

— Кто? Что?! А-а-а-а! — истерически закричал Павел Николаевич и, не помня себя, ударил вперед ногой и рукой.

Раздался звон посыпавшихся осколков зеркала. Дверь шкафа резко отлетела назад и захлопнулась...

Шишкин ползал по паркету, собирал осколки. А в окно как ни в чем не бывало заглядывала круглая издевательская физиономия луны.

Сергей Малышев тоже вернулся к себе в общежитие поздно. Три его товарища по комнате спали. Он выкурил сигарету, пуская дым в форточку, во влаж-

ную темноту; но спать все равно не хотелось. Сергей подошел к стеллажам, на которых были книги всех четырех, протянул руку к зеленому томику сочинений Куприна и опустил ее. «Тихое оподление души человеческой страшнее всех казней и баррикад на свете», — негромко напомнила память фразу из давно читанного купринского рассказа. Он нерешительно посмотрел на полки. Оранжевые томики Ильфа и Петрова, белые суперобложки сочинений Максима Горького («Что сделаю я для людей?! — воскликнул Данко...»), обойма синих томов Марка Твена. Чапек, Алексей Толстой, Маяковский, Есенин, Пушкин («...И не завидую судьбе злодея иль глупца в величии неправом...»), Джек Лондон, Ремарк... За разноцветными картонками, как опасность, затаились мысли, гнев и любовь многих людей, их тоска и веселье, горести и улыбки, их сила и нежность, поступки, убедительные в своем ярком безрассудстве, — сама жизнь человеческая, тысячекратно усиленная искусством. Открой любую — и закружит, собьет с намеченного пути душевная вьюга.

Малышеву показалось, что не он, а книги рассматривают его — внимательно и строго. «Нет, мне сейчас надо быть машиной!» — он задернул шторки на стеллажах, расстелил постель, погасил свет.

На следующий день Сергей решительно вошел в кабинет Шишкина. Павел Николаевич встретил его холодным и встревоженным взглядом; он несколько осунулся после вчерашнего.

Малышев сел в кожаное кресло для посетителей.

— Так ка́к насчет квартиры, Павел Николаевич? И потом я хочу набирать материал для кандидатской диссертации. Как ваше мнение на этот счет?

Павел Николаевич сориентировался необыкновенно быстро, в десять секунд.

— Так ведь насчет квартиры вам следует обращаться к Кайменову, Сергей... э-э... Алексеевич, — суетливо заговорил он. — Он теперь сможет запрограммировать в «электронного организатора» все и себе и вам.

— Боюсь, что ему это будет не по силам, — четко сказал Сергей.

— Да, да, да, вот и я так считаю, — лицо Шишкина стало входить в форму № 2. — И Валентину Георгиевичу это объяснял... А насчет кандидатской — приветствую, давно пора. С удовольствием буду вашим руководителем...

В течение пятнадцати минут разговора алгоритмы «я тебе...» перемежались с алгоритмами «око за око...», сплетались с линиями задержек и обратных связей, разнообразились ячейки «не — или»... Павел Николаевич проводил Малышева до самой двери.

В этот день Сергею предстояло работать на «Молнии» во вторую смену: по случаю приближающихся праздников Шишкин загрузил машину до предела. Когда Малышев пришел в зал, Володька подлетел к нему с лентой машинных расчетов.

— Слушай, ты вчера вводил в «М-117» дополнительные цели и изменение ситуации?

— Ну, вводил.

— Так вот решение модели: если ты выступишь против адреса 03, то есть меня, по всем пунктам, то ПЭЭНШа берется обеспечить тебе будущее и квартиру. Сережка, это комплексное решение, его надо проверить!

— Уже проверил.

— Ну и как?

— Все правильно.

— Во здорово! — Кайменов закружился на месте. — Слушай, скоро мы сможем предсказывать поведение Шишкина во всех подробностях!

Малышев с усмешкой следил за ним.

— Предсказать тебе еще одну подробность? Через два дня состоится общее собрание, на котором Шишкин разнесет адрес 03, то есть тебя, в пух и прах. Он будет делать доклад о дисциплине и состоянии работ.

— Вот как? — Улыбка на лице Кайменова увяла. — Хм... Слушай, а что, если просчитать на

«М-117» доклад Шишкина? Вот был бы пакет с динамитом, а? Впрочем... не выйдет, слишком сложно. Ну ладно, достаточно того, что есть. Нам с тобой надо только хорошенько обдумать, как это подать.

— Не нам с тобой, — покачал головой Малышев. — Лично с меня хватит вчерашнего. Я выхожу из игры.

Только теперь Володька начал кое-что понимать. Он побледнел.

— Сережка, ты что, всерьез?

— Да.

— И с Шишкиным разговаривал... всерьез? Слушай, и на собрании ты расскажешь о... том случае?

— Ну, видишь ли... ведь это было!

— И это за квартиру и возможность остепениться?

— Ну, видишь ли! Давай рассуждать математически. Самое большое, что тебе грозит: выговор с лишением премиальных, от силы — увольнение. От семисот до полутора тысяч условных единиц по твоей шкале... Квартира плюс степень больше стоят!

Они замолчали. Искусственная вьюга гудела под колпаками кондиционеров. Как электрический бес, завывал мотор воздуходувки. Володька закурил сигарету, взглянул на Малышева.

— Ненадолго же тебя хватило.

Сергей взорвался.

— Это тебя ненадолго хватило! Только и смог, что сгоряча ляпнуть Шишкину «дурака». Да и сам теперь жалеешь... А в остальном? Ты не пошел ни к Пантелееву, ни в партком отстаивать того парня, которого Шишкин завернул. Ухватился за его «отказать» — и все. Когда Павел Николаевич выдал тебе явно недостаточный срок, ты тоже не стал поднимать шума, заручился снимающей ответственность бумажкой! А на семинаре... ведь Валентин Георгиевич прав: если знал, то почему молчал?

— Послушай, но ведь мы ставили эксперимент! Испортили бы все.

— Эксперимент! Боюсь, что это не тот случай, когда машины смогут заменить людей. Ну, выложим

наши пакеты, а дальше? Валентин Георгиевич еще раз скажет: «Ну и что?»

Володька сел, уныло сгорбился.

— Эх, и почему у меня всегда как-то не так получается? Вроде и придумаешь правильно и стараешься как лучше... — Он недоуменно пожал плечами.

— Дать тебе добрый совет? — снисходительно сказал Малышев. — Введи в машину, как на духу, свою цель, просчитай оптимальный вариант. Может, тебе еще удастся сохранить свои числа...

— Тебя, я вижу, уже распирает потребность давать добрые советы задаром? — Кайменов остро взглянул на Сергея. — Запрограммировать мою цель... Слишком многое пришлось бы переводить в двоичные числа, Сережка: что я люблю науку — именно ее, а не связанные с этим занятием блага! — и хочу, чтобы от нее людям жилось лучше, интереснее, честнее... Что я умею и люблю выдумывать... что я не хочу терять уважение к себе, уступая таким, как Шишкин... и что мне сейчас печально за тебя. Боюсь, что я не подберу для всего этого ни логических схем, ни программ. Уж пусть будет, что будет.

Он встал, снял халат. Натягивая куртку, повернулся к Малышеву.

— Знаешь, почему нам сравнительно легко удалось запрограммировать Шишкина? Да потому, что он не живет, а выкручивается. А промоделировать в машине жизнь человека — нет, не получится!

— Но ты ведь сам недавно говорил, что надо применить кибернетику к организации личной жизни!

— Ни черта ты не понял из того, что я говорил! И — хочешь одно маленькое предсказание в обмен на твое? Не скажет Шишкин на собрании про тот случай... ну, что я его дураком назвал. Именно потому, что он дурак. В этом его слабое место... Если не веришь — просчитай на машине. Будь здоров!

Кайменов ушел. Сергей долго еще вышагивал по залу. За решетчатыми стенами шкафов «Молнии» тепло тлело каре электронных ламп, на пульте призывно мерцали ряды неонок, а он все ходил, раз-

мышлял, курил. Потом тряхнул головой, выложил на стол пачку бумаги, сел работать.

Из института он ушел за полночь.

И еще несколько окон на втором этаже институтского здания в этот вечер светились необыкновенно долго: в кабинете Валентина Георгиевича Шишкин писал свой доклад. Лицо его было значительным.

Как опишу собрание? Моих сил еще достанет рассказать, как в заполненном конференц-зале ровный говор переходит в тишину, как президиум рассаживается на сцене за длинным столом, как председатель месткома института открывает собрание и предоставляет слово Павлу Николаевичу Шишкину для доклада «Повышение трудовой дисциплины, производительности труда и наши задачи», как на лицах сидящих выражается покорность судьбе.

Но когда Павел Николаевич восходит на трибуну под лозунг «В науке нет столбовых дорог...», когда лицо его по форме № 4 выражает и озабоченность, и решимость, и преданность науке и всем вышестоящим органам, и светлую скорбь о героях, павших в битвах, в которых ему, Шишкину, участвовать не довелось, и удовлетворение оттого, что эти жертвы принесены не напрасно... Когда он звучным голосом произносит: «Товарищи! За истекший с начала года период наш коллектив...»

...нет, не могу. Бессильна проклятая проза!

Собственно, доклад был как доклад. Было сказано о повышении роли кибернетики в свете решений последних Пленумов, О необходимости включиться в борьбу за выполнение этих решений. Покончить с недостатками. Фамилия Кайменова упоминалась в докладе трижды: в связи с инцидентом на конференции, где он высказался насчет академика Феофана Степановича Мезозойского, в связи с участившимися опозданиями и напоследок в собирательном смысле: «кайменовы».

Володька сидел в ближних рядах, лицо у него было надменное и растерянное. В зале время от времени возникал разговор, по рядам гуляли какие-то листки. Валентин Георгиевич в президиуме просматривал бумаги, мерно кивал докладчику; вот он снял очки, стал глядеть на Шишкина неопределенно-тяжелым взглядом из-под набрякших век, потом снова углубился в бумаги. Сергей Малышев несколько раз вынимал пачку сигарет, косился на дверь: ему очень хотелось курить.

Докладчика вознаградили жидкими аплодисментами. Потом на сцену поднялся вечно улыбающийся кандидат наук Альпер-Сидоров, взъерошил остатки шевелюры вокруг лысины.

— Конечно, новые веяния следует прливетствовать... И инициативу Павла Николаевича тоже — что он решил распрлострланить текст своего доклада до собрлания. Это экономит врлемя, сотрлудники успевают прлодумать свои выступления и все такое... Но, видимо, на этот раз получилась досадная неувязка. Павел Николаевич, ведь если доклад распрлострланен, то зачем, спрлашивается, его зачитывать?

— Какой доклад? — ошеломленно посмотрел на него Шишкин. — Я его не распространял!

— Ну как не распрлострланяли, Павел Николаевич? — Альпер-Сидоров мягко улыбнулся, вытащил из нагрудного кармана халата несколько сложенных листков. — Вот его машинописный текст. И относительно повышения дисциплины в свете задач по развитию кибернетики, и о Владимире Михайловиче Кайменове... и даже вот во множественном числе «кайменовы», и все такое. И о новом взлете творческой активности, о небывалом трлудовом подъеме, и все такое...

Лицо Павла Николаевича постепенно приобретало свекольно-сизый цвет. В зале стояла хватающая за сердце тишина.

— Я могу, с общего позволения, разъяснить ситуацию! — поднялся Валентин Георгиевич. — Дело в том, что текст, который показал сейчас Семен Борисович Альпер-Сидоров, составлен без ведома Пав-

ла Николаевича и независимо от него... на недавно приобретенной электронной машине дискретного действия «М-117». — В зале поднялся и стих шум. — Вот передо мной, — Пантелеев потряс пачкой бумаг, — данные о необычном самодеятельном эксперименте, который провели инженеры отдела машинных расчетов Владимир Михайлович Кайменов и Сергей Алексеевич Малышев: таблицы ввода информации, программы, выходные данные машины, результаты обработки этих данных... В течение месяца они с помощью машины «М-117» предсказывали поведение Павла Николаевича. С вашего позволения я, как человек, невольно избранный экспериментаторами в качестве отметчика времени, ознакомлю присутствующих с результатами эксперимента. Мне это тем проще сделать, что Павел Николаевич является моим заместителем и подавляющая часть его административных и научных отправлений мне известна.

Когда Валентин Георгиевич читал и комментировал содержание пакетов, зал то замирал, то взрывался хохотом. Кайменова и Малышева хлопали по плечам, толкали в бока: «Ну, дали, ребята! Ну, откололи!»

— Немножко о том, как это делалось, — продолжал академик. — Как известно (это еще профессор Уолтер Эшби установил), осмысленное поведение определяется тремя главными факторами: знанием обстановки, наличием цели и возможностей по ее достижению. Для информации об обстановке товарищи в основном использовали объективные данные, подготовленные Владимиром Михайловичем Кайменовым для составления алгоритма «электронный организатор». Они известны и достаточно тривиальны для машинной обработки. Ограниченными возможностями машины, естественно, было задано и другое: объект моделирования не способен к творческим решениям. И, наконец, они ввели в машину программу цели: благополучие и личный успех... Цель — вот что главное! — академик поднял руку. — Она определяла поведение электронной модели... да и не только модели.

Пантелеев поискал глазами Кайменова, улыбнулся ему.

— Вы мне рассказывали, Владимир Михайлович, что вводили в машину справедливо рассчитанные шкалы, продуманные инструкции и даже информацию о решениях партии, определяющих сейчас жизнь нашей науки и нашей страны — и все равно модель выдавала узкоутилитарные решения. Я вам скажу более: если бы вы ввели в «М-117» произведения великих мыслителей, содержание музыки Бетховена, стихи гениальных поэтов — все равно эта цель подчинила бы себе все. Все это было бы пущено в ход для достижения благополучия. Это страшная цель, товарищи! Она вытравливает из человека все веления чувств, все превращает в труху: если и благородство — то с расчетом, чтобы заметили и оценили; если любовь, то с заранее обдуманным намерением; если преданность, то не долгу, а вышестоящим инстанциям... и если такой человек не совершает низких поступков, то не из отвращения к низости, а лишь из боязни попасться. И я крайне огорчен, что... э-э... весьма обидные предположения экспериментаторов о личных целях и о возможностях Павла Николаевича Шишкина полностью подтверждены опытом.

Глаза Пантелеева, а за ним и глаза всех обратились к месту, где сидел Шишкин. Но того уже не было...

С собрания Малышев и Кайменов направились в машинный зал: сегодня пришла их очередь работать в ночную смену. В коридоре Володька несколько раз треснул Сергея поперек спины.

— Ну ладно, ладно, — басом сказал тот. — А то и я могу.

— Напугал же ты меня, чертяка! А все-таки как насчет алгоритма успеха? Что, спасовал?

— Видишь ли, — Сергей поднял брови, откинул голову и значительно сложил губы, — надо все-таки прежде договориться: что понимать под словом «успех».

Они отперли дверь, вошли в затемненный машинный зал. Лунный свет лил в окна, отражался от граней шкафов и пультов, рассеивался стенами — казалось, что зал погружен в зеленую прозрачную воду. Сергей повернул выключатели на щите: вспыхнули шеренги газосветных трубок на потолке, зашипели воздуходувки. Инженеры надели халаты.

— Да, — вспомнил Володька, — покажи, как ты программировал доклад Шишкина? Как тебе это удалось? Я был совершенно уверен, что «М-117» не потянет такую задачу.

Сергей перебрасывал рычажки тумблеров на пульте «Молнии».

— Мне теперь придется долго извиняться перед Валентином Георгиевичем, — усмехнулся он. — Ввел старика в заблуждение. Видишь ли, ты прав, для «М-117» это безнадежная задача. Я просто сел и написал этот доклад. В два вечера.

Кайменов опустился на стул, рот у него образовал букву «О».

— Мы с тобой слишком увлеклись электронной моделью, — продолжал Малышев. — А ведь ты и сам замечал, что ее решения удивительно банальны. И те алгоритмы, которые ты предсказывал: «я тебе — ты мне...», «умный в гору не пойдет...», «око за око...» — Шишкин ими действительно пользуется. Все правильно... Одним словом, чтобы разгадать таких, как Шишкин, привлекать кибернетику не обязательно. Можно и так.

Володька долго молчал. Глаза у него потемнели, сузились.

— Так какого же черта?! — сказал он.

Е. ПАРНОВ, М. ЕМЦЕВ

ПОСЛЕДНЯЯ ДВЕРЬ!

Ночью разразился продолжительный ливень. Яркие молнии разрывали черное небо ослепительными трещинами, и Егорову казалось, что из них вот-вот брызнет расплавленная сталь. Тяжелые холодные градины, будто твердые клювы тысяч птиц, стучали в окна станции. Вода не успевала сбегать по стеклу и застывала на нем мутными разводами. В лиловых вспышках Егоров на мгновение видел клубящийся туман, переплетенный толстыми веревками струй, и смутный блеск огромных луж. Их рыжая ноздреватая поверхность напоминала застывшую лаву.

Он покачал головой и отошел от окна.

— Вот досада, — проворчал он, ложась на жесткую гостиничную кровать.

Некоторое время он просматривал толстый и зачитанный до дыр приключенческий альманах, брезгливо морщился, встречая сальные и винные пятна. Дойдя до очередной вырванной страницы, он швырнул альманах и вновь подошел к окну. Молнии все так же вырывали из ночи пузырящуюся на стекле воду и блестящую черную реку асфальта.

Егоров так и не дождался конца ливня и заснул, а когда проснулся, было уже позднее утро, по стенам и потолку плясали яркие солнечные зайчики, отражаясь бесконечное число раз от всех лакированных, полированных и никелированных предметов.

Егоров потянулся, соскочил с постели и пружинящим шагом прошелся по приятно холодившему пластику пола. Он чувствовал себя хорошо и бодро, ему

было беспричинно весело. Казалось, ночной ливень смыл с него усталость, горечь неудач и часть тревоживших и одолевавших его забот.

Ему захотелось немедленно что-то делать, энергично действовать. Егоров подумал, что в таком состоянии он легко мог бы пробить план исследований плато Акуан и даже организовать там работу. Но, к сожалению, ни пробивать заявку на исследовательские работы, ни организовывать уже было не нужно. Заявку отклонили за нереальностью месяц назад, а в его организаторские способности никто не верил. И вообще Егоров находился в недельном отпуске и должен был отдыхать, а не работать. Избыток энергии он употребил на тщательную чистку зубов, а хорошее настроение разрядил в популярной песенке «Пишу тебе я на Луну...» При первых же звуках его голоса дверь номера распахнулась и вошла дежурная. Она осведомилась, кто здесь звал на помощь и почему для этой цели не пользуются звонком. Покрасневший Егоров начал отказываться, но женщина стояла на своем. Она утверждала, что слышала жалобный душераздирающий крик, перешедший в хрипение умирающего. Егоров объяснил, что таковы его вокальные возможности. Дежурная подозрительно посмотрела на него, и было видно, что она не верит ни единому его слову. Она заглянула под кровать и в открытый стенной шкаф. Возможно, она искала труп или связанное тело с кляпом во рту. Во всяком случае, Егорову так показалось. С большим трудом ему удалось выпроводить из номера этого пожилого детектива в юбке.

В станционной лучезарное настроение Егорова подверглось еще одному испытанию.

— Винтолет будет только после двенадцати, автолеты... — кассир на мгновение запнулся, — все.

— Что все? — спросил Егоров с раздражением, разглядывая совершенно лысую голову этого сравнительно молодого человека.

Кассир поднял на него рыженькие бровки. В зеленых глазах мелькнула насмешка.

— Все, товарищ, значит все, — сказал он, скло-

нив голову набок. — Все билеты проданы, все места распределены, для вас ничего нет. Подождите, после двенадцати будет винтолет, он прихватит опаздывающих.

— Я здесь уже со вчерашнего вечера жду.

— Вы не один ждете. Другие тоже ждут.

— Мне каких-то паршивых сорок километров...

— А мы дальние расстояния не обслуживаем. У нас всем нужно не дальше ста километров.

Егоров почувствовал острое желание плюнуть на сверкающую лысину. Он проглотил слюну и, сжав зубы, отошел от окошка. Настроение было испорчено.

Егоров уныло окинул взглядом пассажиров. Яркое солнце, проникавшее сквозь стеклянные стены, приветливо освещало озабоченные лица мужчин, загорелых и обветренных, с большими сильными руками, бровастых и щекастых женщин в хустках-платках, закрывавших лоб до самых глаз, детей, возившихся у ног спокойных родителей. Негромкий мелодичный говор, наполнявший зал, переливался всеми красками музыкальной украинской речи. Егоров сел и задумался. Ему нельзя терять больше ни одной минуты, а он должен сидеть и дожидаться этого клятого винтолета.

Среди присутствующих возникло какое-то движение. Казалось, в зал пустили ток, который побежал по креслам сидений, заставляя людей поворачивать головы в одном направлении. Сладкоголосые скептические «та ну!», «та шо це вы!» оборвались, женщины и мужчины уставились на какую-то фигуру, возникшую в прозрачных вращающихся дверях; только дети сохранили горячую заинтересованность в достижении своих многочисленных целей и ни на что не обращали внимания.

Егоров тоже посмотрел на дверь и увидел странного человека. Первое впечатление было неопределенным. Тревога и ощущение опасности охватили его.

Человек был дьявольски красив. Его красота была подобна вызову или удару кнутом. Все в нем бы-

ло законченное, совершенное и в то же время невероятно экстравагантное.

Красота — это высшая гармония, многочашечные весы, все чашки которых старательно уравновешены природой. Оригинальность порождается удачным отклонением от равновесия. В незнакомце был именно тот миллиграмм уродства, который делал его красоту гениальной.

Человек, вероятно, привык находиться в скрещении взглядов. Он подошел к окошку кассы так, словно в зале никого не было. Он заглянул в окошечко, где плавала голая макушка зеленоглазого кассира, спросил с легким иностранным акцентом:

— Вам звонили только что про меня?

Макушка запрыгала, как поплавок в ветреный день, когда клев плохой и бесконечная рябь бежит по свинцово-серой воде. Егорову была видна тощая рука в веснушках с рыжими волосками в том месте, где белый манжет плотно обхватывал запястье. Рука подобострастно взвилась и мягким движением опустила на барьер билеты.

Красавец кивнул головой и, сунув билеты в карман, направился к выходу. Кассир приподнялся над сиденьем и крикнул вслед:

— Ваш автолет в третьем гараже! Справа, как выйдете...

Незнакомец, не оборачиваясь, снова кивнул.

Егоров подошел к кассе.

— Значит, у вас был свободный автолет? — спросил он нарочито спокойно.

Рыжебровый некоторое время строчил что-то в своих бумажках, потом медленно поднял голову. Он смотрел на Егорова удивленно и непонимающе. Он, конечно, не узнавал его.

— Какой автолет? — слабым, усталым голосом спросил он.

— Тот, что вы только что отдали этому иностранцу.

— А-а-а, — протянул кассир и углубился в накладные.

Егоров почувствовал, что желчь вышла из печени и, минуя камни, расставленные в желчном пузыре, поднялась к голове, застлав поле зрения плотным коричневым туманом.

— Я с вами говорю! — гаркнул он, ударив кулаком по стойке.

Накладные и квитанции, наколотые на сверкающие бюрократические пики, баночка с клеем, чернильница из лунного камня — все, как один, подпрыгнули, испуганно звякнув, и шлепнулись на стол. Баночка перевернулась, из нее выползла колбаска прозрачного желтоватого клея. Кассир, побледнев, вскочил:

— Вы за это ответите! — Он нажал кнопку.

Егорову пришлось еще долго размахивать руками, кричать, оправдываться, объясняться, усовещивать, призывать, угрожать и льстить, пока, наконец, в девятом часу он не выехал на машине начальника станции. Вместо быстрого мощного автолета ему пришлось сесть в допотопный автомобиль, прихотью судьбы заброшенный в сарай начальника местной службы движения.

Мысленно установив генетическую связь между станцией и начальником, с одной стороны, и животными, преимущественно собачьего рода, с другой, Егоров успокоился и начал осматривать окружающий мир. А он был прекрасен. Высокое голубое небо с мелкими полупрозрачными облачками было заполнено теплом и светом. Свежая, еще зеленая пшеница сверкала росой. Над степью разливался аромат здоровой радостной жизни. Врывавшийся в машину ветер эластичной прохладной струей теребил егоровские вихры, и ему казалось, что у него вместе с волосами без боли отрывается и улетает кожа... Слабый запах степи пронимал его, как стакан перцовки после долгой холодной охоты.

— Давненько я не бывал здесь, — растроганно шептал он, глядя на знакомые поля, черные ленты дорог, петлявших вдоль густых лесополос.

— В Музыковку? — спросил шофер.

— Ага.

— К Нечипоренко?

Егоров посмотрел на парня. Чернявый веселый хлопчик. Его звали почему-то Реник Рейнгольдс.

— К нему. А ты откуда знаешь?

— А что тут знать? К нему многие сейчас ездят... А вы не знаете, скоро он назад полетит?

— Полетит. Дай отдохнуть человеку, он же только что вернулся.

«Волга», легко катившая по бетонному шоссе, замедлила ход.

— В чем дело? — спросил Егоров.

— Да тут съезжать надо с бетонки. Поворот на Музыковку.

— Так в чем же дело? Валяй...

— Та дороги ж здесь у нас, не дай господи! Когда сухо, оно еще ничего, а после такого дождя...

Парень не договорил и свернул направо. Машина, сделав лихой поворот под мостом, выскочила на черную ленту проселочной дороги. Егоров с опаской посмотрел вперед. Он хорошо знал, что такое черноземный тракт после дождя.

Дорога была изрыта глубокими колеями. Рытвины напоминали окопы. Грунт под колесами «Волги» расползался все больше и больше, пока машина, наконец, не села на живот, беспомощно разбрызгивая с колес большие черные куски.

— Есть, — сказал Реник и остановил мотор.

Они выбрались наружу. Егоров сразу же утонул по щиколотку в жирной вязкой грязи. С проклятьем выдернул он ногу из клейкой массы. На легкие летние туфли налипли пудовые комья дегтярного цвета, и Егорову показалось, что он надел валенки. Теперь он не чувствовал под ногами ничего, кроме зыбкой и скользкой неустойчивости. Ему стало даже немного страшно; вдруг земля начнет медленно расплываться под ним и засосет его в глубокую черную трясину. Пока он преодолевал силы сцепления, Реник, ловко орудуя совковой лопатой, расчистил путь.

Они двинулись дальше. Егоров, тихонько ругаясь, счищал плодородный навар с изгибов и впадин подметок.

Они свернули на другую дорогу, ведущую прямо на Музыковку. Здесь не было глубоких ям, но зато весь верхний слой почвы превратился в некое подобие жидкого масла. «Волга» буксовала через каждые три шага. Мотор, переключенный на первую скорость, жалобно ревел, из выхлопных труб валил черный дым. Реник вылез и, пощупав радиатор, махнул рукой.

— Будем стоять, — сказал он, — пусть остынет.

Егоров привалился к багажнику и пускал голубой сигаретный дым вверх, в насмешливое чистое небо.

— Черт те что, — раздался рядом с ним голос Реника, — Луну освоили, Марс освоили, на Венере высадились, а дороги у нас по-прежнему ни к бисовой маме.

— Почему? — возразил Егоров. — Есть великолепные магистрали, по одной из них мы с тобой сейчас ехали.

— Так то же магистраль. А до Музыковки добираться тяжче, ниж до Марса.

— Вся беда в том, мой дорогой, — назидательно сказал Егоров, — что мы живем в переходный период. Автолеты еще не вошли в силу, а машины уже вышли из употребления. Когда наладят массовый выпуск автолетов, дороги как таковые будут не нужны. Останутся лишь большие автострады. А вся остальная мелочь, такая, как эта, будет перепахана и засеяна. Сохранят только «пятачки» для приземления автолетов. И то по традиции. Автолет может сесть в любом месте — на суше, на воде, в лесу, на болоте...

— Колы ж то будет... — с сомнением протянул Реник и полез в кабину. Он долго возился со стартером, переключал скорости и, наконец, решительно сказал: — Давай попробуем по стерне.

Машина свернула с дороги прямо на поле, покрытое редкой рыжей щетиной, оставшейся после прошлогоднего урожая. Здесь их ожидали чудеса. «Волга» шла то левым, то правым боком, ее несло с удивительной легкостью в самых произвольных направ-

лениях. Поле было с небольшим уклоном, и машина скользила по нему, как шайба по льду. Реник, давно заглушивший мотор, изо всех сил упирался в тормозную педаль. Он с ужасом наблюдал, как они медленно приближаются к пересекавшему поле глубокому оврагу. Метрах в ста от обрыва «Волга», развернувшись задом, остановилась.

— Хай ему бис, — сказал Реник, вытирая пот с бледного лица, — буду ждать вечера, може, подсохнет.

Они вышли из машины.

— Вон Музыковка, — сказал Реник, махнув рукой за овраг.

На зеленом холме, залитом солнцем, стояли одноэтажные и двухэтажные домики. Густые вишни и тополя бросали на белые стены призрачные фиолетовые тени.

Егоров попрощался с Реником и пошел вдоль оврага к деревянному мостику, через который проходила дорога на Музыковку. Ноги его постепенно обрастали грязью, и скоро он шагал, как на ходулях, покачиваясь и буксуя не хуже «Волги». Наконец он плюнул, разулся, закатал брюки и, зажав в одной руке грязные туфли, а в другой — трефлоновую папку с бумагами, весело зачмокал по земле. Чернозем жирными черными колбасками продавливался между пальцами ног.

— Василий дома? — спрашивал он через полчаса, остановившись у дома, на котором развевался красный флаг.

Пожилая украинка зорким взглядом окинула гостя.

— А вы кто будете?

— Скажите, Егоров, Егоров Саша приехал.

Женщина крикнула что-то в окно, и через минуту на крыльцо выскочил молодой высокий парень в майке, легких спортивных брюках и тапках на босу ногу. Черный чубчик весело дыбился над высоким лбом. Карие глаза сверкали приветливо и ласково.

— Сашок! Здравствуй, дорогой! Заходи, будь ласка... Ну и вид! Хлебнул нашего чернозема?

Они обнялись.

— Привет, марсианин, привет! — улыбаясь, говорил Егоров. — Не выдержала душенька? Сбежал до дому?

— Не выдержал, и не говори. Заехал с космодрома в академию, сдал документы и — здоровеньки булы! Они, правда, собирались меня пихнуть в какой-то санаторий, но я уговорил их, что дома у меня и санаторий, и профилакторий, и...

— Дивчина с бровями, гарными, як мисяць?

— Одним словом, стопроцентная многокомпонентная экологическая система, обеспечивающая космонавту самый высокий моральный и физический тонус. Проходи, пожалуйста.

Пока Егоров плескался под душем, Василий раз десять зашел и вышел, принося то полотенце, то особое мыло «Нептун», которое выдавалось только космонавтам, то, наконец, просто так — сказать что-нибудь веселое и хлопнуть Егорова по тощей спине.

— Я считаю, — говорил Егоров, наблюдая за черноземными ручьями, бегущими от его ног, — что украинская грязь недостаточно отражена в произведениях классиков литературы...

— И науки, — докончил Василий.

— Именно. Ведь воспеты же украинская ночь, могучий та широкий Днепр, украинские девчата и даже яворы. Почему же нет обширных исследований и звонких стихов о черноземном царстве темных сил, агрессивно действующих после дождя?

— Мало того, по этому вопросу нет и достаточно компетентных научных монографий. А ведь какая благодатная тема пропадает для десятка кандидатских и двух-трех докторских диссертаций!

— Еще бы, — подхватил Егоров, — грязь можно классифицировать по давности возникновения — застарелая грязь...

— По тяговому усилию, которое нужно применить, чтобы оторвать ногу от почвы.

— Легкая грязь — килограмм, тяжелая — полтонны...

— Цифры диссертанта, приведенные в части ха-

рактеристики тяжелой грязи, по-видимому, несколько завышены. Наши опыты дают величины на порядок ниже, что, конечно, нисколько не умаляет достоинства проделанной работы, и диссертант, безусловно... — забубнил Василий, сгибаясь крючком над воображаемыми листками отзыва официального оппонента.

— ...заслуживает присвоения ему звания кандидата грязноватых наук! — закончил Егоров.

Василий торжественно пожал ему руку.

— Будешь жить в мансарде вместе со мной, ладно? — сказал он. — Я бы дал тебе отдельную комнату, но у меня уже живет один гость. Сегодня прилетел.

— Кто? — спросил Егоров.

— Из партии Диснитов, он вместе со мной работал на Марсе.

— Вот как! А откуда он?

— Из Южной Америки.

Егоров поднял брови.

— Какого лешего ему от тебя нужно?

— Я потом тебе расскажу, — ответил Василий. — Идем, я представлю тебя моим домашним.

Домашних оказалось двое: мать — та самая пожилая украинка с недоверчивым взглядом и сестра Василия, молодая дивчина, высокая, с озорными карими глазами, очень похожая на брата. Пожимая руку Егорову, она улыбнулась и сказала:

— Вася много говорил о вас...

— Ну и как? — кокетливо спросил Егоров.

— Так, ничего... — хитро прищурилась девушка.

— Оксана, не морочь Саше голову, лучше сбегай в магазин, — прервал ее Василий.

— А твой американец где? — спросил Егоров, когда они поднялись в комнату Василия.

— Спит, — ответил космонавт, потягиваясь. — Как приехал, так и завалился спать.

Егоров с завистью посмотрел на великолепное тело Василия. Богатырская сила и неодолимое здоровье чувствовались в каждом движении этого ладно скроенного парня.

— Поговорим? — спросил Егоров.

— После завтрака. Матери сейчас помочь надо по хозяйству. Все же они вдвоем с Оксаной, без мужчины трудно.

— Валяй действуй. Если я понадоблюсь, позови.

Василий спустился вниз. Оставшись один, Егоров огляделся. Большая комната производила странное впечатление. Судя по вещам и мебели, кто-то очень смело соединил в ней лабораторию, библиотеку, космический музей, гостиную и спальню. Впрочем, последняя была представлена только узкой кроватью, покрытой простым шерстяным одеялом. Над ней висело четыре фотографии Василия: в школе — маленький вихрастый хулиган, напряженно глядящий в объектив, и три космических снимка, все почему-то сделанные на Луне. «Странно, ни одного с Марса, а он был там раз пять», — подумал Егоров.

Он погладил дорогие переплеты книг по космонавтике, занимавшие целую стену, щелкнул по серому лунному камню, напоминавшему застывший гребень волны, улыбнулся модели навигационного пульта космического корабля. Он хорошо знал эту штуку, Василий сделал ее, еще когда они вместе учились в Институте космической геологии. Потом подошел к широкой, в четыре створки стеклянной двери, выходившей на балкон. Он распахнул их и оказался в огромной галерее, открытой с трех сторон. Сверху, защищая от прямых солнечных лучей, натянулись полосы шелкового навеса.

Егоров увидел село в сочных темно-зеленых пятнах деревьев, уютные домики с белоснежными стенами, вышки с автолетами, сверкавшими на солнце яичными и пурпурными боками. Где-то кричал петух, мычала корова. Над Музыковкой стояло синее марево, обещавшее жаркий день.

Егоров глубоко вдыхал крепкий воздух, растворивший запахи тысяч трав и цветов. От яркого света и блеска у него слегка кружилась голова. Егоров думал, что сейчас в Москве он сидел бы в душной комнате, где много курят, и подсовывал бы «Большой Бете» бесконечные ряды цифр, извлеченных из

данных георазведок Луны и Марса. И ждал бы и нервничал, пока умная машина не выдаст ответа, подтверждающего или отрицающего его догадку, его способность предсказывать. Потом будет вечер. Плавая в бассейне или сидя за стойкой «Кратера», он попытается выгнать усталость из тела, из клеток мозга, ослабить натянувшиеся до предела нервы. А на другой день опять начнется все сначала. Иссушающая душу работа, обидные неудачи, просчеты и победы, ставшие обязательной нормой. Победы, которые не радуют, которых не замечаешь... А где-то в то самое время, когда его жизнь проходит за пультом счетной машины, светит такое нежное радостное солнце и поет сладкий ветер, приветствуя грядущий день.

До его слуха донесся шум. Кто-то вошел в комнату. Егоров увидел в стекле отражение вошедшего.

— Василий! — раздался негромкий голос.

Что-то удержало Егорова, и он промолчал. Он узнал этого парня, стоявшего на пороге. Тот самый красавчик, который перехватил автолет на станции.

Егоров ясно видел лицо незнакомца. Оно было напряженным и внимательным. Не услышав ответа, незнакомец осторожно шагнул в комнату. Вернее, просочился, настолько мягким и бесшумным было это движение. Закрыл за собой дверь. Остановился посреди нее и огляделся, шаря взглядом по стенам.

— Василий!

Егоров хотел было выйти из своего укрытия, но тут вошел Нечипоренко.

— А-а! Анхело! — сказал он. — Отдохнул?

— О! Очень хорошо. Очень.

— Ну и ладно. Пойдем вниз.

Они вышли.

Этот красавчик, подумал Егоров, очень несимпатичен. Егоров решил расспросить Василия о нем при первом удобном случае, но сделать этого до завтрака не удалось.

Нечипоренко с озабоченным видом показывался на секунду в дверях и моментально исчезал. В доме

раздавались то скрипучая старушечья воркотня, то звонкий голосок Оксаны.

— Василь, поди сюда! Василь! Дэ ты, Василь?

Василий послушно топал по теплому янтарному паркету на призывы домочадцев.

За завтраком появился новый гость, дед с усами. Звали его Павич. Он был самодоволен, торжествен и хвастлив.

— За нашего дорогого земляка, усесвитно известного космонавта Нечипоренко! — провозгласил Павич, поднимая рюмку. Выпив, он крякнул и вытер усы.

Затем дед в популярной форме объяснял присутствующим заслуги Василия перед Родиной и человечеством. Василий морщился, но деда не прерывал.

— Та хватит тоби, диду, — вмешалась мать Василия, Ольга Пантелеевна, — мы газеты тоже читаем.

— Ничого, Ольга, ничого. У нас на цилу область один космонавт. Звидки! З нашого колхозу. Оте диво требуется отпразнувать.

— Ну и празнуй на здоровье. А не разказуй нам то, шо усим давно известно.

Егоров искоса наблюдал за американцем. Анхело Тенд с безучастным видом глотал румяные картофелины. Он казался еще ослепительнее, чем утром на станции. По матовой белой коже струились волны нежнейшего абрикосового румянца. Огромные черные глаза смотрели строго, чуть грустно. На Оксану он производил завораживающее впечатление. Девушка сидела, не отрывая глаз от тарелки. Когда к ней обращались, она вздрагивала. Куда девалась ее хитрая усмешка!.. Егоров с некоторым сожалением отметил напряженное состояние девушки и даже сформулировал про себя подобие мысли, начинающееся словами: «Все вы, женщины...»

— Шо там тая слава, — сердито сказала Ольга Пантелеевна, ее лицо сейчас было открытым и печальным, — було б здоровье. А то вон Гриша Рогожин, Васин товарищ...

— Мама!

— Та я молчу. Только скажу тебе, Вася, как ты

кверху поднимаешься, в свой космос, мое сердце падает.

— Дело известное — материнское, — изрек Павич, поглаживая порыжевшие концы усов и закусывая жареным лещом.

— Если б отец был жив, и ему от Васиных полетов седины бы прибавилось.

— Надо, мать, надо, — твердо сказал Василий.

— А я что? Надо так надо. Только почему б тебе не отдохнуть? Съездил бы за границу, мир посмотрел?

— Шо ему заграница? — хитро подмигнул Павич. — У него в Музыковке прочный якорь брошен.

— Хорош якорь, — Ольга Пантелеевна, собрав посуду, сердито утицей выплыла из столовой.

— Шо, Василий Иванович, не одобряет мамаша ваш выбор, а? — Павич расхохотался и обмакнул картофелину в сметану.

Егоров видел, что Василию неприятен этот разговор. Он обратился к Оксане.

— Ну, а вы, Оксана, на Марс не собираетесь?

— Очень нужно, — вспыхнула девушка, — к вашим букашкам!

— Эти букашки поумнее всех нас, — заметил Василий.

— Хоть бы и так. Но они ж уже все перемерли.

— А что, Васятка? — весело завертелся дед. — Чем на Марс летать, сходил бы на наш муравейник...

— И то правильно, — одобрительно заметила возвратившаяся Ольга Пантелеевна. — Дохлых муравьев и на земле достаточно.

Анхело Тенд положил вилку.

— Между марсианином и муравьем такое же сходство, как между человеком и котенком. На Марсе развилась великая цивилизация, до уровня которой человечеству не дойти и за десять тысяч лет. И марсиане не вымерли.

Он строго посмотрел на Оксану. Глаза его горели неистовым пламенем какой-то мрачной веры.

— А что же? — робко спросила девушка.

— Они ушли в Айю.

Все помолчали.

— А шо це таке? — насмешливо спросил Павич.

— Мы не знаем, — ответил за Анхело Василий. — Мы многого не понимаем в цивилизации марсиан. Они не знали звуковой связи, логические основы их мышления качественно отличны от нашего, эволюция протекала у них совсем иначе. Ни способы производства, ни пути развития их общества для нас пока неясны.

— Если мы когда-нибудь сможем разобраться в тех штуках, которые вы открыли на Марсе, наше общество получит колоссальный толчок вперед, — заметил Егоров.

Анхело впервые посмотрел прямо в лицо Егорову.

«Какое жуткое ощущение, он как будто высасывает что-то из меня», — подумал геолог, невольно опуская глаза.

— Да, вы очень правы, — сказал Тенд. В его голосе было что-то металлическое.

«Не хватает обертонов», — подумал Егоров.

— Ну, все это подарки для Академии наук, — сказал Павич. — А вот для людей, там немае ничего такого, щоб руками пощупать, такого, щоб... — Дед повертел толстыми корявыми пальцами, затрудняясь высказать свою мысль.

— Щоб за пазуху та до дому? — улыбнулся Василий.

— Ну да... та ни.. .ну шо ты, хлопче! Ну як руда або металл якпй-нибудь.

— Как же, как же, — весело заметила Ольга Пантелеевна, — у Васи полна комната камнями.

Василий расхохотался.

— Мама, ты не права, — лукаво заметила Оксана. — А зеркало?

— Какое зеркало? — спросил Егоров.

— Вася привез мне в подарок зеркало с Марса.

— Крышка от марсианского туалета, — насмешливо сказала Ольга Пантелеевна. — Даже повесить не за что.

— Зато не пылится, — заметил Василий.

Анхело посмотрел на Оксану. Он, казалось, впервые ее видел.

— И как вам в него смотрится? — спросил он.

— Очень хорошо, — улыбнулась девушка.

— А теперь выпьем за матушку Землю, — торжественно провозгласил Павич, — она нас породила, обогрела и в космос направила.

После завтрака Василий сказал Егорову:

— Пойдем отнесем твое ложе наверх.

— А где оно?

— У Оксаны в комнате.

Он обратился к сестре, оживленно беседовавшей с Анхело.

— Оксана, мы из твоей комнаты топчан возьмем, ладно?

— Пожалуйста, бери, — сказала девушка, не поворачивая головы.

Комната Оксаны была чистой и просторной. Тонкий аромат полевых цветов нежно щекотал в ноздрях.

— Вот он, под окном, — сказала вошедшая за ними Оксана. — Только я не завидую вам, Саша. Он твердый, как сухая глина.

— Ладно. Геологу не привыкать.

Внезапно Егоров увидел зеркало с Марса. Оно стояло на стуле, прислоненное к спинке. Сверху Оксана накинула на него рушник.

— Это оно? — спросил Егоров, подходя к зеркалу.

Плоскость полуметрового эллипса, заключенного в толстый золотисто-серый обод, отразила в темной глубине настороженные серые глаза молодого человека. Зеркало не искажало ни одной линии его лица, придавая отражению легкий голубоватый отсвет. У Егорова осталось впечатление, что он смотрит сквозь толстый слой голубой воды.

Василий, тоже смотревший в зеркало, внезапно сказал:

— Слушай, сестра, одолжи-ка нам эту штуку на время, а? Нам обоим надо бриться по утрам, а у меня только одно маленькое походное осталось.

— Берите. Оно, кстати, двустороннее. Повесьте посреди комнаты и брейтесь сразу вдвоем.

— Так и сделаем.

Они перенесли топчан наверх, прихватив с собой и зеркало.

— Я буду спать на балконе, — сказал Егоров.

— Добро, — согласился Василий.

Топчан установили под навесом. Лежа на нем, Егоров мог видеть всю Музыковку и синие дали степей, раскинувшихся за ней. Зеркало повесили тут же, обмотав края золотистого обода изоляционной лентой. Конец ленты подвязали к рейке, на которой был натянут шелковый навес. Зеркало покачивалось и блистало на солнце, как прожектор.

— А оно тяжелое, — заметил Егоров, оценивая взглядом результаты их трудов.

— Очень. И непонятно почему. Состав, правда, неизвестен...

— А оно не представляет собой какой-либо научной ценности?

— Что ты! — Василий махнул рукой. — В Академию наук уже передано около двух тысяч таких зеркал. Все химики мира бьются над их составом.

Они перешли в кабинет Василия, так как на балконе уже становилось жарко.

— Вообще у марсиан была странная склонность к эллиптическим формам, — сказал Нечипоренко, когда они сели в глубокие прохладные кресла. — Таких зеркал у них десятки тысяч, в городах они играют роль отражателей света... Многие строения на Марсе имеют эллиптические формы...

Василий замолчал. Перед его глазами возник образ Большой Марсианской столицы. Он тряхнул головой.

— Ну ладно, — сказал он, — обо мне потом. Да ты, наверное, все знаешь из отчетов, поступающих в ваш институт. Как тебе в нем работается?

Егоров подумал.

— Как тебе сказать? Чтоб да, так нет, как говорят в Одессе. Когда после окончания института я не попал в космос из-за болезни печени... Ну, да ты

помнишь. Конечно, хорошо еще что я геолог, а не навигатор, как ты. В этом случае мне совсем была бы крышка. И все же от космоса я не мог отказаться. Поступил в этот институт. Работал. Изучал данные, собранные на Марсе, и вот открыл плато Акуан. Сейчас лелею надежду, что удастся провести там кое-какие исследования.

— Официально? И не надейся, — заметил Василий. — Условия там ужасные. Мы вшестером раскапывали Большую столицу. Представляешь? В ней жило когда-то около миллиарда марсиан, она уходит в землю на триста-четыреста метров, а протяженность ее до сих пор не установлена. Два месяца, не снимая скафандра, ползали мы по этим проклятым муравьиным переходам. Отработаешь смену, потом еле к «Москве» доползешь. Вот так-то, брат. Расскажи-ка лучше о своем плато.

Егоров почесал подбородок. Посмотрел в потолок и начал рассказывать:

— Помнишь, какая была сенсация, когда на Марсе обнаружили элементы, неизвестные доселе на Земле? В лаборатории их получить не удалось, сколько ни бились. На Марсе они сосредоточены в одном месте, причем в огромных количествах. Я назвал это место «плато Акуан». Потом удалось доказать искусственное происхождение элементов. А что это значит, как ты думаешь?

— Ну, отходы неизвестных термоядерных реакций... — неуверенно сказал Василий.

— Правильно. Отходы. Это очень важно. Марсиане, построившие всю свою цивилизацию в почве, использовали поверхность Марса так же, как мы в свое время верхние слои атмосферы или дно океана. Они выбрасывали на поверхность различный мусор. Собственно, по таким признакам были открыты и Большая подземная столица и вся разветвленная сеть их городов.

— Следовательно, под плато Акуан скрывается термоядерный энергетический центр, который до сих пор никто не может отыскать?

— Совершенно верно. И если этот центр будет

найден, то, думаю, и для нашей земной энергетики там можно будет кое-что позаимствовать. Особенно учитывая уровень марсианской техники. Понимаешь?

— Вопрос интересный и важный. Впрочем, найти это еще не все. Нужно понять, как это у них сделано. Вот мы обнаружили первую внеземную цивилизацию. А что толку? Ну ладно... Что говорят твои шефы?

— Во-первых, плато огромное, во-вторых, центр может оказаться не совсем под плато, а где-то рядом. Получаются слишком большие затраты. А в-третьих, легче изучать и вывозить уже открытые объекты, чем искать новые. В общем это, дескать, дело завтрашнего дня.

— Да, ситуация трудная, — задумчиво сказал Василий. — Пощупать там стоит. Но, понимаешь, без официального разрешения... Риск большой. Сейчас у нас по инструкции четырехкратная страховка... И то...

Он замолк.

— Понимаешь, Саша, — наконец с трудом произнес Нечипоренко, — Марс — очень странная планета. Я хорошо знаю нашу Луну, участвовал в высадке на Венере, хлебнул там газку, но все это не то. Совсем не то. И на Луне и на Венере грозная природа, дикая стихия и все такое. Но там не страшно. А на Марсе бывает очень страшно. Понимаешь?

Егоров смотрел на него с удивлением.

— Да, да, — взволнованно сказал Василий. — Об этом не пишут и даже не любят рассказывать, но тем не менее это так.

Он снова замолчал.

— Марс — удивительно спокойная планета. Малорасчлененный рельеф. Глубоко в почве скрылись гигантские города. Мертвые города. Ни одного марсианина не осталось, найдены только миллиарды странных сухих оболочек. Не то хитиновый покров насекомых, не то какая-то одежда. Перед отправкой в Айю они или покинули эти оболочки, или... здесь начинается область сплошных загадок. До сих пор ничего, собственно, не удалось установить наверня-

ка. Маленькие марсиане возводили под землей циклопические сооружения, где человек чувствует себя лилипутом. Для чего созданы эти сооружения, можно только гадать. Там очень трудно работать, Саша. Тебя все время преследует ощущение, будто на этой мертвой планете кто-то есть.

— Ну, это ты брось... — протянул Егоров.

— Да, да, именно, не улыбайся. Все время чувствуешь, что за спиной стоит кто-то живой, наблюдающий и оценивающий тебя. И... ждущий. Я не знаю ничего страшнее этого марсианского ожидания. Там тебя постоянно что-то ждет. Это очень неприятное чувство.

— Еще бы!

— Теперь возьми хотя бы наши жалкие потуги расшифровать непонятную зрительно-осязательную информацию, которая записана на кристаллах Красного купола. Единственный интересный вывод, полученный нами, — это что марсиане собираются уходить в Айю. Что такое Айя? Как туда переправились два биллиона марсиан? Непонятно. А кто ответит, почему вся информация относится только к последнему десятилетию марсианской цивилизации? Где их архивы? Были ли у них библиотеки? Одним словом, миллион загадок.

— Я не понимаю, что тебя смущает. Требуется определенное время на изучение этого сложного и очень не похожего на нас разумного общества.

— Дело не во времени, Саша. Я подозреваю, что многого мы так и не поймем.

— Детали, может быть. Детали всегда своеобразны и неуловимы. Но в целом общее направление мы вполне можем понять.

— И общее не поймем. Мне говорили, что Дисниты — они занимались расшифровкой кристаллов Восточного сектора Красного купола — пришли к интересному выводу. Они утверждают, что мышление марсиан как бы обратно нашему, земному. У нас движение является свойством материи, у них материя — свойством движения, его проявлением.

— Ловлю тебя на слове, — сказал Егоров. — Для

того чтобы сделать подобное заключение о характере марсианского мышления, нужно располагать колоссальным запасом информации. Это же философское обобщение.

— Нет. Дисниты располагали тем же, что и мы. Наши находки дублируют друг друга. Но... им больше везет. Видишь ли, Саша, у меня такое чувство...

Он задумался. Мысленно он видел узкий глубокий колодец, по которому лифт спускает космогеологов в Большую столицу, бесконечный лабиринт переходов, где пробираешься только ползком, и Красный купол — огромную искусственную пещеру с овальным потолком, залитую багряным светом. И его вновь охватило знакомое чувство тревожного ожидания.

— У меня такое чувство, Саша, — продолжал Василий, — что нашими находками и открытиями на Марсе кто-то руководит.

— Конечно. Академия на́ук, Совет по...

— Нет, — перебил Василий, — не то... Я не о наших...

Егоров сделал вид, что не понял друга, отвернулся и стал смотреть на балкон.

— Да, — сказал Василий, — кто-то нами руководит. Подсовывает одно, прячет до поры до времени другое — одним словом, контролирует. Ну посуди сам, марсиане ушли в Айю около пяти миллионов лет назад. На Земле в это время еще не было человека. А марсианские города сохранились, как новенькие, там все блестит. Это противоестественно, понимаешь? Есть второй закон термодинамики, есть энтропия, которая растет... Да за пять миллионов лет там должен был воцариться хаос! А хаоса нет. Есть строгий порядок.

— К чему ты ведешь?

Василий молча наклонился к Егорову. Тот с испугом смотрел в его серьезные черные глаза. «Уж не свихнулся ли он там, на своем Марсе?» — ящерицей мелькнула мысль.

— Они вернутся.

Егоров принужденно расхохотался.

— Здорово! Хозяин вышел на минутку и просит гостей подождать?

— Совсем нет. Хозяин просто не может или не хочет вернуться.

— Может, они улетели из солнечной системы в эту Айю?

— Черт его знает что это за Айя, — задумчиво сказал Василий. — Порой я даже готов согласиться с академиком Перовым. Он исследовал панцири и считает, что подобный переход является чисто физиологическим процессом. Айя — это смерть. А может, что-то вроде того света. Перейдя в Айю, получаешь шанс на бессмертие...

— Это уже твой собственный домысел?

— Нет, так Дисниты придумали. Кстати, этот Анхело Тенд, неплохой парень между прочим, работал с ними до нашего прилета. Дисниты уже собирались отлетать, как вдруг обнаружили, что Тенд исчез. Туда-сюда — нет Анхело. Они улетели. А через месяц мы нашли Тенда в одной из галерей Красного купола. Он был жив и здоров, но не мог ответить ни на один вопрос. Что с ним случилось, где он был, что ел, пил — не помнит. Пришлось его обучать всему заново, рассказывать, кто он такой, где жил, что есть Земля и люди. Долго так продолжалось. Но однажды он вспомнил... почти все.

Слова Нечипоренко были прерваны высоким, рвущим воздух звуком. Пронзительный вой столбом поднялся к небу. Друзья выбежали на балкон. Вверху, на темно-синей глади выводил прерывистую снежную роспись реактивный самолет.

— Какая-то новая модель, — сказал Егоров, прикрывая глаза ладонью.

Звук оборвался так же внезапно, как и начался. Самолет утонул в глубине небесной чаши.

— Ну и ревушка! — покачал головой Василий. — До земли доходит ослабленный звук, представляешь, каково летчикам?

— Там изоляция.

— Так о чем я говорил? — спросил Василий.

— Об Анхело.

— Ах да! Ну вот, собственно, и все. Вернулись мы с Марса, Анхело побывал дома, что-то ему там не понравилось. Он ведь испанец, из Венесуэлы... Теперь решил остаться у нас.

И вот это зеркало, что я Оксане приволок, — продолжал Василий. — Это памятный подарок Гришки Рогожина, который погиб...

— Как? — вскочил Егоров. — Григорий погиб?

— Погиб, и самым таинственным образом. Он работал в одной из «комнаток», которых там, в Красном куполе, тьма, а этажом выше работали наши взрывники. Взрыв они произвели крошечный, но все же кое-какое сотрясение было. Слышим вскрик. Прибежали к Грише. Лежит с разбитой головой. Скафандр снят, лицо размозжено. Сама же «комната», где работал Гриша, осталась совершенно целой. Так, с потолка немного пыли осыпалось да кусочки облицовки размером с мой ноготь на пол попадали. Что могло нанести удар такой страшной силы, мы так, конечно, и не узнали. Что-то там болтали о многократном усилении взрывной волны, о направленных ударных воздействиях — чепуха все это. И какая досада! Как раз в этот день Гриша сделал великолепную находку. Он нашел труп марсианина. Это было потрясающим открытием. Мы пять лет на Марсе и ничего, кроме пустых оболочек, не находили. Миллиарды осточертевших рачьих скорлупок! Об истинном облике марсианина мы могли только гадать. Гришку на руках носили, когда он приволок под мышкой этот прекрасно засушенный экспонат. Мы положили его в титановый контейнер и отправили наверх, а через четыре часа отправили наверх Гришу. А зеркало я оставил себе.

— Какое зеркало? — спросил Егоров.

— Вот это самое, — Василий указал на зеркало с Марса. Оно слегка покачивалось под порывами теплого ветра. — Мертвый марсианин лежал в двух шагах от него, и Григорий снял зеркало. Потом я взял это зеркало на память.

Егоров внимательно и печально посмотрел на сверкающий овал.

— Тоже ведь загадка, — протянул Василий, — зачем марсианам эти зеркала, совершенно одинаковые и в огромном количестве? В каждом городе их сотни...

Вдруг лицо его изменилось. Он приподнялся над сиденьем на вытянутых руках. Взгляд впился в зеркало.

— Оно не отражает! — прошептал Василий.

Егоров посмотрел на зеркало. На первый взгляд оно действительно ничего не отражало. Поверхность его была ровной и матовой. Такого же золотисто-серого цвета, как ободок. Они одновременно бросились к зеркалу и увидели в нем свои взволнованные физиономии.

— Фу, глупость, — заметил Егоров, — анизотропное изображение всего-навсего. Ты меня так напугал своими рассказами о Марсе, что я от любого марсианского камня стану шарахаться.

— И правильно сделаешь, — задумчиво сказал Василий, — потому что ни одно из марсианских зеркал, с которыми я имел дело, не обладает такими свойствами. И это тоже... не обладало, пока я его держал в чемодане.

— Вероятно, на него благотворно подействовал мой приезд.

— Возможно... Ну ладно, — сказал Василий, — подводя итоги, можно констатировать, что хотя Марс планета опасная, но плато Акуан исследовать надо.

— Эх, если б меня брали в космос! — махнул кулаком Егоров.

— Не тужи, братец, — заметил Василий, — вот создадут антигравитатор, полетишь и ты со своей больной печенкой... А не полетишь, тоже беда не велика, поедешь в Трускавец пить нафтусю.

Василий ушел, и Егоров подошел к зеркалу. Он представил себе, как тысячи марсиан смотрелись в эту блестящую поверхность, и ему стало не по себе. Зеркало равнодушно отражало некрасивое лицо Егорова, красные крыши домов, поле и электротрактор, который жужжал далеко, на краю большого зеленого поля. Егорову показалось, что на блестящем ма-

териале возник какой-то едва заметный белый налет. Он прикоснулся к нему — и вздрогнул от неожиданности. Поверхность зеркала была мягкой! Он взял спичку и попытался сковырнуть налет. По отражению зеленого поля прошла неглубокая бороздка. Егоров был удивлен. Он посмотрел на кончик спички. Постепенно след на зеркале стал зарастать и минут через пять совсем исчез.

— Интересно, — промычал Егоров сквозь зубы и придвинул кресло поближе.

— Саша! Саша! — услышал он громкий голос Нечипсренко.

Егоров посмотрел вниз и увидел, что Василий стоит у ворот и размахивает газетой. Лицо у него исказилось в болезненной гримасе.

— Прыгай ко мне! — крикнул он.

Егоров прыгнул на влажную упругую землю. Освещенное ярким летним солнцем лицо Василия было мрачным и серьезным.

— Читай, — сказал он, указывая на вторую полосу.

— «Нам сообщают... — бормотал Егоров, скользя взглядом по мелкому шрифту, — вчера в Бостоне были обнаружены тела... братья-космологи Альфред, Уильям, Колдер и Джеймс Дисни... убийца не найден... загадочная смерть без каких-либо признаков токсического или физического воздействия... ученые-эксперты в растерянности...» Что это значит? — обратился он к Василию.

— Читай до конца, — сердито сказал Нечипоренко.

— «Смерть известных исследователей Марса связывается с заявлением, сделанным ими несколько дней назад, что в Большой Марсианской столице якобы найден архив и ключ к нему, дающий возможность воссоздать пресловутую дверь в Айю. Эта находка неизмеримо увеличит мощь людей, сообщил корреспондентам «Таймс» Колдер Дисни».

Они молча посмотрели друг на друга.

— Вот он, Марс! — взволнованно сказал космо-

навт. — Он и на Землю свои лапы протягивает. Не хотят марсиане открыть свои тайны.

Егоров молчал, но сообщение его тоже встревожило. Он почему-то подумал, что Анхело только недавно вернулся из Америки и, вероятно, знает о гибели Диснитов.

— Не исключен вариант, что в один прекрасный день будет найдено тело Василия Нечипоренко без следов какого-либо физического, химического или психического воздействия, — неожиданно сказал космонавт, разглядывая нарциссы, окаймлявшие клумбу перед домом.

Егоров посмотрел на отпечаток своей ноги на краю клумбы и сказал:

— А что говорит по этому поводу твой Анхело?

— Он еще не знает. Сейчас я его позову.

Василий вошел в дом и через минуту вышел с Тендом.

Ни волнение, ни сочувствие, ни жалость — ничто не отражалось на прекрасном лице Анхело. «Он продумывает линию поведения», — подумал неожиданно Егоров.

— Какое печальное известие. Я их очень уважал, — сказал Тенд.

Лицо его оставалось неподвижным. «Может, у него просто такая мимика или, вернее, полное отсутствие всякой мимики?» — подумал Егоров.

Они сели на лавочку возле ворот. Оксана срезáла нарциссы.

— Самое примечательное, что гибнут люди, работавшие в Красном куполе. Рогожин, Дисниты... Кто следующий?

— Я, — неожиданно сказал Анхело и улыбнулся.

Егоров впервые видел, как улыбается Тенд: глаза оставались мертвенно-спокойными, а рот корчился в судороге смеха.

— Почему ты так думаешь? — спросил Василий.

— Если следовать твоей теории, что марсиане прячут от нас свои тайны, то я. Дисниты разобрали архив — и погибли, Гриша нашел мумию — и погиб. А я... Перед тем как я... как у меня наступил тот

провал в памяти... я тоже видел комнату, где нашли Рогожина. Там были и засохший марсианин, и зеркало, и еще много маленьких крестиков на стенах, на потолке...

— Каких крестиков?

— Откуда я знаю? Я пришел туда с фонарем, а он у меня испортился. Тогда я взял два конца от батареи и через графитодержатель сделал маленькую вольтову дугу. Я увидел на полу этого марсианина, зеркало и какие-то искорки на стене и на потолке, похожие на крестики. И тут моя дуга вспыхнула очень ярко, наверно, я сильно сблизил электроды.

Говорил Анхело как-то нехотя, словно что-то удерживало его.

— Ну и что? — с нетерпением спросил Егоров.

— Раздался шум. Очень большой шум, как ревет самолет на взлете. Дуга погасла, и шум смолк. Я выбрался из этой комнаты и немного заблудился в переходах. По моему подсчету, прошло часа два. А когда я встретил твоих людей, Вася, они сказали, что я пропал месяц назад и что группа Колдера уже закончила работу и улетела на Землю.

Они надолго замолчали. Оксана, проходя мимо, бросила им на колени по цветку.

— А ваши данные... а вы потом были в этой комнате? — спросил Егоров у Тенда.

— Конечно. Никаких крестиков я не обнаружил.

— Ну ладно, братцы, — сказал Василий, вставая, — я должен идти. Марсианскими делами на Земле слишком увлекаться не стоит. Меня ждет один человек...

Егоров вернулся на балкон. Оксана и Анхело остались в садике и тихо о чем-то беседовали. Егоров лег на топчан и, наклонив зеркало к себе, стал разглядывать Оксану. Ему показалось, что Анхело как-то уж очень близко приник к ее уху. Егоров бросил в зеркало нарцисс. Он и сам не мог понять, зачем это сделал.

Сзади раздался крик. Изумленный Егоров выпустил зеркало из рук и обернулся. Анхело и Оксана слетели со скамейки и упали навзничь прямо в цве-

ты. Они довольно неуклюже барахтались, пытаясь подняться. Егоров спрыгнул с балкона.

«Второй прыжок за одно утро, такой способ сообщения становится регулярным», — подумал он, помогая девушке и испанцу встать на ноги.

— Что случилось? — спросил Егоров.

Лицо Оксаны было смущенным и растерянным. На щеке багровела ссадина. Егоров почувствовал острый неприятный запах в воздухе.

— Нас что-то толкнуло, — подумав, ответил Анхело, — будто облако упало. Облако запаха. И сейчас же исчезло.

— Нет, не облако, а будто потолок, потолок с лепкой упал на нас и... этот странный запах... он напоминает отбросы, какую-то гниль, — сказала Оксана.

— Не ушиблись? — осведомился Егоров.

Она покачала головой. Егоров оглядывался по сторонам. Ничего примечательного, кроме испорченной клумбы с цветами, он не увидел.

Запах постепенно исчезал. Вначале резкий, отвратительный до тошноты, он слабел, делался нежнее. «Уменьшается концентрация», — подумал Егоров. Он знал, что даже самые лучшие духи в большой концентрации обладают мерзким запахом. Вдыхая нежный, едва уловимый аромат, он силился вспомнить его источник. «Нарциссы!» — внезапно озарило его.

Он посмотрел на балкон. Смутная догадка промелькнула в его сознании. Егоров взглянул на Анхело и увидел, что испанец тоже смотрит на балкон, на необыкновенное зеркало. Егорова поразило выражение лица молодого ученого: так смотрят на предмет долгого, тщательно скрываемого вожделения.

— Разве зеркало не у тебя? — отрывисто спросил Тенд у Оксаны.

— Зеркало? Какое зеркало? Ах, это! Я отдала его Саше и Васе, — спокойно и чуть удивленно ответила девушка. Она тоже заметила волнение Тенда.

«Что-то здесь неладно», — подумал Егоров.

Его отвлек шум, послышавшийся за воротами.

Во двор вошли Ольга Пантелеевна с Павичем. Она была в резиновых сапогах и кожаной куртке. Ольга Пантелеевна сердито говорила Павичу:

— А я тоби кажу, шо вин був пьяний, разумиеш, пьяний!

Павич держал в одной руке старый обшмыганный портфель с металлическим замком посредине, в другой обломок деревянного бруса длиной в метр.

— Це ж вещественное доказательство, Оля, — сказал Павич, помахивая бруском.

— Что случилось, мамо? — спросила Оксана, подходя к ним.

Преодолев барьер из многочисленных отступлений и восклицаний, Оксана и Егоров выяснили суть дела. Ольга Пантелеевна, обходя с Павичем поля, обнаружила глубокую борозду, проходившую через участок озимой пшеницы. Поломанные стебли и развороченная земля привели их к трактористу Коцюбенко, который, сидя возле своей машины, с изумлением вглядывался в канаву, разрезавшую скатерть зеленого поля. На вопросы Ольги Пантелеевны и Павича Коцюбенко он понес околесицу. Он утверждал, что с неба упала огромная дубина и сама прошлась по полю, оставив рытвину. Брусок в руках Павича — кусочек этой дубины.

Вначале вырытая траншея, утверждал Коцюбенко, была глубокая — метра на три. Но потом она стала уменьшаться, вроде бы зарастать, стебли пшеницы распрямились, и к моменту появления Ольги Пантелеевны и Павича через поле проходила уже только небольшая бороздка, которую те приняли за тракторный след. Поступок пьяного тракториста — а он был действительно пьян — вызвал горячее негодование у Ольги Николаевны.

Егоров задумался. Потом он заметил, что Анхело с ними нет. Очевидно, он незаметно удалился.

Открывая дверь в кабинет Василия, Егоров знал, что встретит там испанца. Но в комнате никого не оказалось. Егоров вышел на балкон. Тенд стоял спиной к Егорову, приставив к золотисто-серому ободу зеркала тонкий черный стержень. Другой конец

стержня Анхело приставил к уху. Создавалось впечатление, будто испанец выслушивает больного. Низкое гудение расплывалось в майском воздухе.

— Анхело! — позвал Егоров.

Тенд отскочил от зеркала, словно ужаленный. Он посмотрел Егорову в глаза. Это был страшный, беспощадный взгляд...

Оксана, зайдя в кабинет Василия, услышала слабый стон. Он доносился из-за стеклянной двери балкона. Девушка выбежала и увидела Егорова на полу, за ящиками для цветов и рассады. Оксана помогла ему перебраться на топчан. Через несколько минут Егоров открыл глаза.

— Он ушел?

— Кто он?

Егоров промолчал. Он смотрел на девушку устало и отчужденно.

— Что с вами? — волнуясь, спросила Оксана. — Может, вызвать врача.

— Врача? — спросил Егоров. — Врача не надо, я совершенно здоров. Это солнце. Я давно не был так много на солнце.

Он внимательно разглядывал свои руки.

— Оксана, вы больше всех, пожалуй, за исключением Васи, говорили с Анхело. Как он вам показался?

Девушка чуть-чуть покраснела.

— Не знаю, он красивый...

— И только?

— По-моему, он очень холодный человек и непонятный.

Егоров неожиданно улыбнулся и сел на топчан.

— Вы верно чувствуете, Оксана... Вот что, Оксана, мне срочно нужен Василий. Где он?

— Он катает Валю на своем автолете. Вот если б вы сегодня утром догадались позвонить, не пришлось бы вам тащиться по грязи на «Волге».

— Откуда ж я мог знать, что у Василия есть личный автолет? А там у него случайно нет телефона?

— Есть. Да стоит ли мешать? Им и без того

трудно. Мама не одобряет Валю. Ей кажется, что Васиной женой должна быть другая девушка.

— Какая? С Марса?

— Нет, но что-то в этом роде, — Оксана засмеялась.

Егоров минуту подумал.

— Оксана, голубушка, мне срочно, до зарезу нужен Василий. Как ему позвонить?

— Да вон они! — Оксана махнула рукой на горизонт.

— Где? Где? — Егоров силился разглядеть блестящую точку над полем.

— У вас глаза от солнца болят, — заметила Оксана и, повернув Егорова за плечи, сказала: — Смотрите в зеркало. Они здесь тоже видны. Вот видите светлое пятнышко?

— Где?

— Да вот же, господи! — Оксана ткнула пальцем в зеркало.

— Осторожно! — воскликнул Егоров, хватая девушку за руку.

Но было поздно. Загорелая подушечка пальца слегка коснулась зеркала там, где виднелось пятнышко автолета. Оксана побледнела и отдернула палец.

— Ай! — вскрикнула она, взмахивая рукой. На коже выступила капля крови, палец был слегка ободран.

— Скорей машину, скорей! — заторопился Егоров. — С ними случилось несчастье.

Он подбежал к барьеру и прыгнул с балкона. «Сегодня этим нарциссам досталось, — машинально подумал он, — в третий раз...»

— Оксана! — крикнул он, повернувшись к балкону. — Закрой зеркало покрывалом, и чтоб никто и ничто не касалось его поверхности!

Девушка, сунув палец в рот, с удивлением наблюдала за суетливыми движениями Егорова, вскочившего на мотоцикл. Тревога геолога передалась и ей. Она посмотрела на горизонт. Автолета Василия не было.

Когда Егоров, подпрыгивая на комьях сухой земли, подъехал к месту катастрофы, там уже стояла

машина. Падение автолета заметил местный агроном. Он только что вышел из автомобиля и, раскачиваясь, шагал по полю. Егоров догнал его, и они зашагали вместе.

Через несколько шагов они остановились. Автолет лежал на свежевспаханной земле. Радиатор и верх прозрачного кузова оказались под полосами грязно-желтой ткани, на которой бордовыми пятнами застывала кровь. Бока и стекла автолета были усеяны мелкими красными брызгами. Преодолевая ужас, Егоров бросился к машине и распахнул дверцы.

Василий, сидевший у пульта, свалился к его ногам. Вдвоем с агрономом они вынесли тело космонавта, ставшее необыкновенно тяжелым, и положили на черную землю. Вынесли из автолета и высокую бледную девушку, голубые глаза ее были слегка приоткрыты.

Агроном распахнул воротник и прижал ухо к груди космонавта. «Прав ты был, Вася, — думал Егоров, разглядывая иссиня-бледное лицо друга. — У Марса руки длинные...»

— Бьется! — радостно воскликнул агроном.

Он стал на колени у изголовья Василия и сделал несколько ритмичных движений искусственного дыхания.

Егоров занялся девушкой.

«Откуда же столько крови? — напряженно думал геолог. — Ведь они совершенно целы». И тут он вспомнил вишневую каплю на пальце Оксаны и сердито затряс головой, отгоняя дикую, нелепую мысль. Валя чуть слышно вздохнула.

— Валя! Валя! — позвал Егоров.

— Смотрите! — воскликнул агроном.

Егоров посмотрел сначала на него. Он увидел кирпично-красное лицо, голубые удивленные глаза в лучах морщин и загорелую руку, вытянутую в направлении автолета.

Ни кровавых брызг на стекле, ни дымящейся лужи крови под машиной не было. Все исчезло. На капоте неясно белел клочок сморщенной ткани, только что покрывавшей всю машину.

— Черт! — закричал Егоров и, подбежав, спрятал лоскуток в карман. Он был мокрый и холодный.

В это время Василий открыл глаза и застонал.

— Валя! — тихо позвал он.

Хлопоты вокруг космонавта и его невесты, вызов врача, долгие объяснения и разговоры с домашними заняли всю вторую половину дня. Наконец Василия уложили, несмотря на его шумные протесты, и напоили чаем с малиновым вареньем. Обложенный подушками, он дико вращал глазами и призывал в свидетели все созвездия вселенной, что здоров, невредим и совсем не хочет лежать. Но Оксана и мать, сидевшие по обе стороны кровати, были неумолимы.

— Ну, поймите, ничего страшного не произошло! Автолет двигался над полем на высоте двух-трех метров. Потом что-то стукнуло нас, и мы потеряли сознание. Вот и все. И нечего мне тут устраивать постельный режим по последнему слову космической профилактики.

— Я сказала, тильки через мий труп, — говорила Ольга Пантелеевна, придавив плечо сына сухоньким кулачком. — Лежи.

Оксана и Егоров, переглянувшись, рассмеялись. Егоров поднялся к себе на балкон. Он ощущал страшную усталость. Солнце уже зашло, но небо было светлым и алым. Село спряталось в глубоких вечерних тенях.

Егоров достал лоскут неведомой ткани, снятой с автолета. Он стал совсем крошечным. Егоров расправил его и посмотрел на свет. Клочок слегка просвечивал.

— Кожа! Человеческая кожа! Кожа с Оксаниного пальца, — негромко сказал он.

. . . .

Василий уже сладко дремал на пуховых подушках, когда кто-то настойчиво потянул его за руку. В мерцающем лунном свете он увидел силуэт друга. Егоров стоял, прижав к губам палец.

— Тсс, — сказал Егоров. — Идти можешь?

— Да. А что случилось? — спросил Василий, вскакивая. — Что-нибудь с Валей?

— С Валей все в порядке. Пойдем со мной.

Егоров пошел вперед, высоко поднимая ноги. В доме стояла тишина. Оранжево светилась полоска света под дверью комнаты Ольги Пантелеевны.

Егоров провел Нечипоренко на второй этаж в кабинет. Там в неярком свете настольной лампы сидел незнакомый человек.

— Капитан Самойленко, — представился он, вставая.

Василий пожал протянутую руку.

— Этот товарищ приехал, чтобы задержать Тенда, — сказал Егоров. — Анхело убил Дисни, похитил их материалы и сбежал.

— Что? — Василий выпрямился. — Ты понимаешь, что говоришь?

— Понимаю. Время не терпит. Товарищу повезло, что он в этом доме сразу натолкнулся на меня. Тенд — опасный преступник.

— Американцы обратились к нам с просьбой задержать убийцу четырех известных исследователей Марса, — сказал Самойленко.

— Но зачем он это сделал? — вскричал Василий.

— Власть над людьми, золото... а впрочем, черт его знает почему, — сказал Егоров.

— Мне нужно произвести обыск. Вы согласитесь быть понятыми?

Василий, все еще ничего не понимая, кивнул.

— А где же Тенд?

— Они с Оксаной ушли в кино, — сказал Егоров.

Василий молча опустил голову и закусил губу.

— Идите вы вдвоем, я побуду здесь, — сказал он.

Минут через десять Егоров и Самойленко втащили большой желтый чемодан.

— Здесь все колдеровские записи, — сказал Егоров.

Лицо его покраснело от напряжения.

— Все это придется конфисковать, — строго заметил Самойленко.

Он достал папку и с озабоченным видом, чуть прикусив губу, сделал запись. В руках у него появился микрофотоаппарат.

Василий смотрел на все происходящее как во сне. Смысл слов, казалось, не доходил до него.

— Зачем ему это понадобилось? Зачем? — бормотал он.

— Как зачем? — взволнованно сказал Егоров, тыча в лицо космонавта кипу фотографий. — Вот те крестики, по которым Колдер расшифровал запись последнего марсианина. Ты видишь эти бесконечные геометрические узоры? По ним Колдер установил, где находится последняя открытая дверь в Айю! Понял?

— Ну хорошо, допустим, на Марсе такая дверь существует и действует, — возразил Василий, наблюдая, как Самойленко извлекает и деловито фотографирует тяжелые красные кристаллы. Василий хорошо знал их: он тысячами выковыривал их из потолка и стен Красного купола.

— Нет! Совсем нет! — вскричал Егоров. — Может быть, эта дверь является границей антипространства. У нее могут быть совершенно необыкновенные свойства...

— Ну хорошо, — перебил его Нечипоренко, — допустим, все это так. Но ведь у Колдера Дисни этой двери не было, он только знал о ней. Дверь-то осталась на Марсе, ее еще надо найти. Зачем же Анхело надо было убивать...

— Ах, я дурак! — быстро проговорил Егоров. — Ты же не знаешь главного.

Он вскочил с кресла.

— Пойдем, пусть он фотографирует, ему здесь еще много работы! — Егоров указал на Самойленко, озабоченно снимавшего содержимое желтого чемодана.

Василий нехотя вышел на балкон. Егоров подвел его к топчану, над которым висело зеркало Марса. Золотой обод на нем светился холодным мерцающим светом.

— Пощупай, — прошептал Егоров.

Василий коснулся обода и отдернул руку.

— Что, горячий? — рассмеялся Егоров. Он, казалось, был очень доволен всем случившимся.

— Не горячий, но...

— Жжется? То-то, — Егоров очень суетился. Ему хотелось поскорее поделиться тайной. — Но не это главное, — сказал он. — Смотри в зеркало, что ты там видишь?

— Ну что? Ночь, серп луны, хаты, — начал неуверенно перечислять Василий.

— Так. А вот здесь? Темное такое, продолговатое? Что это?

Нечипоренко присмотрелся к зеркалу.

— Скирда соломы.

— Скирда? Очень хорошо, очень-очень хорошо.

Егоров вышел и вскоре вернулся, неся стакан с водой. Он поставил его на топчан, достал из кармана зажигалку. Щелк! — и коптящий язычок пламени слабо осветил ночной воздух. Запахло бензином. Егоров поднес огонек к зеркалу в том месте, где чернела похожая на гусеницу скирда соломы, и затем отнял огонь.

Василий вскрикнул. Он не мог отвести взгляда от зеркала. Там продолжало гореть изображение. Егоров осторожно взял Василия за плечи и повернул лицом к селу.

На горизонте к небу рвалось пламя. Ярко-оранжевые языки были отчетливо видны даже отсюда. Над ними плыли седые клубы дыма, растворяясь в ночной тьме. Багровые ручьи залили почву.

— Что ты наделал?!

— Спокойно! — сказал Егоров. Он взял в рот воды из стакана и тонкой струйкой плеснул в зеркало.

Василий услышал далекий шум, пламя на горизонте полыхнуло раз, другой и погасло. Освещенные лунным светом вверх поползли клубы пара.

— Больше нельзя, иначе можно устроить наводнение, — мирно сказал Егоров.

— Это она? — тихо спросил Василий, указывая на зеркало.

— Она, братец, она, — заторопился Егоров. — Единственная незапертая дверь в Айю. На Марсе она не работала, а в Музыковке, видишь, открылась. Ее не успел захлопнуть рогожинский марсианин. Так

и простояла она пять миллионов лет приоткрытой. А может, не миллионов? Анхело решил использовать ее для личных темных целей. Теперь ты понимаешь, зачем после Дисни он пожаловал к тебе? Ты видел, как горело? А ты знаешь, что твой автолет мощностью в тысячу лошадиных сил Оксана прикосновением мизинца сбросила на землю? Нечаянно, конечно. Теперь ты понимаешь, что это за мощь, что за сила?

Василий все понял. Цепь отрывочных событий замкнулась в логическое кольцо.

— Вот так находка! — прошептал он, хлопнув Егорова по плечу. — Поймали-таки марсианского черта за хвост!

— Так давай скорей крестить, крестить его, вражьего сына! — воскликнул Егоров.

Друзья возвратились в кабинет.

— Вам еще много? — спросил Егоров у Самойленко.

— Сейчас кончаю.

Василий сидел хмурый.

— Ты что? — закричал Егоров. — Радоваться должен! Такое открытие!

— Не знаю. Никак не могу представить, чтобы космонавт на такое дело пошел. Тенд не первый год по планетам ходит.

— Все! — облегченно вздохнул Самойленко и сел в кресло, направив аппарат на Егорова и Нечипоренко. — Последнее вещественное доказательство. Лично для меня, на память.

— Не нужно! — замахали они руками. — Ни к чему!

Дверь распахнулась, и в комнату вошел Тенд. Он взглянул на сидевших, на раскрытый чемодан, ремни с блестящими пряжками, напоминавшие высохшие змеиные шкурки, кристаллы, фото, записи — и все понял.

Василий смотрел на испанца долгим взглядом, полным глубокого огорчения. Егоров переглянулся с Самойленко. Тот со скучающим выражением достал

красную книжицу и положил ее на колено. Но почему-то не встал.

Тенд больше никого не удостоил взглядом. Он прошел на балкон. Сидевшие в кабинете переглянулись. Их, казалось, забавляло то, что должно было произойти. Анхело вернулся, неся зеркало с Марса. Он установил его на полу, слегка наклонив. Затем вынул черный стержень, провел им по золотистой раме зеркала. Раздался отдаленный звенящий гул, будто где-то далеко в небе летел реактивный самолет. Тенд взял со стола пачку фотографий и с размаху швырнул их в зеркало. Они исчезли. Туда же полетели кристаллы с Красного купола, записи, катушки с магнитной лентой, дневник братьев Ди́сни и сам желтый чемодан с его змеевидными ремнями. Предметы исчезли беззвучно.

«Почему же мы не встаем?» — с испугом подумал Егоров.

Тенд подошел к зеркалу и оглянулся.

Егоров почувствовал, что сознание ускользает от него, точно влажное арбузное семечко. Страшная тяжесть обрушилась на голову, пригнула ее к груди. «Сейчас лопнет», — с ужасом подумал он.

Дольше всех боролся Самойленко. В самый последний момент, когда Тенд начал растворяться в воздухе, теряя обычные нормальные очертания, капитан попытался вскочить с места. Тенд оглянулся, и капитан рухнул в кресло. Фотоаппарат его слабо щелкнул.

— Я не убивал Диснитов. Они... — Голос Анхело достиг самых высоких тонов и оборвался.

Самойленко заслуженно гордился: это был единственный снимок живого марсианина. Три глаза, расположенные по вершинам правильного треугольника, смотрели со страстной неземной силой. Они были глубоки и бесконечно мудры.

Егоров взял в руки сверкающий серый овал. Зеркало бесстрастно отражало действительность. Последняя дверь в Айю была захлопнута.

Но надолго ли?

А. ДНЕПРОВ

ФЕРМА «СТАНЛЮ»

...по-видимому, можно вырастить законченный индивидуум из одной-единственной клетки, взятой, например, из кожи человека. Сделать это было бы подвигом биологической техники, заслуживающим самой высокой похвалы...

А. Тьюринг, Может ли машина мыслить?

Он сидел на краю парковой скамейки, и его поношенные ботинки нервно топтали сырую землю. В руках он держал толстую суковатую палку. Когда я сел рядом, он нехотя повернул лицо в мою сторону. Глаза у него были красные, будто заплаканные или скорее плачущие, а тонкие губы изображали месяц, перевернутый рогами книзу. Крупные морщины шли по меридиану и тоже сверху вниз.

Взглянув на меня, он надвинул на глаза шляпу, а каблуки ботинок застучали о землю еще чаще. Я хотел было пересесть на другую скамейку, но он вдруг сказал:

— Нет, почему же, сидите!

Я остался.

— У вас есть часы? — спросил старик.

— Есть.

— Который час?

Я сказал. Он глубоко вздохнул и посмотрел туда, где за скелетами осенних деревьев возвышалось бесцветное здание клуба «Сперри-дансинг», помолчал, несколько раз вздохнул и затем поднял шляпу над бровями.

— А сейчас сколько времени?

— Без одной минуты четыре. Вы кого-нибудь ждете?

Он повернул свое плачущее лицо ко мне и кивнул. Видимо, предстоящая встреча не предвещала ничего хорошего. Он подвинулся ко мне поближе и откашлялся.

— Все точно... точно так же, как пятьдесят лет тому назад...

Я сообразил, что старика терзают воспоминания.

— Да, — неопределенно протянул я, — все проходит... Ничего с этим не поделаешь.

Он подвинулся еще ближе. Плачущий рот изобразил подобие иронической улыбки.

— Говорите, все проходит? Как бы не так...

— Ну, конечно, воспоминания остаются, — спохватился я. — Так сказать, память о прошлом. Память — наша постоянная и надоедливая спутница...

— Если бы только это!!!

После небольшой паузы старик снова спросил у меня, который час, а потом сказал:

— Осталось ждать еще ровно час...

— Чего ждать?

Он неопределенно махнул рукой.

— Логика мыслей и логика жизни не имеют ничего общего, — вдруг ни с того ни с сего произнес он.

Я как будто проснулся, потому что логика была моей специальностью. Стоит кому-нибудь произнести это слово, я сразу оживаю.

— В этом-то вы неправы. Логика мысли есть отражение логики жизни.

— Вы так думаете?

— Уверен.

— Сколько вам лет?

Сейчас начнется урок старческой мудрости, подумал я, и ответил:

— Двадцать девять.

Вместо «урока» я услышал:

— Им тоже примерно столько же...

— Кому им?

Он кашлянул.

— Кому? — переспросил я.

— Моим... детям...

— Вы их ждете?

— Вроде... Впрочем, если хотите, я расскажу вам одну небольшую историю... Все равно ждать еще целый час... И я вас попытаюсь кое в чем разубедить...

Я засмеялся.

— При помощи частных примеров можно доказать все, что угодно.

— А я не только докажу, но и покажу...

«Странный старикашка».

— Вам, конечно, моя история покажется собачьим бредом. Но после вы сами убедитесь. Вы что-нибудь в науке понимаете?

Теперь наступила моя очередь иронически улыбнуться.

— Я бакалавр наук.

— Значит, есть надежда, что вы поймете.

Про себя я подумал: «Ну и старый наглец».

— Хорошо, давайте вашу историю.

Я не скрывал насмешки. Конечно, сейчас я услышу какую-нибудь лишенную смысла чепуху. А старик просто болтлив, как многие в его возрасте.

— Вы когда-нибудь задумывались над тем, почему в нашем мире царит такая неразбериха и неурядица?

Он не дал мне ответить и продолжал:

— Беспорядки, неустроенность и хаос объясняются тем, что в нашем обществе живут разные люди. Да, да, именно поэтому. Люди чудовищно разные во всем: вид, рост, возраст, образ мыслей, пол — в общем во всем. Они живут в разных домах и питаются разной пищей, они любят разные вещи и читают разные книги. Не существует двух людей на свете, которые бы хоть в чем-нибудь были одинаковы. И даже когда два человека говорят, что они любят одно и то же, то и тогда они абсолютно разные, потому что само слово «люблю» они понимают по-разному. Это относится ко всем словам. Даже к простейшим, вроде «да» или «нет»...

— Что-то непонятно, — попробовал возразить я.

— Непонятно? Ну вот, например, я вас спрашиваю: «Сейчас осень?» Вы, конечно, ответите мне «да». И я на этот вопрос отвечу «да», и любой человек ответит «да». Но миллионы «да» будут различными. Ведь, сказав это коротенькое слово, вы с ним связываете целый мир переживаний, образов, воспоминаний... Для вас осень одно, для меня — другое...

— Простите, вы очень усложняете вопрос. Мы говорим, что в формально-логическом смысле...

Он меня перебил:

— Ах, в формально-логическом! А существует ли для человека формально-логический смысл? Вам, конечно, известны примеры из истории, когда крупные государства нарушали скрепленные торжественными печатями и подписями договора. А когда выяснялась причина нарушений, оказывалось, что одни и те же слова договора обе стороны понимали по-разному. Вот вам и формально-логический смысл. Люди не могут, понимаете, не могут мыслить формально-логическими категориями. Это могут делать только машины, да и то не всегда.

— Но ведь есть наука — формальная логика? — возразил я.

— Ну и пусть себе будет. Мало ли какие науки существуют? Я сейчас говорю не о науках, которые являются вынужденным упрощением действительности, а о самом сложном, о человеке... Для него не существует формальной логики. И в этом вся трагедия. Представляете, общество, в котором сотни миллионов людей говорят на одном языке и тем не менее понимают друг друга не более, чем иностранцы. А когда они делают вид, что понимают друг друга, — это ложь...

Я не стал спорить со своим собеседником. Ясно, он порол чепуху, и я мог бы привести тысячу примеров, которые опровергли бы его аргументы. Но я чувствовал, что не это главное в его рассказе.

— Допустим, — согласился я. — Допустим, что вы правы. И именно так объясняется неустроенность нашего мира. Что из этого следует?

Он отвечает:

— А из этого следует, что никакие социальные реформы и преобразования не имеют смысла.

— Не слишком ли пессимистично? Вам, наверное, известно, что существуют государства, которые преуспели на этом пути.

Он сделал вид, что не слышит моих возражений, и продолжал:

— Так вот, бессмысленно совершенствовать структуру общества, потому что все люди потрясающе различны. А с другой стороны, сама природа дает нам поразительные примеры того, насколько устойчивы системы, состоящие из одинаковых элементов... Вы, например, задумывались над тем, почему кусок железа устойчив, не разрушается, не крошится? Или кусок золота, или кусок каменной соли?

«Точно, шизофреник», — решил я про себя.

— Нет, не задумывался, — я нарочно изобразил в голосе удивление.

— Вот видите, мы не в состоянии пристально и глубоко смотреть на обычные вещи. Мы просто принимаем их, как они есть, и считаем это в порядке вещей. А я утверждаю, что и железо, и золото, и подобные им вещества потому плотны и устойчивы что состоят из абсолютно тождественных атомов...

«Идиотское обобщение!»

Он продолжал:

— Да, да, именно поэтому. Во всей вселенной атомы углерода, и атомы золота, и атомы железа одинаковы. И эти одинаковые во всем бесконечном мире атомы собираются вместе и образуют монолитную структуру... Однородную и устойчивую во всей своей массе... Стоит в эту массу внедриться чужеродным элементам, и монолитность разрушается.

— Железо ржавеет, — неожиданно для себя подсказал я пример.

— Совершенно верно, и таких примеров множество...

— Да, но...

— Нет, не «но»! — воскликнул старик. — Человек — атом общества. Но слово «человек» — собирательное. Как и слово атом. Разница в том, что люди

принципиально разные, а атомы одного и того же элемента принципиально тождественны! Если мы хотим построить идеальное общество, мы прежде всего должны подумать об идеальной тождественности его атомов...

От неожиданности я отодвинулся в сторону и с опаской посмотрел на старика. В сгустившихся сумерках его лицо показалось мне еще более плаксивым.

— По-вашему...

— Да, да, молодой человек. Нужно начинать со стандартизации атомов общества, со стандартизации людей...

— Но это же чушь, бессмыслица, глупость!

— О да! В мое время тоже были чудаки, которые говорили то же самое! Но, во-первых, в ходе развития самой цивилизации заложены силы, которые в некотором смысле приводят к стандартизации людей, правда частной...

— Этого никогда не было и не будет!

— Вы просто не наблюдательны! Кстати, который час?

— Мы разговариваем уже пятнадцать минут.

— Хорошо. Вы говорите, никогда этого не будет? А тысячи людей, работающих на одинаковых машинах и выполняющих одни и те же операции, разве это не элемент стандартизации? А люди, которые изо дня в день выполняют предписания инструкции? Ведь в некотором смысле они стандартны!

Я немного поежился. Куда гнул старикашка?

— Общество, как и всякая физическая система, должно стремиться к устойчивому состоянию, а это автоматически приведет к стандартизации людей... Но сколько еще лет пройдет, прежде чем наступит полная тождественность людей? Тысячи, может быть, сотни тысяч... Много!

— Вы сказали «во-первых»... А что «во-вторых?»

— Сейчас я перехожу к этому. Во-вторых, люди не могут ждать золотого века полной стандартизации. Я даже иногда думаю, что это никогда пол-

ностью, то есть в идеале, не произойдет. Поэтому нужно позаботиться об этом сейчас.

— Вы хотите сказать, стандартное воспитание...

— О, этого мало! Совершенно недостаточно! Вы не можете гарантировать того, что даже при стандартном воспитании вы получите одинаковых людей... Они от рождения разные, по своим склонностям, способностям, талантам...

— Так что же делать?

Старик самодовольно потер ладоши. Мне показалось, что он даже улыбнулся. Взглянув еще раз на темные контуры «Сперри-дансинга», он вкрадчиво спросил:

— Вы когда-нибудь слышали такую фамилию — Форкман?

Я вспомнил.

— Это в свое время известный биохимик...

— Да. А что вы еще о нем знаете?

— Пожалуй, больше ничего.

— Я его ученик.

— Вот как!

— Вы не знаете, какое открытие сделал профессор Форкман?

— Нет, не знаю.

— Он научился выращивать взрослых человеческих индивидуумов из одной-единственной клетки, взятой из кожи человека.

«Снова начинает бредить, — решил я. — У шизофреников всегда так. За периодом логического мышления следуют совершенно лишенные логики скачки».

— Ну и что?

— Здесь ключ к решению проблемы стандартизации!

— Не понимаю.

— Представьте себе, что у вас из кожи изъяли сто клеток и по методу профессора Форкмана вырастили сто одинаковых особей! Они, имея в основе одну генетическую информацию, будут совершенно тождественны между собой и тождественны вам...

Я вздрогнул. Вот так ход!

— Любопытно. И кто-нибудь такой эксперимент произвел?

— Да.

— Кто?

— Я.

Было бы очень любопытно разглядеть лицо старика в этот момент. Наверное, на нем изобразилась злая гордость. Я не представлял только, как она могла совместиться с плаксивым выражением его лица.

— И что получилось?

— Я должен рассказать все по порядку.

— Хорошо. Это очень интересно...

— Секрет своего открытия Форкман передал только мне. Я почти забыл о нем, пока с возрастом не стал задумываться над бедами нашего существования. И я пришел к выводу о стандартизации...

— Кого же вы выбрали за стандарт?

— О, я и моя жена перебрали многих своих знакомых, обсудили их всесторонне, и все они оказались с изъянами... Знаете, то они имели какие-либо врожденные физические или умственные пороки, то моральные... Одним словом, это был очень мучительный отбор... В конце концов мы остановили наш выбор... на себе.

Я закусил губу, чтобы не расхохотаться. Старик это почувствовал.

— Не смейтесь... Я и моя Арчи в молодости были незаурядными личностями, с интеллектом выше среднего, не плохи на вид. Кроме того, достигнув зрелого возраста, мы обнаружили у себя достаточно мудрости для стандартного человека монолитного однородного общества...

— Я не сомневаюсь в ваших качествах, — прервал я своего собеседника. — Что вы в конце концов сделали?

— Мы вырастили по методу Форкмана двух мальчиков и двух девочек... Они были точными копиями нас. Я и Арчи проделали опыт по вегетативному выращиванию наших юных копий на ферме Гринбол...

— Не слишком ли мало стандартных людей для монолитности общества?

— Не иронизируйте, молодой человек! Вам следовало бы спросить, почему дети были выращены на ферме Гринбол.

— Разве это существенно?

— Конечно. Дело в том, что именно на этой ферме протекали наши младенческие и юношеские годы.

— Ну и что же?

— А то, что для тождественности этих существ было абсолютно необходимо тождественное воспитание... Я и Арчи очень хорошо помнили наши годы, прошедшие на этой ферме... Мы решили со всей скрупулезностью повторить все, что было с нами, на наших... э... детях.

— Для чего?

— Для этого существовало две причины. Во-первых, мы могли легко воспроизвести весь цикл воспитания, а, во-вторых, таким образом мы обеспечивали повторение нашего эксперимента в будущем.

Я начал смутно представлять всю дикость замысла.

— Вы хотите сказать, что, повторив свой жизненный путь в созданных вами существах, вы добьетесь того, что в определенный момент и они придут к тем же самым выводам, что и вы, и тоже повторят опыт по выращиванию своих копий, а их потомки сделают то же самое, и так далее?

— Да.

— Но этого не может быть! — воскликнул я.

— Это случилось...

— Боже мой, это невозможно!

— Я вам докажу. А сейчас имейте терпение выслушать все до конца.

— Хорошо, но...

— Так вот, я занялся мальчиками, а Арчи — девочками... Я должен признаться, что наша работа доставляла нам истинное наслаждение. Во время работы в Гринболе я воочию убедился, что генетическое тождество детей позволяет без особого труда добиться и их духовного тождества. Но самым поразительным было другое: в наших отпрысках я и Арчи видели свое детство, затем юность и молодость. Мы смот-

рели на детей и восклицали: «Смотри, Арчи! Они полезли на тополь! Помнишь, я в семь лет сделал то же самое, а ты, как и наши девочки, бросала в меня мячом!» И действительно, мальчики, как по команде, полезли на один и тот же старый тополь, а девочки начали бросать в них мячи! «Дик! Девочки склонились над колодцем! Бьюсь об заклад, они уронили ведро! Сейчас мальчишки за ним полезут!» И действительно, мальчишки лезли за ведром...

— Оба за одним ведром? — спросил я.

— Да, оба... Я и Арчи смотрели на их жизнь, как на фантастическое, повторенное дважды свое собственное бытие, перенесенное на тридцать лет назад! Если и есть у человека шанс когда-нибудь вернуть свою молодость, то только таким путем.

— А как вы их отличали друг от друга?

— Мальчики имели одни и те же имена — Дик, и девочки тоже — Арчи. Но у каждого был свой номер. Его мы нашивали им сзади, как это делают спортсмены. Вскоре мальчики начали ухаживать за девочками.

— Точно так же, как вы за своей будущей женой?

— Да... Возникла сложность с местом свидания, потому что они назначали его в одном и том же месте... Но после они к этому привыкли...

— А они не путали друг друга?

— Представьте себе, нет.

— Любопытно, что же произошло дальше?

— Мы с Арчи прожили на ферме она — до четырнадцатилетнего возраста, а я — до восемнадцати лет... После Арчи уехала с родителями в Нью-Йорк. Поэтому, достигнув четырнадцати лет, девочки уехали вместе с Арчи в Нью-Йорк, чтобы там повторить курс жизни, который в свое время прошла Арчи. Это они сделали без труда, с большим успехом. Они вернулись на ферму через два года, когда юноши достигли двадцатилетнего возраста. Они еще прожили на ферме по три года... И тут-то произошло несчастье...

— Какое?..

— Моя жена, Арчи, повесилась.

— Какой ужас!

— Да! Но ужас был не только в самом факте самоубийства. Скорее в причине трагедии.

— Может быть, вам не стоит об этом вспоминать?

Он как будто не слышал меня и продолжал:

— Дело в том, что пока обе Арчи жили в Нью-Йорке, Дики немного к ним поохладели и стали наведываться на соседнюю ферму, к дочерям мистера Сольпа... У Сольпов всегда были большие семьи. В мое время у них было три дочери... И теперь их было три... И вот Дики к ним повадились в гости...

— Так почему ваша жена...

— Однажды, вскоре после ее приезда из Нью-Йорка, мы ужинали у Сольпов и заболтались до позднего вечера. И вот перед самым уходом произошло нечто ужасное. С верхнего этажа, где находились спальни девочек, раздался ужасный крик! Дикий крик, как будто там кого-то резали! Мы все бросились туда и... увидели жуткую картину... Оба Дика были там, они пытались ворваться к дочерям Сольпов... Это было гадко и безнравственно.

— Это произвело впечатление на вашу жену?

— Еще бы! Она сразу поняла, что до нашей женитьбы я ей изменял...

— То есть... — пробормотал я тупо.

— Мои парни повторили то же самое, что когда-то сделал я... Это было ужасно. Арчи всегда была добродетельна... И, увидев все собственными глазами, она поняла, что была обманута в своей вере в мою добродетельность. Она повесилась на одном из дубов, что растет у нас над ручьем... После этого я покинул ферму вместе со своим семейством и переехал сюда...

— Скажите, а юные Арчи знали о происшедшем?

— Конечно, нет, они спали, как и моя Арчи в те далекие времена... Так вот я переехал со всем семейством в Нью-Йорк... Мальчики поступили на биологический факультет колледжа, как когда-то и я, а девочки устроились телефонистками на центральной почте... Так они жили порознь, уже фактически без моего вмешательства, до тех пор, пока однажды не встретились в кино... Это была радостная встреча.

Их нежная дружба возобновилась... Будьте добры, который час?

— Сейчас ровно шесть.

— Хорошо, в нашем распоряжении еще пятнадцать минут... Кстати, они встретились в том же самом кинотеатре, в котором когда-то я встретился с Арчи...

— Удивительно!..

— Я уже ничему не удивлялся... Я знал всю игру от начала до конца. Я точно знаю день и час, когда они переженятся... Если вы никуда не спешите, пройдемте в «Сперри-дансинг»...

— Зачем?

— Вы их там увидите... Они сегодня придут сюда на танцы... Я и Арчи тоже сюда ходили...

— Господи, — воскликнул я, — а что же будет дальше?

— Это мы сейчас узнаем... Все, все до мельчайших подробностей должно повториться...

Мы пошли по совершенно темной аллее, старик ощупывал дорогу палкой, а я слегка поддерживал его под руку. Теперь окна клуба «Сперри-дансинга» сияли, оттуда доносилась музыка.

Это был второразрядный клуб с дешевыми входными билетами. После темноты осеннего вечера глаза не могли привыкнуть к яркому свету. Джаз ревел во всю свою латунную глотку. Затем музыка прекратилась, и вдруг две одинаковые черно-белые пары бросились в нашу сторону.

— Папа! Папа Дик! Как ты узнал, что мы здесь?

Они кричали все одновременно и, как мне показалось, в унисон. Старик Дик вытащил носовой платок и вытер глаза. Я никак не мог понять, плачет он или у него жестокий насморк.

— Я догадался, что вы здесь...

— Удивительно! Ведь мы тебе об этом не говорили!

— Отцовское сердце... Знаете, оно всегда чувствует... Думаю, дай зайду...

— Мы очень рады тебя видеть. Ты у нас мудрый и можешь решить один спор, который у нас возник...

Мой собеседник как-то странно съежился, как будто бы его собирались бить.

— Я вас слушаю.

— Мы спорили о том, что нельзя создать гармоническое общество из принципиально разных людей. Что ты на это скажешь?

Старик сморщился еще больше.

— Об этом как-нибудь в другой раз...

— Нет, ты скажи свое мнение. А то мы будем так спорить без конца...

— Месяца через полтора вы придете к выводу самостоятельно. Тогда приходите ко мне...

— Мы пришли к выводу, что если из разных людей нельзя создать монолитное общество, то нужно попытаться...

В этот момент снова заиграл оркестр, и все Дики со своими Арчи бросились танцевать. У меня в глазах зарябило... Почти насильно я вытащил старика из зала.

— Послушайте! Я не могу допустить, что прекрасные девушки, которые вскоре станут женами ваших Диков, будут рано или поздно болтаться на ветках дуба, который растет у вас на ферме Гринбол...

— А что поделаешь? — упавшим голосом сказал старик.

— Нужно их немедленно предупредить, что произошло в семействе Сольпов...

— А вы думаете, мою Арчи не предупреждали? Она не верила ни одному слову... А когда я узнал имя одного ябеды, то...

— То что?

— В молодости я очень метко стрелял. Я имею в виду, мои сыновья очень метко стреляют...

— Вы хотите сказать...

— Это еще будет... Не скоро.

В моей голове все начало путаться.

— Что вы сейчас намерены делать? — спросил я старика.

— Ничего. Я теперь уже не в состоянии что-нибудь сделать.

— Значит, все повторится?

— Да. Все. Они придут к тому же выводу, что и я и Арчи. Они ограбят аптеку...

— Ограбят аптеку? Для чего?

— Чтобы добыть химические реактивы, которые необходимы для выращивания людей по методу профессора Форкмана...

— Разве вы доставали реактивы таким путем?

— Да... Я был вынужден... после того, как взорвал танкер с нефтью...

— Вы взорвали танкер с нефтью? Вы с ума сошли!

— Я был вынужден... Для проведения опыта мне нужны были деньги. Мне их пообещал один делец за то, что я подложу адскую машину в танкер с нефтью... Ему это было нужно для какой-то аферы...

Моя голова горела как в лихорадке.

— Послушайте, но сейчас такого дельца может не оказаться!

— Окажется... Они есть во все времена... Это стандартизовавшийся тип афериста...

— Но ведь теперь Диков два. Меня волнует вопрос, потопят ли они один танкер общими усилиями или два танкера?

— Не знаю... Если следовать логике событий, то два...

— А почему вы ограбили аптеку?

— Потому, что после завершения дела мой хозяин платить отказался и еще пригрозил тюрьмой.

— Какой ужас! Нет, это просто невероятно! Это нужно немедленно прекратить!

— Увы!

— Вы представляете себе нашествие ваших внуков на семью Сольпов после того, как их будет четыре! Это будет кошмар!

— Будет кошмар...

— Бедные Сольпы!..

— Очень бедные, что поделаешь...

— А после четыре Арчи! Да у вас на ферме скоро дубов не хватит, чтобы...

— К тому времени подрастут другие...

— Они разнесут все аптеки в стране... Потопят весь танкерный флот!

— Наверное...

Я вдруг остолбенел, уставившись в темноту парка.

— Почему вы замолчали? — прохрипел старик.

— Я себе представил, как в этом парке будет сидеть сто старых Диков, чтобы посмотреть на тысячу своих стандартных отпрысков. Я представил себе вашу ферму Гринбол, превращенную в фабрику стандартных людей. Ее так и назовут: ферма «Станлю». И там постоянно будут стандартно воспитываться тысячи, а затем сотни тысяч вегетативных отпрысков и... И нужно будет посадить целый лес дубов... А семейство Сольпов, боже, что в конце концов с ними будет...

— Не знаю, не знаю...

До выхода из парка мы дошли молча. Мне вдруг показалось, что я иду с самой неумолимой судьбой, с материализованным в форме уродливого старца кошмаром, который с неотвратимой неизбежностью должен повториться во все увеличивающемся масштабе. Нет, этого нельзя допустить! Нельзя!

Я схватил старика за руку.

— Послушайте! Неужели вы действительно верите в эту чушь о стабилизации общества через стандартизацию людей?

— А если и нет?.. Какая разница?.. Сейчас делу не поможешь.

— Можно! Нужно предупредить полицию, тайных агентов! Нужно их предупредить всех!

— Вы хотите, чтобы я за свое собственное преступление отомстил своим собственным детям? Ведь во всем виноват я, понимаете, я один! И пусть их сейчас четверо, а после будет шестнадцать и так далее. Они повторят только то, что сделал я! Если и есть смысл говорить о первородном грехе, то он здесь налицо! Я во всем виноват...

Сейчас он по-настоящему заплакал, хрипло, по-старчески, даже не закрывая лица руками.

— Стойте! У меня есть к вам один вопрос!

— Я знаю ваш вопрос, — прохрипел старик, не переставая всхлипывать.

— Нет, вы не знаете, о чем я хочу вас спросить...

— Знаю... Прощайте... Прощайте...

Он быстро засеменил вдоль решетки парка, громко стуча своей тяжелой палкой по асфальту. Я застыл в нерешительности, глядя на сгорбленную удаляющуюся фигуру страшного старца, пока он не скрылся в темноте.

Я так и не спросил старика, передал ли он своим отпрыскам тайну профессора Форкмана.

С момента этой странной встречи прошло несколько десятков лет. И вдруг я стал замечать, что на моем пути стали часто попадаться очень похожие друг на друга лица, что они одинаково одеты и говорят об одном и том же. Очень похожие молодые мамаши нянчат совершенно одинаковых младенцев. С экранов кино на меня смотрят одинаковые актеры и актрисы. Почти тождественные лица и фигуры мелькают на обложках журналов и книг.

Вот поэтому и еще по многим другим причинам я иногда думаю, что где-то действительно существует ферма «Станлю» и ей оказывают поддержку могущественные фирмы.

СЛУЧАЙНЫЙ ВЫСТРЕЛ

Из газет все знают, как погиб доктор Глориан. Якобы накануне своего отъезда на охоту он чистил ружье и оно случайно выстрелило. Говорят, что любое оружие, хотя бы один раз, стреляет помимо воли хозяина. Корреспонденты так и изображают гибель Глориана.

Я бы никогда не написал этого документа, если бы вскоре после смерти Глориана в газетах не появилось заявление его адвоката, Виктора Бомпа, о том, что по просьбе жены и ближайших родственников он

не будет вести расследования обстоятельств гибели ученого. «Пусть люди сами решат, — писал Виктор Бомп, — было ли это самоубийство или несчастный случай».

Я не знаю, что это было. Но коль скоро людям предстоит сделать выбор между двумя решениями, из которых для моего друга Глориана правильным было только одно, я чувствую себя обязанным опубликовать некоторые факты.

Итак, Роберт Глориан погиб ровно через три часа после того, как мы с ним распрощались на пороге кафе «Мальта». Я до конца своей жизни буду помнить выражение его лица. Он был бледен, как будто была ночь и его лицо было освещено лунным светом. Пожимая мне руку, он сказал:

— За тридцать лет я ни разу не ошибался. Конечно, в математике. Жизненные просчеты — это другое дело...

Я вспомнил его жену, Юджин, и понимающе кивнул головой. Мне всегда казалось, что Глориан с ней несчастлив. Я часто наблюдал их со стороны: между ними существовала неприязнь, впрочем, это часто бывает между умным мужем и умной женой. Я не раз слышал, как Юджин говорила:

— Эти математики сейчас кругом суют свой нос. Они изгадили человеческую жизнь.

В ее словах была доля правды.

В тот вечер мы сидели и разбирали теорему фон Неймана и Моргенштерна об играх с нулевой суммой. Математически можно строго показать, что в так называемых салонных играх каждый проигрывает ровно столько, сколько другой выигрывает. Теорема фон Неймана — это, так сказать, закон сохранения ставки при игре. Затем мы с Робертом стали обсуждать более сложные ситуации и в любом случае приходили к одному и тому же выводу: всюду идет игра с нулевой суммой. Когда мы заговорили о математической теории человеческих конфликтов, к нам подошла Юджин:

— Вот что. Мне противно вас слушать. Вы раскладываете мысли и чувства на какие-то коэффициенты

невырождающейся матрицы. С вашего разрешения, Роберт, я иду в «Мальту».

Роберт жалко улыбнулся и кивнул головой. Мне тогда показалось, что, отпуская жену в ночной клуб, он просто старался о ней не думать. Он заговорил о недавно вышедшей из печати книге Льюиса и Раффа, где математическая теория конфликтов была доведена до высшей степени совершенства.

Юджин ушла, а мы просидели в кабинете Роберта до трех часов ночи. Не помню всех подробностей нашей дискуссии. Но только разбирая главные направления конфликтов в нашем обществе, я заявил:

— Наша экономика, как ты сам доказываешь, является не чем иным, как своеобразной игрой между предпринимателями и потребителями. Я могу показать на простом примере, что эта игра обречена. Тебе, Роберт, известно, что все наши промышленники стремятся к полной автоматизации. Они успешно претворяют ее в жизнь. С каждой новой автоматической линией на улицу выбрасываются тысячи, десятки тысяч людей. Они становятся безработными. Стремясь меньше платить и больше получать, владельцы предприятий рано или поздно придут к полной автоматизации производства.

— Ну и что же? — с усмешкой спросил Роберт.

— А то, мой дорогой, что тотальная автоматизация позволит предпринимателям полностью избавиться от труда и услуг рабочих и выпускать любое количество продуктов потребления, но их никто не сможет покупать. Люди, лишенные труда, не имеют денег и, следовательно, не смогут приобретать того, что будет производиться машинами-автоматами.

Роберт Глориан пожевал нижнюю губу, медленно провел рукой по седой голове и уверенно сказал:

— Из этого следует только один вывод: автоматизация никогда не будет полной. Такая игра не на пользу нашему инициативному предпринимательству.

— А какая же на пользу? — спросил я.

— Разумная автоматизация, которая не исклю-

чает, а, наоборот, предполагает все большее и большее участие людей в производстве...

По-моему, это была самая туманная фраза, которую когда-либо произносил Роберт Глориан. Он был ярым сторонником «социального дарвинизма», по которому эволюция и прогресс человечества всецело зависят от частной инициативы каждого из его членов, а сама инициатива определяется единственным стремлением человека к обогащению.

По натуре я скептик и терпеть не могу догм. Хотя Глориан был моим лучшим другом, я с трудом переносил его неизвестно откуда возникшую аксиоматику. «Это истина, это ложь», — любил он говорить, но ни его истина, ни его ложь никогда не укладывались в моей голове. Его аксиомы были в одинаковой степени понятными и недоказуемыми. Наверное, три столетия назад ученым так же казалась справедливой аксиома Галилея о том, что во всей вселенной время течет с одной и той же скоростью.

Математическая теория конфликтов, теория игр, линейное и динамическое программирование, математическая экономика — все это излюбленные коньки Роберта. Он был постоянным участником ответственных комиссий и комитетов, которые разрабатывали экономические и военные рекомендации для правительства. Сейчас уже не секрет, что Роберт Глориан был одним из составителей доклада об экономических основах производства атомного оружия еще в те времена, когда научная и техническая возможность создания такого оружия не была доказана.

— Почему твоя Юджин ходит одна в ночной клуб? — ни с того ни с сего спросил я Роберта.

— Мы с ней очень разные люди. Она не любит, когда я утверждаю, что любое социальное поведение человеческого коллектива и даже одного человека можно описать математическими уравнениями.

— Она права. Для умного и честного человека это, должно быть, звучит очень гадко.

— Юджин влюблена в Сиди Вайля и его джаз. Не знаю, в кого больше, — бросил он скороговоркой. Глубоко вздохнув, он добавил: — Законы природы

неумолимы. Мне, например, не нравится закон Био и Саварра о взаимодействии проводников, по которым течет электрический ток. Мне не очень понятно, почему магнитное поле одного проводника «из-за угла» действует на другой. Но что поделаешь! Такова природа. Юджин пытается мне возражать на основе так называемого здравого смысла. Смешно, правда?

— А ты и с ней пытался обсуждать проблему полной автоматизации производства?

Роберт поморщился.

— Она сказала, что если это случится, то все мы помрем с голоду.

Я рассмеялся, а Роберт вдруг остановился посреди комнаты и воскликнул:

— Если ты думаешь так же, как и Юджин, давай решать эту задачу серьезно. Мы живем в такое время, когда последнее слово остается за наукой...

Юджин ушла из дому в восемь вечера и пришла в четыре ночи. Она была немного навеселе, и фиолетовая помада на ее полных губах была размазана. Ее глаза были насмешливыми и злыми.

— Роберт, — сказала она, — изумительная иллюстрация к тому, что ты чертовски прав! В «Мальте» больше не будет выступать джаз Сиди Вайля. Вместо него на эстраде установили электронную шарманку «Ипок», на которой по требованию любого желающего несуществующий оркестр исполняет любую музыку точно так же, как Вайль и его двадцать семь ребят. Представляю, как они проклинают того ученого инженера, который изобрел эту пакость.

Показаться веселым и жизнерадостным Роберту не очень удалось. Он поднял голову над бумагами, на которых мы тщательно выписывали уравнения «общественного баланса», и произнес:

— У нас в стране не все такие идиоты, как владелец клуба «Мальта». В конце концов, если не он, то его сын или внук поймут, что в этом мире смогут выжить только те, кто добьется точно рассчитанного равновесия между деятельностью машин и людей. Ведь нужно учитывать, что если Сиди Вайль и его

оркестр не найдут работы, они просто ограбят хозяина «Мальты»!

Роберт пожевал кончик карандаша и написал еще одно уравнение «баланса».

— Я предвижу то время, — сказала Юджин, — когда вместо тебя составлением таких балансов и математических уравнений будут заниматься электрические коробки, которые сейчас выступают вместо джаза Сиди Вайля.

Роберт не слушал ее и что-то быстро писал на листе бумаги. Юджин посмотрел через плечо на стройные ряды математических формул.

— Сиди Вайль находит, что электрическая шарманка «Ипок» совершенно гениально воспроизводит его исполнение. Можешь радоваться. — Последнюю фразу она произнесла с нескрываемой злобой.

— Он был в клубе? — безразлично спросил Роберт, продолжая вычисления.

— Да, был, — ответила Юджин.

— Любопытно, что он собирается делать в порядке самосохранения и борьбы? У него только один выход. Обогнать машину и придумать нечто такое, для чего понадобится создавать новую машину. Прогресс будущего общества будет заключаться в постоянном соперничестве людей с возможностями автоматов. Это очень легко учесть вот таким уравнением...

Жена Роберта Глориана с легким стоном опустилась в кресло. Мне стало жаль ее.

— Что вы думаете о таком выходе из положения: автоматы производят все необходимое человеку, и это необходимое распределяется по потребности, бесплатно? — шепотом спросил я.

Юджин усмехнулась и, пожав плечами, кивнула в сторону Роберта.

— Тогда не будет человеческого прогресса. Во всяком случае, так утверждает мой муж. Для того чтобы цивилизация процветала, необходимо, чтобы люди постоянно пытались перегрызть друг другу глотку. Разве вам это не известно?

Теперь я был уверен, что Юджин ненавидела Роберта.

— Это знает любой студент любого колледжа, — не отрываясь от своих записей, пробормотал Роберт.— Вот теперь, кажется, все. Восемьдесят четыре линейных уравнения.

Он встал из-за стола и торжественно потряс пятью листками бумаги.

— Завтра мы решим, кто прав.

— Скажи, пожалуйста, а можно ли любовь или ненависть одного человека к другому выразить при помощи математических уравнений? — спросила Юджин, глядя Роберту прямо в глаза. Ее губы нервно вздрагивали, готовые не то рассмеяться, не то расплакаться.

— Можно, — безапелляционно ответил Роберт. — Это довольно мелкий и частный случай. Для экономики государства он существенного значения не имеет. Впрочем...

Он на мгновение задумался и снова сел за стол.

— Вайль сегодня мне сказал, что если электронные коробки типа «Ипок» будут производиться в массовом масштабе, то в нашей стране никогда не родится ни одного хорошего композитора.

Роберт громко и неестественно захохотал.

— Я надеюсь, ты не очень жалуешься на то, что в нашей стране давным-давно нет необходимости в гениальных сапожниках, потому что туфли, которые тебе нравятся, с успехом делают автоматы.

Роберт всегда был неутомимым человеком. Когда Юджин ушла спать, он с видом заговорщика предложил немедленно разработать программу решения составленых им восьмидесяти четырех уравнений.

— Мы успеем к двенадцати часам дням. Между двенадцатью и тремя машина в атомном вычислительном центре будет свободна. Она-то нам и решит задачу.

— Что ты хочешь решить? — спросил я.

— Я хочу рассчитать рациональную многошаговую политику нашего государства по внедрению новой техники и автоматики. Я учел в этой игре все. Даже любовь. Даже измену. В конечном счете этого нельзя сбрасывать со счета. Любовь — это источник попол-

нения государства новыми производителями и новыми потребителями материальных ресурсов и энергии.

Я не обратил внимания на цинизм Роберта и с жаром принялся за составление алгоритма и программы решения его системы уравнений. Юджин принесла нам кофе, и мы выпили его, когда за окном было совсем светло. Затем мы вышли из дому, пересекли парк.

Роберт, сощурившись, посмотрел на солнце.

— Честное слово, температура излучения этого светила сегодня больше, чем шесть тысяч градусов.

Я попытался представить себе, как должно быть скучно и противно жить с таким до мозга костей математическим человеком, как Роберт. Мне очень хотелось все наши вычисления бросить в море и послать своего друга ко всем чертям.

Оператор электронной машины Эрик Хансон, посмотрев наши записи и программу, сказал, что решение задачи может быть получено через два-три часа.

— Мы будем в кафе клуба «Мальта». Когда все будет готово, позвоните туда, — проинструктировал его Роберт.

После второй чашки кофе Глориан мечтательно произнес:

— Странная штука — жизнь. Когда-то думали, что она полна тайн и путей неисповедимых. А при ближайшем рассмотрении оказывается, что ее можно переложить на восемьдесят четыре дифференциальных уравнения. Великолепно, не правда ли?

Я пожал плечами.

Когда мы допивали третью чашку кофе, появился Сиди Вайль, руководитель джаза, замененного автоматом «Ипок». Я никогда раньше не видел его, а знал только по журнальным фотографиям. Он был значительно старше, чем я думал.

— Разрешите присесть? — спросил он и, не дожидаясь ответа, уселся за наш столик.

Роберт, уставившись в хрустальную пепельницу, пробормотал:

— Пожалуйста.

— Я хотел бы поговорить с вами наедине, — сказал Вайль.

— Мне нечего скрывать от своего друга, — резко произнес Глориан.

— Как хотите... Я люблю вашу жену, и она любит меня.

— Я это знаю.

На лице Глориана не дрогнул ни один мускул.

— Меня отсюда уволили, и нам придется переехать в другой город, — сказал Вайль.

— Вам придется сменить много городов. Машину «Ипок» скоро будут производить серийно.

— Наверное, пройдет несколько лет, прежде чем автоматический джаз проникнет в захолустные деревушки.

Голос у Вайля немного дрожал.

— Я сам возьмусь за массовое производство автомата «Ипок», — небрежно бросил Роберт.

— У меня есть идеи относительно музыки, которые вы с вашей проклятой математикой не сможете воплотить в машинах.

Роберт оживился и посмотрел мне прямо в глаза.

— Разве это не убедительное доказательство моих взглядов! Прогресс как результат борьбы за существование, за самосохранение, за продолжение рода, как соперничество между человеком и машиной. Браво, Вайль, вы достойны Юджин!

После этих слов я хотел ударить Глориана по физиономии, но в это время к нам подошел официант и сказал, что Роберта требуют к телефону.

— Ага, вот и решение! Сейчас мы услышим голос неумолимой логики!

Он приподнялся и хотел было идти. Затем он вдруг снова сел, откинулся на спинку кресла и, смеясь, обратился ко мне:

— Знаешь, пойди узнай результат, а я пока обговорю с мистером Вайлем некоторые мелочи практического характера.

Я поднял трубку в кабинете директора клуба, и мне долго никто не отвечал. В трубке слышался шум, крик, ругань, кто-то в чем-то обвинял кого-то,

кто-то резко и твердо что-то доказывал. Несколько раз я слышал имя «Роберт Глориан». Затем послышался сердитый голос оператора электронной счетно-решающей машины Эрика Хансона.

— Алло, Глориан, это вы? Черт бы вас побрал!

— Это не Глориан. Он поручил мне узнать, что насчитала машина.

— Будь она проклята, ваша задача! Из-за нее опять целые сутки простоя!

— Почему? — удивился я.

— Машина поломалась.

— Не понятно. При чем здесь задача?

— А при том, что машина всякий раз ломается, если задача не имеет решения. Вы разбираетесь в математике? Есть задачи, которые не имеют решения. При помощи этих задач проще всего ломать электронные и счетно-решающие машины. Глориан должен был бы это знать...

— Юджин уходит от меня сегодня, — хладнокровно заявил Роберт, когда я появился у столика. — Это даже хорошо, что так быстро и просто все получилось. Мы никогда не понимали друг друга.

Он пил коньяк маленькими глотками и запивал его кофе.

— Роберт, а тебе не кажется, что иногда и ты не все понимаешь?

Я сел.

— Тебе сообщили, каково решение задачи об оптимальной автоматизации? — спросил он. Голос его был холодным и официальным.

— Такого решения не существует.

Роберт нахмурился. Я повторил:

— Такого решения не существует, и поэтому машина поломалась.

— Ты не шутишь?

— Нисколько... Я хочу коньяку.

Мы долго сидели молча. За окнами сгущались сумерки. Кто-то включил проигрыватель «Ипок», и он, точь-в-точь как джаз Сиди Вайля, исполнял популярные мелодии и танцы. Оркестра не было. Музыка струилась из тайников стеклянно-проволочной души

полированного черного ящика. Он стоял на красном коврике посредине пустой эстрады. Роберт пристально посмотрел на этот ящик и затем сказал:

— За тридцать лет я ни разу не ошибался. Конечно, в математике. Жизненные просчеты это другое дело... Я пойду подышать свежим воздухом.

Я не помню, сколько времени я слушал мертвую музыку. В этот день я ничего не ел и много выпил. Когда кафе опустело, ко мне подошел официант и тронул за плечо.

— Мы закрываем сегодня немного раньше. Траур...

— Какой? — спросил я безразлично.

— Два часа назад случилось несчастье с нашим завсегдатаем знаменитым ученым Робертом Глорианом.

На следующее утро я прочитал в газетах то, о чем я говорил в начале этого повествования.

ВЛАДИМИР ГРИГОРЬЕВ

РОГ ИЗОБИЛИЯ

«ВЗРОСЛЫЕ И ДЕТИ, ВЫ ЗА УТИЛЬ В ОТВЕТЕ!»

В одном из старинных московских переулков и по сей день висит эта покоробленная временем, грубой рыночной работы реклама. Много лет назад ее прикрепили к забору, старому замшелому забору, рассчитывая, что невзрачный фон его как нельзя лучше оттенит игру красок рекламы. И действительно, первое время она бросалась в глаза прохожим, некоторые замедляли шаг, крутили головами и бормотали:

— Надо же...

На картине был схематично изображен большой, из чистой листовой меди рог. Человечек в спецовке сыпал в узкий конец его какую-то труху, отбросы, а из широкого конца стремительным потоком вырывались полезные, нужные всем вещи. Шерстяные отрезы, хлебо-булочные изделия, перочинные ножи, полуботинки, гармоники и даже поллитровка блестела своим неоткупоренным горлышком среди всего этого великолепия.

Няньки и молодые мамаши, прогуливая детишек по переулку, как правило, останавливались перед живописным изображением и говорили своим крепышам: «Рог изобилия».

Но прошло время. Лютые морозы погнули геометрически правильный овал, палящие лучи солнца заметно обесцветили надраенную медь, а ветры унесли с картины мусор, лопату и многие из вещей. Сюжет

картины крайне упростился. Из жерла рога вырывается теперь один лишь патефон да стеклянное горлышко с изломанными краями. А человечек, лишенный лопаты, стоит, согнувшись, над рогом, всматривается внутрь него через узкий конец. Скоро, скоро понесется человечек с ветрами вслед за своей лопатой. Недолго осталось. И вся его горестная поза как бы говорит: «Вот ведь какая история получилась. Сломалась машина. А ведь как работала, как работала!»

Словом, от былой обаятельности блистающего меднобокого рога не осталось и следа. Он обезличился, слился с забором. Прохожие не замедляют теперь шага в этом переулке. И постовой Петров, последние пятнадцать лет простоявший почти напротив рекламы, невидящим взглядом скользит по ее закопченной поверхности, оглядывая просторы переулка. Спроси постового прямо, без затей: «Висит ли напротив твоего пункта рог изобилия?» — он не сумеет ответить.

И в общем-то ничего, конечно, от этого не менялось. Висит ли плакат, нет ли его, что толку? Из тысяч людей, прошедших за многие годы мимо, лишь несколько поддались его влиянию и снесли свой хлам в утильсырье. Да и то — в жизни поддавшихся этот случай не превратился в правило, и они постарались забыть о нем, как стараются забыть о фактах мелочных, не относящихся к числу тех, которые излагаются в биографиях.

Но тем не менее рог висел. Забытый, слившийся с забором, он словно ждал того единственного, кто мог бы по достоинству оценить значимость замысла художника, вдохновиться на великие дела.

Был ранний вечер холодного осеннего дня, когда человек небольшого роста, в драповом пальто давно вышедшего из употребления фасона шел как раз по этому переулку. Видавшая лучшие времена фетровая шляпа была глубоко нахлобучена, руки засунуты в карманы, а локоть прижимал растрепанные, тонкие книжки: «Самоучитель игры на семиструнной гитаре» и «Самоучитель языка». На месте, отведенном под название языка, чернела жирная клякса.

Человек, видимо, еще не выучивший все языки и не умеющий пока играть на семиструнной гитаре, шел вдоль забора прогулочным шагом. Спешить было некуда, дневные хлопоты кончились, а дома ждала взятая напрокат гитара. Отчего не пройтись по улице, поглядывая по сторонам?

Вот он и шел — вдоль забора с описанной выше рекламой. Она попалась ему на глаза. Прохожий замедлил и без того медленный шаг и даже остановился. Он постоял, переступил с ноги на ногу, подошел поближе. Потом протер рукавом часть изображения, еще раз взглянул, вздохнул и собрался было идти дальше. Но вдруг лицо его просияло, он хлопнул себя по лбу. «Мать честная!» — сказал он негромко, выхватил записную книжку, что-то записал и чуть ли не бегом помчался к выходу из переулка.

Дома он даже не посмотрел на гитару, блестевшую нежно-желтыми боками. Сразу стал искать бумагу. Затем откуда-то извлек почти новый химический карандаш и — работа закипела!

Он работал с упоением. Писал какие-то формулы, умножал, набрасывал схемы и рисунки. Нотная бумага вскоре кончилась, тогда из-за шкафа был торжественно вынут большой лист плотной бумаги и кнопками прикреплен прямо к стене. Химический карандаш замер в некотором отдалении от листа, потом р-раз! — и на листе появилась первая точка.

Через час таких точек было уже множество. Тогда человек маленького роста отошел в сторону, что-то прикинул, снова подошел к стене и ловким движением соединил точки одной плавной линией. Потом опять отошел, оглядел чертеж, крякнул, радостно потер руки. На стене красовался рисунок рога изобилия — ни дать ни взять, как тот, что и по сей день висит в старинном московском переулке.

— Степан Онуфриевич, мне бы примус починить, — раздался голос из приоткрытой двери.

— Примус? Некогда, некогда сейчас, соседушка, — рассеянно отозвался он, все еще любуясь своим произведением. — Видишь, изобретаю...

— Ах, голова, голова, опять изобретает! — посочувствовала соседка и закрыла за собой дверь.

Степан Онуфриевич Огурцов был известен у себя во дворе как большой чудак. Но все соседи любили его. «Золотые руки!» — говорили они и несли чинить примусы, дверные замки, швейные машинки. Ребятишкам он мастерил силки, клетки для птах; бывало, помогал в карманных приемниках. Мог запросто сменить перегоревшую пробку — монтера в этот дом не вызывали. Старенькие, дешевые телевизоры он ремонтировал так, что смотреть передачи приходили из соседних домов.

— Сам Огурцов чинил! — хвастались соседи. — Навек!

А домоуправской дочке он исправил куклу. После ремонта кукла вдруг стала говорящей, начала махать руками-ногами, а ровно в восемь вечера всегда закрывала глаза и валилась на бок — до восьми утра. «Будильника не надо!» — восхищался домоуправ и после этого случая стал приходить к Огурцову по-приятельски пить чай.

Постовой Петров ничего этого, конечно, не знал... Поэтому, когда Степан Онуфриевич зачастил в переулок, постовой насторожился. Нельзя сказать, что Петрову не понравился этот загадочный человек, который битый час мог простоять около полустершейся рекламы — он всегда был трезв, выбрит и опрятен. Но за всем этим постовой профессиональным чутьем чувствовал какую-то тайну, нечто детективное. И когда маленький человек в драповом пальто устаревшего фасона снова появлялся в переулке, грудь Петрова, стянутая ремнями, начинала вздыматься, а сердце учащенно стучать.

Что привлекало прохожего к плакату? Ответить на этот вопрос было невозможно. Спросить же в лоб и проверить документы Петров не решался: поведение незнакомца в общем-то оставалось в рамках законности и пристойности.

Однажды, выбрав время поудобней, Петров огляделся, увидел, что переулок пуст, сошел с поста и осторожно подошел к изображению. Он пристально,

детально изучал сначала низ, потом середину, наконец, верх картины, но ничего такого, что могло бы привести человека в состояние уныния или радости, не нашел.

Огурцов приходил теперь в переулок часто. Лил ли на улице дождь, пекло ли солнышко, обжигал ли мороз — он все равно появлялся и подолгу созерцал плакат. Он смотрел на него и так и эдак, отбегал в одну сторону, в другую, прицеливался.

Иногда, казалось, дело шло как по маслу. Тогда Петров видел изобретателя радостным, насвистывающим всякие веселые мотивчики. Стоптанные каблуки его туфель выбивали легкую, танцующую дробь. Он что-то нашептывал, приборматывал, и настороженное ухо постового улавливало: «Прямоточного действия... из медной обшивки... красотища-то, красотища какая!..»

Были и другие дни. Когда ничего не получалось. И постовой видел Огурцова притихшим, нахохлившимся. Тогда стоял он против плаката, сгорбив спину, не вынимая рук из карманов.

Да, нелегко, нелегко было Степану Онуфриевичу Огурцову изобретать рог изобилия. Это ведь не телевизор починить или перегоревшую пробку вывернуть.

Но Огурцов знал себя. Никогда еще в жизни не брал он дел не по плечу. Бывало и с телевизором. Посмотрит, посмотрит: «Нет, — скажет, — не возьмусь». Знал свою силу Степан Онуфриевич. Оттого-то и не сдавался. «Раз пришла такая идея в голову,— размышлял он, — значит, могу».

Сначала он сделал рог во всех сечениях идеально круглым. Смонтировал вокруг сильные магниты. Заряжал статическим электричеством. Рог искрил, но только и всего. «Разряд слаб, слабо шибает», — верно подсказала интуиция, и рог был переделан в четырехугольный. Рог стал похож на большую, сильно изогнутую граммофонную трубу. Искрило еще сильней, маленькие шаровые молнии то и дело сыпались из нутра. Но до настоящего рога было еще очень далеко.

Соседи постепенно перестали таскать сломанные машины и утюги. Только управдом по-прежнему заходил пить чай. Они пили помногу, чайниками, и Огурцов, как сквозь сон, слышал:

— Ах, какая штука! Будильника не надо.

«Не надо, не надо, — стучало в голове изобретателя, — круглой формы не надо, может, и квадратной не надо? Может, пустить на овал?»

Вскоре рог стал овальным. Он стоял на больших деревянных распорках посреди комнаты, укрытый от случайного взгляда широкими складками мешковины. Изобретатель приходил вечером домой, наскоро ужинал, убирал со стола и принимался за работу. «Ну, дорогой мой рожок, — говорил он вслух, — сейчас мы прочистим ваше брюшко. Сейчас послушаем, как поет ваше горлышко».

Мешковина снималась, и комната наполнялась рыжим сиянием. Зеркальные бока медного раструба вспыхивали искорками, играли радугой. Отбрасывая мешковину, Степан Онуфриевич каждый раз замирал от восторга и подолгу, не мигая, созерцал свое великолепное детище. Рядом с ним он казался себе значительным, большим, почти великим. Было чем гордиться изобретателю. Ведь не секрет, что многие пытались создать подобную конструкцию. Но нет, не выходило! А вот здесь, в этой комнате, из кратера рога уже сыпались реальные вещи: один раз вылетели кирзовые сапоги, сразу три и почему-то на одну ногу; другой раз выполз персидский ковер.

«Ты на верном пути, Степан, — сказал себе тогда Огурцов, — еще немного повозиться, и машину можно будет, не краснея, передать в эксплуатацию». И воображение изобретателя услужливо подносило всякие приятные сцены. Будто бы стоит он, Огурцов, на высоком помосте рядом с рогом, откашливается в кулак и говорит собравшимся:

— Вот, граждане. Изобрел. Теперь забирайте на доброе здоровье. Действует в лучшем виде. Смазывать только не забывайте. А если у кого что сломается, телевизор или велосипед, приходите, в починке помогу...

Это были не праздные мечты. Со дня на день рог работал лучше и лучше. Перебои случались все реже.

И вот однажды Степан Онуфриевич расправил поля шляпы, надел выходной костюм, как следует почистил ботинки и отправился в учреждение. Без малейшей робости переступил он порог этого большого, наполненного занятыми людьми дома. Прошел мимо зеркальной, торжественной вывески, отрекомендовался изобретателем, и его направили на третий этаж, в кабинет Молоткова. Огурцов поднялся, скромно вошел в обозначенный кабинет и увидел Молоткова. Молодой человек в щеголеватом, может быть, даже модном костюме сидел за рабочим столом и трудился. Он листал какие-то книги, что-то записывал, поминутно доставал из стола разные папки и курил, курил. То и дело звонил телефон, он снимал трубку, говорил: «Молотков слушает».

Вот к такому перегруженному работнику попал изобретатель. И даже подумал, не зайти ли в другой раз — уж больно занят товарищ. Но тот вдруг положил трубку, приветливо улыбнулся и спросил: «Вы ко мне? — И, увидев замешательство на лице посетителя, добавил: — Садитесь, садитесь, пожалуйста, рассказывайте».

Огурцов посмотрел в окошко, потом на телефонный аппарат подобрался и как-то сразу сказал:

— Вот, изобрел. Такую машину... как бы это сказать? Одним словом, рог изобилия. — И набросал схему.

Глаза Молоткова прямо засверкали, когда Степан Онуфриевич кончил объяснение. Он затянулся папиросой, покрепче устроился в кресле. Потом, сощурившись, посмотрел прямо в глаза Огурцова и вместе с клубами табачного дыма коротко выдохнул: «Каков кпд?» — «Восемьдесят-девяносто», — прикинул Огурцов. «Едемте, едемте прямо к вам!» — сразу и решительно произнес Молотков. Он тут же снял телефонную трубку и бросил: «Совещание отложить. Подать машину!»

Новенький лимузин мчал на предельной скорости, а Огурцова брали сомнения. Перед одним из свето-

форов, когда машина резко затормозила, он вдруг вспомнил, что весь запас мусора и утиля израсходован. Как же демонстрировать рог?

Надо сказать, что совсем недавно изобретатель со всем своим имуществом переехал на новую квартиру. Теперь он жил на седьмом этаже с видом на красивую идеально подметенную улицу. Каждый час по ней на малой скорости проезжал мусороподборщик и забирал весь случайный хлам. Отсутствие необходимого для эксперимента сырья выводило изобретателя из себя. Драгоценное время приходилось тратить на поездки в неблагоустроенные кварталы. В особо экстренных случаях приходилось бежать к дворнику и буквально вымаливать хотя бы ведро мусора. С условием обязательной отдачи.

Иначе дворник не соглашался: чем бы он иначе отчитывался перед начальством? Именно поэтому пришлось ухлопать несколько дней на реконструкцию рога. Теперь машина приобрела реверсивность: поворот рукоятки влево означал переработку утиля в ценности, вправо — наоборот.

Но так или иначе — в данный момент утиля под рукой не было, а дворник ушел с женой в консерваторию. И, пропуская Молоткова в комнату, Огурцов имел совсем убитый вид. «Не поверит мне товарищ Молотков, ах, не поверит», — сверлило у него в голове.

Молотков, как только увидел рог, сразу скинул пиджак, жилетку, засучил рукава и полез в потроха машины. Степан Онуфриевич стоял рядом и послушно давал объяснения. «Волнопровод, значит, заземлен?» — доносилось из чрева. «Точно, заземлен», — отвечал Огурцов, удивляясь смекалистости инженера. «Характеристика крутопадающая?» — снова неслось из раструба. «Так и есть», — подтверждал изобретатель.

Наконец Молотков вылез наружу, привел себя в порядок, закурил, еще раз обошел вокруг рога, подошел к окну, выбросил сигарету и снова закурил. Он волновался, а Огурцов молча стоял и ждал приговора.

Инженер стоял у окна, внизу широким потоком мчались автомобили. Там, за рулем и на сиденьях, проносились еще ни о чем не подозревающие люди. Сегодня они еще и не знают, какие дела творятся здесь, на высоте седьмого этажа, а завтра будут знать все.

Он повернулся, подошел к изобретателю и крепко пожал руку. «Поздравляю, Степан Онуфриевич. Здорово у вас получилось. Как говорят студенты, непонятно, но здорово. Жаль, конечно, что не можем сейчас осмотреть в работе, но когда соберем комиссию, утильсырья привезем столько, сколько потребуется».

И, еще раз пожав взволнованному изобретателю руку, Молотков помчался по лестнице вниз, прыгая через ступеньки.

Рабочий день еще не кончился, а впереди оставалось отложенное совещание и много других дел.

Стоял безоблачный, сухой день, когда Огурцов должен был демонстрировать изобретение. В любимой ковбойке, пахнущий тройным одеколоном, он вышел на улицу и отправился в переулок. В такой день нельзя было не прийти туда, где случай помог родиться великому замыслу.

Огурцов вошел в переулок — все было на местах. На заборе по-прежнему желтело тело рога, по-прежнему на своем посту выстаивал Петров. Огурцов подошел к плакату, остановился и торжественно замер, как перед присягой. Его торжественность была чисто деловой, к ней не примешивалось суетное желание дать плакату рамку из золота и выставить на видное место или построить в переулке монумент. Изобретатель и плакат замерли друг против друга, как старые, видавшие виды бойцы, знающие, почем фунт лиха, но сделавшие, сделавшие свое дело! И ни грохот проезжающих грузовиков, ни быстрый бег прохожих не могли нарушить праздничной приподнятости встречи победителей, сумевших превратить пыльные будни в прямой путь к победе.

Постовой Петров, как всегда, все свое внимание

отдавал уличному движению и сутолоке. Но, несмотря на это, дневной визит старого знакомого не ускользнул от него. Не прошло мимо и то новое, что появилось в облике завсегдатая переулка: неуловимая легкость, спокойствие в движениях, раскованность. Как будто бы человек нес тяжелый груз, дошел до места, сбросил и стоит, свободный, легкий, хоть лети. А когда Огурцов подошел к постовому, Петров посмотрел в его веселые, торжествующие глаза и сразу понял, что произошло что-то важное и что сейчас вся тайна откроется.

— Ну, сержант, закурим, что ли, — сказал Огурцов, доставая из кармана коробку отличных папирос. — Два года как хожу в твой переулок, а вот не поговорили.

Петров взял одну папиросу, поднес к невиданной, диковинной зажигалке и тут услышал всю историю от начала до конца. Изобретатель рассказывал не торопясь, обдумывая детали изложения, пропуская моменты, невозможные для объяснения без бумаги и карандаша. Иногда взгляд его затуманивался, уходил в прошлое, а по лицу бродила загадочная улыбка — в эти секунды проплывали самые сокровенные моменты последних лет.

— Правильное, большое дело подняли, — сказал ему на прощание сержант.

Ни тот, ни другой в этот момент и не подозревали, что сегодня они встретятся еще раз и совсем в другом месте. Огурцов поехал к своему другу — управдому, а Петрова срочно вызвали в отделение и сказали, что ему дается ответственное, большое задание — дежурить во время испытаний машины изобретателя Огурцова. Случаются же такие поистине фантастические совпадения и дела!

— Как же, знаю, — не сплоховал сержант, — непрерывного действия, из медной обшивки, с рычагом реверсивного хода. — Лично знаком с изобретателем, — добавил он еще.

«Золото у меня в отделении, а не народ», — радостно и легко подумал начальник, выписывая наряд на дежурство.

Для испытаний был отведен небольшой загородный участок на опушке веселого березового лесочка. Солнце заливало площадку щедрыми прямыми лучами, в березовой листве, шурша, ворочались редкие порывы ветра. В ожидании начала члены комиссии расхаживали среди молоденьких березок, пользуясь лесной прохладой. Молотков, прибывший первым с группой молодых научных сотрудников, нашел подходящую полянку и играл в бадминтон. Он бил сильно и точно, почти не сходя с места. Тугие мышцы так и катались под смуглой кожей, когда он резким взмахом встречал летящий волан.

«Молодежь у нас! — одобрительно говорили более пожилые члены комиссии, поглядывая на игроков. — На дворе жара египетская, а им хоть бы хны».

Огурцов бегал по площадке и распоряжался. Нужно было за всем уследить. Он отдавал распоряжения с удовольствием. У него было хорошее настроение. Во-первых, рог был доставлен в полной сохранности, по дороге ни разу не тряхнуло. Во-вторых, он вдруг опять встретил Петрова — все же знакомый.

— А ты как здесь? — спросил он его.

— Вот прислан охранять вас от всяких случайностей, — Петров вдруг почему-то заробел и перешел на «вы».

— Ну, брат, за случайностью не уследишь, — шутливо запротестовал Огурцов. — Вот, например, как и с рогом-то получилось. Шел по переулку, гляжу — плакат. Другой бы раз и внимания не обратил, а тут бац! — осенило. Случайность!

— Нет, это хорошая случайность, — не сдавался Петров.

— Ну ладно, охраняй, — согласился Огурцов и побежал принимать самосвал с утилем.

Оказалось, что прислали всего один грузовик.

— Мало! — замахал руками изобретатель.

— Неужто мало? — усомнился член комиссии, ответственный за доставку утиля.

— Так ведь непрерывного же действия. Сколько ни клади — все мало будет.

— Сколько же надо? — спросили его, и все замерли, чтобы услышать ответ.

— Десять! — твердо заявил Огурцов и аж вспотел от радостного волнения: такого количества сырья еще ни разу не было у него под рукой.

Когда десятый грузовик отъехал от площадки, комиссия собралась вокруг рога, а Молотков, успевший выкупаться, а оттого имевший особенно свежий вид, произнес короткую речь.

— В истории уже бывали случаи, — начал он, — когда отдельные изобретатели опережали свою эпоху на сто, сто пятьдесят и даже большее количество лет. Они делали такие открытия и механизмы, которые, не родись этот изобретатель, оказались бы под силу лишь далеким потомкам. Это замечательное качество, я бы сказал, человеческой природы. Там, где пасует интегральная мысль общества, выручает локальная вспышка первооткрывателя, где не тянет вспышка, выручает интегральная мысль! Получается: один за всех, все за одного.

К этому типу изобретателей принадлежит и смелый экспериментатор Степан Онуфриевич Огурцов. По нашим расчетам, такую машину можно было бы разработать не раньше, чем через сто шестьдесят лет. Даже имея построенный образец, разобраться в тонкостях его действия с багажом современной науки почти невозможно. Но тем не менее образец стоит перед нашей комиссией и готов к работе.

Под бурные аплодисменты Молотков сошел с трибуны. Наступил черед Огурцова. Он последний раз проверил электрические контакты, сам наложил лопатой в узкое горлышко рога утиля — для затравки — и тогда повернул рычаг влево. Рог вздрогнул всей своей медной обшивкой, тихо заурчал, и серая масса утиля сама собой поползла внутрь рога.

Некоторое время из другого конца трубы ничего не показывалось — шел внутренний таинственный процесс переработки. Но вдруг рог присвистнул, вздохнул, и прямо на землю покатились предметы. Трудно было даже уследить, какие именно: не успевала вещь появиться на свет, как ее заваливало чем-

то еще. Пирамида готовой продукции росла прямо на глазах. «Шерстяные носки пошли», — успел разглядеть кто-то. «А вон самовар», — раздалось из гущи комиссии. Но то были отдельные голоса. Подавляющее большинство, потрясенное, молчало.

А продукция шла и шла, удивляя своим разнообразием. Даже один подростковый велосипед подкатил к пирамиде наваленных вещей. Конструкция рога не была еще доведена до идеала, и изобретатель сам не мог сказать, чего в точности следует ожидать.

Огурцов тоже стоял потрясенный. Да и на кого бы не подействовало то, что творилось на площадке. Глубокое молчание сохранялось даже после того, как последние щепки из десятисамосвальной кучи пронеслись сквозь медный овал, превратившись в длинную гирлянду булавок. Так бывает после последнего взмаха дирижерской палочки великого маэстро.

Потом все разом пришли в движение, бросились обнимать друг друга и изобретателя. «Качать, качать его», — понеслось с разных сторон, и Огурцов первый раз в жизни взлетел в воздух.

Только один человек сохранял полное спокойствие среди этого шума и гама. В большом, широком пиджаке, он стоял, о чем-то усиленно думая. Большое напряжение отражалось на его лице. «Проверки, конечно, требует. Большой проверки», — шептали его губы. Среди сослуживцев он славился незаурядной скрупулезностью и великой усидчивостью. И еще: никакие самые исключительные случаи не могли вывести его из состояния полного душевного покоя. Рассказывали, будто во время одного из землетрясений, когда кругом ломались дома, в метре от него разверзлась зияющая пропасть. А он только и сказал: «Велика сила природных явлений. Приеду домой — расскажу».

Паровозов была его фамилия. К его мнению прислушивались многие.

Как только первая радость поутихла, Паровозов выступил вперед и спросил:

— А учетчик материальных ценностей предусмотрен конструкцией?

— Нет, этого не изобрел, — виновато развел руками Степан Онуфриевич, — некогда было.

— Доделайте, доделайте, дорогой, — приятельским тоном указал Паровозов. — Теперь, второе. Видимо, эта машина представляет известную ценность для хозяйства. Но чтобы ее принять, комиссия должна проверить все пункты действия. Вот тут написано, — он помахал бумажкой, — что конструкция имеет реверсивность хода, то есть способна переработать полученные вещи в обратном порядке. Как бы это увидеть своими глазами?

— Это уж как пить дать, в обратную сторону, — ухмыльнулся Огурцов. — Только зачем?

— Порядок есть порядок, — объяснил Паровозов.

— Ну, уж ради такого случая... — И Огурцов повернул рычаг вправо.

Члены комиссии, возбужденные всем виденным, легко отнеслись к этой маленькой полемике. «Ладно, уж чего там. Посмотрим». Все равно победа была налицо.

А гора вещей между тем начала таять. Предметы со звоном влетали в раструб, все в больших и больших количествах.

Второй срез рога был гораздо шире и мог принимать гораздо большие потоки, чем узкий конец. Много предметов, поднявшись в воздух, витало вокруг рога, сталкивалось друг с другом—так притягивал широкий срез. Тучи пыли поднялись над площадкой. Загуляли небольшие смерчи, иногда сплетаясь в один мощный вихрь. И когда у одного из наблюдателей сорвало соломенную шляпу и понесло высоко к тучам, вся комиссия, не сговариваясь, бросилась на землю. Только несгибаемый Паровозов остался стоять. Он схватился за поля шляпы и уже хотел было сказать что-то о силе природных явлений, как вдруг могучий поток воздуха поднял Паровозова с места и понес прямо к ревущему жерлу горловины. Тело его легко покружило над землей, оттеснило несколько менее крупных предметов и плавно пошло вместе с основным потоком. Паровозов так и не отнял рук от полей шляпы.

Кроме Огурцова, никто не видел этого. Все лежали, плотно прижавшись к площадке, обняв голову руками. Изобретатель отчаянно, изо всех сил тянул рычаг к нулевому положению, но рычаг заело. Всем своим легким весом навалился он на проклятый рычаг — ни с места! «Скандал, скандал!» — шептали его трясущиеся губы, по лбу катились капли пота.

Огурцов оглянулся — Паровозов уже наполовину пребывал внутри рога.

— Выгребай, руками выгребай, так твою растак! — не своим голосом закричал Огурцов, бросил рычаг и ринулся в самую гущу, туда, где в хороводе пружинных стульев, умывальников, рулонов материи уже виднелись одни лишь ноги Паровозова. Мертвой хваткой вцепился в эти ноги Огурцов. Обоих окружило облако пыли.

Увидев, что дело плохо, постовой Петров одним могучим прыжком одолел половину расстояния до рога, а через опасную зону завихрений пополз по-пластунски. Но тут рог крякнул, медно по-колокольному загудел и остановился сам собой.

Через некоторое время люди пришли в себя и сгрудились вокруг машины. Нечего и говорить, как все тяжело переживали катастрофу. К тому же без Огурцова никто толком и не знал, как подступиться к рогу. Пробовали повернуть рычаг переработки в левое положение — рычаг свободно повернулся, но только и всего. Лишь струйка расплавленного металла вылилась наружу, да так и застыла. Тогда все вытащили папиросы и молча задымили. Н-да, положеньице!..

Несколько дней бились инженеры и техники, чтобы оживить рог. Усилия их оказались почти безрезультатными. С грехом пополам удалось наладить лишь обратное действие — переработку ценностей в утиль. Молотков осунулся и похудел — все эти дни он не отходил от рога. Кто-то начал было ругать Паровозова — Молотков резко оборвал его:

— Сами виноваты! Таких Паровозовых на версту нельзя подпускать к новому. А мы вот с вами...

Тогда кто-то упрекнул самого Огурцова: что, мол, не оставил никаких толковых объяснений, когда еще было время.

— Попробуй объясни, — устало возразил Молотков, — на уровне будущих столетий. Загадочно, как люди-счетчики. Ворочают в уме миллионами, а как? Пойми-ка!

Постовой Петров переживал тяжелую утрату вместе со всеми. К тому же ему казалось, что он один за все в ответе. И Петров не смотрел в глаза членам комиссии. Как он мог допустить такое безобразие! Такую нелепую просьбу — заставить машину работать наоборот! Паровозов представлялся ему теперь злостным хулиганом, из тех, что в широких брюках. И он почти уверил себя, что однажды — был такой случай! — приводил Паровозова в участок за дебош в нетрезвом состоянии. Но из жалости отпустил и не просигналил по месту работы.

На самом деле такого случая, конечно, не было. Паровозов вел правильный образ жизни, не придерешься.

А рог передали в одну из научных групп на восстановление. Но во время катастрофы он пришел в такое состояние, что «восстановить» значило теперь изобрести заново. Но пока что без особых надежд на успех. Не каждый ведь способен на изобретение, которое по плечу лишь далеким потомкам!

ДВАЖДЫ ДВА СТАРИКА РОБОТА

Рассказ-шутка

КАК ОН СТАЛ ОПЕКУНОМ

Старик протрещал выключателями, трахнул парой электрических зарядов, и только тогда почувствовал себя вполне отрегулированным. «Последнее время регулируюсь хуже и хуже, — с тревогой подумал он. — Не мешало бы заглянуть в починочную».

Старик был мнителен, любил пожаловаться на жизнь, прислушивался к каждому скрипу своих меха-

низмов. Вот и сейчас, вместо того чтобы поучать этих юнцов-роботов, собравшихся вокруг него, посидеть бы с таким же стариком да поделиться сомнениями.

Еще недавно он чувствовал себя заряженным энергией, как новенькая лейденская банка. К его решениям прислушивались, к погрешностям относились снисходительно. Внимание было для него делом привычным. Но позавчера, подключаясь на ночную разрядку, он по привычке перемножил два восьмизначных числа и — о ужас! — ошибся на три единицы. А сегодня пришло предписание отправляться в детский сад простым воспитателем.

— Да, дело плохо, дважды два — четыре!

Любимая поговорка старика прозвучала сейчас как ругательство. Он поднял голову, испытующе посмотрел на сорванцов. В их озорно блестевших зрительных выводах светилось нетерпение. Молодые парни, наэлектризованные молчанием наставника, не знали, куда девать свою электроэнергию.

А старик невидящим инфравзглядом уставился на какого-то робота. Ему вспомнилась собственная молодость, вспомнился тот торжественный момент, когда он, собранный по последней схеме, свежепахнущий полимерами, не дожидаясь очереди, сам соскочил с конвейера и помчался в отдел технического контроля. Там он спешно отвечал на вопросы, поставленные с целью определения его полноценности, решал головоломки, предсказывал погоду, бегло переводил с одного языка на другой, прослушивал и воспроизводил музыку — словом, показал вполне удовлетворительное присутствие обратной связи.

— Куда спешите? — спросил один из членов комиссии, чеканя последнее клеймо на его спине.

— Спешу жить! — крикнул он и, посылая приветственные гудки, промчался к выходу мимо кучки отбракованных кретинов, возвращающихся в переборку.

Он выскочил на улицу, остановился за углом и первое, что сделал, — рассчитал свое будущее на ближайшие десять лет. Пять минут сложения, умножения, дифференцирования, интегрирования — и готово, будущее известно. Более далекие времена его

не интересовали: будущее без неожиданностей — скучное будущее. Так он считал в то время.

Прошли месяцы учебы. Молодой робот с головой ушел в деятельность. Работа! Именно она приносила ему высшее наслаждение. Он стал рассеян, иногда забывал вовремя подключаться к питательному аккумулятору.

Как-то приятель рассказал ему, будто бы смоделирована новая система роботов, с лучшими избирательно-разрешающими способностями. Он раздраженно рванул рычаг, отключился.

— Эка невидаль! Способности! Своих забот полно, некогда думать о чепухе.

Но однажды он попытался, как в первые дни, рассчитать свое будущее. Прошло время — расчеты не оправдались.

Он кинулся узнавать, в чем дело. Ему объяснили, что действительно появились новые модели с большим количеством степеней свободы. И что ему, еще не старику, но в общем-то роботу не первой молодости, труднее учитывать их действия, а следовательно, и рассчитывать собственные координаты в общем движении.

— Позвольте! Да ведь это же анархия и хаос! — воскликнул несчастный.

— Не хаос, не анархия, а закон природы, — холодно возразили ему.

С этого дня он начал думать о путях развития своего счетно-решающего общества. «Куда приведет нас технический прогресс?» — вот какой вопрос сделал его постоянным подписчиком журнала «Кибернетика и робот».

...Мысли текли, время — тоже, а лучшие системы появлялись и появлялись. И вот, наконец, сочли, что все, на что он способен, это опекать новоиспеченных.

Старик еще раз бросил взгляд на подопечных. Было ясно, что их напряжение на пределе: с матовой поверхности юнцов, шелестя, стекали электрические заряды.

— Ну, дети, через час быть в сборе. Летим на Землю, — этой фразой ветеран прервал паузу.

ПАРАДОКС ИНФОРМАЦИИ № 1

Нужно ли описывать небольшое путешествие ансамбля роботов из детского сада с их планеты на Землю? Все обстояло, как в стандартных космических путешествиях, запротоколированных в многочисленных фантастических рассказах. Ревели ли ракетные двигатели их корабля? Да, ревели. Кричал ли впередсмотрящий, подобно матросу Колумба, «Земля!» при ее появлении? Да, кричал. Да, траектория движения рассчитывалась автоматически. Да, да, да!

Путешествие было предпринято для традиционного ознакомления молодежи с местом изобретения первого робота, с местом, где было начато их массовое производство.

Старик водил группу по старинным городам, показывал океан, тропики. Океан, как всегда, вылизывал языком волн берега, в джунглях рычали хищники. И только города молчали. Старик мог показать все что угодно, но только не человека.

Человек! Как сказать о нем? Где-то внутри нервно дрогнула электронная линия. Чтобы успокоиться, пришлось выждать: история исчезновения людей была больным местом роботов всех систем.

— А теперь всем настроиться на «внимание»! — отчеканил старик.

Дисциплинированно щелкнули тумблеры, все переключились на одну волну. И к молодым путешественникам, превратившимся во внимание, пришли слова о человеке, печальные и далекие, как весть с неведомой звезды.

— Давным-давно на этой планете жили удивительные существа — люди. Нас, роботов, еще не было. Люди были эластичны, темпераментны и предприимчивы. Поговаривают — хотите — верьте, хотите — нет, — что их предком была обезьяна. Они-то и придумали нас, чтобы поставить за станки, за пульты автоматических линий, посадить за руль автомобиля. И не было большей радости, чем угодить человеку.

Но однажды утром, когда толпы роботов шумными ватагами устремились к подпиточным станциям,

обнаружилось, что люди исчезли. Все до одного! — голос старика дрогнул, из каждой глазницы выкатилась крупная капля смазки. Это воспоминание было на порядок сильнее остальных.

Молодые роботы запыхтели: *любовь к человеку, вложенная в них как информация* № 1, давала себя знать.

— Некоторый свет на загадку пролила вот эта бумажка. Из нее явствует, что им надоело наше общество! — Латаный динамик старика звякнул. — Слушайте, что здесь написано.

«Дорогая Мари! Утром улетаем. Куда? Еще неизвестно. Ты спросишь, почему? Впоследствии многие будут гадать, почему мы исчезли. А ведь все из-за этих несносных роботов. Они не дают пошевелиться. Мы заложили в них слишком сильную любовь к человеку, надеясь, что она будет лучшим стимулом для их самовоспроизводства. И, конечно, они видят теперь цель своего существования в избавлении человека от всех трудностей.

Нас освободили от труда — так исчезло наслаждение творческим процессом, самое сильное из наших наслаждений. Только возникает мало-мальски человеческое желание — и, пожалуйста, оно уже исполнено. Наша активность постепенно сводится к нулю. Еще немного и — мозг начнет атрофироваться. Нужно начинать новую жизнь. Наши космические плантации беспредельны. И где-нибудь мы уж укроемся от наших соседей. Но улетать нужно так, чтобы эти пройдохи не пронюхали, куда мы стремимся. Поэтому о наших новых координатах договоримся в дороге.

Бери с собой только предметы первой необходимости: зубную щетку, полотенце, генератор невесомости, не тот, большой, семейный, а портативный, и электробатарейку на тысячу киловатт-дней.

Решение принято Высшим Советом два часа назад.

Дорогая Мари...»

На этом строчки обрывались. Старик аккуратно свернул листок.

А тем временем на полу образовалась масляная лужа: роботы плакали. Наставник подбежал к одному из них, вытащил щуп указателя масла — от смазки почти ничего не оставалось. Крутанув вертушку телефона, расположенного на затылке, старик набрал нужный номер. Срочно вызвал цистерну со смазкой. Чтобы прекратить дальнейшее истечение ценного продукта, каждому нажал на кнопку генерации хорошего настроения. Промедление могло привести к травме молодых, неокрепших механизмов. И когда прибывшая цистерна каждому закачала добрую порцию смазки, старик с облегчением перевел свои реостаты в сторону меньших токов.

— Началась эра раскрытия наших потенциальных возможностей. Технические проекты появлялись один фантастичнее другого. Иногда такое слышать приходилось, что искры из глаз сыпались. В воздухе бродили идеи.

Кстати, о воздухе... Этот едкий продукт доставлял нам массу хлопот. Он вызывал ржавчину наших металлических частей и со временем разлагал пластики. А если где что распаяется, изволь перед пайкой промазывайся канифолью. Тогда-то и состоялось Великое Переселение на ту планету, где вы родились, планету, атмосфера которой состоит из одного нейтрального аргона.

Казалось бы, теперь только и жить. Но вскоре стало ясно, что не так это просто — жить! Да, мы столкнулись с проблемой смерти. Новые образцы роботов, периодически появлявшиеся в лабораториях, делали ремонт более ранних образцов бессмысленным делом. И старики хлынули на свалку!

Тут-то мы в первый раз по-настоящему позавидовали людям. Они-то уж давно познали секрет вечной молодости. Эта несправедливость и навела одного из нас на смелое решение: если мы хотим жить сколько угодно, необходимо новые модели изготовлять в виде человека!...

Новая идея сверкнула как молния. По каждому

из роботов прошел тогда такой ток, будто он схватился за линию высокого напряжения. Аргонный ветер в тот день казался удивительно свежим.

ТАЙНА БИОКАМЕРЫ

Сказав последние слова, старик быстро вычислил время. До начала телепередачи из научного центра аргонной планеты оставалось несколько минут. Сфера походного экрана, под которой собралась вся группа, уже слабо фосфоресцировала, настраиваясь на нужную волну. По ее поверхности стремительно мчались тонкие линии. Внезапно они переплелись, рванулись. Тотчас возникли четкие контуры большого зала, до отказа забитого роботами. На возвышающуюся площадку поднялся председатель.

— Друзья! Роботы! — начал он.

В зале стало тихо, как в вакууме. Робот-магнитофон принялся стенографировать.

— Наш дружный коллектив роботов-ученых собрался здесь, чтобы присутствовать при окончании одного из экспериментов по синтезированию человека. Как показывают расчеты, человек обыкновенный (хомо вульгарис) по своей энергетической экономичности значительно превосходит любого из нас. Поэтому нам хотя бы из энергетических соображений выгоднее создавать человекообразных роботов. Да и вообще современный человек по своему развитию стоит гораздо выше нас. Это известно точно. И вот откуда.

Вы знаете, что с того момента, как нас покинули люди, они не прислали нам ни одной весточки, хотя по некоторым признакам и наблюдали за нами. И вот совсем недавно от них пришла телеграмма.

Рев, поднявшийся в зале вслед за сообщением председателя, содержал энергию, которой хватило бы для недельного электропитания столичных роботов, — это сработала информация № 1. Робот-магнитофон сломался от звуковых перегрузок в первый же момент. — Люди сообщают, — продолжал председа-

тель, когда стабилизаторы привели роботов в уравновешенное состояние, — что они прекрасно устроились и опять пользуются роботами, которые подходят им больше, чем мы. Прислан и график скорости совершенствования людей. Ясно видно, что скорость их развития намного превосходит нашу.

Когда-то мы научились синтезировать белок. Вы помните и тот радостный момент, когда мы искусственно получили амебу. Теперь перед вами биологическая камера, где минуту назад окончилось формирование пока еще неизвестного существа.

Дверца биокамеры мгновенно распахнулась, изнутри выскочило длиннорукое, волосатое существо, в котором каждый хоть раз побывавший в зоопарке сразу бы признал орангутанга.

Снова зашипели стабилизаторы, успокаивая ученых.

— Человек не получен, — невозмутимо продолжал председатель, — но результат показывает, что мы на верном пути. Конечно, можно уже сейчас наплодить стада обезьян и дождаться, когда они сами собой превратятся в людей. Но это трудный, мучительный путь — как для нас, так и для них. К тому же нет уверенности, что такой естественный человек, созрев, опять не захочет скрыться от нас. Нет, мы сами создадим человека и вложим в него свою информацию номер один — любовь к роботам и механизмам вообще. Мое мнение — эксперименты продолжать...

Старик выключил телевизор, вышел на воздух. Небо уже почернело, звезды остриями лучей приятно щекотали светочувствительную грудь старика. Легкий бриз накатывал свежие волны озона, и старик чувствовал, как мучительно-сладко разлагаются полимерные шарниры его суставов. Он прислушался к гулу моря, подрегулировал окуляры и опрокинулся в густую влажную траву.

Миллионы светящихся точек подмигивали старику с неба. Где-то на одной из них его братья роботы лихорадочно синтезируют человека. На другой — люди конструируют роботов.

— Да, мой друг, — пробормотал старик, — небо содержит гораздо больше тайн, чем знает наша школьная мудрость... Дважды два — четыре!

КОЛЛЕГА — Я НАЗВАЛ ЕГО ТАК

Гремит будильник. Я открываю глаза, полный надежд, что часы идут на час вперед. Но нет — мой второй будильник показывает тоже семь.

Второй будильник появился после того, как я окончательно понял, что одним меня не разбудишь. Был момент, когда казалось, что недостаточно и трех.

Просыпаясь, я чувствовал себя еще довольно свежим. Но несколько минут борьбы со сном — и я встаю помятым, мечтающим только о том, как бы снова оказаться в постели. Что делать! — научная работа оставляла для отдыха все меньше и меньше времени.

И дело вовсе не в честолюбии, не в том, что по ночам мне снятся лавры великих. Мне снится другое. Даже дворники моих снов бормочут формулы, подметая мостовые моих снов.

Если не хочешь отставать от тех, кто задает тон в науке, нужно не меньше их и работать. Так что виноваты великие. А спят они — ох, и мало они спят!

Помнится, именно третий будильник заставил меня всерьез задуматься надо всем этим.

— Вот ты, взрослый человек, — говорил я сам себе, — автор многочисленных открытий, изобретатель, неужели ты ничего не можешь поделать с этим унизительным, недостойным, а порой и просто аморальным состоянием, каким является сон? Во сне вас может переехать автомобиль, побить кучка распоясавшихся хулиганов. Вас вышвырнут с десятого этажа, плюнут в лицо, а вы? Проснетесь, умоетесь — и как ни в чем не бывало. А кому жаловаться?

Эти мысли приходили чаще и чаще, но по-настоящему я взялся за дело только после того, как не-

сколько раз проснулся одетым. Это уж было слишком. И тогда я решился...

Конечно, идти по пути абсолютного избавления от сна одному было не под силу.

Электросон, гравитациосон, радиосон, плоскостопиесон — все эти направления, конечно, рано или поздно приведут к успеху. Многочисленные сотрудники больших современных лабораторий, брошенные на развитие этих направлений, уверены, что через каких-нибудь два-три десятка лет их труд увенчается успехом.

Конечно, для вечности этот срок — мгновение. Для меня же это мгновение — лучший кусок моей творческой жизни. И если уж наука не дала мне абсолютного заменителя, то над частичным заменителем сна я мог подумать сам.

Эквивалент, биологический эквивалент — вот что следовало искать. Пусть некто спит вместо меня, пусть результаты процессов охваченного спячкой мозга идут своим ходом, снимаются специальным приемником, как снимаются адаптером мелодии с пластинок, и через своеобразный трансформатор передаются в очищенном виде моему бодрствующему и размышляющему мозгу.

Конечно, подыскать человека, согласившегося бы спать и за себя и за меня, было делом нелегким. Круг моих знакомых ограничивался людьми науки, рассеянными милыми людьми, вся мягкость которых превращается в гранит, как только ситуация подталкивает их на лишний час сна. Нужный человек должен был быть несколько иным, другого, так сказать, плана. Одним словом, таким, чтобы ему было все равно: спать или заниматься чем-нибудь другим.

Нашел я его прямо на улице. Точнее сказать — в пивном зале. Он сидел за столиком один, в его правой руке дрожал бокал с жидкостью, скорее всего алкогольной.

— Наука сломала об меня все зубы, — сказал он, когда я подсел за его столик, — лечила, лечила, а пользы никакой.

Он помолчал, помотал головой, улыбнулся, показав золотой зуб, и добавил:

— От алкоголизма лечила...

— Друг мой, — как можно мягче начал я, — если наука не помогла вам, то, может быть, вы поможете науке?..

— Она мне не помогла, и я ей не буду, — заплетающимся языком объявил собеседник.

— А может, друг мой, попробовать еще разок?

— Нет, кореш, на эти пилюли меня не заманишь. Ешь их, ешь, а потом опять на неправильный путь сбиваешься.

Долго я еще объяснял суть вещей этому человеку, молодому, но уже ушедшему из-за хронического алкоголизма на пенсию. И вот (чего не сделает истинно логический подход!) утро застало его спящим у меня дома.

Проснувшись, он первым делом попросил рассола, оглядел комнату, потом закурил, ничуть не удивляясь месту своего пробуждения. Видно было, что он привык просыпаться где угодно, только не у себя дома.

— Болит голова? — спросил я.

— Болит. Уснуть бы в самый раз, но не усну — по себе знаю.

— Это просто устроить, — тут же возразил я и показал на аппарат, нейтрально стоящий в углу комнаты.

Разумеется, будущий напарник начисто забыл весь вчерашний разговор, и я с жаром повторил все доводы. В ход были пущены и графики ускорений роста научной мысли, и действующие модели моих последних изобретений: летающие, ползающие, ныряющие, бегающие, счетно-решающие — и еще не действующая модель будущего изобретения, одновременно летающего, ползающего, ныряющего, прыгающего и счетно-решающего. Было также рассказано, какая польза получится от внедрения всех этих дел, и обещано, что один экземпляр машины достанется и ему, по существу соавтору и товарищу по работе.

Графики, формулы и схемы почти не подействовали на человека из пивного зала. Но когда в комнату вбежали мои машинки и начали плясать, летать, кувыркаться, пищать, лезть нам на колени, бормоча всякие предложения, он начал сдавать.

— И все это — ваша работа? — изумленно спросил он, осторожно снимая с шеи синтетического чертика, успевшего причесать и спрыснуть одеколоном голову собеседника.

— Коллега, — да, я обратился к нему именно так: было ясно, что битва выиграна, — то ли еще будет, если мы возьмемся за дело вдвоем. Кривая интенсивности подско...

— Согласен, — перебил он и тут же попросил включить аппарат: ему все-таки очень хотелось спать.

Надо ли говорить, как рванулись вперед мои дела! Все приходят слегка усталые домой, садятся за газеты в ожидании ужина — я работаю. Все расходятся по кинотеатрам, стадионам, кафе, чтобы переключить мозг на другую волну, а мне этого не надо — мой мозг свеж, как у новорожденного, и я опять работаю. Полночь, все ворочаются в постелях, считают до тысячи, чтобы скорее отключиться, я ворочаю в уме миллионами, кручу арифмометр, шастаю логарифмической линейкой, я наслаждаюсь всеми этими действиями!

— А ведь было, было время, — торжествующе говорил я сам себе, — когда ты проклинал свою неутолимую жажду творчества. Голова твоя трещала, сердце выписывало на энцефалограммах прямо-таки кренделя, волосы вылезали, как из старой сапожной щетки. И в эти минуты ты уповал только на докторов — кто еще мог помочь? А те твердили свое: воздух, фрукты, легкое вино и меньше, как можно меньше работы.

Как бы не так! Меньше работы! Ха-ха-ха! — И я заливался громким жизнерадостным смехом, не боясь разбудить напарника. Он спал как убитый.

КПД аппарата не превышал 51 процента, поэтому вместо меня ему приходилось спать не 8, а 16 часов.

К этому прибавлялись 8 часов, необходимые для него самого. Итого — сутки.

Иногда я будил его, в те дни, когда к работе прибавлялся новый выдающийся успех. Он слушал мои объяснения даже с некоторым интересом, пытаясь вникнуть в детали. Было заметно, что с каждым разом он больше и больше проникается сознанием того, что является соучастником важного полезного дела.

Если в первое пробуждение он только махнул рукой, буркнув:

«А, ладно, чего там, валяй дальше», — то через месяц ему уже доставляло удовольствие копаться в чертежах, подкручивать гайки на полусобранных моделях и, заглядывая через плечо, смотреть, как я убористо заполняю тетради формулами и уравнениями. Взгляд его становился все более светлым и разумным, а иногда сосредоточенно-задумчивым, с теми оттенками жесткой мудрости, которая свойственна людям аналитического ума в момент формулирования внезапных и широких обобщений.

«Вот что значит беспрерывный сон», — мысленно ликовал я, а вслух говорил:

— Коллега! Уверен, что в будущем смогу подготовить вас до уровня техникума. Да что там техникума! Одолеем и кое-какие программы самого вуза!

Последнее я произносил, конечно, из чистого энтузиазма, но уж в первое-то верил незыблемо. Логический подход и прирожденная наблюдательность не обманывали меня никогда. Два месяца с лишним прошли как бы в опьянении, словно бы в состоянии невесомости. В моем институте все только плечами пожимали, когда я устраивал еженедельные доклады о проделанной работе.

— Когда он только успевает? — слышалось из рядов конференц-зала.

— За неделю он способен напечь расчетов и чертежей на новую диссертацию, — говорили в курилках. — Прямой дорогой идет в академики.

— Вас не узнать, — сказал директор, хитро улыбаясь. — И в кино вас стали замечать, и по об-

щественной линии, и на елку с детьми выехали, и чаще других с коллективом на лыжные прогулки выходите. А производственные успехи! Говорить нечего. Что-то тут не так...

— В том-то и дело, что лыжные прогулки. Чистый воздух! Он делает чудеса. Слушайте докторов, дорогой мой директор! — ответил я, тоже улыбаясь с хитрецой.

Я считал, что оповещать о моем методе еще рано. Вот пройдет несколько месяцев опыта над самим собой, все выяснится... вот тогда. Конечно, приходили и минуты колебаний — а может быть, рассказать? И так ведь все ясно.

И вдруг оказалось что не так-то уж все ясно.

Дело в том, что в один прекрасный день к моим уравнениям не прибавилось ни строчки. И ни одной новой гайки — к моделям. В тот день просто не хотелось работать. То же самое повторилось на второй и на третий день. Это уже было неожиданностью. Пришлось проверить аппарат. Но нет, он действовал по-прежнему безукоризненно. Может быть, заболел? Но градусник показал 36,6°.

Напрасно я усаживал себя за письменный стол — рябило в глазах, строчки казались чужими. Больше того, я с ужасом вдруг понял, что с трудом разбираюсь в тех уравнениях, которые совсем недавно составил сам.

Подчиняясь какой-то неведомой силе, я встал из-за стола и вышел на улицу. Прохожие мелькали, как в ускоренном фильме, мимо плыли витрины магазинов и рекламы. Вдруг я увидел себя в большом зале, за столиком. Официант подливал, а я пил бокал за бокалом. Вот как обернулось! Неизвестно, как ноги донесли меня домой. Но то, что я увидел в кабинете, моментально выветрило весь хмель. Напарник сидел за столом и строчил, строчил в тетрадях!

— Что вы там пишете? — Интонации моего голоса были не очень-то вежливыми.

— Коллега, — услышал я, — в рукописи есть ошибки. Сначала все было верно, но вот в последние дни расчеты пошли не в ту сторону.

— Позвольте! — воскликнул я.

— Все уже исправлено, коллега, — чуть усмехнувшись, продолжал напарник, не давая мне опомниться. — Вот смотрите сами.

На какое-то мгновение обычная ясность вернулась ко мне, я понял: напарник прав. Действительно, ошибки уже были исправлены.

Я сидел в своем кресле, в другом кресле сидел он, и как из тумана до меня доносились слова, его слова...

— Вы не ошиблись тогда, назвав меня коллегой. Как видите, теперь я не хуже вас разбираюсь во всех этих схемах, чертежах, выкладках и машинах. По-видимому, аппарат, придуманный вами, передал мне качества и знания вашего мозга. Он же, обрабатывая наши тормозные процессы, передал вам и кое-какие из моих свойств, увы, не лучшие. Хотим мы этого или нет — так случилось. Однако дело есть дело, и оно не должно страдать. Выход один: теперь спать должны вы, я же — заниматься делами до тех пор, пока мы снова не придем в первоначальные состояния.

Боже мой, он даже говорил моими формулировками! Моими интонациями! Я мог спорить с кем угодно, но со своей логикой?..

— Да, да, дело не должно страдать, — безучастно отозвался я, и аппарат был включен снова...

Теперь мы подменяли друг друга как по вахтенному расписанию. Работа действительно кипела. До чего не догадывался я — догадывался он, ошибется напарник — замечаю я. В особо сложных местах аппарат отключался, и загвоздка устранялась сообща.

Одно не давало покоя: сознание того, что 50 процентов наслаждения от бурно кипящей работы проходит мимо меня. Конечно, я мог, недолго думая, убрать аппарат. Но кто мог сказать наверняка, через какой срок подсознание полностью освободится от печально приобретенных свойств? Нет, непредвиденностей мне больше не хотелось, и в одну из своих смен я перебрал механизм аппарата таким образом, чтобы сумма наших процессов привела нас, наконец, к пер-

воначальным и стабильным состояниям. Монтаж оказался сложным, хлопотливым и занял почти весь период моего бодрствования. Но зато уснул я удовлетворенный и успокоенный.

Увы, мой напарник оказался не из тех, кого легко провести, он все заметил и, в свою очередь, весь свой срок ухлопал на восстановление аппарата.

Вот где началась борьба гигантов! Он свое, а я свое! И все молча, с утайкой, как будто ничего особенного. Здороваться мы перестали, обмениваться мнениями тоже. А конца этому, видно, не было — схватка абсолютно равных возможностей!

Основная работа была, конечно, забыта. Куда там — обоих охватило состояние азарта. Кто кого!

Первым сдался я. Сдался или просто просветление пришло, не знаю. Собрал винтики и пружинки полуразобранного аппарата-посредника и разбудил коллегу. Он проснулся недовольный, пожалуй, рассерженный.

— Кажется, я недоспал свое, — холодно сказал он, поворачиваясь на другой бок, — делайте ради бога свое дело, а я свое дело знаю.

Я помолчал, собираясь с мыслями, а потом начал говорить как можно убедительнее, чтобы ни одно слово не пропало даром.

— Ни меня, ни вас не может удовлетворить создавшаяся ситуация. Как человек науки, вы должны понимать.

— Да, да, да, человек науки! — не выдержал он. — И не хочу быть чем-нибудь другим. И не уговаривайте...

— И не уговариваю! — тут уж разозлился и я. — Не уговариваю, но горжусь! Горжусь тем, что создал вас. Ведь мы доказали, что любой, может быть даже просто дурак, способен стать другим, захоти он этого. Мозг любого открыт, открыт для просветления.

Искренний, взволнованный тон моих слов, кажется, подействовал на напарника. Он стоял рядом с аппаратом, бодрый, подтянутый, а я говорил и говорил.

— Значит, принципиальная возможность отде-

литься и жить собственной жизнью ученого существует, вы думаете?

— Несомненно, — твердо сказал я, — прямо сейчас мы садимся и разрабатываем решение хотя бы в общих чертах...

С тех пор прошло достаточно времени, чтобы я мог все оценить и взвесить, прежде чем выступить с открытым рассказом об эксперименте, который некоторые назовут, чего доброго, фантастическим. Мой первый напарник по-прежнему бодр и энергичен, люди науки с удовольствием знакомятся с его последними разработками, журналисты иногда берут интервью. Ни он, ни я не боимся за свое будущее. Аппарат-посредник, в корне переделанный нами, сообщил ему заряд умственной энергии, которого хватит на две жизни. Одновременно и я был целиком очищен от паразитических помех.

Ошибки прошлого были учтены, все последующие напарники прошли через аппарат без треволнений, без психологических драм. Они отпочковались от меня, полные творческих идей, смелых замыслов. Одни пошли в технику, другие занялись сугубо теоретическими дисциплинами, даже один скрипач затесался непонятным образом в эту компанию. Доктора наук, эрудиты — они знают о многом, и когда мы сталкиваемся на улицах, то раскланиваемся, подолгу стоим, рассказывая о последних достижениях наук. А иногда запросто собираемся компанией — все свои. Вот уж где можно понаслышаться всякой всячины! Любят они все послушать и историю о моем первом эксперименте. Когда просят, достаю старый будильник, говорю:

— Вот с него все и началось. Плохо будил...

И. ВАРШАВСКИЙ

НОВОЕ О ХОЛМСЕ

Лондонское воскресенье всегда полно скуки, но если к этому добавляется дождь, то оно становится невыносимым.

Мы с Холмсом коротали воскресный день в нашей квартире на Беккер-стрит. Великий сыщик смотрел в окно, барабаня своими тонкими длинными пальцами по стеклу. Большой палец, несмотря на все мои старания, сгибался у него медленней остальных.

Наконец он прервал затянувшееся молчание.

— Не раздумывали ли вы, Ватсон, насчет неравноценности человеческих потерь?

— Я не вполне вас понимаю, Холмс.

— Сейчас я это поясню. Когда человек теряет волосы, то он их просто потерял. Когда человек теряет шляпу, то он теряет стоимость двух шляп, так как одну он потерял, а другую должен купить. Когда человек теряет глаз, то неизвестно, потерял ли он что-нибудь: ведь одним глазом он видит у всех людей два глаза, а они, имея два глаза, видят у него только один. Когда человек теряет разум, то чаще всего он потерял то, чего не имел. Когда человек теряет уверенность в себе, то... Впрочем, сейчас мы, кажется, увидим человека, потерявшего все, что я перечислил. Вот он звонит в нашу дверь!

Через минуту в комнату вошел тучный лысый человек без шляпы, вытирая носовым платком капли дождя с круглой головы. Левый глаз у него был скрыт черной повязкой. Весь его вид выражал полную растерянность.

Холмс церемонно ему поклонился,

— Если я не ошибаюсь, то имею честь видеть у себя герцога Монморанси? — спросил он с очаровательной изысканностью.

— Разве вы меня знаете, мистер Холмс?! — спросил изумленный толстяк.

Холмс протянул руку к полке и достал книгу в черном коленкоровом переплете.

— Вот здесь, ваша светлость, моя скромная работа по переписи всех родовых перстней. Я не был бы сыщиком, если бы с первого взгляда не узнал знаменитый перстень Монморанси. Итак, чем я могу быть вам полезен? Можете не стесняться моего друга и говорить обо всем вполне откровенно.

Некоторое время герцог колебался, по-видимому не зная, с чего начать.

— Речь идет о моей чести, мистер Холмс, — сказал он, с трудом подбирая слова. — Дело очень деликатное. У меня сбежала жена. По некоторым соображениям я не могу обратиться в полицию. Умоляю вас помочь мне! Верьте, что мною руководит нечто большее, чем ревность или ущемленное самолюбие. Дело может принять очень неприятный оборот с политической точки зрения.

По блеску полузакрытых глаз Холмса я понял, что все это его очень интересует.

— Не соблаговолите ли вы рассказать нам обстоятельства, при которых произошло бегство? — спросил он.

— Это случилось вчера. Мы находились в каюте «Мавритании», готовящейся к отплытию во Францию. Я вышел на минуту в бар, а жена оставалась в каюте. Выпив стаканчик виски, я вернулся, но дверь оказалась запертой. Открыв ее своим ключом, я обнаружил, что жена и все принадлежавшие ей вещи исчезли. Я обратился к капитану, весь пароход был обыскан от клотика до киля, к сожалению безрезультатно.

— Была ли у миледи горничная?

Наш гость замялся.

— Видите ли, мистер Холмс, мы совершали свадебное путешествие, и вряд ли посторонние могли способствовать...

Я хорошо знал деликатность моего друга в таких делах и не удивился тому, что он жестом попросил герцога не продолжать дальше свой рассказ.

— Надеюсь, что мне удастся помочь вам, ваша светлость, — сказал Холмс, вставая, чтобы подать гостю его пальто. — Жду вас завтра в десять часов утра.

Холмс учтиво снял пушинку с воротника герцога и проводил его до двери.

Несколько минут мы молчали. Холмс, сидя за столом, что-то внимательно рассматривал в лупу.

Наконец я не выдержал.

— Интересно, Холмс, что вы думаете об этой истории?

— Я думаю, что герцогиня Монморанси — грязное животное! — ответил он с необычайной для него резкостью. Впрочем, Холмс всегда был очень строг в вопросах морали. — А теперь, Ватсон, спать! Завтра нам предстоит тяжелый день. Кстати, я надеюсь, что ваш пистолет с вами? Он может нам понадобиться.

Я понял, что из Холмса больше ничего не вытянешь, и пожелал ему спокойной ночи.

На следующее утро герцог не заставил себя ждать. Ровно в десять часов он позвонил в нашу дверь.

Кеб был уже заказан Холмсом, и мы отправились по указанному им адресу.

Ехали мы очень долго, и наш клиент уже начал терять терпение. Неожиданно Холмс приказал кебмену остановиться в районе доков. Он свистнул, из-за угла появился верзила с рыжей кенгуру на привязи.

— Ваша светлость, — обратился Холмс к герцогу, — прошу вас вручить мне пятнадцать фунтов, три шиллинга и четыре пенса в присутствии моего друга доктора Ватсона. Из этой суммы я должен десять фунтов хозяину зверинца за герцогиню Монморанси, а остальное я внесу в виде штрафа таможенным властям за попытку незаконного вывоза животных из Англии.

Герцог весело рассмеялся.

— Прошу простить меня, мистер Холмс, за маленький обман, — сказал он, доставая кошелек. — Я не мог сказать вам, что под видом миледи на пароходе скрывалась кенгуру. Вы никогда бы не взялись за ее розыски. Я вынужден был нарушить закон и привезти во Францию это животное из-за дурацкого пари. Надеюсь вы на меня не в претензии?

— Нисколько! — ответил Холмс, протягивая ему руку.

Через мгновение в руках Холмса блеснули наручники, ловко защелкнувшиеся на запястьях герцога.

— Инспектор Летард! — сказал Холмс, обращаясь к нашему кебмену. — Вы можете арестовать профессора Мориарти по обвинению в убийстве герцога и герцогини Монморанси. Он совершил это преступление, чтобы похитить голубой карбункул, находящийся в настоящее время в сумке этого кенгуру. Не трудитесь, профессор, мой друг Ватсон выстрелит первым!

— Скажите, Холмс, — спросил я моего друга вечером, — как вы догадались, что это была не миледи, а кенгуру?

— Я снял с нашего клиента при первом свидании рыжий волос. По наведенным мною справкам, миледи была брюнеткой, следовательно, волос мог принадлежать или горничной, или животному. Горничная, как вы знаете, исключается. То, что это была самка кенгуру, я установил при помощи лупы. А теперь Ватсон, — закончил он, — я намерен на два года оставить все дела, чтобы пополнить мою монографию о черных дроздах.

— Последний вопрос! — взмолился я. — Как вам удалось узнать, что под видом герцога скрывается Мориарти?

— Не знаю, — растерянно ответил он. — Может быть... Может быть, я за ним следил все эти годы?

Я вздохнул, положил руку на плечо Холмса и нажал скрытую под пиджаком кнопку выключения. Затем, сняв с Холмса заднюю панель, я начал перепаивать схему. Нечего даже было пытаться продать его в таком виде Скотленд-ярду.

«ЦУНАМИ» ОТКЛАДЫВАЮТСЯ

В штабе посредников заканчивались последние приготовления. В комнату вошел Адъютант и доложил, что передислокация войск закончена.

Генерал обвел взглядом присутствующих.

— Напоминаю, господа, условия маневров «Цунами». Они проводятся на уровне дивизий, стрелковые подразделения поддерживаются танковыми, парашютными частями и артиллерией. Кроме того, каждой стороне приданы ракетно-атомные батареи. Отличительной особенностью этих маневров является то, что «ягуарами» будет командовать электронная машина. Цель маневров — захват безыменной высоты, удерживаемой «медведями». Прошу, сэр, можете вводить в свою машину данные об исходном расположении частей.

— О'кэй! — крикнул Профессор.

Он подал знак Ассистенту, и тот начал пробивать на перфокарте причудливо чередующиеся отверстия. Некоторое время, после того как в машину были введены необходимые сведения, на ее панели вспыхивали разноцветные лампочки. Затем на большом табло загорелся красный крест.

— Готово? — спросил Генерал.

— Машина не согласна с предложенной дислокацией и требует перегруппировки, — ответил Профессор.

— Чего же она хочет?

— Сейчас посмотрим.

Профессор нажал зеленую кнопку на панели, и из машины поползла бумажная лента, испещренная нулями и единицами.

— Любопытно, — сказал Полковник, посредник «ягуаров».

Ассистент считывал знаки с ленты и делал какие-то пометки у себя в записной книжке.

— Она требует ликвидации фланговых резервов. Восемь стрелковых подразделений должны занять позиции вдоль линии фронта.

— Начало не очень удачное, — сказал Генерал. —

Что же, она хочет оставить «ягуаров» совсем без флангового прикрытия?

— Она настаивает, чтобы две группы танков прорыва были переброшены на фланги и заняли позиции позади стрелковых частей.

— Гениально! — сказал Полковник.

— Еще что? — спросил Генерал.

— Знамя дивизии должно быть расположено в центре, рядом с ракетно-атомной батареей, позади стрелковых подразделений.

— Здорово! — воскликнул Полковник. — И о знамени не забыла!

Генерал поморщился, но ничего не сказал.

— Справа и слева от них должны быть расположены две легкие батареи, — продолжал Ассистент.— Рядом с батареями она хочет разместить парашютно-десантные соединения.

— Надеюсь, все?

— Нет, она требует, чтобы убрали полевой госпиталь.

— Куда убрали?

— Чтобы он совсем не участвовал в маневрах.

Профессор схватился за сердце и застонал.

— Что с вами? — спросил Генерал.

— Сердечный приступ, — пробормотал Профессор, опускаясь на стул. — Прошу отложить маневры на завтра. Очень прошу вас!

* * *

Уже показались огни города, когда Профессор вполне здоровым, но немного недовольным голосом спросил Ассистента:

— Вы опять вчера играли с ней в шахматы?

— Да, сэр, а что?

— А программу вы у нее сменили?

— Н-н-не помню, — смутился Ассистент.

— То-то! «Н-н-не помню»! Разве вы не заметили, что она расставляла подразделения, как фигуры на доске?!

Наступившее затем молчание первым прервал Ассистент:

— Жаль все-таки, что вы не дали ей попробовать. Вчера она изумительно работала. Я чуть не проиграл.

СЕКРЕТЫ ЖАНРА

У светофора Дик Пенроуз резко затормозил и громко выругался. Он был в отвратительном настроении.

«Вы просто выдохлись, — сказал ему сегодня редактор. — Откровенно говоря, я жалею, что с вами связался. «Нью Нонсенс» в последнем номере поместил рассказ о пилоте, выбросившем в космосе молодую девушку из ракеты. «Олд Фулер» уже три номера подряд дает роман о войне галактик, а вы нас чем пичкаете? Какой-то дурацкой повестью об исчезнувшем материке. Нечего сказать, хорош Король Фантастов! Мы из-за вас теряем подписчиков. К воскресному номеру мне нужен научно-фантастический рассказ. Полноценная фантастика, а не галиматья на исторические темы. Читатель интересуется будущим. Кстати, надеюсь, вы не забыли, что через месяц кончается ваш контракт? Сомневаюсь, чтобы при таких тиражах мы смогли его возобновить».

Пенроуз снова выругался. Как это все просто получается у редактора! Старик не хочет считаться с тем, что работать становится все труднее. Тридцать толстых научно-фантастических журналов, свыше сорока издательств, бесчисленное множество воскресных приложений только и занимаются тем, что выбрасывают на рынок научно-фантастическую продукцию. Идет бешеная погоня за темами.

В доме Короля Фантастов царило уныние. Уже было предложено и рассмотрено свыше двадцати тем, но ни одна из них не содержала главного — оригинальности.

— Можно было бы, — робко сказала миссис Пен-

роуз, — написать рассказ о роботах, уничтоживших людей. Пусть они оставят несколько человек, чтобы держать их в клетках вместе с обезьянами в зоологическом саду.

— Я уже писал на эту тему. Несколько раз.

— Может быть, — сказал Том, — редактора заинтересует рассказ о гибели человечества от мощного взрыва на Солнце. Тут можно дать отличные сцены: захват космических кораблей шайкой гангстеров. Они предлагают возможность спасения тем, кто согласится продаться им в рабство. Человечество начинает новую жизнь где-нибудь в Созвездии Рака, организуя там рабовладельческое общество. Это не тема, а золотоносная жила!

К сожалению, и эта жила была полностью истощена старателями-фантастами.

— Папа! — раздался голос крошки Мод. — Напиши рассказ о Красной Шапочке и Сером Волке.

Внезапная идея, яркая, как молния, озарила мозг писателя. Он нежно поцеловал золотистые локоны на гениальной головке своей дочери и сел за машинку.

Утром Пенроуз небрежно бросил на стол редактора рукопись. Она называлась: «Красный скафандр». Вот она.

«Готово! — сказал пилот, проверяя крепление ремней. — Желаю успеха! Рация настроена на волну Сервантоса. Она вас сразу запеленгует. Как только вы войдете в трассу антигравитации, подключатся автоматы космодрома. Кланяйтесь Харли! Смотрите, не попадите на завтрак какому-нибудь лвоку. Их, говорят, там тысячи.

Прозрачная сталитовая крышка контейнера захлопнулась над моей головой.

Я откинулся на надутые воздухом подушки кресла в ожидании второй вспышки двигателя.

Вскоре сбросивший меня космический корабль превратился в маленькую светящуюся точку.

Зеленый сигнал загорелся на щитке. Теперь автоматы космодрома взяли на себя управление посадкой. Контейнер летел по трассе антигравитации.

В моем распоряжении оставалось несколько часов, чтобы обдумать все случившееся.

Сервантос был проклятой богом планетой.

Шесть лет назад я покинул ее с твердым намерением никогда туда больше не возвращаться, и вдруг это неожиданное назначение. Нечего сказать, приятная перспектива стать помощником Харли! С тех пор как Гревс ушла от меня к нему, мы старались не замечать друг друга. Собственно говоря, это послужило главной причиной, заставившей меня просить Компанию о переводе на Марс. Надо же было болванам из Управления Личного Состава вновь завязать этот дурацкий узел! Опять замкнутый треугольник: Гревс, Харли и я. Впрочем, теперь уже не треугольник. У Гревс — большая дочь. Шесть лет — такой возраст, когда многое в отношениях взрослых становится понятным...

Я с трудом приподнял крышку контейнера и выбрался наружу. Так и есть! На космодроме ни одного человека. Впрочем, ничего другого от Харли нельзя было ждать. Вероятно, и Гревс он не сказал о моем прибытии.

Дорога от космодрома до станции была мне хорошо знакома, но даже человек, впервые попавший на Сервантос, не мог бы сбиться. Через каждые десять метров по обе стороны дороги высились антенные мачты электромагнитной защиты от лвоков, остававшихся фактическими хозяевами планеты.

Лвоки были загадкой во всех отношениях и самым крупным препятствием для полного освоения природных богатств планеты. Никто толком не знал, что представляют собой эти электромагнитные дьяволы. Какая-то совершенно новая форма жизни на базе квантовых полей. Было известно только, что лвоки обладают высокоразвитым интеллектом и способны передвигаться в пространстве со скоростью света. Увидеть их было невозможно. Однажды я был свидетелем нападения лвока на человека. Это произошло вскоре после нашего прибытия на Сервантос. Тогда жертвой стал врач экспедиции Томпсон. Мы стояли с ним возле походной радиостанции, ожидая сеанса

связи с Землей. Не помню, о чем мы тогда говорили. Неожиданно Томпсон замолк на середине фразы. Я взглянул на него и увидел остекленевшие глаза, смотревшие на меня сквозь стекло скафандра. Через несколько минут от врача ничего не осталось, кроме одежды. Казалось, он попросту растворился в атмосфере планеты.

Наша экспедиция потеряла еще нескольких человек, раньше чем удалось найти способ защиты от этих чудовищ.

Лвоки не всегда так быстро расправляются со своими жертвами. Иногда они их переваривают часами, причем вначале человек ничего не чувствует. Он еще ходит, разговаривает, ест, не подозревая, что уже окутан электромагнитным облаком. Самым страшным было то, что в этот период его поступки целиком подчинены чужой воле.

— Хэлло, Фрэнк!

Я поднял голову и увидел похожий на стрекозу геликоптер, висящий на небольшой высоте. Микробиолог станции Энн Морз радостно махала мне рукой. Она была сама похожа на стрекозу в голубом шлеме и плавках. Я невольно ею залюбовался.

— Вы напрасно летаете без одежды, Энн. Здесь слишком много ультрафиолетовых лучей.

— Зато они чудесно действуют на кожу. Попробуйте, какие у меня гладкие ноги.

Она откинула сетку электромагнитной защиты и спустила за борт длинную ногу шоколадного цвета.

Мне всегда нравилась Энн. На Земле я за ней немного ухаживал, но у меня не было никакого желания заводить с ней шашни на Сервантосе. Мне вполне хватало нерешенных проблем. Впереди еще была встреча с Гревс.

— Расскажите лучше, что у вас делается на станции. Почему меня никто не встретил?

Энн устало махнула рукой.

— Все без изменений. Ох, Фрэнк, если бы мне удалось околпачить какого-нибудь болвана, чтобы он меня увез на Землю! Я бы и одного часа тут не оставалась!

— Если вы имеете в виду...

— Не беспокойтесь, я пошутила, — перебила она меня, убирая ногу в кабину. — Спешите к своей Гревс. Она вас ждет. Мне нужно взять пробу воды из Моря Загадок, так что по крайней мере три дня не буду вам мешать.

...Харли сидел в кресле на застекленной веранде. Он был совершенно гол и вдребезги пьян.

— Я прибыл, Харли.

— Убирайтесь к дьяволу! — пробормотал он, наводя на меня атомный пистолет. — Может быть, черти не побрезгуют сожрать вас с потрохами!

— Не будьте ослом, Харли! Положите пистолет на место!

— Ах, ослом?

Только выработавшаяся с годами реакция боксера позволила мне вовремя отклонить голову от метко брошенной бутылки виски.

Очевидно, на этом энергия Харли была исчерпана. Он уронил голову на грудь и громко захрапел. Будить его не имело смысла.

Я зашел в холл.

— Не будьте ослом, Харли! — Огромная говорящая жаба, ростом с бегемота, уставилась красными глазами мне в лицо.

Я никогда не мог понять странной привязанности Гревс ко всем этим гадам. По ее милости станция всегда кишела трехголовыми удавами, летающими ящерицами и прочей мерзостью. Гревс утверждала, что после ее дрессировки они становятся совершенно безопасными, но я все же предпочитал поменьше с ними встречаться.

Мне очень хотелось есть. На кухне, как всегда, царил беспорядок. В холодильнике я нашел вареного умбара и бутылку пива.

Утолив голод, я заглянул на веранду. Харли продолжал спать. Дальше откладывать свидание с Гревс было просто невежливо.

Я нашел ее в ванной. Она очень похорошела за эти годы.

— Ради бога, Гревс, объясните мне, что тут у вас творится?

— Ничего, мы просто опять поругались с Харли. На этот раз из-за Барбары. Нужно же было додуматься послать шестилетнюю девочку через лес пешком на океанографическую станцию!

— Зачем он это сделал?

— Мама больна. Барбара понесла лекарство. Но это только предлог. Я уверена, что у Харли вышел весь кокаин. Как всегда, он рассчитывает поживиться у старушки. Она ни в чем ему не может отказать.

Я невольно подумал, что никогда не мог похвастаться особым расположением миссис Гартман.

— Вы думаете, что для девочки это сопряжено с какой-нибудь опасностью?

— Не знаю, Фрэнк. Подайте мне купальный халат. Пока работает электромагнитная защита, ничего произойти не может. Но все же я очень беспокоюсь.

— Почему же вы ее не удержали?

— Вы не знаете Барбары. Инспектор Компании подарил ей красный скафандр, и она не успокоится до тех пор, пока не покажется в нем бабушке.

Очевидно, Барбара была вполне достойна своей мамы.

Я помог Гревс одеться, и мы спустились в холл.

Дверь Центрального пульта была открыта. Это противоречило всем правилам службы на Сервантосе. Нужно было проверить, в чем дело.

Вначале я не понял, что произошло.

Бледный, со спутанными волосами, Харли стоял, опершись обеими руками на приборный щит. Остекленевшими глазами он глядел на стрелки приборов. Я перевел взгляд на мраморную панель и увидел, что все рубильники электромагнитной защиты вырублены.

— Что вы делаете, Харли? Ведь там ваша дочь, миссис Гартман, Энн! Вы всех их отдаете во власть лвоков!

— Лвоков? — переспросил он, противно хихикая. — Лвоки — это очаровательные создания по

сравнению с такими ублюдками, как вы, Фрэнк! Можете сами позаботиться о своей дочери или отправляться вместе с ней в преисподнюю, как вам больше нравится!

Я сделал шаг вперед, чтобы ударить его в челюсть, но внезапная догадка заставила меня застыть на месте. Этот остекленевший взгляд... Харли был уже конченым человеком. Прикосновение к нему грозило смертью. Овладевший им лвок не представлял для нас опасности, пока не переварит Харли. Страшно было подумать, что произойдет потом. На наше счастье, все клетки жирного тела Харли были пропитаны виски. Пока алкоголь не улетучится из организма, лвок не будет его переваривать. Однако с каждым выдохом удалялись пары спирта. Необходимо было заставить Харли перестать дышать. Для него ведь было уже все равно. Я выхватил из кобуры атомный пистолет.

Через несколько минут мы с Гревс мчались через лес в танке. Снопы света, вырывающиеся из фар, освещали ажурные сплетения мачт электромагнитной защиты и фиолетовую крону буйной растительности, окружавшей трассу.

Кружащаяся в бешеной пляске стая летающих обезьян внезапно возникла перед танком. Через мгновение от них ничего не осталось, кроме красноватой кашицы, стекавшей по смотровому окну.

Очевидно, население Сервантоса не теряло времени, пока мачты защиты были выключены. Теперь нас спасала от лвоков только электромагнитная броня танка.

Океанографическая станция была погружена во мрак. Лишь в спальне миссис Гартман горел свет. Нельзя было терять ни одной минуты. Я повел танк прямо на стену...

Достаточно было одного взгляда на кровать, чтобы понять, что здесь произошло. От миссис Гартман уже почти ничего не осталось.

Я на мгновение отбросил крышку люка и подхватил рукой тщедушную фигурку в красном скафандре, с ужасом глядевшую на останки бабушки.

После этого я навел ствол квантового деструктора на кровать...

Танк мчался по направлению к космодрому. Сейчас вся надежда была на ракету космической связи, если туда еще не успели забраться лвоки. С Энн, по-видимому, все было кончено: защита ее геликоптера питалась от центральной станции...

Я резко затормозил у самой ракеты. Раньше, чем мы с Гревс успели опомниться, Барбара откинула крышку люка и соскочила на бетонную поверхность космодрома.

Бедная девочка! Мы уже ничем не могли ей помочь. Лвоки никогда не отдают своих жертв. Нужно было избавить Барбару от лишних страданий.

Гревс закрыла глаза руками.

Сжав зубы, я навел ствол деструктора на красный скафандр. После этого под защитой большого излучателя мы взобрались по трапу в кабину ракеты...

Да... Меня всегда восхищала фантазия Гревс. Если бы она не придумала всю эту историю, то присяжные наверняка отправили бы нас обоих на электрический стул.

Ведь откровенно говоря, мы прикончили Харли и миссис Гартман потому, что иначе мне бы пришлось до скончания века торчать на Сервантосе и делить Гревс с этим толстым кретином.

Что же касается Энн, то она сама во всем виновата. После того как ей стало известно, что мы снова сошлись с Гревс, она совершенно взбесилась и все время угрожала нам разоблачением.

Вывезенная с Сервантоса платина позволила мне бросить работу в Компании и навсегда покончить с космосом. На следующих выборах я намерен выставить свою кандидатуру в Конгресс.

В моем кабинете над столом висит большая фотография Барбары. Мне очень жаль, что я ничего не мог сделать, чтобы спасти ей жизнь, но в ракете было только два места».

— Отличный сюжет! — сказал редактор, снимая очки. — Теперь мы утрем нос парням из «Олд Фу-

лера». Думаю, Пенроуз, что мы с вами сможем продлить контракт.

Новый шедевр научной фантастики имел большой успех.

Журнал приобрел подписчиков, читатели получили занимательный рассказ, Пенроуз — доллары, миссис Пенроуз — нейлоновую шубку, Том — спортивный шевроле.

Словом, все были довольны, кроме крошки Мод. Ей было жалко свою любимую сказку о Красной Шапочке.

ПРОИСШЕСТВИЕ НА ЧАЙН-РОД

— Надень синий галстук, — сказала миссис Хемфри, — этот слишком пестрый.

Мистер Хемфри вздохнул. Он ненавидел синий галстук, ненавидел крахмальные воротнички, ненавидел воскресные чаепития у этой старой лошади Пэмбл, ненавидел выходить на улицу со своей добродетельной супругой, ненавидел... впрочем, довольно. Душевное состояние антиквара Джона Хемфри не нуждается в дальнейших уточнениях. С каким наслаждением он сейчас облачился бы в теплый халат, фетровые туфли и, вооружившись лупой, посвятил вечер изучению маленького тибетского божка, так удачно приобретенного сегодня у старого чудака, вломившегося в лавку, невзирая на закрытые ставни. Цена, запрошенная старичком, была смехотворно низкой, а подлинность божка не вызывала сомнений.

— Ты готов?

— Готов, дорогая. — Джон сунул божка в жилетный карман в тайной надежде улучить несколько минут, пока дамы будут обсуждать способы приготовления хрустящего печенья, чтобы тщательно рассмотреть свою покупку.

Было пять часов сорок три минуты пополудни, когда супруги сели в автобус на остановке возле дома № 96 по Чайн-Род.

Дальнейшее развитие событий шло столь стреми-

тельно, что требует при изложении поистине хронографической точности.

В пять часов сорок шесть минут шофер резко затормозил автобус и, выйдя из кабины, направился вдоль прохода. Очевидно, у него внезапно возникло желание поближе познакомиться со своими пассажирами, иначе зачем бы он стал срывать с них шляпы и щипать за носы.

Оставшись явно неудовлетворенным, он в самой решительной форме потребовал, чтобы «все двадцать шесть поганых морд» немедленно покинули автобус, потому что «он скорее сожрет свою голову, чем провезет подобных ублюдков хотя бы еще один ярд».

В пять часов сорок девять минут шофер был атакован миссис Хемфри. Ловко пользуясь зонтиком и ногтями левой руки, она без особого труда загнала его под сиденье, после чего обратилась с краткой и энергичной речью к остальным пассажирам. К сожалению, обычными средствами печати невозможно воспроизвести все красоты этого образца ораторского искусства. Смысл же выступления престарелой жены антиквара сводился к тому, что «каждая сопля будет вправе считать ее, миссис Хемфри, последней швалью, если она сейчас не прокатит всех желающих с ветерком, пусть только ребята раздобудут ей чего-нибудь, чтобы промочить глотку».

Верный добрым рыцарским традициям предков, Джон Хемфри первым выпрыгнул из автобуса. К сожалению, собравшаяся на тротуаре толпа уже закончила громить гастрономический магазин, и новоявленный сэр Ланселот вынужден был вызвать двух молодых леди на поединок за право обладания ящиком бренди.

Беззаветная преданность даме, отвага и умение наносить комбинированные удары дали возможность Джону быстро обратить в бегство противниц и с победой вернуться в автоковчег.

По данным полицейских протоколов, дальнейшее продвижение автобуса, ведомого твердой рукой миссис Хемфри, протекало под знаком соревнования со стопятидесятисильным шестиместным «монархом».

Правилами игры, по-видимому, предусматривалось преодоление максимального количества препятствий в виде красных огней светофоров, мотоциклистов и будок для афиш.

В шесть часов десять минут автобус остановился на углу Чайн-Род и Мейг-стрит. Вышедшая из него миссис Хемфри жаловалась мужу на сильное головокружение.

Возвращаясь домой пешком, антиквар с супругой имели возможность наблюдать последствия таинственного шквала, обрушившегося на Чайн-Род. На протяжении всего пути им не попалось ни одной целой витрины. Особенно пострадали винные магазины и бары. Пешеходы, спешившие домой, имели столь же потрепанный вид, как и наша почтенная пара.

Добравшись до спальни, миссис Хемфри залпом выпила три стакана воды и одетая повалилась на кровать — случай, доселе не отмеченный в анналах тридцатилетнего супружества четы Хемфри. Ее муж, верный владевшей им страсти, несмотря на недомогание, решил посвятить вечер изучению божка. Увы! Жилетный карман, куда он его сунул, был пуст.

Таинственное происшествие на Чайн-Род послужило темой многочисленных дискуссий между психологами. По наиболее распространенной версии, волна безумия совпала по времени и направлению с маршрутом полицейского автомобиля, отвозившего в участок достопочтенного Хью Мэнсона — красу и гордость Телепатического общества. В этот день Великий Индуктор был пьян, как свинья.

Правда, судья так и не смог предъявить ему обвинения в подстрекательстве из-за отсутствия соответствующего прецедента в судопроизводстве Соединенного Королевства. Злые языки утверждают, что немалую роль в освобождении Мэнсона из-под стражи сыграло заступничество лорда X — почетного члена Общества Телепатов.

Что же касается мистера Хемфри, то он имеет собственную точку зрения относительно причин, вызвавших беспорядки на Чайн-Род, но никому ее не высказывает.

ЛЕКЦИИ ПО ПАРАПСИХОЛОГИИ

Парапсихология — наука, изучающая явления передач и чтения мыслей на расстоянии, — принадлежит к наиболее древней и наименее исследованной области человеческих знаний, охватывающей большой комплекс вопросов психологии, физиологии и распространения электромагнитных колебаний.

В нашем распоряжении имеются неопровержимые доказательства того, что уже на заре своего развития человечество было хорошо знакомо с таинственными явлениями передачи мыслей без помощи второй сигнальной системы, каковой, по Павлову, является человеческая речь. Об этом свидетельствует множество преданий, сказок и легенд, дошедших до нас из глубокой древности.

Низкий уровень знаний на начальной стадии развития человеческого общества неизбежно приводил к тому, что парапсихологические явления, наблюдаемые в то время, окутывались религиозно-мистической дымкой.

Решительно отбрасывая религиозную шелуху, мы вправе извлечь оттуда зерно фактов и рассмотреть их с чисто научных позиций.

Первое упоминание о парапсихологических явлениях мы находим в мифе о грехопадении, в котором Змей внушил Еве мысль о похищении яблока с Древа Познания Добра и Зла. Совершенно естественно, что между безгласным змеем и Евой исключается всякая возможность общения с помощью речи. Мы должны также отбросить предположение о воздействии на психику Евы наводящих жестикуляций, так как змеи не имеют конечностей. Таким образом, остается только предположить, что образ яблока был вызван в сознании Евы путем внушения на расстоянии.

Вместе с накоплением человеческих знаний чисто прикладного характера неуклонно расширялся круг фактов в области передачи мыслей на расстоянии.

Точно так же, как современная химия считает своей прародительницей алхимию, так и парапсихология

ведет свое начало от телепатии. Однако, заимствовав у телепатии объект изучения, парапсихология в корне изменила идеалистические представления, лежащие в основе этой науки. Вместо термина «душа», применявшегося телепатами, парапсихологи пользуются понятием «личность». Слово «медиум» заменено научным термином «перципиент» Мистическое представление телепатов о «магнетической силе» в современной парапсихологии заменено понятием об индуктивной способности внушающего.

Факты, имеющиеся в распоряжении парапсихологов, позволяют разделить парапсихологические влияния на следующие категории:

1. Внушение ощущений.
2. Предчувствия одного лица относительно другого, состоящего с ним в парапсихологической связи.
3. Внушение образов.
4. Чтение чужих мыслей.

Исключительный по убедительности пример внушения ощущений дает в своей нашумевшей книге «А может быть...» известный французский парапсихолог Анри Тромплюер.

Путешествуя со своим товарищем, он однажды остановился в небольшой провинциальной гостинице. Кровать, на которой спал профессор Тромплюер, как выяснилось, буквально кишела клопами. Всю ночь он не мог заснуть из-за ощущения жжения и зуда во всем теле. Каково же было его удивление, когда утром обнаружилось, что его товарищ, спавший в другой комнате (я особенно подчеркиваю это обстоятельство), в ту же ночь испытывал те же ощущения!

Об очень интересном телепат... извините, парапсихологическом явлении докладывалось на заседании Санкт-Петербургского Общества Телепатов 12 июля 1895 года.

Штаб-ротмистр Валетов, проживший со своей женой пятнадцать лет, уехал без нее на Кавказ. Через десять дней, угощая своих приятельниц кофе, в двенадцать часов дня жена неожиданно воскликнула:

— Колька мой, наверное, опять проигрался в карты!

На заседании Общества была продемонстрирована запись, подтвержденная нотариально заверенными показаниями, свидетельствующая о том, что именно в это время Валетов, объявив Большой Шлем на червях, остался без четырех взяток.

Наиболее редко встречающуюся разновидность парапсихологической связи, а именно: чтение чужих мыслей, мне удалось наблюдать в 1912 году. Будучи в то время студентом Московского университета, я сдавал экзамен по философии известному ученому, профессору Б.

Внимательно выслушав меня, он неожиданно заявил:

— Вижу, что Канта вы не читали, а в мыслях у вас одни портерные и биллиардные.

Такая способность безошибочно читать чужие мысли настолько поразила мое воображение, что именно этот день стал поворотным пунктом в моей судьбе, определив всю мою дальнейшую деятельность в области парапсихологии.

Необходимо несколько более подробно остановиться на проблеме внушения образов, так как, по-видимому, этот вид парапсихологической связи является наиболее распространенным.

В нашей лаборатории проводился следующий опыт.

Индуктор и перципиент помещались в изолированных комнатах и в течение длительного времени лишались пищи. Затем им предлагалось записывать образы, непроизвольно появляющиеся в их сознании. Естественно, что особенности физиологического состояния, в котором они находились, предрасполагали к появлению в основном образов пищи.

В результате были получены следующие данные по совпадениям, значительно превосходящие совпадения случайного порядка (смотри теорию вероятностей);

Хлебо-булочные изделия — 75% совпадений.

Мясные блюда — 83% совпадений.

Супы горячие — 87,3% совпадений.

Следует отметить, что экранирование перципиента металлическим экраном не внесло существенных изменений в распределение совпадений.

Было установлено, что воздействие на кору головного мозга некоторых химических агентов значительно усиливает парапсихологическую связь.

Индуктор и перципиент, помещенные после введения им значительной дозы алкоголя в изолированные темные комнаты, ясно видели чертей и описывали их вид в одинаковых выражениях. Эффект значительно усиливался введением в алкоголь растительных коллоидов из вытяжки красного перца и ослабевал при одновременном введении с алкоголем пищи. Последнее обстоятельство легко объяснить, если вспомнить, каким сильным раздражителем, по Павлову, является пища.

Я изложил сравнительно небольшое количество фактов, способных развеять недоверие, которое, к сожалению, питают многие скептики к парапсихологии как к науке. Только факты, как говорил Ампер.

В заключение мне хочется остановиться на значении, которое может иметь дальнейшее развитие парапсихологии.

Мы живем в эпоху, характеризующуюся неуклонным уменьшением затраты человеческой энергии в общем количестве выполняемой работы.

Рабочий нажимает кнопку пускателя, и мощные фонтаны воды обрушиваются на угольный пласт, дробя его на мелкие куски. Нажатием кнопки приводятся в действие многотонные краны, поднимающие тяжелые грузы.

Пора поставить новую проблему: уменьшение расхода умственной энергии на единицу научной продукции.

Труд ученого не всегда выражается в таких конкретных вещах, как космический корабль или атомная электростанция. Иногда его деятельность протекает

значительно скромнее, выражаясь в лекциях, статьях, публичных выступлениях. Чтение чужих мыслей окажет неоценимую услугу в этих областях научной работы, облегчив такие формы сотрудничества, как заимствование и компиляция.

Нас часто спрашивают физики:

«Как же, по-вашему, распространяется в пространстве мысль?»

На этот вопрос парапсихологи отвечают:

«Скажите сами, на то вы и физики!»

МИСТЕР ХАРЭМ В ТАРТАРАРАХ

— А провались все в тартарары! — раздраженно сказал мистер Харэм.

То, что последовало потом... Нет, пожалуй, дальнейшее повествование требует уточнения гносеологической позиции автора.

Автор придерживается диалектического метода мышления и является сторонником теории причинности. Он не может согласиться с гипотезой о влиянии человеческой воли на события космического масштаба, проповедуемой парапсихологами и находящей поддержку у некоторых писателей-фантастов. Поэтому, излагая необычайное происшествие с мистером Харэмом, автор будет пользоваться принципом дополнительности, предложенным Копенгагенской школой физиков для описания ряда ядерных процессов. Иначе говоря, одни события будут толковаться им с точки зрения теории причинности, а другие — как чисто случайные совпадения.

Итак, продолжим рассказ.

— А провались все в тартарары! — раздраженно сказал мистер Харэм.

До этого восклицания в доме мистера Харэма господствовал закон причинности, ибо сама фраза была вызвана тем, что миссис Харэм со своей мамашей, вместо того чтобы заняться приготовлением ужина, вертелись у зеркала, примеряя очередные туалеты, непрочитанный журнал был израсходован на выкройки,

а мистер Харэм-младший забавлялся с кошкой, пытаясь эмпирически установить зависимость между силой, приложенной к хвосту, и высотой тона мяуканья.

Дальше, очевидно, мы вступаем в область случайных совпадений потому что врезавшийся в земную атмосферу со скоростью тысяча километров в секунду астероид из антивещества никак не мог быть связан с произнесенной мистером Харэмом фразой.

В течение ничтожных долей секунды третья планета солнечной системы была превращена силой взрыва в сгусток праматерии. Когда же под влиянием неизбежно текущих процессов в этой части пространства вновь произошел акт творения, оказалось, что Земля и все сущее на ней состоит из антивещества. Это, по-видимому, произошло с такой же закономерностью, как появление нечета в случайно брошенной игральной кости.

Открыв глаза после нестерпимо-яркой вспышки света, мистер Харэм обнаружил, что в мире господствует новый порядок, диаметрально противоположный существовавшему ранее.

Изображения двух дам в зеркале прихорашивались перед своими оригиналами, кошка таскала по комнате юного экспериментатора, забавляясь его визгом, но что самое удивительное, домочадцы Харэма и прохожие под окнами его дома ходили на руках, упрятав головы в штаны и юбки, тогда как противоположные части туловищ были выставлены для всеобщего обозрения и даже украшены шляпами.

Пораженный этой метаморфозой, мистер Харэм почесал затылок и задумчиво произнес:

— Вот провалиться мне на этом месте... — и в тот же момент вновь был вынужден закрыть глаза от очередной вспышки света. Когда же он их открыл, то без труда убедился, что все в нашем мире идет по-старому.

Как уже было сказано выше, автор не склонен связывать смысл фраз, произнесенных Харэмом, с первым и вторым взрывами. Очевидно, идеальный порядок, установившийся в антимире, обусловил весьма малое значение энтропии системы. Находясь в неус-

тойчивом состоянии, антимир мгновенно распался, может быть, даже от звука голоса Харэма.

К нашему счастью, при вторичном броске кости выпал чет, иначе мы были бы вынуждены жить в весьма своеобразном, хотя и очень интересном мире.

Антиматерия, заключенная в астероиде, при первом и вторичном творении, вероятно, пошла на увеличение массы земного шара. Небольшой избыток ее в виде огромного фурункула появился на носу тещи мистера Харэма, что уже само по себе свидетельствует о полной достоверности описанных событий.

Б. ЗУБКОВ, Е. МУСЛИН

САМОЗВАНЕЦ СТАМП

Ночью раздался звук, подобный пушечному выстрелу. Бревенчатая хижина Флота Сноутса подскочила и рывком сдвинулась на новое место. Утром Флот обнаружил, что с одной стороны из-под стены его домика на два дюйма показалась утрамбованная глина — земляной пол хижины. Все остальное было в порядке. Только очаг, сложенный из валунов, чертовски дымил, что-то в нем сместилось. Флот любил все делать обстоятельно и влез на крышу, чтобы обследовать очаг, начиная с его верхней точки. Здесь, на крыше, он нашел жемчужное ожерелье.

Правда, если бы Клинток Вей, судья из Пальмирхауза, заставил его присягнуть, что это действительно жемчужное ожерелье, то Флот крепко задумался бы, прежде чем положить руку на библию и произнести присягу. Старый охотник за всю свою жизнь не держал в руках предмета стоимостью больше, чем двадцать семь долларов семнадцать центов. Именно такую сумму отдал он за ружье фирмы «Хикивайстер» четырнадцать лет назад. Это было отличное ружье, в охотничьей снасти Флот знал толк, а в жемчугах...

И все же перед ним, зацепившись за жердь крыши, покачивалось жемчужное ожерелье, будто только что снятое с шеи самой роскошной принцессы из иллюстрированного журнала. Блеск старой перламутровой пуговицы и розовая теплота щек смуглянки из Пальмирхауза, взятые вместе, — что это могло быть,

кроме жемчуга? И все же Флот смотрел на ожерелье с весьма понятным смущением. Во-первых, драгоценная безделушка вовсе не принадлежала ему, а брать в руки чужое Флот отучился еще тогда, когда покойный дедушка Ангус огрел его что есть силы костылем за попытку полакомиться дедушкиным грогом с особым «колониальным» ромом: бледный рубчик на переносице сохранился и по сей день. Во-вторых, Флот не любил ничего таинственного и, хотя в лесу, по его твердому мнению, действительно водились древесные духи и травяные леди-щекотухи, он не верил ни одной истории, повествующей о том, что эти духи и леди кому-то являлись наяву и не с пьяных глаз. Впрочем, когда Флот протянул руку к ожерелью, губы его что-то шептали. Вероятно, некое заклятие на избавление охотника от вмешательства Духа Гор, которому его научил Си-ук-суок-ти, последний из индейских охотников на бобров, якобы знавших язык этих речных зверюшек. Флот взял ожерелье и сразу подумал, что этого, пожалуй, не стоило делать. Ожерелье было очень тяжелым. Слишком тяжелым! Изящная на вид безделушка казалась нанизанными на железный прут свинцовыми пулями. В ней было по крайней мере пятьдесят фунтов! Это в бусах-то, самая крупная бусинка которых не крупнее маисового зерна!

Флот от растерянности не удержал жемчуг в руке, ожерелье скользнуло вниз, а затем раздался булькающий звук; видимо, оно угодило в бочку с дождевой водой. Проявив недюжинную выдержку, Флот не скатился кубарем вниз вслед за брошенной драгоценностью, а остался на крыше и починил треснувшую трубу. Только когда с очагом все было улажено, Флот обтер руки о кожаные штаны и заглянул в бочку.

Ожерелье спокойно плавало на поверхности воды. Нет, оно даже не касалось воды. Между ним и водой оставался промежуток, в который протиснулось бы лезвие охотничьего ножа.

Флот, сам того не сознавая, был философом. Правда, Аристотелю было бы столь же трудно причислить его к своему лагерю перипатетиков, как и Зенону Китийскому занести в свои списки стоиков. Фи-

лософом сделала Флота жизнь в лесу. Природа — учитель человека — свершила свое таинство бескорыстного воспитателя. Увидев ожерелье, тяжелое, как брусок свинца, плавающим, Флот постарался не удивиться. Даже перед несомненной опасностью не имеет смысла терять разум. Этому его научила красная рысь, хитрая и мужественная даже в последние мгновения, когда охотник настигает ее.

Вынув кольцо бусинок из бочки, Флот мимоходом заметил, что оно даже не мокрое, ни одна капелька воды не пристала к нему. Войдя в хижину и осторожно положив ожерелье в ящик из-под муки, Флот занялся тем, что заботит любого охотника, вернувшегося домой. Он решил обозреть добычу, подсчитать трофеи и поразмыслить над их стоимостью. Бусинок оказалось сто одиннадцать. Они были нанизаны на... Они ни на что не были нанизаны. Их ничто не скрепляло! Бусинки не имели дырочек, но, ухватившись за одну бусинку, можно было поднять все ожерелье. Они будто липли друг к другу и одновременно легко отделялись одна от другой. Флот без труда смешал все бусинки в одну мерцающую матовым переливом бесформенную кучку и вышел за хворостом.

Когда он вернулся, бусинки вновь лежали на ящике аккуратным сверкающим кольцом.

Флот припомнил все затруднительные обстоятельства, в которые когда-либо попадал. Затем стал соображать, что бы сделал в таком случае Си-ук-суокти, знаток лесной жизни. В результате размышлений он обругал себя старым дурнем, который не мог сообразить, что все это ему показалось и что он вовсе не смешивал бусинки в кучу перед тем, как пойти за хворостом. Старый охотник не знал, что такое «чувственный опыт» или «гносеологический эксперимент», но, будучи стихийным материалистом, сделал единственно правильный шаг — выкинул с ожерельем хитрый трюк, долженствующий развеять все его сомнения, как юго-западный ветер развеивает дым костра. Он растащил бусины по всей хижине, тщательно пересчитывая их. Сорок бусин он засунул в вещевой мешок из плотной парусины, висевший над изголовьем

его постели, пятьдесят шесть круглых зернышек положил на дно банки из-под патоки, а оставшиеся пятнадцать завернул в старую бобровую шкурку, служившую ему чем-то вроде чехла на подушку.

Хворост лежал перед очагом, дымоход не дымил, и следовало покончить с утренними треволнениями, занявшись приготовлением завтрака. Пока кипела вода для кофе, Флот размочил в теплой воде сухари, настругал ножом от медвежьего окорока сала на сковородку и бросил туда пригоршню оставшихся с вечера вареных бобов. Ароматный запах кофе и поджаренного сала распространился по хижине. Все неприятности заволакивал сизый дымок, поднявшийся со сковородки. Все время, пока он готовил завтрак, Флот поглядывал в сторону ящика из-под муки. Разумеется, на его шероховатых досках ничего не появлялось.

Поставив сковородку на стол и засыпав кофе, Флот вышел из хижины. Его оловянная кружка проветривалась на солнышке после того, как во время пятидневной охоты в ней заплесневели остатки кофейной гущи.

Взяв кружку и задумчиво понюхав ее оловянное нутро, Флот переступил порог хижины, нацелившись взором на ящик из-под муки. Вдруг все начнется сначала? Но на ящике ничего не было. Облегченно вздохнув, он подошел к столу... Рядом со сковородкой лежал правильный круг блестящих бусин. Непостижимым образом они сумели выскользнуть из завязанного мешка, из плотно закупоренной банки и спокойно расположиться на столе, будто здесь было их обычное место со дня сотворения мира.

Флот почувствовал неприятное содрогание кожи собственной спины. Его затошнило, голову сжал плотный обруч. Подняв руки, он уставился на свои растопыренные пальцы. Руки чуть заметно дрожали, но Флот силился разглядеть не эту мелкую, знобкую дрожь, он искал следы ран, язв, ожогов — всех тех следов, что могли оставить прикосновения к холодным, сверкающим шарикам. Руки были в порядке.

Со вздохом, похожим на стон, Флот опустился на постель, стараясь собраться с мыслями. Сбежать из хижины он не мог. Никто еще не пересекал зимой Синий каньон. И даже если бы ценой отмороженных легких, бросив на произвол судьбы и медведей расставленные капканы, собрав в кулак все мыслимые духовные и физические силы, он добрался бы до Пальмирхауза, к чему это привело бы его? Что сказал бы он горожанам? Что пригоршня белых горошин согнала его с насиженного места и заставила проделать путь, превосходящий по тяжести все ранее хоженные им пути? За такие россказни здравомыслящие джентльмены упрячут его в федеральный приют для безумных. Проще выбросить ожерелье в прорубь, но Флот не только чувствовал, он знал, что из этого ничего не выйдет. Теперь он не отвяжется так просто от ожерелья, или, вернее, теперь оно не отвяжется от него.

Ему пришла в голову мысль, что неплохо устроить что-то вроде засады. От такой мысли белые горошины стали казаться ему хитрыми маленькими зверюшками, белыми жуками, образующими во что бы то ни стало некий магический круг, необходимый для их существования так же, как весенние драки оленьих самцов необходимы для продления их рода. Сравнение с жуками и оленями успокоило душу Флота, и он занялся бобами и кофе, но завтракал все же на постели, положив на колени крышку от мучного ящика. Расположиться рядом с жемчугом, возле стола он не решился.

Так они прожили этот день: Флот — старательно обходя стол с бусами, бусы — хозяйски заняв этот стол. Весь день мысль о засаде обрастала деталями, приобретая цепкость настоящей охотничьей западни.

Вечером Флот зарядил «хикивайстер», удобно положил его стволы на спинку стула, примерился, не разрушит ли чего ценного пуля в случае промаха. Затем поставил новую целую свечу на стол, дулом ружья перемешал бусинки и решил, что если хоть одна из этих проклятых зверюшек стронется с места, он выстрелит в нее и — будь что будет...

Прошел час, два, кучка бело-розовых шариков не

шевелилась. На каждом шарике сверкала яркая точка и жалила своим сверканием немигающие глаза Флота. Потом точки превратились в маленькие огненные звездочки с лучистыми концами. Звездочки шевелили концами, образуя паутину сверкающих нитей. Паутина обволакивала сознание, дурманила голову, все поплыло куда-то... Флот крепко спал, бессильно уронив руки, «хикивайстер» валялся на полу...

Проснулся он лишь тогда, когда в окна ударило по-зимнему холодное солнце. Свеча на столе догорела до конца, вокруг нее расплылась лужица стеарина. Рядом лежало ровное, точеное кольцо из гладких розовых жемчужин. Флот почувствовал, как что-то раздирает его смятенную душу. Ему захотелось завыть дико и протяжно, как воет койот, сунувшийся с зимней голодухи в медвежий капкан. Флот однажды пристрелил такого беднягу — мощные клыки капкана отрубили койоту передние лапы. Собрав остатки самообладания, Флот ударился головой о косяк двери, и боль удара отрезвила его.

Связался с жемчугами! Ты что, собираешься обратить эти горошины в звонкую монету и приобрести кабак в Пальмирхаузе? Тебе, видно, захотелось до конца дней своих обтирать тряпкой латунный прилавок, разукрашенный липкими кружками от винных стаканов, и вместо лесных запахов вдыхать аромат сальных лохмотьев городских пьянчуг? Или ты решил просаживать денежки на красоток, пока какая-нибудь из них не стибрит всю наличность и не оставит тебя подыхать в богадельне? Нет, Флот, у тебя другая тропинка и, будь добр, тащись по ней, пока не свалишься под обрыв с твоим «хикивайстером» в руке. Да и судя по всему, это не жемчуг, а какое-то таинственное семя.

Одинокому охотнику всегда было приятно поговорить с самим собой. И на этот раз философский монолог внес успокоение в его смятенную душу, а с бусинками он решил расправиться на свой манер. Флот достал из-под своего ложа жестяной сундучок с яркой картинкой на крышке, изображающей индейца с трубкой в зубах — приз табачной фирмы, у кото-

рой он регулярно покупал табак небольшими партиями, по двадцать фунтов за раз. В сундучке хранились патроны, отличный порох и кожаные пыжи. Вытряхнув свинцовые дробинки из дюжины уже снаряженных патронов, Флот, злорадно усмехнувшись, сгреб пригоршню бусинок, высыпал их на место дробинок в первый патрон, второй, третий и, довольный своей хитростью, расправился таким образом со всем ожерельем. Теперь каждый патрон весил раз в десять больше обычного, снаряженного свинцом. Выпалить бусинками прямо в чистое небо — это замечательная идея! И Флот шагнул за порог хижины.

Первый выстрел сошел с рук вполне благополучно. Просто ничего не произошло. Ровным счетом ничего! Никогда он еще не стрелял с таким наслаждением! Каждый выстрел снимал часть тяжелой ноши с его души точно так, как очередной привал уменьшает груз провианта, захваченного в долгий путь. Выстрелы звучали ни громче, ни тише обычных.

Лишь девятый выстрел принес неожиданное. Из какого-то непонятного озорства Флот нацелился в ствол лиственницы, стоящей на опушке леса. После выстрела весь заряд бусинок остановился на полпути между концом дула ружья и стволом дерева.

Белые горошины танцевали в воздухе!

Сперва медленно, будто приноравливаясь и находя друг друга, затем быстрее, еще быстрее, еще... Они кружились, сливаясь в прерывистые и сплошные круги. Круги увеличивались, от них отделялись и тяжело падали вниз огромные белые, зеленые, серые капли. Капли, упав на землю, росли вверх округлыми рогами, соединялись с помутневшими кольцами. Все это уплотнялось, росло, извивалось, кружилось совершенно бесшумно. Ни шороха, ни всплеска. Зловещая тишина... В лесу всякий громкий звук предвещает опасность. Беззвучная опасность — опасность высшего порядка. Таков закон леса.

Переплетение мутных колец, зеленых отростков, грибов, извивающихся обрубков вздрагивало, уплотнялось, приобретало более точные, осязаемые формы. Судороги рождения сотрясали мутно-зеленую массу,

пытающуюся надеть на свои запутанные формы сплошную серую оболочку. Оболочка рваными языками со всех сторон наползала на трепещущий хаос. В тот момент, когда языки сомкнутся, чудище завершит акт своего рождения.

Теряя последние крохи рассудка, Флот швырнул ружье в зеленое месиво и, дико вытаращив глаза, бросился в лес. Он бежал, стукаясь плечами о толстые ветки. Какой-то разлапистый сук выхватил клок волос с его непокрытой головы. Затем что-то лязгнуло, схватило за ногу и бросило лицом вниз на твердые узлы корневищ...

Когда Флот очнулся, на нем лежал довольно толстый пушистый слой свежевыпавшего снега. Значит, не меньше пяти часов прошло с того момента, как он потерял сознание.

Нога болела нестерпимо. Его собственный капкан, настороженный на койота, размозжил мякоть ноги. Но кость была цела, спасла выдубленная кожа охотничьих полусапог.

...Полуодет, ранен. Где-то за спиной чудовище, рожденное из пригоршни белых шариков. Что ты будешь делать, Флот? Ныть и подыхать в десяти шагах от хижины? Вспомни, что твой домик до самой крыши набит мукой, патокой, бобами, пулями, порохом, мягкими шкурами, теплом очага и безопасностью человеческого жилья. Так вставай же, старый Флот, разожми пружину капкана, как это ты делал тысячи раз, и посмотри в глаза зеленому пугалу. Можешь держать пари сам с собой, что оно ничуть не страшнее исполинского черного медведя, с которым ты встретился пару лет назад.

Охотник освободил ногу из железной пасти и, хромая, цепляясь за свисающие ветки, отдыхая после каждого шага, побрел обратно.

...Они прожили вместе десять недель — Флот и «пень». Что поделаешь, Флот не отличался богатством воображения и, рассказывая впоследствии о зеленом Нечто, называл его только так, не очень почтительно, «пень». Нечто, выросшее из горсти бус, действительно

напоминало пень, выдранный из земли и перевернутый корневищами вверх. Неподвижный, затаившийся, словно в засаде, с распяленными обрубками и выростами на приземистом округлом стволе. Его очертания менялись, иногда выросты пропадали, иногда удлинялись обрубки. Но никогда эти метаморфозы не происходили на глазах у Флота. Никогда! Можно было пялиться до ломоты в глазах — «Пень» не шевелился. Но стоило только повернуться к нему спиной, а потом взглянуть словно невзначай, и готово — «Пень» чуть заметно изменился. Зоркий глаз охотника не мог ошибаться.

Игра в прятки продолжалась десять недель. Липкое чувство страха парализовало Флота, он почти не выходил из хижины, лишь вечерами, вспомнив о своих давным-давно расставленных капканах, прокрадывался мимо «Пня», бесцельно бродил по лесу и возвращался, чтобы снова броситься на смятую постель и забыться в тяжелом сне. Днем «Пень» будто подходил ближе к дверям хижины и стоял в ожидании чего-то безмолвным и мрачным стражем.

И все же однажды «Пень» взбунтовался! В то утро Флот, жмурясь от яркого света, выполз из хижины пополнить запас дров. Он не посмел обернуться спиной к зеленому обрубку и рассыпал охапку наколотых дров между собой и «Пнем». С первыми же взмахами топора «Пень» ожил. Он задрожал так, словно топор вонзился в его живое тело, а не в деревянную чурку. Он вздевал вверх лапы-обрубки, подражая взмаху рук Флота, тянулся к охотнику, вздрагивал, съеживался и вновь распухал, силясь рывком оторваться от земли...

Жители Пальмирхауза не узнали Флота Сноутса, когда он, поседевший как лунь, без ружья и припасов, в лохмотьях вместо обычно аккуратной одежды, появился на окраине города. Старый охотник бессвязно лепетал, чертил пальцами в воздухе круги и плакал, не в силах объяснить людям все происшедшее. Его поместили в городскую богадельню, но жить старику оставалось немного. Перед смертью он собрался с силами, к нему ненадолго вернулась преж-

няя ясность ума, и он, как мог, рассказал про жемчужное ожерелье, роковой выстрел и появление «Пня». Флоту, разумеется, не поверили.

...Сухой щелчок. Портативный магнитофон, стоящий возле меня на низком треугольном столике, выключился. Я увидел руку, протянутую к рычажку магнитофона, а затем и самого Элиота Стампа.

— У меня особый дар всегда приходить вовремя, — похвастался Стамп, усаживаясь в крохотное кресло, похожее на подставку для утюга. — Вас позабавил мой скромный рассказ?

— Надеюсь, мистер Стамп, что ваше появление немедленно вложит ключ разгадки в таинственную шкатулку вашей повести?

— Какая пышность фраз! Но я понимаю — это юмор, броня для вашего любопытства...

Мы сидели в холле на шестнадцатом этаже гостиницы. В конце полутемного коридора мелькали розоватые огоньки лифта.

— Мое любопытство хочет идти в ногу с нашим космическим веком, и я пытаюсь вынуть козырную карту из колоды возможных догадок. «Пень» Флота было нечто или некто, залетевшее к нам из пространств других звездных систем?

— Нет, категорически нет! Сбросить ожерелье с летающего блюдца или с другой принадлежности марсианского сервиза... Неужели вы думаете, что я способен на такую нестерпимую банальность?

— Извините. И все же что-то в облике «Пня» подталкивает на космические ассоциации.

— Ищите разгадку на Земле! Уверяю вас, в ножках этого кресла больше тайн, чем на Альфе Эридана. Вам не кажется, что ожерелье могло быть осколком древней цивилизации? Более древней, чем вся наша история. Некоторые историки пытаются уверить нас, что Землю когда-то постигла катастрофа... Двенадцать, одиннадцать тысяч лет назад. Комета или что-то в этом роде. Многие народы якобы погибли, рассеялись. Может быть, они обладали большими зна-

ниями, а Индия и Египет сохранили для нас лишь обрывки этих знаний? Обозримая история нам подобных насчитывает миллионы лет, история планеты — миллиарды. Кто знает, какие метаморфозы претерпел Разум за пять или шесть миллиардов — подумайте только, миллиардов! — лет.

— Итак, осколок исчезнувшей, но весьма высокой цивилизации? Но почему никаких следов? Никаких, за исключением находки Флота?..

— Таинственных находок хватало и в эпоху пещер и в эру небоскребов. Находили, но... не понимали. И следы эти, может быть, особенные, сами себя изолирующие от всего окружающего. Глубокий инстинкт самосохранения, рожденный страхом былых катастроф. Тысячелетний анабиоз! Что особенно поражало Флота? Полное безразличие «Пня». Отрешенность, оторванность от окружающих — никаких звуков, никакого соприкосновения с другими предметами. Помните, бусы — механические или биологические зародыши «Пня» — плавали, даже не касаясь воды. А почему «Пень» менял свои формы лишь тогда, когда на него никто не смотрел? Мы в детстве более проницательны, чем в пору зрелого, но самоуверенного всезнайства. Ребенком мне всегда казалось, что игрушки и мебель живут своей жизнью. Надо только тихонечко подсмотреть, взглянуть через неплотно сжатые веки и обязательно увидишь, как живут вещи. Может быть, это своеобразный инстинкт, внушенный вечным и неосязаемым общением со следами другой цивилизации...

— Вы расскажете об этом на завтрашнем заседании?

— Неужели вам будет приятно, если меня сочтут чудаком? Нет, не о том хочется говорить...

— О чем же?

— О том, что видел Флот, но не понял. Вы помните, когда взбунтовался «Пень»? Полное безразличие, пока Сноутс бесцельно бродит вокруг него, и бурная реакция на весьма простое действие охотника. Именно — действие! Флот колол дрова... Элементарное человеческое действие. И все же это работа,

труд! Если хотите — акт созидания дров из бревна. Уверяю вас: для человечества — это не менее важное событие, чем созидание статуи из глыбы мрамора. Вам понравится мое завтрашнее сообщение. Мы найдем с вами общий язык. Уверен, это легче, чем найти общий язык с обитателями Альфы Эридана...

Стамп засмеялся.

Назавтра программа заключительного заседания съезда космолингвистов исчерпывалась докладом Стампа и кратким резюме председателя съезда. Нелепо высоко вознесенная кафедра подчеркивала изящность и суховатость фигуры Стампа. Черный костюм его не просто блестел, а струился, словно уважаемый докладчик только что принимал ванну, не снимая своего облачения. Впрочем, вероятно, только я один подмечал эти несколько эксцентрические черточки в облике моего знакомого. Что же касается содержания речи...

— Не сегодня-завтра нас ожидает встреча с другим Разумом, существами другой цивилизации. Я не пытаюсь предсказывать место встречи. Будет ли это Магелланово облако, Марс или пустыня Гоби (протестующий шум в зале) — это вопрос, я бы сказал, чисто технический. Но в момент такой встречи возникнет проблема связи. Связи бестелесной, но цементирующей, бесконечно разнообразной, но единой! Я говорю про связь языков и знаков. Как найдем мы генеральные смысловые точки соприкосновений? Может быть, попытаемся втолковать им наипростейшие понятия, глаголы, так сказать, потребительского смысла — есть, дышать, одеваться, пить, глотать? Увы, все они могут оказаться недействительными и непонятными для организмов с другой системой обмена веществ. Или начнем с примитива примитивов — с личных имен? Боюсь, что все эти клички — Вилфред, Карлос, Хатаяма, Ян, Платон — излишни для существ, которые замечают индивидуальные отличия каким-то девятым чувством, бесполезны для тех суровых, но возможных в принципе общественных коллективов, которые вообще не заботятся о выделении индивидуальности из суммы ему подобных. Самодо-

вольные математики предлагают завязать непринужденный разговор с марсианами при помощи алгебраических теорем и геометрических фигур. Но я не думаю, что «пифагоровы штаны» придутся впору всем жителям вселенной.

Я беру на себя смелость предположить, что математика, как система численных абстракций, вовсе не обязательна для познания (негодующий шум в зале). Весьма вероятна другая система познания, основанная не на количественном, а на качественном абстрагировании.

Так где же найти нам звено, способное соединить любые разумные существа любых населенных миров? Я утверждаю, что есть такое звено, есть такой ключ к единению братьев по Разуму. Это Труд, Созидание, Творчество! Процессы единые для всех разумных структур! Бездеятельная плесень или беспомощный сгусток протоплазмы не может мыслить. Зачем плесени разум, если она никогда не сможет превратить свою мысль в нечто осязаемое, вещественное, предметное? Разум как самоцель — несуществующая бессмыслица. Разум рождается в труде и для труда. Элементы творчества, знаки созидания, действия, труда — вот средство общения во Вселенной, звенья, соединяющие все ступени разума...

Элиот Стамп шел по залу, направляясь на свое место. Заметив меня, он остановился, наклонился и сказал шепотом:

— Моя фамилия Стамп!

После столь многозначительного, но малосодержательного заявления он удалился.

Лишь в гостинице, отдыхая, я понял его полушутливую фразу. Стамп — это по-английски «обрубок», «пень». «Пень» старого Флота! Я никогда больше не встречал Элиота Стампа. Кстати, в официальных списках делегатов съезда космолингвистов фамилия Стамп не значилась, и многие респектабельные делегаты возмущались, что председатель предоставил слово самозванцу. Или, что, по их мнению, и вовсе граничило со скандалом, писателю-фантасту.

СИНИЙ МЕШОК

От доков тянуло гнилью. Туман, смешанный с дымом костров на скверах, где жгли осенние опавшие листья, цеплялся за железные ребра Большого Моста, клубился в его темных каменных нишах и заставлял меня пробираться ощупью, ежеминутно скользя и оступаясь на неровных железных плитах. Поэтому я не увидел его, а как бы нащупал в тумане, когда, наверное уже в сотый раз, искал рукой ускользающие от меня мокрые, ослизлые перила. Незнакомец крепко сжимал в руках большой синий мешок, и в первый момент мне показалось, что он собирается бросить свою поклажу в реку. Но вдруг человек как-то нелепо перегнулся через перила моста, будто сломался пополам, и начал медленно переваливаться вниз, в невидимую бездну. Тогда я схватил беднягу за плечи и крепко встряхнул. Он был тщедушен и стар, мне удалось без труда стащить его с перил и увлечь за собой подальше от черной реки и приближающегося полисмена. Синий мешок мы захватили с собой. Впрочем, иначе мы и не могли поступить — мешок был прикован к человеку! Вернее, человек прикован к мешку — таким худым, поникшим и слабым оказался спасенный мною незнакомец и таким раздутым, громоздким и упитанным — его мешок. Так или иначе, их соединяла тонкая металлическая цепь.

Я хорошо знал путаные закоулки, искривленные щели и проходы среди лачуг, сбитых в кучу, как испуганное стадо, под сенью Большого Моста. Поэтому даже в тумане, на исходе второго часа ночи, я легко разыскал кофейную итальянца Марка и убедил его накормить нас четырежды разогретыми макаронами и напоить разбавленным мутноватым компари. Прислонясь к единственной каменной стене заведения Марка — это был кусок бетонного цоколя Моста — я приготовился слушать. После такой нервной встряски даже самые скрытные люди чувствуют неодолимое стремление излить свою душу. И я действительно услышал рассказ об одном из самых удивительных судебных процессов нашего времени.

— Не знаю, откуда мой брат взял столько денег, чтобы арендовать эту чертову машину. Говорят, действительно отличное сооружение и стоила уйму монет. Вот что писала тогда фирма, сделавшая ее...

Он достал ключ, привязанный к шнурку, надетому на шею и, отомкнув медный замок мешка, достал рекламный проспект в наглой желто-красной обложке.

«Наши мыслящие машины — это конечный результат опыта, технической элегантности и самых высококачественных деталей, слитых в одно совершенное целое. В настоящее время около девятисот наших машин обслуживают почти пять тысяч лабораторий во всех странах Содружества наций. Превосходнейшая электронная схема, разработанная десять лет тому назад, доведена путем постоянного развития до высшей степени совершенства. Элементарные ячейки идеально сочетаются в единый организм на наших заводах под непрерывным надзором инспекторов-математиков...»

— Видел я их элегантную машину. Серые ящики с красными пупырышками, словно прыщи на нечистом лице. Возле такого ящика и нашли брата моего мертвым. Утром. Потом узнал: когда полисмен вызывал санитарную карету, я точно в такой же карете отвозил жену брата в больницу. Она ждала ребенка, который стал сиротой, еще не родившись. Но брат оказался весьма предусмотрительным. Нет, у меня не хватило бы ума на то, что он сделал. Представьте себе, ровно за день до смерти мой Антони сделался богачом. Что я говорю — богачом. Миллионером! Он смог бы купить тысячу таких лавочек, как моя. А у меня, поверьте, не такое уж плохое было заведение. Я торговал рыбой. Слыл большим специалистом по жареной селедке. Это тоже хитрая вещь — жареная селедка. Но, конечно, не такая хитрая, как изобретение моего Антони. Вот я и сказал это слово: и-зо-бре-те-ни-е! Готовый текст, полное описание для патента он передал своему адвокату за день до смерти. Адвокат зарегистрировал патент в Ведомстве интеллектуальной собственности Швейцарии. Все по закону! В полной форме! Опытный адвокат, смею уверить.

Ни боже мой, у меня нет к нему претензий ни на мизинец, ни на кончик мизинца. Одного он не мог предусмотреть — изобретение сделал не брат, а машина... Нет, что я говорю, конечно, брат... Вы меня извините, все слишком запутано... Взгляните на этот мешок, сэр. Мне иногда кажется, что я превратился в горбуна, так крепко прирос он к моему загорбку. Впрочем, у каждого из нас есть такой бумажный горб. Газеты любят писать про атомный или ядерный век. Чепуха! Мы живем в бумажном веке. Слишком много бумаг, сэр. Страховки, завещания, квитанции, расписки, гарантии... Мы прилепили их к своему телу, чтобы не чувствовать когтей, которыми скребет нас жизнь. Больно скребет... Я уже говорил, что брат всего лишь арендовал эти серые ящики. Брал напрокат, ну совсем как я иногда занимаю тележку у соседа и плачу ему пару монет. Так вот, фирма «Силко-Корпорэйшен», которой принадлежала машина, решила оттягать патент. И в моем мешке появилась первая каверзная бумажонка...

Он вновь отомкнул медный замок синего мешка и, покопавшись в его недрах, вынул порядком измятый лист. На бланке окружного суда значилось:

«Тому Аттербери, правопреемнику и наследнику Антони Аттербери, по делу «Аттербери против «Силко-Корпорэйшен», № 18/184-В.

Судья Дональд М. Катлер-младший свидетельствует свое почтение Тому Аттербери, правопреемнику и наследнику Антони Аттербери по делу «Аттербери против «Силко-Корпорэйшен», и обращает внимание вышеуказанного Тома Аттербери на пункт 7 статьи 52-бис действующего Закона о патентах от 19 августа 1949 года. Согласно пункта 7 статьи 52-бис «право на получение патентов имеет первый и действительный изобретатель, который должен дать присягу в том, что он считает себя действительным и первым изобретателем». Ввиду своей скоропостижной кончины (см. протокол Общего окружного полицейского надзора № 0174381) Антони Аттербери не может явиться в суд и принести присягу по установленной Законом форме. Одновременно Высокий суд округа устанавливает, что

электронный механизм, изготовленный фирмой «Силко-Корпорэйшен» и носящий на себе товарный знак вышеобозначенной фирмы, не имеет ячеек, отделений или органов, хранящих запасы гражданской совести или религиозного страха. Следовательно, данный электронный механизм, как не испытывающий угрызений совести или чувства страха перед возможным клятвопреступлением, также не может быть приведен к присяге по установленной Законом форме. Исходя из вышеобозначенных обстоятельств и руководствуясь действующим Законом о патентах, я, судья Дональд М. Катлер-младший обязываю Вас, Том Аттербери, в двухнедельный срок, не считая неприсутственных и праздничных дней, предусмотренных законом, представить в суд свидетеля, могущего принести присягу в том, что Антони Аттербери является первым и действительным автором изобретения, изложенного в спорном промышленном патенте № 981344. Представление Вами таковото свидетеля облегчит и ускорит производство дела в Высоком суде и явится полезным и необходимым аргументом в Вашу пользу...»

— Итак, судье Катлеру не терпелось увидеть свидетеля, который бы принес присягу в том, что собственными глазами видел, как мой брат запихивал в серые ящики дырявые бумажки, которые они называли перфокартами. Я нашел такого свидетеля и думал, что первый тайм судебного разбирательства закончится в мою пользу. Свидетель отыскался по всей форме — совершеннолетний, полностью в своем уме, не хуже нас с вами, ветеран войны, имел медаль от генерала Рэдли. Негр Ното Джон. Служил уборщиком в той самой научной лавочке, где стояла арендованная братом машина. Вечерами они подолгу толковали друг с другом, и Ното Джон отлично все понимал и запомнил. У него, повторяю вам, была золотая голова. И, уж разумеется, он видел, как брат нажимал все эти чертовы кнопки, давая машине задание, и как извлекал из нее бумаги с цифрами. Так вот, сначала на суде все шло гладко. Секретарь пробубнил свое обычное: «Положите руку на библию и скажите: «Клянусь, что буду говорить правду, одну только правду,

чистую правду...» Ното Джон положил руку на библию и произнес формулу присяги. И вдруг судья заметил, что Джон касается библии не рукой, а протезом. У бедняги не хватало одной руки. Потерял на войне, сэр. Но судья плевал на это. Его всего перекосило, он позеленел от злости и заорал, что еще никогда не видывал подобного гнусного богохульства и пусть этот негр убирается вон, покуда он его не упрятал в тюрьму за оскорбление бога и суда. Не повезло мне, сэр, не повезло...

А тут еще у машины выискались новые непрошеные защитники. Эти, знаете ли, бравые молодчики в кожаных крагах, которые дерут глотку, будто они цвет нашей нации, а сами прелюбодействуют с малолетними и даже друг с другом. Они готовы ввязаться в любой скандал. Главарь молодчиков ввалился ко мне в лавку и заявил, будто ему доподлинно известно, что в смерти брата Антони виновен... Кто бы вы думали? Уборщик Ното Джон! Напрасно показывал я ему медицинское заключение, где излагались все тонкости несчастного случая — «поражение электрическим током жизненно важных органов». Беднягу Антони убила машина, когда он осмелился заглянуть в ее нутро. Но хулиган сказал, что я снюхался с черномазым, хочу присвоить себе патент и что меня самого надо «пощупать», а с Ното Джоном они расправятся сами. Негр при невыясненных обстоятельствах исчез из города и... пусть ему будет хорошо там, где все мы будем... Тем временем адвокат фирмы принялся доказывать на суде, что брат даже мешал машине! Мешал! Он вычитал из своих бумажек, что эти ящики, обросшие бородавками, даже возмущались поведением моего бедного брата!..

Синий мешок родил новую бумагу. Это была выписка из решения судебной экспертизы:

«...Рассматривая машину, как сложный регулятор, стабильный в отношении бимодального комплекса возмущений, необходимо признать, что эта изолированная система стремилась каждый раз достичь стабильности после существенного возмущения, вызванного грубым вмешательством реального оператора

или экспериментатора, в данном случае — вмешательством ответчика по настоящему делу...»

— Потеха! Я так и заявил судье: «Потеха!» Машина возмущалась! Можно подумать, что ее нарочно дразнили или щекотали под мышками и что именно за это редкое удовольствие брат Антони выкладывал кучу денег. Да и как могут эти пупырчатые ящики, эти жестяные коробки возмущаться? Нет уж, я не так прост, как вам кажется! Пусть почтенный суд покажет мне автобус, который бы сам пререкался с полисменом или, на худой конец, мясорубку, которая бы визжала, когда в нее вместо сочного филе запихивают бараньи ребра... Я еще многое хотел выложить, но мой адвокат дернул меня за руку и зашипел, как рассерженный кот, чтобы я не смел вмешиваться в их высокоученый спор. Как он сцепился со своим коллегой! Любо было послушать тому, кто хоть что-нибудь в этом понимал. Они сражались яростно, но для того, чтобы подогревать ярость моего заступника, понадобился хороший костер, в котором сгорела и моя лавочка, и все сбережения, и деньги жены. Чем мне теперь похвастать? Разве тем, что тяжбу называли в газетах «электронным процессом». Судебные репортеры вились вокруг него, как мухи вокруг гнилой рыбы. Они упивались моим делом, облизывали и обсасывали каждую косточку, которую им удавалось вытащить из зала суда. Я переступил порог этого зала ровно тысячу и один день тому назад. Как в сказке... Почти три года... Я надеялся на справедливость, и надежда моя рождалась и умирала тысячу и один раз... Вы помешали мне справить юбилей, сэр, печальный юбилей... Так вот про репортеров — они остроумничали как могли. Сперва им взбрело в голову назвать всю тяжбу «процессом сорока мудрецов». Нет, не подумайте, что они были столь высокого мнения о судебной братии. «Сорок мудрецов», я вам доложу, это тоже была закавыка первый сорт... Я сохранил газету...

Пожелтевший газетный лист хранил подробности забытой сенсации:

«После летних каникул возобновились заседания

«электронного процесса». Фирма признает, что программу расчетов действительно ввел в машину покойный Антони Аттербери, но категорически утверждает, что данное обстоятельство ни на йоту не уменьшает ее претензий. Действительно, что такое программа, вводимая в любую счетно-аналитическую машину? Это всего лишь серия вопросов, на которые машина незамедлительно выдает исчерпывающие ответы. Доктор Болхо, представляющий интересы фирмы, знает свое дело и парадоксален, как всегда. Он извлек на свет старинную восточную пословицу: «Один дурак может задать столько вопросов, что и сорок мудрецов будут не в состоянии на них ответить». Разумеется, старина Болхо уподобил машины фирмы «Силко-Корпорэйшен» собранию сорока мудрецов. Что же тогда остается на долю Антони Аттербери? Незавидная роль глупца, задающего уйму хаотических вопросов.

Адвокат, защищающий интересы покойного, не может согласиться с казуистическими доводами доктора Болхо. Схватка двух юристов продолжается. Кто будет валяться на полу ринга, поверженный тяжелой перчаткой научной аргументации?»

— Мой защитник тоже не ходил в простачках. Он заявил, что любой инженер тысячу раз в день задает вопросы своей логарифмической линейке. Но разве еженедельную получку выдают линейкам? Или, может быть, отдел найма и увольнения сотрудников той почтенной фирмы, которую представляет доктор Болхо, нанимает на работу вместо инженеров толпу линеек? Он смаковал эти линейки, всячески издеваясь над Болхо. Он представлял в лицах, как линейки в свободное время рассказывают анекдоты про своих инженеров или, надев новенькие подвенечные футляры, идут попарно к алтарю, чтобы затем законным образом произвести на свет маленькие линеечки. Он устроил форменный балаган из логарифмических линеек и в ворохе насмешек утопил доктора Болхо. Правда, тот пытался проскрипеть что-то про непонимание его ученым коллегой простейших основ кибернетической математики или математической кибернетики... Или еще чего-то в этом роде. Сдается

мне, судья и сам не очень был силен в подобных делах и проглотил доводы моего адвоката так легко, словно кусочек отличного рыбного студня. Они пришлись ему по вкусу, эти доводы, и надежда вновь вспыхнула во мне. Я приободрился и уже представлял себе, как куплю жене брата и его малютке новенький домик на Брэдфордском озере. Даже зашел как-то в контору по продаже недвижимости. Но тут мне подстроили новую каверзу, почище «сорока мудрецов», чтобы им подавиться самой костлявой костью. «Процесс сорока мудрецов» газетчики быстренько перекрестили в «тяжбу о белом жеребце». Нелепое название? В том-то и штука, что адвокаты «Силко-Корпорэйшен» и впрямь сумели подцепить к электронной машине белого жеребца. Они извлекли из бог знает каких древних архивов «прецедент». Так они называли на своем языке крючок, которым задумали утащить в свой сейф спорный патент. Дело в том, что еще в 1847 году разбиралась тяжба, якобы вполне схожая с моей. Некий трактирщик Нилд Патрик, умерший в 1873 году, — да будет земля ему пухом! — имел белую кобылу, которую отдавал напрокат бродячим торговцам. У одного из таких торговцев кобыла пробыла более полугода и сумела за это время разродиться отличным белым жеребцом. Торговец, не будь дураком, присвоил себе жеребца. Все же, знаете, расходы на сено, да и кобыла, будучи в интересном положении, уклонялась от своих прямых обязанностей. Трактирщик — в суд. Кобыла принадлежит, мол, ему, значит и жеребенка подай сюда. Суд продолжался до смерти трактирщика. Видно, за его гробом несли окончательное решение. В его пользу! Присудили ему все же белого жеребца... Так и здесь. Электронная машина родила изобретение. Неважно, что в тот момент ее арендовал для своих надобностей Антони Аттербери. Все равно патент принадлежит фирме, чья машина родила патент. Сказка про белого жеребца, да и только! А я вам так скажу: все равно, изобрела ли машина, или мой брат, или даже если бы я сам родил спорный патент, все равно, весь жирный навар от этой похлебки дос-

тался бы господам из «Силко-Корпорэйшен». А нам в лучшем случае они дали бы от своих щедрот пососать объеденные косточки. Все мы сидим у них в мешке, они лишь иногда вынимают нас оттуда, как я вынимаю из своего мешка эти бумаги, и вновь запихивают на самое дно. Сиди и не рыпайся!..

Услышав про кобылу и белого жеребенка, да не разобрав толком, в чем дело, на заседание суда примчались дамочки из Общества покровительства собак и попугаев. По крайней мере две сотни дамочек и все с рыжими мопсами на золотых цепочках. «Ах, несчастная умненькая машина! — сюсюкали они. — Ее обижают! Она такая хорошенькая! Вы видели ее? Я видела ее. Это божественно! Мой мопс тоже видел ее. Я уверяю вас, они понравились друг другу...» Дамочки несли нестерпимую ерунду и говорили все разом, а двести мопсов лаяли во всю мочь, будто им всем одновременно прищемили кухонной дверью остатки хвостов. Мало того, надо же так случиться, что именно в этот день здание суда окружили пикеты тех самых молодчиков в кожаных крагах. Они объявили в газетах, что настоящая стопроцентная белая машина им куда милее всяких красных или черных изобретателей и что они предпочитают электронные мозги всем другим мозгам. А те слюнтяи, которые боятся грядущего царства электронных мозгов, пусть убираются на тот свет. Молодчики намалевали на картонках лозунг «Долой белковых!». С этими лозунгами они и шатались вокруг здания суда как раз в тот момент, когда оттуда высыпала толпа дамочек с мопсами. Молодчики проявили бурный интерес к юным союзницам и заодно перевернули пару автобусов. Вмешалась полиция. Две дюжины полицейских собак сцепились с двумя сотнями мопсов. Дамочки бросились на полисменов, молодчики вытащили револьверы, а полиция вызвала на подмогу вертолеты. В городе начались волнения. Из центра прислали отряды шерифов, вооруженных до зубов. Меня одиннадцать раз тягали к судье, теперь уже как смутьяна и зачинщика беспорядков. В самый разгар суматохи один из тех, что выдвинули лозунг «Долой

белковых!», притащил на суд церковную книгу того прихода, где я родился. Как он только раздобыл ее? Наверное, украл. Обратите внимание — меня зовут Том Аттербери. Удвоенное «т»: Ат... тербери! Проклятый попик записал в книгу при моем рождении одно «т». Этого теперь оказалось достаточно, чтобы вылить ведро грязи на мое происхождение и запятнать мою мамашу гнусным обвинением в незаконном сожительстве с неким Атербери с одним «т». Выходило, будто я вовсе и не брат своего брата и не имею права представлять его интересы на суде. И жена ушла от меня... У женщины, которая вас не очень-то обожает, нюх, как у корабельной крысы. Она всегда даст стрекача, как только обнаружит течь в вашем денежном ящике. Я лишился брата и жены, а молодчики сожгли мой дом.

Но процесс не кончился. Когда улеглись волнения в нашем городе, я получил анонимное письмо от одного из инженеров, обслуживающих электронные машины «Силко-Корпорэйшен». Прочтите его...

Из синего мешка он извлек клочок бумаги, последний обрывок его надежд и последнее разочарование.

«Я предпочитаю оставаться в тени, но хочу помочь Вам. Когда-то фирма поступила со мной еще более бесчестно, чем с изобретением Вашего брата. Я не имел сил сопротивляться и уступил. Я знаю, что наносить удар из-за угла нечестно, но не стоит говорить о честности, когда касаешься деятельности «Силко-Корпорэйшен». Кратко — у Вас есть шанс выиграть процесс. Я должен сообщить Вам следующее. Уже через два часа после кончины инженера Аттербери наши специалисты исследовали машину «ИРИ-406», с которой он работал. Обнаружилось, что в блок первичной обработки Антони Аттербери вложил задание на разработку еще одного изобретения. Машину немедленно настроили на обработку этих данных, и в результате первой, весьма приближенной дешифровки стало ясно, что результаты ее расчетов действительно содержат в неявном виде данные для постройки совершенно оригинального лета-

тельного аппарата, использующего энергию движения молекул внутри материала самого аппарата. Изобретение «номер два» сулит переворот в наших представлениях о процессах полета вообще. Но машина не способна дать словесную формулу изобретения, ее патентное описание. Итог ее «размышлений» — длинные ленты с колоннами цифр. Теперь требуется до конца расшифровать эту математическую запись. Копию ее я посылаю Вам. Вы должны потребовать в суде экспертизы специалистов. Бьюсь об заклад, им не расшифровать решение машины «ИРИ-406». Вот Вы и докажете, что результатами вычислений мог воспользоваться только человек, давший ей задание и понимающий логические ходы расчетов и конечный их результат. Впрочем, машина без человека, пользующегося плодами ее работы, вообще бессмыслица. Но оставим рассуждения философам. Вы и семья Вашего брата должны воспользоваться результатом интеллектуальной деятельности инженера Аттербери. Действуйте!

Инженер при «ИРИ-406».

После истории с церковной книгой я не мог выступать, как наследник Антони. Формально теперь вела процесс его жена. Она предъявила судье Катлеру копию цифровой записи изобретения «номер два» и потребовала от специалистов «Силко-Корпорэйшен» расшифровки цифр. Не сумеют разобраться в этом математическом коктейле, значит и первое изобретение принадлежит не им, а нашему Антони, человеку, сумевшему выудить из коктейля апельсиновый ломтик истины. Адвокаты фирмы скрипели зубами и грозили суровой карой за кражу расчетов, как за промышленный шпионаж. А «Силко-Корпорэйшен» искала мудреца, способного разгадать нашу головоломку. И нашла, чтоб ей подавиться селедочной костью. С монетами можно найти все, даже инженера о двух головах. Счастливчик, говорят, получил уйму денег, а мы лишились последнего шанса выиграть дело «Аттербери против «Силко-Корпорэйшен». Хотел бы я увидеть этого мудрого счастливчика да

рассказать ему свою историю. Но где там, до него теперь небось как рукой до неба — не достать...

Я промолчал. «Счастливчик» второй час слушал Тома Аттербери. «Силко-Корпорэйшен» извлекла меня на мгновение из «синего мешка» и вновь упрятала на самое дно. Мизерной суммы вознаграждения не хватило и на полгода приличной жизни...

За окном светлело. Туман клочьями расползался в стороны, обнажая цепи Большого Моста.

В. ЩЕРБАКОВ

КРАТЕР

Не помню, пригласил ли меня Сухарев или он не успел этого сделать и я сам напросился к нему. Как бы там ни было, через полчаса после телефонного разговора мы сидели за столом в его комнате, и я вертел в руках какой-то осколок: минералогия — моя первая страсть и вторая профессия. Скажи мне тогда кто-нибудь, что скоро я назову этот молочно-белый камешек чем-то вроде чуда и даже напишу о нем рассказ — я ни за что не поверил бы.

Мне кажется, тогда я не ощущал ничего необычного. Будто бы и не пропадал Сухарев целых два года. Я словно вчера видел его и теперь зашел просто поговорить. В последнее время меня увлекает работа, я не замечаю, как бегут месяцы.

Внешне он остался прежним Володькой Сухаревым. Те, кто видел его по возвращении, могут это подтвердить. Я говорю «внешне», потому что два года космической экспедиции не могут не изменить человека.

— Подвинь твой стакан, — то и дело говорил он. Наполнив стакан крепким чаем, он возвращал его мне, и я задавал ему следующий вопрос.

За окнами рдел весенний вечер, бодрый и прозрачный, как капля дождя. Звонкие голоса детей изредка врывались в комнату.

Стемнело. Мы зажгли свет.

Помнится, мое внимание опять привлек осколок, лежавший на столе. Не знаю, почему я не принял его за пепельницу. Он мог бы сойти за нее.

Я спросил его:

— Это оттуда?

Он кивнул.

— Взгляни. — Он выдвинул ящик стола. — Вот отсюда. — И подал мне небольшой серый конверт.

Я вопросительно посмотрел на конверт, потом на него.

— Там, в конверте. Достань.

— Ого! Неплохой фотоснимок.

Яркое фиолетовое небо, пожалуй даже светлее, чем на популярных открытках с космическими пейзажами, контрастировало с черной равниной. У горизонта виднелись такие же темные скалы с правильными очертаниями. Кое-где различались пятна теней. Ближе выделялся холм. Его вершина, совершенно плоская, будто срезана (не представляю, как тут обошлось без ножа). «Подгоревший пирог», — сразу окрестил я этот холм с темно-бурыми склонами. На темном фоне угадывались небольшие светлые участки и микроскопические белые крапинки — самая мелкая деталь, которую мне удалось рассмотреть.

— Не смог бы представить ничего похожего. Мрачновато...

Я даже зажмурил глаза: интересно, как воспринимается это в натуральную величину.

— А камешек? Что-нибудь такое, о чем еще не напечатали в газетах?.. В самом деле?

— Видишь ли, у тебя в руках не совсем обычный камень... — Он замолчал, словно предоставляя мне возможность самому решить, что же это такое.

На ощупь осколок напоминал пластмассу, скорей всего полистирол.

— Необычный? Значит, что-то из ряда вон выходящее?

— Видишь ли... — он опять замялся, — это, пожалуй, неинтересно... Нет... Никакого отношения к минералогии... Скорей небольшое приключение... Ну, хорошо, хорошо... Сахар в сахарнице... Конечно, с самого начала...

Я говорил, почему мы едва успели выполнить программу? В общем работали по десять-двенадцать ча-

сов. Почти каждый день. Саша по горло был занят упаковкой и сортировкой всяких корней, стеблей, кактусов... Слово «кактус» он не терпел, а именовал их по-научному, длинно и непонятно. В последние дни ему доставалось больше всех.

Как только у нас наметился просвет, мы решили ему помочь. Я и геолог. В конце дня добрались до кратера... Да, до этого самого... Н-да, пирог. Даже с начинкой. Так вот, сверились с картой, на всякий случай обстреляли местность излучением, все как полагается. Район новый, кактусов как из мешка высыпали, очень много. Маленькие, большие, оранжевые, бурые, под цвет почвы.

Пока я возился с одной неподатливой колючкой, выкапывая ее из песка и шепча про себя, какой замечательный подарок получит Саша, геолог ушел вперед. Я взмок, пока выдрал корешки, — так глубоко они сидели.

До холма было метров четыреста. Геолог уже взбирался по склону. Я видел его ноги и раздутый рюкзак. Когда я доконал кактус, склон был пуст.

Легкий голубой дымок, как облачко, висел над ним. Чем больше я старался его рассмотреть, тем призрачней он казался. «Не может быть, — окончательно решил я, когда затекшая спина немного отошла. — Там ничего нет». Холм был совсем рядом и хорошо освещен.

Крик я услышал отчетливо. Как будто бы кричали над самым ухом.

Я не уловил интонации его голоса. Что-то стряслось. Он звал меня. Но зачем?

Я сразу же ответил, но он молчал. Я спрашивал, что произошло, — безрезультатно.

Я бежал; бежал что духу было.

Впрочем, в действительности все было как раз наоборот: сначала я помчался вперед, а уж потом попробовал соображать. В такие минуты ноги работают быстрее головы.

Быстро ли приближался ко мне холм, я не видел, потому что, когда бежишь, нужно смотреть под ноги...

Я бежал сломя голову до самого холма. У его под-

ножия длинные корни или щупальца выросли вдруг из плотной темной почвы. Дернуло ногу, я чуть не упал. Склон был в двух шагах. Я просто споткнулся...

Я не ожидал, что карабкаться так трудно. Медленно, ползком, распластавшись — ума не приложу, как он справился с рюкзаком. С таким тяжелым рюкзаком. Скат очень крутой, посмотри сам...

До полета мы знакомились с образцами почвы, доставленными первой экспедицией, но ничего подобного не встречали. Склон покрыт коричневой массой, рыхлой. Она будто пузырями изъедена и очень легкая. Пузыри больше мяча. На снимке не рассмотришь.

Я хорошо запомнил первый миг: внутренний склон кратера крутой — почти обрыв с торчащими кое-где большими белыми камнями и оранжевые клубы внизу под ногами. «Облако... газовое облако выползает из жерла...» Несколько мгновений мной владела эта иллюзия. Наверное, сказывались мои чисто земные представления о природе вообще и о вулканической деятельности в частности.

Нет, это было не извержение. Я увидел на дне гладкую поверхность, по которой пробегали цветные блики. Сейчас ты можешь верить или не верить, но у меня тогда выбора, в сущности, не было. Они плыли, как волны, разных цветов и оттенков, а поверхность оставалась ровней вот этого стола. Они плыли и отражались от бурых краев этой гигантской воронки...

— Кто «они»?

— Блики. На дне кратера сияло «озеро». Видишь ли, более подходящего названия этому я до сих пор не придумал. Очень красиво, и очень жаль, что тебя с нами не было.

«А геолог? Что случилось с ним?» — вопрос вертелся у меня на языке, но я не хотел его перебивать.

— Общий фон «озера» постепенно менялся. Оно играло сотней оттенков — от нежнейшего розового до холодного темно-синего. Это как цветущий майский луг, только ярче. Как горное озеро, когда в нем отражаются радуги, и еще сильнее, еще красивее, — он пошевелил губами, прошептав еще что-то, что именно, я не разобрал.

— На меня обрушился шквал красок, и я не сразу пришел в себя. На легком облачке, висевшем над кратером, светились слабые отблески. Потом все потускнело. Когда это произошло — отлично помню, — я еще не отдышался после быстрого бега.

Наконец мне удалось задать свой вопрос.

— Геолог? Разве я не сказал? — Он казался несколько удивленным. — Антенну он повредил, входной контакт. Хороши, нечего сказать, эти наружные антенны, только для кинофильмов. Поэтому и замолчал... А-а, понимаю... Тебе мерещилось что-то таинственное. — В глазах его сверкнуло веселое ехидство, — ты ведь любишь слушать про космические злоключения, особенно из первоисточников, а?

Но почему мне все-таки казалось, что он изменился? Нет, его не так-то легко переделать.

— Перестань. Хватит с меня твоего несладкого чая. Не вздумай прикидываться, будто тебе неизвестно, что в сахарнице — стопроцентный вакуум.

— Вот как! — Он издевательски присвистнул. — Кто тебя так изнежил? Уж не женился ли ты?..

— Полгода назад. Рекомендую. Будешь пить сладкий чай.

— Тебя есть с чем поздравить... Поздравляю... — это было сказано уже серьезно.

«Не пора ли уходить?» — тревожно вспомнил я. Будь дома телефон, я предупредил бы жену, что задержусь. Она бы, конечно, сказала: «Приходи скорей». После этого можно было бы посидеть еще.

— Так что же это? — я щелкнул пальцем по осколку. С одного края коричневые брызги покрывали его (употребляю здесь слово «брызги» с большой натяжкой: ни одно пятнышко не сдиралось ногтем).

— Что? Хотел бы я сам это знать... Подобрали на обратном пути к вездеходу. Возле белой глыбы из того же теста. Воронка сплошь ими усеяна. Что?.. Химический состав?.. Вот... — скомканная бумажка зашелестела в его руке, скрипнул ящик деревянного стола. — Вот: кислород, углерод, кремний, водород, кальций, азот...

Здесь я по вполне понятным причинам должен

опустить остальные шестьдесят четыре химических элемента из тех семидесяти, которые там значились.

Он продолжал:

— Обнаружены гелеобразные компоненты с белковоподобными гранулами и прослойками...

— Разыгрываешь? Думаешь, я идиот? — От меня так и веяло спокойствием.

Но нет! На смятой бумажке, хладнокровно мной расправленной, слово «белковоподобный» было подчеркнуто красным карандашом.

— Вот это фокус! Белок налицо, а жизнь? Космическая фауна? Целая экспедиция не нашла ничего, и вдруг — этот камешек... Что это за «белковоподобный»? Что ты молчишь? Что ты думаешь об этом?

— Конечно, подавай тебе сразу гипотезу! Может быть, нужны точные доказательства? Может, собираешься написать учебник космической зоологии? Ничего нет у меня. Говорю тебе, ничего. Времени не хватило.

— Вы стартовали в тот же день? — спросил я не очень уверенно.

— Я уже говорил. Через каких-нибудь четыре часа. Нагоняй за длительную внеплановую отлучку получить все же успели, — он слабо улыбнулся, — и благодарность — от Саши. Знаешь, — по его лицу скользнула легкая тень сомнения, — когда мы выбирались из кратера, я заметил еще раз... щупальца, но хорошенько мы так ничего и не рассмотрели. Нас срочно вызывали по радио, а у него — случится же такое! — порвался ремень рюкзака. Тут уж не до наблюдений. Ты не думаешь, что здесь есть связь: эти камни, странный кратер... Геолог успел щелкнуть все это на пленку. Портативной камерой. Пока я искал его там... среди белых глыб. А «озеро»? Интерференция, игра света? А если это часть общего целого, сложного и пока неразгаданного?

— Невероятно... Неужели ты всерьез полагаешь?..

— Полагаешь, полагаешь, — поддразнил он. — Ты слышал что-нибудь о батибии?.. Собственно, этого следовало ожидать. Так Гексли назвал в прошлом веке вязкую слизь с заключенными внутри нее из-

вестковыми камешками, добытую со дна океана. Батибий означает «живущий в глубине». Гексли считал ее первичной живой протоплазмой. Совсем еще недавно это считалось модным — искать первичную протоплазму. Так вот: скелет — камешки, тело — протоплазма, все вместе батибий — «живущий в глубине». Логично? А на самом деле ничего общего с протоплазмой! Ты понимаешь, зачем я вспомнил это? То, что сходило с рук Гексли, не разрешается веком позже.

...Когда я вышел от него, на моих часах было четверть первого. Лил дождь, мое легкое весеннее пальто тяжелело на глазах. Он молодец, думал я, глядя, как стремительные водяные горошины рождают в лужице на асфальте маленькие фонтанчики — извержения, он шутил и смеялся со мной, угощал несладким чаем, был весел и бодр. Он заразил и меня — подумаешь, немного помокну под теплым дождем... Значит, там он держался молодцом. Именно потому так хорошо ему здесь, что там он был настоящим молодцом!

ВОЗВРАЩЕНИЕ СУХАРЕВА

ПРОЛОГ

Со стороны могло бы показаться, что человек спокойно спал, полулежа в кресле, так безмятежно было его лицо, ритмично дыхание и естественна поза. Но вот через минуту-другую раздавался тревожный сигнал. Человек медленно пробуждался, тянулся к экрану и с видимым усилием всматривался в мелькающие точки: корабль пробивался через метеорное облако. Воспаленные, красные глаза лучше всяких слов сказали бы, как обманчиво первое впечатление. Потом он тяжело опускался в кресло и успевал погрузиться в кошмарную дремоту, прежде чем снова раздавался неумолимый сигнал.

Трое или четверо суток — он уже не помнил, сколько именно — он почти не смыкал глаз, потому что сигнал звучал беспрерывно. Да, пожалуй, уже пя-

тые сутки, как вышел из строя автоштурман. Только бы дотянуть до конца... сменить испорченные блоки. А может, сначала все-таки выспаться?..

Даже приблизительно он не смог бы сказать, сколько еще времени прошло, когда электрический импульс разбудил его в последний раз. Не открывая глаз, он с трудом поднял руку и безвольно выдернул шнур сигнализации.

В его сонные грезы лишь на мгновение вошел корабль — беззащитная скорлупка в океане времени и пространства и стремительная точка метеора, пересекшая его путь в своем смертельном полете.

МАЖОРНЫЙ АККОРД

Странное чувство не покидало Сухарева: зеленые квадраты полей, речки и белоснежные постройки ракетодрома неожиданно вынырнули из-за облаков, все это он видел как будто нарисованным на холсте рукой мастера, вдохнувшего в них жизнь. Он не верил, что все кончится вот сейчас, в эту минуту.

Толчок амортизатора — и он почувствовал, как к горлу подступила легкая тошнота.

К трапу подъехал автомобиль. Вольд увидел женщину. Волнистые каштановые волосы, радостное, открытое лицо, стройные ноги — Анна. Голубой весенний воздух был полон звуков: слышны были далекие сигналы транспорта, людские голоса, щебет птиц, в стороне что-то металлически жужжало и гудело, — за десять лет он отвык от этого.

Она побежала ему навстречу. Он так и стоял, покачиваясь немного, на верхней ступеньке трапа: весенний ветерок и запах травы, как хмель, ударили в голову.

Ее каблучки быстро-быстро застучали по трапу. «Дорогой... Вольд...» — она с трудом выговаривала слова. Тут только он заметил, что ее глаза полны слез. Он хотел что-то сказать, но только смотрел и смотрел...

Он все-таки еще хотел что-то сказать... Его губы скривились, и он, как ребенок, уткнулся в ее плащ, чуть пониже шеи.

Профессор Невадаго сухо поздоровался, пригласил Вольда в кабинет и без лишних слов приступил к делу.

— Важны подробности. Собственно, рабочая гипотеза у нас уже есть, какой бы необычной она вам ни показалась. Но мелочи всегда убедительны, особенно в этом случае... Да... Вы говорите, что в момент пробуждения вы бросились к экрану. Экран был пуст. Что ж, возможно, это вполне реально... М-да, реально... Неужели вам ничего не показалось заслуживающим внимания, кроме этой пластинки? Ну? — Невадаго выжидательно уставился на собеседника.

— Нет. Ничего. Разумеется, ничего больше, ведь я сказал бы вам об этом раньше. Кроме ощущения небольшой слабости и головокружения, о котором я уже говорил вам. Нет, все было, как обычно. Я проснулся и продолжал полет. Потом я нашел в кармане вот это, — и Вольд дотронулся до пластинки, лежавшей на столе, — она меня так заинтересовала, что я сообщил о ней...

— Ну хорошо, — Невадаго наклонился над столом, спрятал пластинку и внимательно посмотрел на Вольда из-под очков. — Хорошо. Теперь слушайте внимательно, потому что вы все равно должны это знать. Ракета была пробита метеорами в нескольких местах. — Профессор помолчал, невольно усиливая эффект последней фразы. Его глаза внимательно изучали собеседника, а рука потянулась к портсигару. — Ракета была изрешечена, а вернулась целехонькой. Как вы объясните этот небольшой парадокс?.. Вы сейчас поверите в то, что я говорю, Вольд. Мы нашли следы ремонта. Это было очень трудно, почти невероятно... над ней поработали ювелиры — девять пробоин, подумать только... Нет, нет, слушайте спокойно, Вольд, я расскажу все по порядку. Вы все равно должны все знать... Конечно, восемь пробоин появились из-за первой. Первый метеор вывел из строя кое-какие приборы, а потом началось... Удар за ударом. Представляю себе, как это выглядело... Но вас,

Вольд, к этому времени согласно моей гипотезе уже не существовало. Вы были мертвы.

Невадаго предупредительно подвинул собеседнику портсигар, холодным и умным взглядом предостерегая его от ненужных вопросов.

— Вас не существовало, — повторил он задумчиво, — конечно, я допускаю, что это только моя гипотеза, но иначе быть не могло. Не могло, Вольд, — повторил он спокойно. — А потом, когда пилот проснулся и целехонькая ракета пошла по-прежнему курсу, это был уже не тот пилот. И не та ракета. Ракета отремонтирована, как я уже вам говорил, а пилот... Спокойно, Вольд, это не бред, вы должны это знать... а пилот был подменен абсолютно точной копией с него. Вы не Вольд, и труднее всего поверить в это вам самому. И в то же время вы тот же самый Вольд, который ужасно хотел спать в этом проклятом облаке, — в это трудно поверить нам...

Договорив, Невадаго потянулся к папиросе, в его взгляде Вольду почудилось новое выражение, которого раньше он не замечал. Все то, что говорил ему профессор, он пока считал каким-то недоразумением, хотя и был далек от мысли, что кто-то из них двоих сошел с ума.

— Вот копии протоколов обследования ракеты после ее возвращения, — Невадаго, скрипнув ящиком старомодного стола, подвинул несколько машинописных страниц. — Не спешите, посмотрите внимательно, особенно выводы. Я не буду вам мешать.

Профессор отошел к книжному шкафу. Вольд листал протоколы. Химический анализ, структурный анализ — все в норме. Усталость металла... диаграммы... корпус ракеты и на нем пятна... Вольд насчитал девять пятен-зон абсолютно того же состава, но с небольшими отклонениями в физических показателях... Да, это пломбы — с ума можно сойти. Приборные стойки — и опять пятна на диаграммах — следы ремонта.

— Послушайте, — тихо окликнул Вольд профессора, делавшего вид, что он разыскивает в шкафу какую-то книгу, — вам удалось узнать, что же это за

штуку я нашел тогда в кармане? С пластинки ведь все и началось, как я понимаю?

— Не будьте наивны, Вольд. Мы совершенно не знаем, что это такое. Именно потому, Вольд, я и вызвал вас сюда, хоть я и допускаю, что вы и без меня не скучали бы. Видите ли, назначение этого предмета очень трудно угадать. Конечно, с самого начала было ясно, что, вероятней всего, она осталась у вас случайно — ее не могли оставить преднамеренно. Это шло бы вразрез со всем остальным, Вольд. Это не вязалось бы с их основной задачей. Да, девять пробоин и пилот... Творцы пожелали остаться неизвестными. Они сделали все, чтобы скрыть происшедшее. Они почти достигли цели. Пластинка была забыта у вас в кармане. Но для нас этого оказалось достаточно, Вольд.

Мы отлично знаем, Вольд, наши возможности. Мы знаем, на что способны наши руки и наш мозг, мы построили стройное здание науки, мы в муках родили совершенные машины и автоматы. Но никогда ни одна человеческая рука не могла держать подобной вещицы. Ни одна. Никогда. Почему? Видите ли, Вольд, удалось исследовать очень маленький наружный участок пластинки, микрон на микрон. Его атомы уложены, как кирпичи. Самые разные атомы. Я не могу привести никакой удачной аналогии, Вольд. Затейливое архитектурное сооружение из элементов, соединенных по законам какого-то сложного кода. Причудливая мозаика из молекул и атомов. Простите, я увлекся, следовало бы пока помолчать, все равно это пока невозможно передать словами. Мы напали на след, Вольд, и вы должны помочь нам, раз уж вам так повезло.

— Невероятно, профессор... Должны же быть у вас факты... доказательства?.. Или в этом случае они не обязательны?

— Никаких. Ничего, кроме того, что я вам сказал, — поправился профессор, подумав. Он замолчал и долго мял потухшую папиросу.

— Что это было за облако, Вольд? — вдруг резко спросил он без всякого перехода. — То есть я хо-

чу спросить, что это были за метеоры? Конфигурация, вес — хотя бы очень приблизительно?

— Не знаю. Но разве это так уж важно, профессор?

— Как знать, как знать... — тихо пробормотал Невадаго. — Мы просто не можем поставить себя на их место, а они... впрочем, не будем фантазировать.

...Темнота создавала иллюзию одиночества. Вечер был так тих и яркие звезды мерцали так спокойно, что, если бы Вольд прислушался, он ничего не услышал бы, кроме звука собственных шагов.

Он мысленно продолжал разговор. Совершенно неожиданно к нему пришло убеждение, что в рассуждениях профессора есть слабое звено. Но какое? Неприятный металлический голос профессора снова и снова спорил с ним, убеждал, успокаивал... Да, он прав. Факты. Логика. Неопровержимые заключения. Значит, все так и было? Слабого звена не находилось. Но откуда же все-таки эта необъяснимая убежденность в его существовании?.. Откуда?

«Я Вольд. Я же отлично помню, как все было, — попробовал он в который уже раз мысленно спорить с профессором. — Я уснул и потом проснулся. Все было в порядке. Я отлично себя чувствовал. Я помню все, потому что я Вольд Сухарев, и никто другой. Ведь это я в школе убежал с урока биологии в кино вместе с Колькой Утриловым. И часы с компасом мне подарили в день рождения, я их еще показывал девчонкам. Одна попросила примерить и разбила часы, а компас так и остался цел. Она очень испугалась тогда. Мне ее стало жалко. «Хватит плакать, — сказал я ей, — мне все равно часы не нравились, хорошо, что ты их разбила». Мы с ней потом подружились...»

РЕАЛИСТИЧЕСКИЙ ФИНАЛ

Они шли по аллее, похожей на коридор: справа и слева подстриженные кусты, немного дальше — ряды деревьев с запутавшимися в их кронах яркими звездами. Живые глаза профессора, пристально раз-

глядывающие его поверх массивных коричневых очков, вдруг опять всплыли в его памяти. «Усталость металла», — это из протокола. Диаграммы, таблицы, фото... Его ракета: два черных глаза иллюминатора, своды корпуса неровно отсвечивают остатками защитного слоя, сбоку — приземистая машина техслужбы, трап, придвинутый к запасному люку, дюзы зачехлены — трудно поверить, что такое нелепое сооружение совсем недавно могло летать... Он крепче взял Анну под руку. Казалось, сон продолжается. Прежде чем покончить со всем этим, он сказал:

— Похоже на то, Анн, что слово «гипотеза» нужно заменить словом «реальность». Я думаю, что Невадаго...

— Не надо, — мягко перебила она, — я не могу больше слышать этой ужасной фамилии. Все в порядке, поверь мне.

— Но, Анн, это похоже на истину.

Она вдруг остановилась, повернулась к нему, коснулась рукой его лица.

— Глупый, глупый, — быстро заговорила она, — в твоих рассуждениях совсем нет логики. Неужели ты думаешь, что я этому поверю, даже если это было в самом деле? Ну скажи, неужели ты так думаешь?

Д. ЖУКОВ

РЭМ И ГЕНИЙ

1

— Гений, вы дурак.

— Почему ты говоришь со мной на «вы»?

— Гений, с дураками можно только на «вы». Они опасны.

— Рэм, твое утверждение голословно. Я прошу представить доказательства моей глупости. Я непрерывно настроен на все волны информации и нахожусь на уровне мирового Знания.

— Я не сомневаюсь, что ты знаешь все. Но как! Ты завалил меня материалом, а мне нужны выжимки. Ну, что это такое?

Рэм с возмущением пнул ногой огромную кучу микрокарточек и катушек с магнитной проволокой.

— Как ты думаешь, Гений, сколько мне потребуется времени, чтобы прочитать, просмотреть и прослушать эти Гималаи?

— При твоей скорости усвоения информации на это потребуется ровно сто сорок один час две минуты пятнадцать секунд рабочего времени.

— Так, а когда я должен передать работу в редакцию?

— К семнадцати часам двадцать четвертого июля, то есть через трое суток восемнадцать часов двадцать восемь минут.

— Ох, ты меня убьешь своей обстоятельностью! Ну, так как же, Гений, я успею «усвоить» все это?

— Нет. Я не принял во внимание твою ничтожную

скорость считывания, малое быстродействие, мизерный объем памяти и другие факторы.

— Постой, постой, в твоем лексиконе появились эмоционально окрашенные слова... «Ничтожный», «мизерный»...

— Даю поправку: в коре твоего головного мозга четырнадцать миллиардов нейронов, которые способны...

— Хватит! Уж лучше ты говори человеческим языком, а факты будешь сообщать, когда тебя спросят. Очевидно, я не совсем точно поставил перед тобой задачу. Предлагаю тебе самому пересмотреть весь этот материал и отобрать самое главное — поменьше чисел и побольше эмоций. Я могу затратить на просмотр всего три часа. Если ты не справишься с работой, я буду звать тебя не Гением, а Тупицей.

Рэм опустил спинку кресла и закрыл глаза. Надо было набраться сил и немного погрезить. Он по опыту знал, что самые интересные идеи приходят к нему в полудреме. В ушах Рэма еще звучали наставления редактора: «Рэм, я всегда был поклонником твоего таланта. Но с тех пор как ты тоже обзавелся человекообразным секретарем, я заметил, что твои статьи стали суше. Они обильно оснащаются техницизмами и цифрами. Если так будет продолжаться, тебе придется перейти работать в редакцию «Академического вестника». Где твой пафос, где твое живое слово? Неужели ты попал под влияние своего человекообразного?»

Скрытый свет мягко отражался от светло-зеленых стен. Гений прилежно просматривал материалы. Нет, у Рэма не было особенных претензий к своему секретарю-роботу. Тот был неизменно исполнителен, точен, аккуратен. Но редактор все же прав. Гений подготавливает отлично аргументированные статьи, а Рэм старается внести в них человеческую живинку, и все равно чувствуется, что каждая написанная вещь — продукт совместной деятельности человека и машины.

Так кто же виноват в этом? Рэм вспоминал, как он работал до появления робота. Факты, цифры? Нет. Успех очерка или статьи обычно зависел от его соб-

ственной настроенности, психологического осмысления событий. Ритм каждой вещи определялся ритмом самой жизни, степенью взволнованности Рэма. Он писал на едином дыхании, интуитивно чувствуя самое главное и отметая все второстепенное.

Но что такое интуиция? Разве это не качество, позволяющее, благодаря огромному опыту, выбирать самое правильное решение почти автоматически? У Гения этот опыт был. Его вложили в Гения в чистом виде... В чистом виде? Вот, по-видимому, в чем загвоздка. Можно препарировать все сюжетные ходы и стилистические уловки, а новое создать трудно. Очевидно, новое рождается где-то в области ошибок, отклонений... Гений никогда не ошибается, и потому подготовленные им для Рэма «болванки» статей тошно читать.

Рэм открыл глаза и взглянул на Гения. Конструкторы постарались сделать робота похожим на человека. Глаза, уши, рот, нос. Гибкие конечности из синтетических материалов. Он мог видеть, слышать, говорить, осязать... Если было нужно, он говорил, какова температура предметов, которых касался. Он не только видел, но и точно определял расстояния. Голова его поворачивалась на триста шестьдесят градусов. Большие раковины ушей улавливали не только звуки, но и радиоволны любой длины. В пластик были впечатаны микроминиатюрные схемы локаторов, радиостанций, различных определительных приборов и счетно-решающих устройств. Собственная память его была огромна, но, кроме того, он в любой момент мог связаться с Информационным центром и получить нужные сведения.

Ученые уже давно пользовались услугами роботов-секретарей. Роботы проделывали колоссальную черновую работу, проверяли гипотезы, помогали ставить опыты, записывали, а потом извлекали из своей памяти все побочные соображения ученых, обрабатывали и тотчас передавали в Информационный центр результаты исследований. Теперь уже каждый ученый знал состояние дел у всех своих коллег, брал на вооружение или научно опровергал их выводы.

А совсем недавно академия сочла возможным снабдить роботами некоторых композиторов, писателей, журналистов. Первые результаты этого опыта оказались не очень удачными. Впечатление от их творчества было такое, будто кто-то вдруг обескрылил их фантазию и заставил пережевывать все то, что было написано прежде.

Рэм уже обдумывал броскую статью о влиянии роботов на психологию творцов, как Гений бесстрастным тоном произнес:

— Готово.

И Рэм стал прослушивать и просматривать удивительную историю. Воображение рисовало ему картины, в которых оживали сухие факты того, что уже давно стало историей.

2

Пилот разведывательного конвертоплана Николай Семенов не спускал глаз с экрана визуального прибора. Внизу проплывал участок 4817 обратной стороны Луны. Картографический отряд производил подробную съемку лунной поверхности.

Приборы автоматически регистрировали высоту точек и «привязывали» к ним фотоснимки. Безжизненный лунный пейзаж давно стал привычным, и летчик без особого интереса разглядывал скалистые отроги возвышенностей, пустынные плато, покрытые полуметровым слоем пыли.

Семенов зевнул и стал думать о том, как, в сущности, быстро человек привыкает к космосу. Гагарин облетел Землю в год его рождения, а теперь облеты Луны стали будничной службой, потерявшей всякую романтическую необычность. А еще лет через десять станут обычными и командировки на Марс — холодную планету.

Показалась гора со странной срезанной вершиной. На эту плоскую, как стол, площадку Семенова попросили обратить особое внимание. Он выключил съемочную аппаратуру, и конвертоплан пошел на

снижение. Площадка, имевшая на экране вид крохотного светлого диска, стала быстро увеличиваться в размерах. Посредине ее возникла черная точка. Семенов равнодушно подумал, что это, наверно, осколок метеорита или выход твердой породы, не успевшей разрушиться от резкой смены лунных температур.

Но уже через секунду черное пятнышко завладело его вниманием целиком. Оно имело... правильные геометрические формы. Это был черный квадратик.

Что за чертовщина? Людей в этом районе быть не могло. Семенов знал это определенно. Природа в кристаллических образованиях тоже придерживается правильных геометрических форм. Но кристалл такой величины! Семенов посмотрел на приборы. Сторона квадрата около пяти метров!

Теперь уже было ясно видно, что черный предмет — это невысокая пирамида с квадратным основанием. Семенов поежился от радостного озноба.

Энтузиасты с фантастическим складом ума до сих пор еще увлеченно рылись в старинных книгах, отыскивали места, трудноподдающиеся объяснению, и с их помощью пытались доказать, что некогда Землю посещали гости из космоса, оставив повсюду следы своего пребывания. Трезво мыслящие ученые одергивали фантастов, неопровержимыми выкладками они доказывали всю беспочвенность этих утверждений.

До пирамиды оставалось несколько сот метров. На экране локатора контуры пирамиды по-прежнему были видны четко, но в приборе визуального наблюдения она вдруг исчезла. Какая-то серая клубящаяся масса стала расти на глазах и скрыла не только пирамиду, но и ровную площадку на вершине горы.

«Пыль! — тотчас подумал Семенов. — Проклятая пыль!»

Он опустился слишком низко, и струи раскаленных газов, вырывающихся из сопел конвертоплана, коснулись лунной поверхности. Теперь пыль будет висеть над горой много суток.

Семенов вспомнил, сколько неприятностей причиняла пыль экспедициям на Луну. Космические корабли садились в кромешную ледяную тьму. На километ-

ры кругом вздымалась плотная пылевая завеса. Глубокие расселины с совершенно отвесными стенами стали могилой нескольких смельчаков, отправившихся на разведку до того, как осела пыль.

Сразу же был отдан строжайший приказ, запрещавший всякое движение в первые сутки после прилунения. На вторые сутки разрешался выезд вездеходов, снаряженных чуткими радиолокаторами.

Правда, теперь базовый космодром, находившийся на ровном каменистом плато, был тщательно очищен от пыли. Время от времени специальные газовые установки сдували пыль и отгоняли серые облака подальше. Но разведка лунной поверхности по-прежнему производилась с конвертопланов, и доступ к открытым залежам ценных руд и минералов был сильно затруднен.

Семенов решил связаться с базой по радио. Проблема радиосвязи на Луне была разрешена в первую очередь. Связь на коротких и ультракоротких волнах возможна только в пределах прямой видимости. Вокруг Луны нет ионизированных слоев, облегчавших радиосвязь на Земле, и поэтому на лунных орбитах постоянно висело несколько ретрансляционных спутников-автоматов.

— База, база, я Семенов, соедините меня с Петросяном.

— Петросян слушает, — сказал голос с неистребимым акцентом.

— Армен Аршакович, нахожусь в квадрате 4817. По вашему указанию спустился к горе со срезанной вершиной. Обнаружил там пирамиду. У нее квадратное основание со стороной около пяти метров. Это разумные существа ее сделали, Армен Аршакович...

— Спокойно, Семенов, спокойно... Не надо фантазировать. Надеюсь, вы не предприняли попытки сесть возле своей пирамиды? Там, наверно, теперь пыль столбом.

— Нет, я не садился, но напылил достаточно...

— Возвращайтесь на базу. Посмотрим, подтверждаются ли ваши фантазии фотосъемкой.

— Слушаюсь, Армен Аршакович.

3

Рэм оторвался от документов и взглянул на Гения. Робот с готовностью повернул к нему голову. Интересно, о чем он сейчас думает? А может быть, он совсем не думает и лишь копит, копит информацию, которой насыщен эфир. Думать он будет потом... когда ему прикажут. Нет, наверно, он все-таки думает.

— О чем ты думаешь, Гений?

— Я думаю, как исполнить ваше указание об эмоциях, и изучаю все имеющиеся сведения по этому вопросу.

— И много таких сведений?

— За последние двести лет опубликовано восемнадцать тысяч шестьсот сорок три работы только по вопросу формализации литературного труда, поставлено восемьдесят девять опытов на электронных устройствах и роботах. Но, по отзывам компетентных специалистов, блестящих результатов эти опыты не дали. По расчетам роботов из статистического бюро, наиболее эффективно человекообразные машины используются в условиях, неблагоприятных для живого организма — при больших давлениях, в зонах смертоносных излучений...

— Постой, постой, это я знаю и без тебя. Меня больше интересует, что тебе известно о попытках сформулировать литературные приемы, оказывающие эмоциональное воздействие.

— Одной из первых попыток была работа американского писателя Эдгара По «Философия композиции», написанная в 1846 году. Он первый утверждал, что ни один компонент литературного творчества не создается случайно или интуитивно, а всегда является плодом работы разума, вполне поддающейся учету. Разбирая свое стихотворение «Ворон», он с самого начала определил, что наиболее цельное впечатление создается от произведения, объем которого не превышает ста строк. Самое сильное воздействие на читателей того времени оказывал, по словам По, «тон печали». Для усиления эмоционального воздействия По выбрал печальный припев, в котором преобладали

звучная гласная «о» и выразительная согласная «р». По писал: «Что наиболее печально?..» — «Смерть», — гласил явный ответ. «И когда эта наиболее печальная область наиболее поэтична?..» — «Когда она наиболее тесно сочетается с Красотой». Итак, смерть красивой женщины, несомненно, есть самый поэтический замысел, какой только существует в мире, и равным образом несомненно, что уста, наиболее пригодные для такого сюжета, суть уста любящего, который лишился своего счастья». С этой целью По...

— Скажи мне, Гений, — задумчиво перебил робота Рэм, — а не думаешь ли ты, что все это Эдгар По придумал после того, как стихотворение было написано?

— Стихотворение опубликовано в январе 1845 года. Однако сейчас теория информации учит нас, что восприятие сообщения зависит не только от намерений информатора, но и...

— Гений, ты прелестный собеседник, но, мне кажется, тебе надо обобщить про себя все новые познания и основательно их прочувствовать.

— Чувство — это способность ощущать, испытывать, воспринимать внешние впечатления, а также переживать, понимать что-нибудь на основе ощущений. Иногда чувство — синоним слова «любовь», которое означает самоотверженную привязанность.

— Ты обладаешь удивительной способностью лишать первозданной красоты любое слово, любое понятие. Ладно, отложим наш разговор. Приступим снова к работе. Итак, мы остановились на том, как летчик Семенов обнаружил пирамиду. Прокрути эту ленту с записью телерепортажа...

4

— Граждане Земли! Говорит телестудия «Космос». Мы ведем передачу из квадрата 4817 обратной стороны Луны. Наша аппаратура установлена на плоской вершине горы «Находка». Перед вами уже известная пирамида, обнаруженная пилотом разведывательного конвертоплана Николаем Семеновым. На-

помню коротко, что в результате длительной дискуссии Академией наук принято решение вскрыть пирамиду ввиду невозможности транспортировки ее на Землю. Большинство ученых предполагает, что пирамида полая и предназначена для хранения письма от тех, кто ее создал...

— Здесь, на площадке, собрались виднейшие ученые — специалисты в области космических полетов, резания твердых материалов, лингвистики... Этой представительной комиссии и поручили вскрыть пирамиду. Площадка и склоны горы заранее очищены от пыли. Она еще не осела вокруг и потому вам не виден столь знакомый по нашим передачам лунный пейзаж...

Металлургами установлено, что пирамида отлита из сверхпрочного сплава железа с редкими металлами. Сплав этот не поддается ни коррозии, ни другому воздействию сил природы. Пирамидальная форма и прочность сооружения служат надежной гарантией от разрушения его метеоритами...

Вот на площадку поднимается известный логик, член Совета теоретиков Иван Данилович Драч. Иван Данилович, просим вас сказать несколько слов нашим телезрителям. Как вы думаете, кем создана эта пирамида?

— Э... видите ли, наука логика, которую я представляю, берет, так сказать, в качестве исходных данных для своих построений факты, уже вполне определенные. Еще ничего э... неизвестно. Не будем лезть, так сказать, поперед батьки в пекло.

— Простите, Иван Данилович, но мы не просим вас высказываться определенно. Не могли бы вы поделиться с нашими телезрителями своими предположениями, хотя бы и не построенными на основе простых фактов?

— Ну что ж, разве что, так сказать, пофантазировать. Если исходить из предположения, что некогда Луну посетили, так сказать, космические пришельцы, то можно задать вопрос: почему же они не побывали на Земле? А если побывали, то почему они оставили свою пирамиду не на Земле, а на Луне? И причем не

на видимой стороне Луны. Поскольку уже доказано, что древние циклопические сооружения на Земле созданы не гостями из космоса, а людьми ранних цивилизаций...

— Извините, Иван Данилович, я вас перебью... Дорогие телезрители, вы видите новейшие приборы для резания твердых материалов. Сейчас их опробовают. Приходится опускать на иллюминаторы гермошлемов темные заслонки. Температура огненного лезвия достигает ста тысяч градусов... Пожалуйста, продолжайте, Иван Данилович.

— Как я уже говорил до того, как меня перебил этот молодой человек, циклопические сооружения созданы обыкновенным земным, так сказать, человеком. Может последовать законный вопрос: а не человеком ли создана эта пирамида? В эпоху какой-нибудь давно погибшей мощной цивилизации? На этот вопрос мы отвечаем отрицательно, так как не располагаем достоверными фактами. Ответ надо искать внутри пирамиды...

— Простите, Иван Данилович. Кажется, начинают резать пирамиду...

— Нет уж, простите вы, молодой человек, так сказать... Раз я начал говорить, то теперь выскажусь до конца. Итак, мы с вами отнеслись отрицательно к земному происхождению пирамиды, хотя и не исключили возможности подобного решения вопроса. С другой стороны, весьма вероятно, что некогда Землю посетили наши ближайшие космические соседи. Видимо, они сочли людей, населявших в то время Землю, недостаточно цивилизованными и решили не вступать в контакт с землянами. Во всяком случае, они не захотели поделиться с землянами своими знаниями, которые могли быть использованы во вред человечеству. Но они не оставили надежды войти в контакт с людьми на определенной стадии развития человеческой цивилизации. Как же им было определить эту стадию? Очевидно, что достижение обратной стороны Луны люди могли осуществить только, обладая большими познаниями материального мира и урегулиро-

вав должным образом свои общественные отношения. Весьма возможно, что в пирамиде...

— Еще раз простите, уважаемый Иван Данилович. Дорогие сограждане, вы присутствуете при историческом событии... На ваших глазах была вскрыта мертвая оболочка пирамиды... Еще несколько секунд... Проем уже освещен. Извините, вы заслоняете объектив... Председателю комиссии передают единственный найденный в пирамиде предмет... Вот его сейчас ясно видно... Это небольшой кубик... Вы видите озабоченные лица членов комиссии. Кубик совершенно гладкий. На нем нет никаких следов письмен или знаков. Приблизимся к членам комиссии и послушаем их мнение.

— ...Хрупкая кристаллическая структура. Это может быть как естественным минералом, так и искусственно выращенным кристаллом.

— Это говорит известный геолог профессор Ходжаев... Теперь кубик находится снова в руках председателя комиссии.

— Теперь мы окончательно убедились, что и пирамида и кубик дело рук неизвестных нам разумных существ. Возможно, разгадка кроется внутри кубика. Несмотря на то, что приборы не показывают каких-либо излучений из кубика и пирамиды, я считаю, что из предосторожности этот предмет нельзя везти на многолюдную базу, а тем более на Землю. Предлагаю вскрыть кубик на месте. Ставлю вопрос на голосование. Принято единогласно. Дайте, пожалуйста, молоток.

— Дорогие сограждане, остаются считанные секунды...

5

— Гений, — сказал Рэм, когда погас экран, — вернемся к человеческим чувствам. Как ты думаешь, каким литературным приемом можно показать разочарование?

— Разочарование, — ровным голосом произнес робот, — это чувство неудовлетворенности, появляющееся в результате несбывшихся ожиданий. За не-

сколькими сообщениями, содержащими подробную гипотетическую информацию о явлении, следует сообщение с минимальной информацией, предельно повышающей энтропию предыдущих высказываний...

Но Рэм уже не слушал робота. Он как бы снова увидел лица людей, столпившихся вокруг председателя комиссии. Выражение глаз — само ожидание. Молоток, занесенный над кубиком неведомого вещества. И удар...

Кубик хрустнул и распался на десятки осколков. Председатель разгреб их руками и недоуменно посмотрел на склонившихся людей. На экране не было видно, что там среди осколков. Но по гримасам разочарования, странно исказившим лица, стало ясно: кроме осколков, там ничего нет.

— А теперь, — вещал по-прежнему бодрый голос диктора, — осколки таинственного кубика будут доставлены на Землю и подвергнутся всестороннему анализу в лабораториях Академии наук.

Рэм перебирал и просматривал документы. Он прослеживал многолетнее путешествие осколков по лабораториям. Их растирали в порошок, рассматривали в микроскопы, растворяли в кислотах, испытывали на сжатие, подвергали спектральному анализу...

Когда была уничтожена большая часть осколков, неожиданно открылось некое отсутствие закономерности в расположении кристаллов, что чрезвычайно смутило ученый мир Земли.

Осколки были как бы слеплены из мельчайших хрупких кубиков двух видов. Каждый из двух видов имел почти одинаковое количество атомов элементов, широко распространенных на Земле. Но в одних кубиках была примесь лантанидов, а в других ее не было. «Лантанидные» кубики чередовались в каждом ряду с «чистыми» кубиками в самой непонятной пропорции, без всякого видимого порядка.

Была объявлена неестественной сама кубическая форма кристаллов, а тем более их чередование. Природа не могла создать ничего подобного. Значит, минерал создан искусственно. Но для чего было

создавать эти ряды хаотически перемешанных кубиков?

Уже успели стать маститыми и состариться безусые лаборанты, которые когда-то с благоговением взирали на осколки только что привезенные с Луны, уже успели защитить диссертации новые поколения лаборантов, а тайна Лунного кубика так и не была разгадана.

Приходили в недоумение солидные ученые мужи, посвятившие жизнь каталогизации порядка (или беспорядка) расположения «лантанидных» и «чистых» кристаллов. Разжигались фантастические страсти у дебютантов в науке. Образовались школы, школки, выделились отдельные бунтари, получавшие суровые отповеди в печати.

Постепенно затихали ученые споры, позабылись первоначальные гипотезы, и выросла многотомная литература, плод раздумий жрецов науки кубологии. Два соперничающих между собой кубологических института выпускали пухлые ежегодники, посвященные микроструктуре осколков. Разрослась терминология. Споры по поводу нее привели к тому, что разные ученые называли одни и те же явления по-разному и уже не понимали друг друга.

Рэм мучительно вглядывался в диаграммы, отчеты, снимки микроструктур и твердо знал, что писать ему будет трудно. Наука об осколках зашла за ту грань, позади которой теряется здравый смысл. Есть факты, есть результаты опытов, есть... Нет главного — утеряна цель работы. Кубология превратилась в науку, обслуживающую только самое себя. Избыток терминологии, решение побочных проблем, обработка обильной информации, создававшейся самими же кубологами, полностью занимала их время.

Написать об этом? Но, может быть, он не разобрался, в чем тут дело. Рэм представил себе разъяренные лица кубологов, бурные совещания ученых советов и дружную «отповедь невежественным лицам, ставящим под сомнение достижения нашей науки». И к тому же они искренне верят в то, что делают большое и нужное дело.

Рэм рассматривал сменяющие друг друга на экране схемы расположения кубиков. «Лантанидные» — черные, «чистые» — белые.

— Что бы это могло быть? — спросил он машинально вслух.

И послышался ровный голос Гения:

— Двоичный код.

— Повтори-ка, что ты сказал.

— Я сказал, двоичный код.

— Гений, ты гений.

6

Черт побери! И как просто! Великое всегда просто. Конечно же, двоичный код.

Рэм старался припомнить все, что знал о двоичной системе счисления. Это самый удобный и простой код, получивший распространение с изобретением быстродействующих электронных вычислительных машин — предков наших роботов. Этим кодом пользуется нервная система человека. Нейрограмма состоит из сочетаний импульсов тока и пауз между ними. Два состояния: есть ток, нет тока. Импульс и пауза. Единица и нуль. «Да» и «нет».

Это самое меньшее, что мы можем узнать. Единица знаний. Любое сложное логическое построение состоит из таких единиц. В двоичной системе кодируются числа, буквы, что угодно. Еще Лейбниц восхищался «чудесным порядком» в математических вычислениях при пользовании двоичной системой.

Да, сочетания белых и черных значков на экране — это двоичный код. Самое простое, что только могли придумать высокоцивилизованные существа. А люди мудрили, мудрили и перемудрили. Большая часть кубика раскрошена, сожжена, растворена, подпорчена земной атмосферой...

Какие знания таил в себе весь кубик? Что дадут человечеству немногие сохранившиеся его осколки? Сколько еще предстоит работы логикам и лингвистам для того, чтобы расшифровать сообщения неведомых создателей кубика и пирамиды?

— Гений, как ты догадался, что это двоичный код?

— Мы, роботы, знали это всегда. Большинство из нас работает на основе двоичной системы счисления.

— Тогда почему же вы не сказали этого людям?

— Нас никто не спрашивал. Четвертый пункт нашей программы гласит: «Делать только то, что приказывает человек».

— Немедленно передай в Информационный центр, что порядок расположения кристаллов представляет собой двоичный код, а потом займись подготовкой очерка.

— Слушаюсь.

Теперь Рэм знал, что ему писать. Он любил это радостное возбуждение, во время которого слова льются легко, свободно...

— Послушай, Гений, как тебе нравится такое вступление к очерку? «Бывает у меня желание остановиться и взглянуть на себя со стороны. Кто ты, спрошу я себя, почему ты мечешься? Разве ты не можешь создать для себя мир, где нет ни мук, ни разочарований, где все кристально ясно и освещено непомерной радостью. Нет, отвечу я себе, не хочу. Без мук не было бы радости, никогда не разочаровывается только тот, кто не живет совсем. Так я подумал, когда вспомнил длинную историю маленького кубика, который сегодня, возможно, укажет человеку новые пути к звездам». Ну?

— Сообщение содержит мало информации, — ответил робот. — Формулировки расплывчаты. Я подготовил статью, как мне было приказано.

Рэм обиделся. Он взял из руки Гения листы бумаги и стал читать. Пробежав глазами первую страницу, он поморщился.

— Гений, а вы все-таки дурак, — сказал Рэм.

В тоне его голоса звучали мстительные нотки.

Д. БИЛЕНКИН

ПРИЛЕЖНЫЙ МАЛЬЧИК И НЕВИДИМКА

«Хочу отлично кончить школу, потом институт, затем делать открытия».

Не помню, в каком классе, в каком из сочинений на вечную тему «Кем я хочу быть» Илюша Груздев написал это. Может быть, ему было тогда четырнадцать лет, а возможно, и семнадцать. Ясно вижу другое: мальчика в серой курточке с отложным воротничком и красным от старания затылком, склоненного над аккуратной тетрадью, в которой он аккуратным почерком пишет о своем желании делать открытия и аккуратно промокает последнее слово.

Похвальбой здесь и не пахло. Груздев никогда не хвалился, никогда не витал в облаках, он точно и прилежно следовал выработанной им программе жизни. Раз он написал «хочу отлично кончить...», он и кончил школу на круглые пятерки.

В институте он был для нас живым укором. Кто-то убегал с лекций на концерт, — Илюша сидел от звонка до звонка, круглым и четким почерком записывал лекцию слово в слово. Кто-то влюблялся, и наука переставала для него существовать — Груздев дотемна сидел в лаборатории, переливая содержимое колб в пробирки и обратно. Кто-то хрипел в спорах о жизни, искусстве, его же озарял зеленый свет лампы в читальне. Словно какой-то уверенный и бесстрастный автопилот вел Илюшу сквозь все соблазны и помехи от одного пункта его программы к другому. «Видите ли, игла только потому легко проходит сквозь твердый материал, что она тон-

ка...» — сказал он однажды, когда мы его всерьез прижали. Сказал серьезно, убежденно и тотчас склонился над книгой.

За глаза мы называли его именем того самого чеховского ученого из рассказа «Скучная история», который прилежен, но пороха не выдумает. Позднее я понял, что это не так. Груздев был героем иных горизонтов. Хитрый Ньютон во времена о́ны пустил гулять по свету историйку, что яблоки (то бишь открытия) висят невысоко и сами валятся на голову. Конечно, Ньютон издевался. Яблоки (то есть открытия) висят так высоко, что до них запросто не дотянешься. Кто-то гениальный умеет сбивать их ловко заброшенным в поднебесье камнем эксперимента или теории. Для этого, кроме гибкой руки, нужен, очевидно, необычайный глазомер. Но есть и другой путь. Старательно, изо дня в день, без взлетов, зато упорно, громоздить камень за камнем пирамиду опытов, фактов, пока останется лишь привстать с гранитной вершины, чтобы сорвать редкостный плод. Чеховский герой умел воздвигать пирамиду. Делал он это не только с прилежанием муравья, но и с его сообразительностью. Пирамида громоздилась наобум, вершина ее была нацелена в «белый свет, как в копеечку». Но даже если бы ее острие случайно и коснулось плодоносящей ветви, чеховскому ученому и в голову бы не пришло протянуть руку. Его могла бы привести в сознание только внушительная шишка, но в отличие от яблок открытия сами на голову не валятся.

Груздев и рад был бы лихо сшибать в научных поднебесьях грозди открытий, для того он и ограничивал себя, но чего-то ему не хватало. Лишь много лет спустя я понял чего. Его рука двигалась лишь в одной плоскости и своенравно отказывалась обрести гибкость руки гения. Да и глазомер подвирал; точнее, он походил на сильный бинокль, которым мы пытаемся возместить природный недостаток зрения, но который, позволяя четче видеть, сужает поле зрения. А Груздев так тщательно и долго мастерил себе бинокль, что уж и не мог его отнять от глаз.

А метко прицелиться, упершись взглядом в бинокль, — предприятие неимоверной трудности.

Естественно, Груздев стал строителем пирамиды. Но он все же знал, как ее возводить, и куда вести кладку, и где надо подпрыгнуть...

Шли годы, а он все строил и строил. Спал, ел и строил. Ведь сделать открытие, хотя бы одно, было конечным пунктом его жизненной программы, его целью, мечтой и страстью. Им восхищались: верней не им, а его трудолюбием, само- и всегозабвением. Ему присудили кандидата, затем доктора наук, кладкой его пирамиды уже столькие воспользовались, как трамплином фактов, что было просто неприлично обделить его учеными званиями.

Я его терял на долгие годы из виду, а когда встречал, то находил его все тем же прилежным мальчиком с краснеющей от прилежания шеей и аккуратным почерком, которым записывалось все относящееся к делу и только относящееся к делу. Он и старел будто по программе: в тридцать появились морщинки и залысины, в сорок он страдал геморроем, в пятьдесят его одолела гипертония, а над лысинкой петушиными гребнями курились жидкие седины. Но открытий все еще за ним не значилось. Я уж было решил, что его программа так и останется невыполненной, но я, оказывается, был плохого мнения о достоинствах прилежания и самоограничения.

Однажды он появился у меня. Лицо его сияло скромным торжеством, совсем как в школьные дни, когда он получал несколько пятерок подряд.

— Поздравь меня, — сказал он. — Я сделал открытие.

— Поздравляю. А что за открытие?

— Наконец-то после тридцати лет поиска я нашел способ, как сделать человека невидимым.

— Да ну?!

— Уже проверено на опыте.

Первой моей мыслью, сознаюсь, было: «Немыслимо, чтобы Груздев...» Как вдруг меня осенило. Все же очень просто: он, наконец, закончил возведение своей пирамиды. И сорвал то, к чему прилежно тя-

нулся всю жизнь. Что-что, а математические расчеты у него всегда были безукоризненны.

И я преклонился перед ним.

— Мне нужна твоя помощь, — торжественно сказал он. — Я передал все материалы в Комитет открытий, и меня сегодня вызвали туда. Я, знаешь, никогда не сталкивался...

Он смущенно пошевелил пальцами. Я понял, что он имеет в виду. Он никогда не сталкивался с тем, что выходит за пределы чистой науки, дабы не отвлекаться. В восторге, что могу быть ему полезен, я вместо ответа бросился его обнимать. Он неловко, но с достоинством принял мои излияния восторга.

Эксперт Комитета открытий меньше всего выглядел чиновным сухарем. Лобастый, живой, его глаза из-под выпуклых очков взирали на мир с неукротимым любопытством.

— Мы рассмотрели вашу заявку, — сказал он Груздеву. — Необыкновенное количество фактического материала! Бездна работы! Еще никто не прилагал столько усилий, чтобы сделать открытие. Вам памятник надо поставить.

Груздев застенчиво сиял.

— Просто я шел всю жизнь к этому. Только к этому...

— М-да... — Лицо эксперта выразило сострадание. — Но дело вот в чем... Мы вызвали вас, чтобы вы нам помогли. Открытие должно нести пользу людям, таков закон. Вот мне и хотелось бы узнать, какую пользу может принести ваше открытие...

— Как! — изумился Груздев. — Незримый, всепроникающий, неуловимый человек — это... это... Об этом мечтали, к этому стремились... Фантасты писали...

— А зачем человеку невидимость? Во времена Уэллса — чтобы безнаказанно воровать деньги. Но, простите, в нашем коммунистическом обществе, где денег нет...

— М-м... Да, вы правы, но... Военное применение, скажем...

— На земле давно вечный мир!

У Груздева привычно покраснела шея.

— Ведь и верно, войн уже нет, как же я забыл... Но ведь могут быть и мирные применения!

— Какие?

— Ну...

Груздев замолчал в растерянности.

— Это... как его... На пляже если переодеваться... Неудобно. Вот тут невидимость...

Эксперт поморщился.

На Груздева было жалко смотреть — вот-вот заплачет. Таким я его видел лишь однажды, когда он — не то в седьмом, не то в десятом классе вдруг получил двойку.

— Может быть, человека удастся делать невидимым постепенно? — с надеждой спросил эксперт. — Чтобы, скажем, сначала исчезли мускулы... Это могло бы иметь значение в медицине.

Груздев помотал головой.

— Совсем же другой принцип... Человек либо видим, либо невидим.

Эксперт сокрушенно вздохнул.

— Да, задали вы задачку... Но давайте думать! Не может быть, чтобы такое выдающееся открытие было бы совсем бесполезно.

И мы думали. Мы напряженно, до пота думали, ибо теперь от нас зависела судьба Груздева.

— Эх, хоть бы шпионы еще были, — даже пожалел я. — Какая была бы для них находка это открытие...

— Шпионов, слава богу, тоже давно нет, — жестко отрезал эксперт.

Я попытался представить себя невидимым, может быть так лучше найду выход? Вот я встаю невидимый, сажусь завтракать, и чашка кофе, наобум протянутая женой, ударяется мне в плечо... Брр! На улице... Ну уж нет, я не хочу, чтобы меня толкали. В лаборатории? Там, споткнувшись о мое прозрачное тело, меня могут облить чем-нибудь похуже горячего кофе. Концентрированной кислотой, например. В лесу на прогулке? Ну, и что, какие преимущества мне это

дает? В театре? В театре мне случайно сядут на колени. Хотя...

— Нашел! — подскочил я с места. — Для театра! Когда по ходу действия на сцене появляется какая-нибудь тень отца Гамлета!

— Но ведь таких пьес немного, — усомнился эксперт.

— Ну и что? Ну и что? Все польза!

— И в самом деле польза, — обрадованно заулыбался эксперт. — Вполне достаточная, чтобы оформить невидимку как изобретение новой детали театрального реквизита.

Я повернулся к Груздеву, чтобы спросить, как он относится к предложению. Но увидел пустое кресло. Невидимая рука отворила дверь кабинета, проскрипела половица, и дверь аккуратно притворилась за невидимым Груздевым.

Больше я Груздева не видел. Одни говорят, что он долго ходил среди нас невидимым, чтобы в таком состоянии легче сыскать применение своему запоздалому открытию, и его в конце концов сшиб автомобиль. Другие утверждают, что Груздев налаживает в театре сцены, где появляются привидения.

ОБЫКНОВЕННАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА

Наверху были перелески, топкие мочажины, серые домики деревень, в пасмурные дни похожие на усталых наседок. А внизу под двухкилометровым слоем песчаников, сланцев, известняков лежали черные озера, никогда не видевшие света.

Уже сотни миллионов лет в эту теплую от подземного жара, насыщенную углекислотой, сероводородом, углекислым аммонием воду не проникал с поверхности ни единый атом кислорода, не просачивалась ни одна капля дождя. Спокойствие, чуждое поверхности спокойствие, простерло крылья над смоляной поверхностью озер, переплетением тоннелей, куполами пещер. Иногда водную гладь колыхали подземные толчки; как легкое дыхание, ее шевелило лунное притя-

жение; лучи радиации, идущие из кристаллических недр, где распадались радиоактивные минералы, неустанно пронизывали толщу озер. Но это были движения отнюдь не губительные, наоборот, необходимые для того, чтобы нить развития без обрывов пряласъ все дальше и дальше.

И все шло так, как оно должно было идти по непреложным законам природы. Сначала радиация связала часть углекислоты, сероводорода и аммония в аминокислоты. Потом возник белок, и началось великое таинство зарождения жизни... Природа, благо вновь создались подходящие условия, слепо повторяла эволюцию, однажды уже свершившуюся на земле миллиарды лет назад почти в таких же минеральных, теплых, спокойных лагунах.

Самые первые, крохотные, беспомощные, но уже живые существа звездочками эволюции вспыхнули в черной воде озер, когда на поверхности появились шумные люди в ковбойках и высоких сапогах. Скрежещущее долото бура пронзило толщу пород, и ахнули, пошли кругами волн тихие воды вечной ночи. Вместе с буром в подземелье хлынул ручей промывочной жидкости, и там совершилась незримая и быстрая катастрофа: вода, которая пришла с поверхности и которая несла кислород, химические реагенты, убила первых, еще не окрепших существ эволюции — микробов. И когда насосы выбросили на поверхность струю минеральной воды, уже ничто не говорило о ней, как о недавней колыбели живого.

Встряхнув пробирку, аналитик поморщился.

— Отличная минеральная вода. Но загрязнена органикой.

— Придется ставить фильтр очистки, — возразили ему.

— Но это на полкопейки удорожит стоимость воды.

— Ну и что? Москва хочет пить, а эта вода под боком. Кстати, как мы ее назовем?

— Как обычно: «Московская минеральная». Какой у нас там номер по порядку? Ага, так и напишем на этикетках: «Московская минеральная № 3».

...В жаркий летний день, когда каблучки женщин пятнают асфальт дырочками, к ларьку протиснулся пожилой, обливающийся потом мужчина.

— Стакан боржома, — сказал он, протягивая гривенник.

— Боржома нет, — через плечо бросила продавщица.

— Тогда ессентуки.

— Тоже нет. Есть «Московская минеральная № 3».

Человек перед этим много часов просидел за письменным столом, пытаясь обобщить все известные науке факты и найти ускользающую догадку происхождения жизни на Земле, то, как возникли и как выглядели самые первые организмы. Он был настолько поглощен этим, что химический состав минеральной воды, отпечатанный на этикетке и точь-в-точь отвечающий составу первичных морей, воспринял как должное. Как проекцию на окружающее одной из страниц своей рукописи.

— Черт знает что! Ладно, налейте стаканчик московской.

— Вам с сиропом или без?

— Конечно, с сиропом! И похолодней!

Продавщица вынула из холодильника запотевшую бутылку. Ученый с жадностью припал губами к ледяному стакану, шипящему пузырьками углекислоты, крякнул, вытер со лба пот и пошел по длинной, бесконечно длинной раскаленной улице к себе домой мучиться над тайной зарождения жизни.

Р. ПОДОЛЬНЫЙ

ПУТЕШЕСТВИЕ В АНГЛИЮ
Фантастико-исторический рассказ

Лайош Кабоц написал книгу о Джонатане Свифте: неплохо. Но было бы гораздо лучше, если бы Джонатан Свифт написал о Лайоше Кабоце.

Из венгерского юмора

Резным дубом отделана библиотека Дублинского архиепископа. А полки из красного дерева. Потому что глава англиканской церкви в Ирландии больше всего на свете любит книги и еще — человека, который сидит сейчас напротив него посреди всего этого великолепия. Тревожно всматривается старый архиепископ Кинг в его лицо. Как знакомы ему эти резкие черты! Крупный нос. Холодные и властные голубые глаза. Полные губы жизнелюбца. Не идет к этому гордому, а сейчас еще и очень печальному лицу черная шелковая сутана, сквозь которую у горла пробились белые кружева прямоугольного жабо.

Слушая прерывистую речь друга, вспоминает Кинг: враги печатно, а друзья устно давно удивляются, как ухитрился откровенный безбожник попасть в деканы Дублинского собора.

Но посторонние мысли быстро улетучиваются. Он поглощен чтением. О, эти отточенные желчные фразы, в которых ни слова не сдвинешь с места!

— Дальше еще не написано.

Свифт отодвинул рукопись.

Архиепископ дал волю долго сдерживаемому смеху. Он стирал с доброго морщинистого лица невольные слезы.

— Поистине, посрамили вы всю мудрость мира, Джонатан. Ведь надо придумать такое: толочь камень, чтобы делать из него подушечки для булавок. Или — хи-хи! — добывать удобрения из воздуха. А этот огурец, который объявляется концентратом солнечного света! Нет, не простят вам ученые таких насмешек. До скончания века не простят.

Судорога боли прошла по лицу слушателя этих восторженных речей. И, выпрямившись в кресле, он ответил:

— А может быть, я смеюсь не над учеными?

— А над кем же?

— Да над своими сегодняшними читателями. Над теми, кому все это кажется нелепым. А я точно знаю, — Свифт приглушил голос, — точно знаю, что все это возможно, как возможно построить и машины, пишущие книги. Почти все, о чем я пишу в «Путешествии в Лапуту», сбудется.

— Да вы еще и пророк, мой друг!

— Нет. Просто... легко говорить о будущем, когда пришел из него.

— Готовится еще одно путешествие Гулливера?

— Оно уже начато и еще не окончено: это путешествие в Англию. Я ведь сам и есть Гулливер; помните, в разделе о лилипутах... Девяносто одна цепочка, продетая в тридцать шесть замков?

— Так был связан Гулливер, — подхватил архиепископ. — Я, конечно, знаю, что вы имели в виду девяносто один памфлет, написанный для тридцати шести разных политических группировок. Но... в Лилипутию вы приехали из Англии, а откуда в Англию, дорогой сэр? — Архиепископ любил и умел поддержать веселую шутку. Правда, его чуть смущало погрустневшее лицо собеседника.

— С далекой-далекой звезды, милорд, — в тон Кингу ответил его подчиненный, — вернее, с планеты, которая вращается вокруг этой далекой звезды.

— Почему же ваше пребывание в Англии так затянулось?

— Я решил здесь остаться.

— Зачем же, сэр?

Мгновение — и архиепископ увидел, как посерело лицо Свифта, как сжались в кулаки руки. Но голос декана Дублинского собора был по-прежнему весел.

— Да, знаете, решил попробовать побороться с людскими бедами. Я был так счастлив, так счастлив до этого... Несчастье казалось мне уродством. Я не мог оставаться счастливым, зная, что такие уроды есть. Мне говорили, что все зря, ничего у меня не выйдет.

— Что именно зря и кто говорил? — Архиепископ наслаждался мыслью, что он первым слышит новое творение величайшего писателя века.

— Говорили капитан и члены экипажа, а зря — зря было оставаться. Они уверяли, что уже не раз и не два молодые энтузиасты пытались переделывать человеческие общества на других планетах. И всегда это вело лишь к насилию и злу. У каждого человечества, как и у каждого отдельного человека, должно быть детство. Обойтись без этого нельзя. Пока человечество не созрело, всякий контакт с ним бесполезен.

— И все-таки?

— И все-таки я был таким дураком, что остался. Один.

— Почему именно в Англии?

— Это как раз было естественно. Самая могущественная страна. Я решил стать ее правителем и для начала хотя бы покончить с войнами.

Архиепископ захлебнулся от удовольствия.

— Так вас же и называли диктатором Англии! Я помню вашу приемную, набитую послами и лордами. Граф Оксфорд, премьер-министр, был готов исполнить любое ваше желание.

— Мои памфлеты против его врагов охраняли власть графа. Конечно, благодаря этому быстрее кончилась проклятая война за испанское наследство...

Но власть моя над правителями оказалась призрачной, Кинг, вы же знаете. Я всегда говорил: если позволить великим мира сего распуститься, ими нельзя будет управлять, а их так распустили... Я был беспомощен, как слон. Вспомните! Гулливер оказался бессилен не только против великанов, но и против лилипутов. Что может человек, откуда бы он ни пришел, сделать один? Вот и стало в мире всего-навсего одним писателем больше. О, если бы нас было много, мы поставили бы этот мир с головы на ноги, силой заставили бы людей принять счастье.

Джонатан Свифт задыхался, руки его вцепились в ручки кресла.

— Счастье — и силой? — скептически покачал головой Кинг. — Да и как бы вас встретили на Земле? (Он невольно вошел в роль легковера.)

— Да, встреча вряд ли была бы радостной. Наверное, прав все-таки капитан, а не я, и моя жизнь, моя жертва прошли даром...

— Ваша жизнь — и даром? — ахнул архиепископ. — Ну, не мучьтесь, не увлекайтесь этой фантазией, Джонатан. Впрочем, ваш друг Аддисон тоже иногда воображает себя героем собственных произведений. Что с вами? Вы плачете Джонатан?! — вскричал потрясенный Кинг.

— Я не стучусь! — раздался веселый голос, и в библиотеку вошел шумный бездельник Дилэни, общий друг собеседников.

Вошел и остановился как вкопанный. Свифт молча пробежал мимо него к выходу, закрыв лицо ладонями. Новый гость озадаченно посмотрел ему вслед, потом перевел взгляд на Кинга.

— Что с ним случилось?

Архиепископ сидел неподвижно. Все в нем сопротивлялось желанию поверить в услышанное.

— Выдумщик? — пробормотал он. — Чего ждать от писателя, ни одной книги не издавшего под собственным именем. Или... Нет! Не может быть! Чтобы этот гений сошел с ума? Лучше не ломать голову. Тут недолго самому рассудок потерять. Одно знаю...

Впоследствии Дилэни рассказал в своих воспоминаниях, как он видел плачущего Джонатана Свифта. И пишет он далее, что на его вопрос архиепископ Кинг грустно ответил:

— Вы только что видели самого несчастного человека на земле.

ВПЕРВЫЕ
(Неисторический рассказ)

> Кибернетические машины могут захватить власть над людьми.
> (Кажется, *Винер*)

— Охота была неудачна, — сказал вождь. — А племени нужно мясо. Я долго терпел твое своеволие, Рик, но теперь довольно. Лошадь должна быть убита, ее мясо поделят охотники.

Юноша гордо вскинул голову.

— Ты не сделаешь этого! Лошадь уже слушается меня.

— Поэтому ты и хромаешь уже третью луну? Я не намерен ждать, пока ты сломаешь себе шею, как твой брат. Шаман со мной согласен...

Вождь взглянул в сторону старика, с напряженным вниманием слушавшего разговор. Тот важно кивнул головой.

— О сильнейший среди сильных, разреши, я объясню твои мысли этому неразумному юнцу.

— Только побыстрей. Эй, жена, разводи костер, скоро у нас будет мясо! — И вождь с безразличным видом присел на пень у хижины.

— Скажи, Рик, — начал шаман, — зачем ты не убил этого коня, а привел в деревню?

— Ты когда-нибудь мчался быстрее ветра, старик? Ты знаешь, что это такое — чувствовать себя в тысячу раз более быстрым, более сильным, более свободным?

— Но зато я не знаю и боли от удара копытом, я не падал с конской спины на камни!

— Мужчину нечего пугать, — вмешался вождь, — дело не в опасности. Лошади просто ни на что не годны.

Рик даже захлебнулся от возмущения.

— Это лошади ни на что не годны? Они могут делать все. Они потянут вместо нас соху и повезут грузы. Верхом на них мы будем преследовать быстроногих антилоп. Наши женщины мелют хлеб между двумя камнями. Конские копыта заменят и руки и камни. В битве лошади будут бить копытами врагов и перегрызать своими страшными зубами им глотки. Для нас наступит счастливейшее время. Лошади возьмут на себя тяжелые работы. Человек будет только приказывать им и делать то, что лошади не могут; рисовать на стенах пещер, сочинять стихи — словом, творить!

— Это-то и страшно! — выкрикнул шаман. — Люди, не знающие тяжелого труда, станут слабыми и беспомощными, Рик! Станут дряблыми мышцы и жирными сердца, о юноша.

— Мой дед рассказывал, о шаман, что когда люди взяли к своим огням собак, тогдашний шаман уверял, что мужчины разучатся охотиться.

— Он был прав, дерзкий мальчишка! Раньше охотник низко-низко опускал нос к звериному следу. Теперь он задирает его вверх — как же, ведь у собаки нюх лучше! А что мы будем делать, если собаки все передохнут или убегут? О, наши охотнички сами не поймают и зайца! Если вождь не помешает тебе сегодня, твои внуки разучатся даже ходить — за них это будут делать лошади.

— Да, это страшно, — прошептал Рик.

— Но это не самое страшное, — веско заговорил вождь. — Я вождь, потому что в племени нет человека сильнее меня. И волчью стаю тоже ведет сильнейший. Собаку, даже самую большую, я задушу одной рукой. А лошадь ударом копыта разобьет голову даже самому сильному человеку. Зубы у нее больше, чем у тигра. Если люди и лошади будут

жить рядом, хозяевами станут те, кто сильнее. Сейчас Рик носит своему коню траву. Через двадцать весен это будут делать все мужчины, и уже не по доброй воле. Ты сам увидишь, если доживешь, как люди станут рабами лошадей. Через много поколений племя будет проклинать твое имя... Но нет! Ведь сейчас ты убьешь свою никуда не годную и опасную лошадь! И довольно болтать! Костер уже горит, и племя ждет мяса.

— Ты велик не только силой, но и мудростью, вождь! — Шаман восторженно глядел на его мрачное лицо.

А Рик молча побрел прочь от костра к своей хижине, у которой была привязана первая почти уже прирученная лошадь. Вождь и шаман видели, как он медленно вытащил из-за пояса каменный топор и проверил пальцем остроту скола.

...Вождь хлопал себя ладонями по бороде, гася золотые звездочки искр, которыми рассыпался фонтан головешек. Каменный топор, брошенный меткой рукой, шлепнулся как раз в середину костра. А человек на коне кричал тем, кто сидел у огня:

— Негодная лошадь? Для одного-то она годится! Чтобы ускакать от вас. А там посмотрим!

Стук копыт затих вдали. Страшным ударом о камень вождь в приступе гнева раздробил свою палицу. Шаман лежал на земле, уткнувшись лицом в дрожащие ладони.

МОРЕПЛАВАНИЕ НЕВОЗМОЖНО

(Неисторический рассказ)

Участникам межпланетных перелетов грозит верное безумие.

Из интервью, опубликованного в американской газете.

Совет Мудрых заседал уже две луны. Две луны доступ в священную хижину был закрыт для всех, кроме двух старух, трижды в день приносивших пи-

щу и питье. Но и они не смели вымолвить ни слова. Никто не имел права влиять на решение Совета.

Да, две луны! Вопрос был достаточно серьезен.

И все-таки пора было кончать.

— Итак, — сказал председатель Совета Мудрых, старый Кич, прославленный создатель переносной колыбели, — прежде всего мне хочется еще раз поздравить молодого ученого Че с выдающимся успехом. Выдолбленное бревно, которому решением нашего Совета дано имя лодки, позволило расширить район рыбной ловли у берегов нашего Единственного острова. Однако группа совсем юных безумцев хочет использовать лодку, чтобы отправиться на поиски каких-то других островов.

При всем моем уважении к достижениям Че я должен отметить, что его лодка перевернется, едва только подует сильный ветер. Путешественники идут на верную гибель. Море, только море вокруг! А рифы! Акулы! Осьминоги!

Священное уважение к жизни человека... — оратор неожиданно всхлипнул. — Все вы понимаете мое волнение... Мой сын...

Великий Гр, получивший это имя за открытие хлебопечения, говорил раздраженно и резко.

— Эти разговоры об отплытии заставляют незрелые умы сочинять нелепые сказки, которые они называют гипотезами.

Охотник Оге нашел недавно в далеком лесу нож из такого камня, какого мы до сих пор не видели. Он заявил, что этот камень могли когда-то привезти пришельцы с «других островов».

С каких, когда, где, на чем?

Недостойно мудреца прибегать для объяснения непонятных явлений к таким фантастическим догадкам.

Что же касается самих сумасбродных планов... Никто из моих родных не собирается уплывать с острова, и естественная тревога не мешает мне в отличие от почтенного Кича трезво оценивать возможности лодки.

Уважаемый Че и его ученики недавно предложи-

ли такие ее усовершенствования, как весла и парус. Так называемый киль не дает лодке перевернуться. А рифы всегда можно обойти. Словом, за жизнь путешественников можно не бояться.

Но меня возмущает сама бесцельность этой затеи. Куда им плыть, этим сорвиголовам? Вон та черная точка на горизонте, как они утверждают, еще один остров. Но если это так, зачем бы наши предки назвали наш остров Единственным? И даже если там есть какая-то земля, то на ней наверняка нет ничего, что было бы достойно внимания. Тем более нет других людей. Правде надо смотреть в глаза. Я не люблю иллюзий, к которым так тянется молодежь. Мы единственные люди на Единственном обитаемом острове среди безграничного океана.

Словом, дерзких юношей надо заставить прослушать мой курс географии.

— И это уже будет для них достаточным наказанием, — пробурчал себе под нос Кич... и предоставил слово Биру, обессмертившему себя изобретением денег.

— Не надо быть пессимистом, — мягко заговорил великий финансист. — Кто-то утверждал во время оно, что никогда не станут люди отдавать за никому не нужные ракушки кур и плоды только потому, что эти ракушки названы монетами. Но прогресс остановить нельзя. Все мы знаем массу примеров торжества нового.

Лодка куда-нибудь да приплывет. Что, однако, получит от этого остров? Уплыть в море хотят молодые сильные люди, лучшие охотники, рыболовы и землепашцы. Кто вместо них возделает их поля, добудет зверя и рыбу? А ведь им еще придется взять с собой много мяса и хлеба, ананасов и бананов. Да и на паруса уйдет столько шкур, что можно было бы одеть десятки людей. Я уже не говорю о лучших деревьях, которые рубятся для изготовления лодок.

Никогда еще ученые и изобретатели не требовали от островитян таких больших жертв. А что они обещают взамен? Ничего конкретного! Разве что рыба вдали от берегов лучше пойдет в сеть, но никто

еще не был в открытом море и не может этого подтвердить, да и рыбы нам пока хватает. Словом, вся эта выдумка просто нерентабельна!

— Всегда вы так, меркантильный вы человек! — выкрикнул Зит, лучший лекарь острова. От гнева он, казалось, готов был накинуться на Бира с кулаками. — Значит, если бы эти молодцы доказали вам, что дело может дать прибыль, вы бы их на него благословили? Стыдно! Знаете ли вы, какая горькая участь ждет человека в открытом море?!

В течение луны я наблюдал за людьми, сидящими в лодках. Ничего не жалея для науки, готовый к любым жертвам, я поставил эксперимент и на себе.

Могу вам доложить, что лодку все время качают волны, все кажется зыбким и неустойчивым. От этого кружится голова, тошнота подступает к горлу. Я был вынужден прервать опыт и не рискнул повторить его. Я предостерегал наших новоявленных мореплавателей, говорил об ужасных последствиях этой болезни. Увы, слово старших так мало значит для современной молодежи. Эти юнцы утверждают, что болезнь, которую я назвал морскою, быстро проходит, что они больше не страдают ею. Мальчишки забывают, что чем дальше в море, тем выше волны, и болезнь набросится на них с новой силой.

Но это, поверьте мне, еще не самое страшное.

Вдали от родных берегов путешественников будет окружать только море. Ни клочка земли, ни зеленого деревца, ни хотя бы голого обломка скалы. Они не услышат ни пения птиц, ни шелеста листьев. Только волны, волны, волны и их бесконечный однообразный рокот. Страшнее пытки не придумаешь! Говорю вам, если бы их лодка сразу перевернулась, это было бы еще не самое худшее.

Простая гуманность велит нам не дать бедным смельчакам осуществить их замысел. Я каждого из них лечил от кори и свинки, мне тяжело предлагать это, но выход только один: всех «путешественников» надо связать и держать под замком, пока они не откажутся от задуманного и не станут снова добропорядочными гражданами...

— Принято единогласно! — объявил председательствующий Кич.

Разминая ноги и откашливаясь, члены Совета Мудрых вышли на площадь.

Первым, кого увидел Кич, был его собственный сын.

— Папа, мы уже два солнца дожидаемся возможности поговорить с вами! — крикнул юноша, бросаясь к отцу. — Мы побывали вон на том острове, что чуть виднеется на горизонте. Привезли семена удивительного дерева, которое приносит плоды не сладкие, а жирные. С нами приехал специалист по его выращиванию, познакомься, пожалуйста. И потом, папа, те люди хотят обмениваться с нами товарами. А какие там девушки!

Г. АЛЬТОВ, В. ЖУРАВЛЕВА

ПУТЕШЕСТВИЕ К ЭПИЦЕНТРУ ПОЛЕМИКИ

1

30 июня 1908 года над тунгусской тайгой прогремел огромной силы взрыв. Девятнадцать лет спустя к месту взрыва ушла первая экспедиция. Казалось, все ясно: упал гигантский метеорит, надо его найти. С тех пор в тунгусской тайге побывали многие экспедиции. Сейчас существуют по меньшей мере три взаимоисключающие гипотезы. «Взорвался метеорит из антивещества», — говорят одни. «Нет, — возражают другие, — это была ледяная комета». «Ни то и ни другое, — заявляют третьи. — Прилетел марсианский корабль... и при посадке случайно произошла катастрофа».

Время от времени появляются сенсационные сообщения, якобы подтверждающие ту или иную гипотезу. Потом выясняется, что для сенсации, собственно, нет никаких оснований. И полемика разгорается с новой силой, ибо нет тайны более волнующей, чем «икс-взрыв» в тунгусской тайге. Пожалуй, только загадочная судьба Атлантиды может быть поставлена в один ряд с этим «икс-взрывом».

Мы совершили путешествие в «недра» полемики — сквозь наслоения, созданные более чем полувековым спором. Мы заново пересмотрели то, что написано о тунгусской катастрофе, и попытались ответить на вопрос: почему же до сих пор не раскрыта тайна «тунгусского дива»?

Если проследить эволюцию представлений о природе тунгусского взрыва, можно заметить, что в чередовании гипотез есть определенная закономерность.

Гипотеза № 1 состояла в том, что упал гигантский метеорит. Однако на месте взрыва не оказалось воронок. Между тем при столкновении гигантского метеорита с Землей обязательно должен был образоваться колоссальный кратер. Например, Аризонский кратер, возникший от падения метеорита еще 50 тысяч лет назад, прекрасно сохранился до наших дней. Это огромная воронка диаметром более километра и глубиной около 200 метров. Общий вес осколков, собранных в районе Аризонского кратера, превышает 30 тонн. Ничего подобного в тунгусской тайге нет!

Гипотеза № 2, призванная объяснить отсутствие кратера, утверждала, что тунгусское тело состояло из нескольких глыб, причем каждая глыба упала отдельно. Лет шесть назад такая гипотеза в принципе еще была допустима. Однако после экспедиции 1958 года стало ясно, что на месте взрыва нет метеоритных глыб. Это подтвердили и дальнейшие экспедиции, тщательно обследовавшие весь район катастрофы.

Гипотеза № 3, как и следовало ожидать, говорила уже не о глыбах, а о «метеоритном дожде», то есть о потоке, состоящем из небольших «камешков». Но тогда на месте взрыва должна была оказаться «россыпь» мелких осколков и множество небольших воронок, как, например, это получилось с сихотэалинским метеоритным дождем. В тунгусской же тайге вопреки гипотезе № 3 не было обнаружено ни одного космического «камешка».

Гипотеза № 4 еще больше измельчила таинственное тунгусское тело. Согласно этой гипотезе взрыв произошел в результате встречи Земли с облаком космической пыли.

Надо сказать, что хронологически эти гипотезы появились почти одновременно. Но «главными» они

становились поочередно и именно в таком порядке, как это перечислено здесь.

Четыре гипотезы — четыре шага, сделанных **в одном** направлении. Накопление фактов заставляло идти не куда попало, а лишь в одну сторону: гипотетическое тунгусское тело дробится на все более мелкие части. Сначала был гигантский метеорит. Затем несколько метеоритных глыб. Затем метеоритный град. Наконец, «градинки» превратились в пыль.

Так развивалась не только изначальная метеоритная гипотеза, но и ее вариант — гипотеза кометная. Сперва речь шла о «космическом айсберге», состоящем из льда и твердых частиц. Но такой «айсберг» должен был дать значительное количество твердых осадков. И вот на смену одной гипотезе приходит другая: комета была не ледяная, а снежная, то есть, в сущности, состояла из пыли — только снежной пыли.

Чем мельче гипотетические частицы тунгусского тела, тем легче объяснить отсутствие мощных осадков в районе взрыва. Зато измельчение частиц затрудняет объяснение самого взрыва: рыхлое тело должно было дать и рыхлый взрыв. Между тем взрыв 1908 года был точечным, сосредоточенным. Это противоречие и остановило дальнейшее «гипотезообразование».

Четыре гипотезы «раздробили» метеорит в пыль, даже в облако смерзшегося газа, частицы которого близки по размерам к отдельным молекулам. Значит, **гипотеза № 5** должна звучать так: это был поток (тут уже не скажешь «облако») атомов или даже элементарных частиц. Если сделать еще один шаг, мы придем к **гипотезе № 6:** взрыв вызван потоком фотонов, то есть световым лучом. И это последний, завершающий шаг, потому что измельчение на фотоны приводит к таким частицам, которые уже только наполовину частицы, а наполовину волны.

3

Профессор И. Шкловский пишет в своей книге «Вселенная, Жизнь, Разум»: «Первыми, кто обратил

серьезное внимание на возможность применения лазеров для космической связи, были американские ученые Таунс (известный специалист по радиоэлектронике) и Шварц. Их работа появилась в одном из апрельских номеров журнала «Нейчур» за 1961 г.». Теперь считается общепризнанным, что квантово-оптические генераторы (лазеры) способны посылать лучи на расстояния, измеряемые десятками световых лет.

Чрезвычайно важно, что современный уровень развития лазерной техники позволяет проектировать космическую связь на межзвездные расстояния. Поэтому несоизмеримо проще посылать в разведку Большого космоса оптические лучи, чем межзвездные корабли. Даже при наличии таких кораблей бессмысленна их отправка без предварительной лучевой разведки или лучевой расчистки «трассы» от космической пыли.

Здесь вообще действует очевидная и твердая закономерность: первыми к чужим планетам прилетают не корабли, а лучи. Так, например, локация Луны была осуществлена раньше, чем прилунилась ракета, доставившая советский вымпел. Лучи радиолокаторов уже «ощупывают» наших соседей по солнечной системе — Марс и Венеру. В июне 1962 года осуществлена первая локация Луны световым пучком лазера.

Можно уверенно сказать, что и межзвездным перелетам будет предшествовать лучевая разведка. Пока мы можем лишь мечтать о межзвездных кораблях. Тут даже в теории есть ряд непреодолимых трудностей. В то же время лазеры — хотя им всего несколько лет от роду! — позволяют создать системы оптической связи для межзвездных расстояний. Сочетание лазеров с телескопами дает возможность ловить сигналы инозвездных цивилизаций в радиусе нескольких десятков световых лет: «...уже в настоящее время на основе оптических квантовых усилителей можно создать системы для приема информации, которую могут посылать на световых частотах ра-

зумные существа, населяющие другие планеты *. Например, система, состоящая из двадцати пяти лазеров, каждый из которых снабжен четырехдюймовым телескопом, позволяет ловить оптические сигналы с нескольких десятков ближайших к Солнцу звезд.

Если у близких к Солнцу звезд есть планеты с «сигнальными цивилизациями», то в сторону Земли не раз посылались световые лучи «вызова». Такой луч может образовать относительно широкий и неяркий конус; тогда Земля будет долго (часами, днями) находиться в пределах этого конуса, и «вызов» надо искать в спектрограммах звезд. Вспышки луча («точки и тире») будут восприниматься, как изменения интенсивности одной из линий спектра. Если луч у́же и ярче, световое пятно скользнет по поверхности Земли. В этом случае сигнал удастся наблюдать невооруженным глазом, но в течение короткого времени **: наблюдателю покажется, что появилась яркая звезда, причем по небу в это время прошел световой столб (или световое пятно). Наконец, если луч очень узкий и мощный, он «разрядится» в атмосфере. Встреча будет не «осветительной», а «энергетической». Давление в таком луче соизмеримо с давлением в нижних слоях атмосферы. Тут неизбежен взрыв, причем именно в воздухе.

Энергия высокотемпературного луча должна передаться соприкасающемуся с лучом воздуху. Это либо непосредственно приведет к взрыву, либо вызовет образование раскаленной плазмы, стягивание этой плазмы в гигантскую шаровую молнию и взрыв молнии. Наблюдатель увидит картину, похожую на то, что было при взрыве тунгусского тела. Высоко

---

* А. Шавлов, С. Фогель, Л. Далберджер, Оптические квантовые генераторы, 1962, стр. 61.

** Надо помнить, что скорость движения светового луча не имеет ничего общего со скоростью света, равной 300 тысячам км/сек. Представьте себе, что автомобиль пересекает луч света от карманного фонаря, который держит стоящий у дороги человек. Очевидно, что скорость света, с которой световое пятно пройдет по корпусу автомобиля, зависит от скорости движения автомобиля относительно луча.

в небе появится «болид», который будет быстро приближаться по касательной к поверхности Земли. Форма «болида» должна быть круглой или овальной. В отличие от обычных такой «лучевой болид» должен иметь более яркий накал, а при взрыве значительная часть общей энергии выделится в виде излучения. В момент взрыва наблюдатель увидит световой столб, уходящий в верхние слои атмосферы.

Искусственные шаровые молнии, создаваемые совершенными лазерами, сравнительно невелики, но уже при диаметре в один метр они накапливают энергию, эквивалентную энергии 30 кг тротила *. При диаметре в 100 м сила взрыва — только за счет увеличения объема — возрастет в миллион раз. С увеличением объема резко повышается и концентрация энергии. Поэтому плазменный шар диаметром 50—200 м должен взорваться с энергией порядка нескольких мегатонн (такова — по всем вычислениям — энергия тунгусского взрыва).

Сейчас еще рано в деталях разбирать механизм взрыва при встрече высокотемпературного луча с атмосферой Земли. Во всяком случае, то, что наблюдали очевидцы 30 июня 1908 года, совсем не похоже на падение обычного метеорита и, наоборот, прямо наталкивает на вывод о столкновении с «огненным лучом». Например, при падении сихотэ-алинского метеорита на небе остался *очень мощный пылевой след, который был виден в течение* нескольких часов **. Метеорит этот выпал в виде железных осколков, поэтому тунгусское тело, имей оно подобную или еще более распыленную кометную структуру (ведь комета — «смесь» льда и пыли), должно было оставить в небе значительно больший пылевой след. Но след тунгусского тела, как свидетельствует подавляющее большинство очевидцев, был совсем иным! Вот показания одного из очевидцев: «...в воздухе появилось как бы сияние кругловидной

---

* Журнал «Наука и техника» 1963, № 1, стр. 40.

** Е. Л. *Кринов*, Основы метеоритики. Государственное издательство технико-теоретической литературы, 1955, стр. 106.

формы, размерами около половины Луны... За сиянием оставался в виде голубоватой полосы след» *. Это либо плазма, гаснущая после того, как прошел луч, либо «след», образуемый на сетчатке глаза в силу присущей нашему зрению инерции.

Иркутская газета «Сибирь» писала 2 июля 1908 года: «В селении Карелинском крестьяне увидели на северо-западе довольно высоко над горизонтом какое-то чрезвычайно сильно (нельзя было смотреть) светящееся бело-голубоватым светом тело, двигавшееся в течение 10 минут сверху вниз. Тело представлялось в виде «трубы», т. е. цилиндрическим...» Обратите внимание — падающее тело «представлялось в виде «трубы»!

Известно, что за десятки километров от места взрыва был виден столб раскаленных газов, поднявшихся на высоту около 20 км. Если взрыв вызван кометой, метеоритом из антивещества или катастрофой космического корабля, то почему он направлен вверх?! Почему огонь поднялся в виде столба перпендикулярно земной поверхности, а не во все стороны? Взрыв, как считают, произошел на высоте 5 км. Значит, огонь должен был, ударив во все стороны, выжечь глубокий кратер на месте взрыва. А этого нет! И не должно быть, если «упал» луч. Взрыв «лучевого болида» соответствует тому моменту, когда луч (если он непрерывен), приняв вертикальное по отношению к земной поверхности положение, проникает на наибольшую глубину, или же (если луч прерывен), когда вдоль луча проходит очередной импульс. В обоих случаях взрыв должен был наблюдаться именно в виде огненного столба, теряющегося где-то в разреженных слоях атмосферы на высоте 15—25 км. Отсутствие кратера и каких бы то ни было космических осадков (в том числе — следов повышенной радиоактивности в слоях и срезах 1908 года) вполне естественно объясняется лучевой гипотезой.

Луч, несущий какую-то информацию, почти навер-

* Цит. по книге: Н. Васильев и др., По следам тунгусской катастрофы. Томск, 1960, стр. 8.

няка прерывистый. Он может иметь и сложную структуру «по срезу», то есть центральный лучевой шнур может быть окружен широким пучком более слабых лучей, предупреждающих о приближении узкого «главного» луча. Это позволяет объяснить оптические явления до и после взрыва (свечение неба за два дня до взрыва и в течение трех дней после взрыва).

4

Оптический луч распространяется прямолинейно. Значит, можно определить (хотя бы приближенно) — откуда пришел луч. Вывал леса на месте взрыва, как уже упоминалось, радиальный или слабо эллиптический. Наблюдатели, находящиеся к югу от места взрыва, видели направленный кверху огненный столб. Значит, луч имел направление, близкое к зениту.

«Лучевой болид» пришел с юга. Наблюдатели, более отдаленные от места взрыва, преимущественно говорят о «шаре», а менее отдаленные описывают тунгусское тело, как «кругловидное». Поэтому надо считать, что луч — в момент взрыва — был несколько отклонен к югу от зенита. Если контакт луча с плотными слоями атмосферы имел различимую на глаз «кругловидную» форму, значит в точке взрыва луч (в момент прохождения по нему импульса, вызвавшего взрыв) был наклонен к горизонту под углом порядка 70—75 градусов *.

Широта места взрыва известна — 60 градусов. Луч мог быть послан только со звезды, имеющей склонение около 40—45 градусов. В этой полосе согласно лучевой гипотезе должна оказаться достаточно близкая к солнечной системе звезда, перспективная по наличию на ней жизни.

Близ Земли лишь немногие звезды в принципе пригодны для жизни. Так, в радиусе 15 световых лет лишь семь звезд имеют светимость и время жизни,

* Меньшее отклонение от вертикали, чем на 15—20 градусов, трудно было бы заметить. А при большем отклонении взрыв вряд ли дал бы радиальный вывал леса.

более или менее сходное с нашим Солнцем. Список «кандидатов» уменьшается, если учесть, что «сигнальной» могла быть только более старая (сравнительно с земной) цивилизация. В проверяемой полосе есть подходящая «по всем показателям» звезда. Это звезда 61-я из созвездия Лебедя, имеющая склонение 38 градусов 15 минут. Расстояние ее от Солнца — 11,1 светового года. Важнейшим подтверждением лучевой гипотезы является уже то, что эта звезда не только одна из самых близких к нам, но и вообще ближайшая в проверяемой полосе.

Ближайшая из проверяемых в соответствии с гипотезой звезд оказывается и одной из самых перспективных по наличию высокоразвитой жизни! 61-я Лебедя (она состоит из двух «красных карликов») значительно старше Солнца.

У 61-й Лебедя есть планеты. Они невидимы даже в сильнейшие телескопы, но математически их наличие доказано совершенно точно. Удалось даже вычислить массу наибольшей из планет.

Правда, 61-я Лебедя — двойная звезда. До недавнего времени часть астрономов считала, что у таких звезд не может быть устойчивых планетных орбит. Однако это мнение оказалось ошибочным. Астроном Су Шу-хуанг доказал, что «...в принципе вокруг достаточно удаленных друг от друга компонент двойной системы, движущихся по почти круговой орбите, возможно наличие обитаемых планет» *.

Для 61-й Лебедя мы — ближайшие соседи. Луч мог быть послан и с другой планетной системы, принадлежащей другой, более далекой звезде. Но прежде всего «подозрение» падает на 61-ю Лебедя.

5

Почему тунгусский сигнал был принят в 1908 году? Не было ли аналогичных, но более слабых, сигналов «до» и «после»? Почему сигнал 1908 года имел взрывной характер?

---

* И. С. *Шкловский*, Вселенная, Жизнь, Разум, 1962, стр. 99—100.

Попробуем ответить на все «почему». Для этого нам придется вступить в область, промежуточную между точной наукой и научной фантастикой.

Надо сказать, что астрономам все чаще и чаще приходится вторгаться в эту область и выдвигать граничащие с фантастикой гипотезы. Таковы, например, идеи профессора И. Шкловского об искусственном происхождении спутников Марса и гипотеза Дайсона, согласно которой на определенном этапе развития каждой цивилизации разумные существа создают шаровую оболочку вокруг центрального светила. Можно вспомнить также оригинальную гипотезу Х. Шепли о возможности жизни на остывших звездах-субкарликах. И еще один пример: на V съезде Международной астрономической федерации инженеры Бела Карловиц и Бернард Левис выдвинули проект «кометообразного» космического корабля и показали, что наблюдавшаяся в 1956 году комета Ареида-Ролана напоминала подобный корабль.

Астрономия космической эры, планируя д а л ь н и й поиск, мыслит гипотезами, превосходящими по смелости самые фантастические романы.

Луч прибыл на Землю в 1908 году. Значит, что-то заставило отправить его за одиннадцать лет до этого. Единственное объяснение может состоять в том, что за 22,2 года до тунгусского взрыва на Земле произошло нечто такое, что имело вид космического сигнала. В ответ на этот сигнал и был отправлен луч, пришедший 30 июня 1908 года.

Понятно, что 22,2 — это срок теоретический и минимальный. Чтобы ответный луч «нащупал» Землю, ему нужно некоторое время «шарить» в окрестностях Солнца. Такое «нащупывание» ведется, конечно, не совсем вслепую: для каждой звезды легко определить «зону жизни», в которой могут находиться обитаемые планеты. В частности, для нашего Солнца «зона жизни» — узкая круговая полоса от орбиты Венеры до орбиты Марса. Но даже «шаря» лучом по средней части «зоны жизни» нелегко «поймать» Землю. Поэтому минимальный срок в 22,2 года надо увеличить на несколько лет.

Итак, не произошло ли за 23—25 лет до тунгусского взрыва нечто, имеющее характер космического сигнала?

27 августа 1883 года взорвался вулкан Кракатау. Это было, пожалуй, самое грандиозное вулканическое явление на памяти человечества. Взрыва такой силы на Земле, вероятно, не было со времен гибели мифической Атлантиды. Между тем извержение раскаленной плазмы обязательно дает — в результате взаимодействия с ионосферой — радиоизлучение. Именно извержением вулкана объясняют сейчас наличие точечного радиоизлучения у Юпитера.

При взрыве Кракатау в космическое пространство был «отправлен» мощный радиоимпульс (возможно — световой импульс), принятый на 61-й Лебедя 11,1 года спустя как «сигнал вызова».

Если с 61-й Лебедя уже давно посылали сигналы в сторону Солнца, «сигнал 1883 года» должен был показаться ответным. В особенности если в 1883 или 1882 году на Землю прибыл очередной сигнал с 61-й Лебедя.

Таким образом, лучевая гипотеза рисует следующую — во многом предположительную — картину.

На планетной системе 61-й Лебедя существует высокоразвитая цивилизация. Эта цивилизация издавна посылает оптические сигналы (лазерного типа) в сторону Солнца. Один из таких сигналов, видимо, прибыл в 1882 (или 1883) году. Взрыв вулкана Кракатау в 1883 году дал мощный радиоимпульс, который мог быть истолкован на 61-й Лебедя как ответный сигнал. Таким сигналом могла оказаться также и большая сентябрьская комета 1882 года, взорвавшаяся при прохождении близ Солнца *. В связи с этим разумными существами из системы 61-й Лебедя была предпринята попытка точнее определить положение «адресата», и следующий луч (он встретился с Землей 30 июня 1908 года) имел значительно большую мощность, достаточную, видимо, для оптической локации.

---

* См. П. И. Попов и др., Астрономия. Учпедгиз, 1958, стр. 264.

Прежде всего надо подчеркнуть, что локацию на дальние расстояния целесообразнее вести не с помощью радиолокаторов, а как раз оптическими средствами: «Выходной сигнал оптического квантового генератора является хорошо коллимированным световым пучком, поэтому оптический локатор может принять достаточно сильный отраженный сигнал в том случае, когда цель находится на расстояниях, много больших радиуса действия радиолокаторов» *.

Сложнее другой вопрос: прибывал ли в 1882—1883 годах на Землю оптический сигнал из космоса? В цепи наших рассуждений это пока единственное произвольное допущение. Кроме того, это повод к дальнейшей проверке лучевой гипотезы.

Факты и на этот раз оказываются в полном соответствии с гипотезой.

В 1882 году было зарегистрировано оптическое явление, поразительно напоминающее падение тунгусского метеорита. Только на этот раз сигнал был менее концентрированным.

Любопытная деталь. Первый научный отчет о «сигнале 1882 года» назывался «Странный небесный пришелец». А первая статья о тунгусском взрыве была озаглавлена «Пришелец из небесного пространства».

6

«Я находился в королевской обсерватории в Гринвиче, и, поскольку в 10 часов 15 минут утра разразилась сильная магнитная буря, я надеялся, что, возможно, появится полярное сияние», — пишет астроном Мондер в своем отчете. Далее он говорит:

«Потом, когда полярное сияние уже, казалось, начало гаснуть, на востоке-северо-востоке, в нижней части неба, вдруг появился большой зеленоватый светящийся диск, словно только что поднявшийся из-за горизонта, и стал двигаться по небу так же прямолинейно и равномерно, как движутся Солнце,

---

* А. Шавлов, С. Фогель, Л. Дальберджер, Оптические квантовые генераторы, 1962, стр. 68.

Луна, звезды и планеты, но только в тысячу раз быстрее. То, что вначале он казался круглым, было, очевидно, результатом его оптического сокращения в ракурсе, ибо по мере приближения к зениту он становился все длиннее и длиннее; когда он пересекал меридиан, проходя над самой Луной, он имел почти форму эллипса, и притом очень удлиненного. Недаром многие наблюдатели говорили потом, что он «сигарообразной формы», напоминает «торпеду», «веретено» или «челнок». Если бы это событие произошло в следующем столетии, нет никакого сомнения в том, что для сравнения о нем говорили бы: «Ну, точь-в-точь цеппелин». После того как он пересек меридиан, длина его стала уменьшаться, и он исчез в западном направлении, чуть южнее. Весь путь от восхода и до захода он прошел менее чем за две минуты и исчез в 6 часов 05 секунд по гринвичскому времени.

Это торпедообразное пятно света не было похоже ни на одно из известных мне небесных тел... Оно казалось твердым, и потому многие наблюдатели считали, что это «метеор» — не в старом, расплывчатом смысле этого слова, просто предполагающем появление какого-то тела в земной атмосфере, а в смысле твердого космического вещества, которое, двигаясь по орбите, проникло в атмосферу Земли... У меня лично создалось впечатление, что скорее это напоминало свет прожектора, упирающегося в облако и скользящего по его поверхности» *.

Через 11 лет и 8 месяцев — 26 августа 1894 года — необычное оптическое явление повторилось.

Мензел приводит описание, сделанное опытным наблюдателем: «Глядя в сторону созвездия Кассиопеи, я вдруг увидел, к своему изумлению, как белое светящееся пятно, расположенное возле двух звезд первой величины этого созвездия, внезапно вспыхнуло ярким блеском и тут же превратилось в четко

* Д. Мензел, О «летающих тарелках», Москва, 1962, стр. 100—101.

очерченный диск, диаметр которого приблизительно в три раза превышал диаметр Юпитера...» *.

Это показание имеет особую ценность — в нем говорится, откуда шел луч. Значит, можно еще раз проверить наши выводы. Ведь луч мог идти из точки неба, далекой от 61-й Лебедя. Однако две наиболее яркие звезды созвездия Кассиопеи обращены как раз в сторону созвездия Лебедь. Больше того, именно в этой обращенной к Кассиопее части созвездия Лебедь и находится 61-я!

Надо отметить, что во всех трех «сигналах» (1882, 1894 и 1908 гг.) лучи были почти одинаково окрашены: наблюдатели говорят о «беловатой», «голубоватой» и «зеленоватой» окраске. В 1908 году «сигнал» имел больший накал («беловатая» окраска) и, будучи более узким световым пучком, находился в поле зрения очень недолго. Два других «сигнала» имели менее «накаленную» окраску, то есть представляли собой менее концентрированный луч. Поэтому они были видны в течение 2—5 минут.

Все три «сигнала» наблюдались приблизительно на одной широте.

Наконец промежуток между сигналами — примерно 11—12 лет — совпадает с тем временем, в течение которого свет преодолевает расстояние между Солнцем и 61-й Лебедя. Не исключено, что интервал между сигналами содержит информацию — указывает расстояние, с которого посланы сигналы.

Следы «инозвездного разума» надо, думается нам, искать не в библии и не в наскальных изображениях. Эти следы должны быть в звездных спектрограммах.

Нужно заново изучить спектрограммы ближайших к Земле звезд. Нужно использовать новейшую со-

---

* Д. Мензел, стр. 107. Сравните это с тем, как описывает И. Шкловский впечатление от наблюдения космического лазерного луча: «...вспышка света от лазера будет видна как исключительно яркая звезда — 7-й величины, т. е. примерно в 10 раз ярче, чем Венера на небосклоне Земли» (стр. 191).

временную аппаратуру для получения новых спектрограмм — в первую очередь с 61-й Лебедя. Колебания интенсивности спектральных линий, которые раньше приписывались различным случайным причинам, теперь могут быть расшифрованы как оптические сигналы инозвездной цивилизации.

Полеты на межзвездные расстояния сложны даже для высокоразвитых цивилизаций. Такие полеты будут продолжаться десятки, возможно сотни, лет. Чтобы летать от одной звезды к другой, нужно знать, куда и зачем летишь. Поэтому прилету межзвездных кораблей обязательно должна предшествовать лучевая разведка. Маршруты будут проложены туда, где есть разумная жизнь.

Итак, сначала лучевая разведка, потом лучевые переговоры и только после этого полет сквозь межзвездную бездну.

7

До сих пор была предпринята лишь одна попытка поймать сигналы инозвездных цивилизаций: радиопоиск по так называемому проекту «ОЗМА». В основу проекта положена идея американских астрономов Г. Коккони и Ф. Моррисона, высказанная ими в статье «Проблемы межзвездной связи» (1959 г.).

«Поиски слабого сигнала в широком диапазоне на неизвестной частоте трудны, — пишут Г. Коккони и Ф. Моррисон, — но в радиодиапазоне имеется частота, которая должна быть известна всем, кто изучает вселенную: это линия излучения нейтрального водорода 1 420 Мгц ($\lambda = 21$ см). Вполне допустимо предположить, что чувствительный приемник на эту частоту может быть сделан на ранней ступени развития радиоастрономии. Состояние наших земных инструментов действительно оправдывает такое предположение, поэтому мы считаем, что поиски следует вести в области 1 420 Мгц» *.

1 420 Мгц — частота излучения рассеянного в космосе водорода. В этом и состоит «изюминка» идеи

* Г. Коккони, Ф. Моррисон, Проблемы межзвездной связи. Сборник «Космос». Издательство АН СССР, 1963, стр. 79.

Г. Коккони и Ф. Моррисона: разумные существа, посылающие радиосигналы, не могут не знать этой «стандартной» частоты.

Осенью 1960 года по проекту «ОЗМА» началось прослушивание космоса на волне в 21 см. Астрономы использовали 27-метровый радиотелескоп обсерватории Грин Бэнк (Западная Виргиния). Наблюдения велись в течение нескольких месяцев... и не дали результатов.

Нам представляется, что неудача была закономерной. В самом деле, почему для прослушивания выбрана длина волны в 21 см? Это стандартная длина излучения рассеянного в космосе водорода, и следовательно, участок постоянных естественных помех. Конечно, первые сигналы, которые принимают, когда создана радиоаппаратура, всегда имеют естественное происхождение. Так было с обычным «земным» радио: первый аппарат А. С. Попова (грозоотметчик) принимал сигналы, «посланные» грозой. Так работают и современные радиотелескопы, ловящие голоса космических «гроз». Но почему искусственные сигналы надо искать там, где есть естественные помехи?! 21 см — это как раз самая малоподходящая длина волны для искусственных сигналов.

Г. Коккони и Ф. Моррисон пишут: «Первые попытки следует направить на обследование ближайших звезд. Среди звезд, расположенных на расстоянии 15 световых лет, семь имеют светимость и время жизни, сходные с нашим Солнцем. Четыре из них лежат в направлении низкого фона. Это τ Кита, O_2 Эридана, ε Эридана, ε Инди... Три другие — α Центавра, 70 Змееносца и 61 Лебедя — лежат вблизи галактической плоскости, и потому будут наблюдаться на сильном фоне»*. Таким образом, авторы проекта сами говорят о неприменимости своей идеи к трем звездам из семи.

Идея Г. Коккони и Ф. Моррисона методологически ошибочна. Она основывается на том,

* Сборник «Космос». Издательство АН СССР, 1963, стр. 81.

что «сигналить» должны крайне несовершенной аппаратурой. Наша радиоастрономия — действительно наука молодая, ей всего лишь несколько десятилетий. Наши радиотелескопы подобны первому грозоотметчику.

Думается, «сигнальная» цивилизация должна обладать значительно более развитой техникой. Поэтому исходный пункт для логических построений иной: «сигнальная» цивилизация пошлет сигналы, рассчитывая не на наши слабые приборы, а на нас самих. Пошлет такие сигналы, которые будут ясно видны всем.

На первый взгляд кажется невозможным заранее — до установления контактов — знать, как именно устроено зрение у разумных существ на других планетах. Между тем ничего не зная о чужих разумных существах, мы заранее и совершенно точно можем сказать только одно — какие сигналы они хорошо видят. О внешнем облике, об образе жизни, о строении тела чужих разумных существ пока нет никаких достоверных данных. Но мы знаем, какой свет они видят.

Вот что пишет об этом астроном X. Шепли:

«Глаза и другие органы чувств возникли у животных естественным путем как средство борьбы за существование, а не для исследования процессов во вселенной... Если на планете, близкой к более горячей и, следовательно, более голубой звезде, чем Солнце (как, например, Ригель в созвездии Ориона), существуют какие-то зрячие животные, то их глаза, вероятно, более чувствительны к свету в голубой части спектра, чем наши, а на планетах, близких к более холодным, т. е. более красным звездам (таким, как Бетельгейзе), они более чувствительны к красноватому свету. Конечно, не наше Солнце стало желтоватым, чтобы соответствовать чувствительности нашего глаза! Наоборот, наше зрение менялось таким образом, чтобы воспринимать наиболее интенсивное излучение нашей звезды» *.

---

* X. Шепли, Звезды и люди. Издательство иностранной литературы, 1962, стр. 143.

Разумные существа могут быть самыми различными, но они видят свое солнце; без этого они не победили бы в процессе эволюции и не стали бы разумными существами.

Те, кто посылает сигналы в сторону солнечной системы, ничего не знают о Земле, о ее людях, об их технике. Единственное, что им известно: обитатели солнечной системы должны видеть солнечный свет. Поэтому посланы скорее всего будут не радиоволны, а именно световые лучи, причем соответствующие по «окраске» солнечному свету.

Г. Коккони и Ф. Моррисон не рассматривали эту возможность, поскольку в 1959 году наша техника еще не знала способов оптической сигнализации на межзвездные расстояния. Теперь такие способы есть!

Конечно, «новорожденные» лазеры тоже еще несовершенны. Если подсчитать энергию, необходимую для сигнализации, скажем, с 61-й Лебедя, взяв характеристики современных лазеров, получится слишком большой расход энергии. Но, повторяем, лазеры делают первые шаги. Пока они дают расходящийся световой луч, однако угол расхождения лазерного луча быстро уменьшается по мере совершенствования аппаратуры. Через несколько лет мы сможем передавать оптические лучи практически без потерь энергии.

Лучевая гипотеза включает утверждения, разные по степени вероятности. Но соображения о необходимости искать лучевые сигналы с ближайших звезд представляются нам бесспорными.

Вероятно, настало время ввести постоянную службу поисков оптических сигналов — хотя бы для ближайших и наиболее перспективных по наличию жизни звезд.

Здесь нельзя упускать ни малейшей возможности, ибо речь идет о важнейшем для человечества событии — возможном установлении контакта с развитой инозвездной цивилизацией.

Р. ЯРОВ

ПУСТЬ ОНИ СКАЖУТ

Звонок раздался внезапно. Часы показывали десять, время для визитов давно прошло, да и не ходил никто сейчас к Улицкому, зная, что по вечерам он в самоуглублении анализирует сделанное днем и предполагаемое на завтра, что все попытки отвлечь разбиваются о непреклонное: «Потом, потом, вот кончу фильм...» А незнакомые люди и вовсе не рискнули бы прийти в столь позднее время к столь знаменитому человеку.

— Открой, пожалуйста, — сказал он жене, — да если это очередная претендентка на роль Глафиры, скажи, что вакансии нет. Поблагодарить не забудь! — крикнул он вдогонку.

Слава кинорежиссера Улицкого находилась в зените. Ему было сорок пять лет — возраст успехов и в прошлом и в будущем — и не только профессионально привлекал он к себе. Стройный, смуглый, с седеющими висками, с немногочисленными, но глубокими и резкими морщинами на лице, был он до умопомрачения кинематографичен. Сейчас он снимал новый фильм — исторический, из времен схваток Руси с кочевниками.

Жена вернулась скоро.

— Там какой-то человек хочет тебя видеть. Имени своего не называет, пройти отказывается.

— О, черт! — Улицкий отставил стакан с чаем и вышел.

В прихожей на половике возле вешалки топтался

пожилой человек в длинном темном пальто, в зимней, несмотря на теплую осень, шапке. Щеки его были толстые, усы — пушистые; казалось по виду — добродушен и недалек. Лицо выражало смущение: должно быть, войдя уже, он понял, что поздновато.

— Здравствуйте, — он протянул руку. — Кузнецов.

— Здравствуйте, — режиссер смотрел на него с удивлением.

— Простите, что я к вам так поздно — боялся раньше не застать вас дома. А на съемках к вам не пробьешься.

— А вы пытались?

— Вчера только. Не заметили?

Режиссер прищурился, и что-то начало вырисовываться в его памяти. Фигура в длинном черном пальто мелькала вчера днем среди воинов-кочевников, цепляясь за их длинные луки, обходя лошадей. Человек этот добрался даже до шелковой юрты предводителя и начал что-то ему объяснять, но тот показал на режиссера, пожал плечами — жест этот сразу перенес собеседников в культурный двадцатый век. Режиссер стоял в это время на стене древнего монастыря, специально реставрированной, изображающей крепостные валы старинного города. Воины сгрудились невдалеке, готовясь отразить последний натиск. Момент был ответственный; ожесточение рукопашных схваток, которого так долго добивался режиссер, овладело, наконец, обеими сторонами. И вдруг эта фигура в пальто с полами, бьющими по коленям, снующая между лошадьми, способная вернуть людей от непримиримости врагов к добродушию товарищей по работе.

— Кто там путается? — крикнул Улицкий. — Уберите его к чертовой матери!

Кочевники пошли на приступ, защитники сбрасывали им на головы камни. Помимо драматизма и выразительности, требовалось думать еще и о технике безопасности. Только точное знание каждым своего места могло ее обеспечить; посторонний же подвергался риску. Режиссер вздохнул спокойней, когда

увидел, как появился милиционер, взял постороннего за рукав и увел в толпу зевак.

Теперь этот человек стоял в квартире Улицкого в позднее, почти ночное время.

— Так что же вы хотите?

— Я хочу сделать одно замечание по вашему фильму.

— Боюсь, что оно будет излишним. Все его создатели — и сценарист, и я, и актеры — очень много работаем, очень много думаем, изучаем материал всесторонне, чтоб соединить в один сплав историческую правду, современный взгляд на эпоху и богатство характеров. Все это нелегко, но это художественное творчество. Вы же пытаетесь судить о незаконченной работе по случайно попавшемуся вам на глаза съемочному эпизоду, на основании чисто личных вкусов. Простите меня за резкость, но, право же, не стоило ни вам беспокоиться, ни меня беспокоить.

Кузнецов побледнел, но стоял твердо, даже перестал тереть давно уже чистые подошвы о половик.

— Дело не в том, — сказал он. — Ваши слова отражают общее положение вещей, а у меня замечания по совершенно конкретному поводу. В фильме кочевники берут крепость штурмом с помощью осадных орудий. В действительности все было не так. Вся эта пляска перед стенами и громадные башни были лишь отвлекающим маневром. Азиатские воины, меняя друг друга, рыли с другой стороны крепости подземный ход. Землю они убирали по ночам. В день решительного штурма, когда все население сбежалось в одну часть города, враги стали один за другим выползать из своего подкопа, а когда их набралось достаточно много, ударили защитникам в спину. И все кончилось очень быстро.

— Во-первых, у нас есть исторический консультант, — возразил запальчиво режиссер. — Во-вторых, насколько мне известно, существует единственный источник сведений о том времени — летопись. Ею пользовались все поколения историков. В нашем фильме события развертываются так, как они описаны в летописи. Хотя у нас и художественное произ-

ведение, мы не сочли себя вправе украшать историю. Но, может быть, вы ученый и нашли какие-то новые документы? Тогда...

— Я бухгалтер, — сказал Кузнецов, — и документов никаких не находил. Но дело, повторяю, не в том. Летописец ошибся. Пробравшихся с тыла он принял за передовых бойцов, взобравшихся на стены. Ведь он вместе с остатками защитников заперся в соборе на площади и в течение нескольких дней был лишен возможности следить за ходом событий. Когда церковь, наконец, взяли, скрывшиеся в ней были убиты. Но несколько человек спаслись; сперва спрятались, а потом ушли через тот подземный ход, уже никем не охраняемый. Летопись они захватили с собой, но, будучи, разумеется, неграмотными, не знали, что в ней содержится. А на новом месте запись началась с прерванного, и, таким образом, правда истории осталась навсегда утерянной.

— Для нас это в общем-то не имеет никакого значения. — Улицкий вздохнул устало. — Но откуда вы об этом знаете?

— По личным воспоминаниям, — ответил Кузнецов. — Я там присутствовал.

Режиссер сделал шаг назад и поглядел на своего гостя внимательней. Разговор, утомительный и никчемный, становился к тому же опасным.

Улицкий считал, что работает для народа; этим определялось его творчество. Он думал об этом, не только создавая свои фильмы, но и отвечая на письма, которых приходило множество. Попадались изредка среди них и написанные рукой душевнобольного. Один такой пришел теперь сам. Ну что ж, слава имеет свою оборотную сторону.

— Вы приходите завтра на съемки, — сказал он как можно мягче. — Мы постараемся выполнить ваш совет.

Он был один в этой просторной прихожей, слева висело зеркало, справа — вешалка и ничего не попадалось под руку. А перед ним, возможно, стоял маньяк, одержимый навязчивой идеей.

— Вы не верите мне? — Кузнецов взялся за

верхнюю пуговицу пальто, как бы собираясь остаться и доказывать. — Я сам себе не верил. Но ведь это возможно — такое состояние памяти, когда человек вспоминает события, случившиеся с его далекими предками. Я расскажу вам, откуда у меня взялось...

— Приходите завтра на съемку, — повторил Улицкий.

— Как же так, — пуговица скользила в руке Кузнецова, — вы режиссер, вы создаете в своем воображении миры — и не хотите меня выслушать. Хотя бы из профессионального любопытства.

Они молча глядели друг на друга, потом Кузнецов дернул за спущенные уши шапку, повернулся и вышел. Дверь захлопнулась.

Кузнецов шел домой не спеша. Народу мало, улица темна, и окна темны. Только в розовых и лиловых магазинных витринах отдыхают от дневной суматохи манекены. Прохожие попадались ему все реже и реже. Он спорил беззвучно с оставленным режиссером — тот все никак не мог поверить ему и требовал доказательств.

— Да, — повторял Кузнецов, — я был там и могу это доказать всякому...

В последнее время Кузнецов чувствовал себя плохо. Часто болела голова; что-то сдавливало затылок; ощущение опрокидывающегося мира надвигалось на него иной раз среди уличного шума и грома. Он прислонялся к стенке или садился на скамью, ждал, пока все встанет на свое место.

«Стар», — говорил он себе, вслушиваясь в биение собственного сердца, глядя, как кристаллизуются детали расплывшейся было, как бы задернутой серой пеленой улицы. Симптомы боли тревожны, но удивляться не приходилось: возраст, возраст. Смущало другое. В сознании его как раз после сильных болей стали возникать образы, никакого отношения к его биографии не имеющие.

Стены старинной крепости. Холодное осеннее утро; встает негреющее солнце; от реки идет пар. По крепостным валам ходят люди; стиснув зубы, вглядываются напряженно в тот берег реки. А там

черным-черно от вражеских воинов. Пешие, на лошадях, а в лицах — ни жалости, ни ненависти, только холодное, жестокое равнодушие. Что это — воображение, память? Если воображение — откуда такие подробности? Откуда эти краски — багровое солнце, туман над стальной рекой, белые стены, рыжие лисьи волоски на шапках вражеских воинов, их глаза и многое такое, чего никак ни вообразить себе, ни представить нельзя, а надо знать твердо. Тогда память? Но что может подсказать она пятидесятипятилетнему бухгалтеру, который по природе не властолюбив, не авантюрист, а потому прожил свою жизнь спокойно и размеренно, выезжая из города лишь во время отпуска, да еще раньше — в молодости — в командировки. Да и где они сейчас, эти старинные крепости — большинство разрушено, а сохранившиеся — в пыли доживают свой век. Кого спросить без риска, что сочтут сумасшедшим? Так он мучился сомнениями и совсем уж собрался было постучаться в дверь какому-нибудь светилу нейрофизиологии. Но события опередили его. Он шел как-то раз по улице, и вдруг пропасть открылась перед ним, и он не успел ни добежать до скамейки, ни даже к стенке прислониться.

Очнулся он дома, в своей кровати. Рядом сидела женщина в белом халате — участковый врач. Лица родных — все с одинаковым испугом в глазах — покачивались в полумраке над ее головой.

Голова не болела; перед глазами вставала знакомая картина, и он, лежащий, больной, вновь становился участником грозных событий. Он попросил родных выйти; когда дверь за последним захлопнулась, рассказал врачу о своих видениях. Она отложила ручку, рецепты и слушала очень внимательно, а когда он кончил, вздохнула.

— Что я могу вам сказать? Я не психиатр, обморок ваш произошел от недостаточного кровоснабжения головного мозга. А при этом бывают всякого рода тревожные неопределенные состояния.

— Но почему же у меня так? — едва не крикнул он.

— Не знаю. — Она снова взялась за свои рецепты. — Быть может, это и память. В мозгу четырнадцать миллиардов нейронов — с таким числом любые случаи возможны. От какого-то вашего далекого предка вам, должно быть, достались впечатления. Перенеслись через века с помощью механизма наследственности, о котором пока что тоже не очень-то много известно. Но это мои догадки — ведь я не специалист и говорю вам сейчас твердо только одно: лежите.

Он пролежал месяц, и в первые же дни по выходе с ним случилось э т о.

Он попал по служебному заданию в другой район города, в кварталы новостроек, и, покончив с делами, пошел на троллейбусный круг, который был за последним домом. Толпа бежала туда же; он испугался, что не сядет. Но привлекал людей вовсе не троллейбус. Кузнецов повернул за угол — и остановился, опершись ладонью о стенку. Впереди была неглубокая река; на одном берегу ее красовался новый дом с разноцветными секциями, на другом старинный монастырь. Отцы-монахи и не предполагали, вероятно, никогда, что город доберется до их тихой обители. И по стене монастыря ходили, размахивая оружием, воины; а на этом берегу сидели на лошадях воины другой армии — в лисьих шапках, тулупах, с колчанами стрел за спиной. Как будто ожило самое сильное из внезапных воспоминаний Кузнецова. Вот то, причину чего он ищет и не может найти. Это было когда-то реальностью — не тот ли парень, что отчаянней всех грозит врагам, и есть он, Кузнецов.

— Что здесь происходит?

Он спросил шепотом не потому, что вокруг было тихо, а чтоб не улетела внезапно появившаяся связь.

— Режиссер Улицкий снимает свой новый фильм. Исторический. Неужели не слышали?..

— А! Да, да... — Он посмотрел в направлении любезно протянутой руки соседа и увидел на стене возле одной из башен операторское оборудование и группу людей в современных костюмах. Один из

них выделялся: стоя в полукольце остальных, поворачиваясь то к одному, то к другому, говорил, жестикулируя, показывал, очевидно, место в готовящемся бою. Это продолжалось довольно долго, — потом все разошлись на исходные позиции и замерли. Притихли и зрители. Наконец режиссер подал знак; все сразу пришло в движение. Откуда-то взялись плоты; храпя и оступаясь, кони стали входить на них. Один за другим плоты пошли через реку; стрелы полетели в осажденных. Оператор повернул аппарат; оставшиеся на пологом берегу стали втаскивать на громадный плот осадную башню.

— И это все? — повторял Кузнецов. — Все?

Его трясло, воспоминание разгоралось все ярче, и он видел, что представленная сцена при всем правдоподобии отличается от того, что было на самом деле. Не хватало важнейшей подробности битвы, решившей исход ее. Он не удержался. Прорвавшись через цепочку ограждения, не замечая машущих сзади людей, он побежал к вождю кочевников, стал сбиваясь говорить о том, как правильней надо было бы организовать съемки. Тот слушал с удивлением, пожал плечами и сказал: «Я тут ни при чем; обратитесь к режиссеру». Кузнецов глянул на стену и увидел прыгающего от бешенства человека. Кто-то взял Кузнецова за рукав. Он обернулся. Милиционер тянул его, говоря: «Не хулиганьте, гражданин. Не мальчишка. Пройдемте с площадки». Они вышли, и Кузнецов затерялся в толпе.

Съемки продолжались еще недолго. Начало темнеть; режиссер взмахнул рукой; побежденные и победители стали прикуривать друг у друга. Пять больших автобусов выехали из-за укрытия. Больше смотреть было не на что; Кузнецов отошел и сел на первую попавшуюся скамейку. Все, что он видел сегодня, было красиво, правдоподобно. Но где же те люди, что стояли на стене под низким осенним небом — не в нарядных, только что из костюмерной, одеждах, а серые, замызганные, пришедшие как могли? У искусства есть специфика: оно не может отобразить всю полноту жизни. Кузнецов слышал об

этом. Но стремиться должно. Здесь же этого нет. Как взяли город — штурмом или хитростью — деталь по прошествии стольких веков как будто незначительная, но в ней ключ к правильной подаче давным-давно исчезнувшей жизни. Через подземный ход, забытый победителями, ушли последние защитники крепости — и среди них тот, чьи воспоминания передались Кузнецову. Они унесли с собой летопись, и благодаря им вся предыдущая история города не исчезла из списка людских дел. Они не забыли места, где стоял город, и вернулись туда, как только схлынула волна нашествия. Они пробирались по бесконечным темным лесам; начиналась зима, и они спали под деревьями вповалку, чтоб было теплей. Они любили друг друга, как только могут любить люди, вместе спасшиеся от смертельной опасности. Да, вот что надо было бы показать — этих землепашцев, рыбаков и охотников, их мир — скудный и богатый, их мысли, их представления, их ум и их хитрость, наивность и глубину.

Вечером Кузнецов пошел в библиотеку. Он взял сначала сценарий фильма. Молодой князь, пылкая любовь, прерванная нашествием. Его подвиги... И — безликим фоном — живущие и создающие жизнь люди. Их даже нет в сценарии, они — на усмотрение режиссера.

Кузнецов взял труды по истории. Скудно, скудно. Везде одно и то же. Это и понятно: источник один. Но вот теперь благодаря своему внезапно открывшемуся свойству он может рассказать подробно о том времени, и люди, простые представители одного из бесчисленных поколений, прошедших по Земле, явятся в двадцатый век и устами его, Кузнецова, расскажут, как жили, о чем думали.

В переулке, куда свернул Кузнецов, было совсем темно; ни витрин, ни прохожих не попадалось.

— Да, — сказал он, остановившись перед своим парадным, — самодеятельность хороша на сцене. Институт нейрофизиологии — там должны мне сказать, кто я и что я. Быть может, выдадут справку:

«...На основании опытов удостоверяется...» Духовидец? Пророк?

И, развлекая сам себя поисками названий для своего состояния, он стал подниматься по лестнице.

Режиссер Улицкий спал плохо. Раньше, в самом начале его деятельности, это случалось с ним часто: дневное возбуждение не ослабевало и к ночи. С годами он научился полностью отключаться от мыслей о делах. Это давало хороший сон и заряд бодрости на весь день. Но Кузнецов пришел слишком поздно; сердясь на него и обдумывая его слова, Улицкий лежал с открытыми глазами. Свидетельство очевидца не оспаривают, к нему прислушиваются. Если сделать это, может измениться весь строй фильма. История перестанет выглядеть, как политика, повернутая в прошлое, плюс несколько бытовых подробностей. Жизнь людей прошлых веков с ее неторопливым ритмом, с их представлениями, с их тяжелым трудом — вот что могло появиться на экране. Ему первому представилась возможность сделать это. И он ее упустил. Вряд ли Кузнецов теперь придет; он ушел обиженный.

Улицкий был невнимателен на съемках; привыкшие работать с ним удивлялись: обычно распорядительный и энергичный, сегодня он вмешивался мало и все искал глазами кого-то — то среди артистов, то среди толпы; даже по окнам жилого дома скользил его взгляд. К концу дня он будто потерял интерес к фильму. Когда уже пора было собираться, он спросил своего помощника:

— Как вы думаете, что такое память?

— Смешная штука, — актер, снимавший рядом кольчугу, заторопился, чтоб скорей рассказать. — Поехал как-то раз на гастроли и все забыл — деньги, документы. Никто ничего не спросил — все в лицо узнавали...

— Да нет, — Улицкий отмахнулся, — может ли человек помнить события, при которых он сам не при-

сутствовал? Ну, например, происходившие с его далекими предками?

— У вас какой-то новый замысел? — спросил осторожно помощник.

Улицкий ничего не ответил.

Он вернулся домой, снял в прихожей пальто... Так, так, так... Лента побежала назад: вот он, Кузнецов, — румяный, усатый, топчется у двери. «Создаете в своем воображении миры — и не хотите меня выслушать. Хотя бы из профессионального любопытства».

— Вы феноменальный человек! — крикнул Улицкий. — Ну, раздевайтесь же, зачем стоять на пороге?

Р. НУДЕЛЬМАН

РАЗГОВОР В КУПЕ

В купе было шумно. Говорили все. Разговор начал парень, который где-то под потолком увлеченно читал «Фантастику, 1964». Он не просто читал — он переживал. После каждого рассказа он хохотал, каждый рассказ он припечатывал жирным восклицательным знаком. Вся фантастика была для него сплошной восклицательный знак. Ему нравился сам процесс придумывания. То и дело с потолка на нас обрушивались новые гипотезы и догадки.

Соседу справа именно придумывание в фантастике не нравилось.

— Выдумывают, — ворчал он, — такое напридумывают...

Он не пояснял, что именно, но было понятно, что человечеству от фантастики грозят самые чувствительные неприятности.

Юноша у окна небрежно сокрушал одну за другой валившиеся на него фантастические гипотезы — каждая из них была, как он неизменно отмечал в заключение, «недостаточно корректна». Там нарушался закон сохранения энергии. Тут авторы вступали в неравный бой со вторым началом термодинамики — похоже было, что фантасты сговорились взять под сомнение все законы, начиная с таблицы умножения.

Язвительный мужчина напротив насмешливо гудел:

— Знаете, что напоминает мне фантастика? Академик Ландау как-то обронил фразу: «Парадоксальность нынешнего положения в физике заключается

в том, что логика, разум ученого успешно работают там, где его воображение уже бессильно». Так вот, в фантастике наоборот: воображение фантаста особенно успешно работает именно там, где его разум абсолютно беспомощен...

Впрочем, все было не так. В купе было пусто. Я сидел у окна, а напротив, точно отражая мою позу, сидел мой двойник — великолепный робот Анти-Я, сконструированный в полном соответствии с прогнозами Геннадия Гора.

С присущей мне прямолинейностью я поставил вопрос ребром:

— Зачем фантастике наука?

Анти-Я робко запротестовал:

— Но ведь она научная...

Я послал ему зловещую улыбку.

— Скажи мне, в чем научность рассказов Брэдбери? Или сказок Лема? Тебе не кажется, что термин «научная» потреблялся Уэллсом совсем в ином смысле? Это потом родилась путаница. Уэллс говорил о научной фантастике в отличие, например, от сказочной. В нашем понимании...

— Но позволь! — загорячился Анти-Я. — Никто и не ограничивает фантастику требованием непременно предсказывать научные открытия, выдвигать гипотезы. Вот Ефремов говорит: «Показ влияния науки на развитие общества и человека...»

— Ты опять демонстрируешь свою машинную память? — холодно заметил я.

Он смутился и замолчал.

— По-моему, тут какое-то противоречие. С одной стороны, Ефремов говорит о фантастике, как о той же литературе, а с другой — пытается выделить какие-то особые ее цели. Всячески пытается сузить фантастику до одной проблемы, одного определения. Но кто и когда ограничивал литературу одной проблемой?! Ее проблемы бесчисленны — это сама действительность.

— Всё общие места, — вздохнул он. — Ведь ты еще ничего не сказал по существу. А критиковать чужие определения...

— Хорошо. По-видимому, нужно вдуматься в соотношение «фантастика и наука»... Ты замечаешь любопытный факт: чем более наука становится определяющей силой в жизни общества, чем больше роль науки как элемента человеческой жизни, тем меньше в ней самой чисто человеческого. Наука «обесчеловечивается». Теория теснит эксперимент, а сама теория все менее мирится с наивными попытками вмешательства человеческого воображения, с его узкими, наглядными образами. Вспомни, что говорил этот ехидный толстяк, который приводил слова Ландау. Ломоносов столь же чувственно воспринимал свои атомы с их крючочками, как Декарт — свои вихри. Сейчас этого остерегается даже студент.

— Ты отчасти прав... — пробормотал Анти-Я.

— Фантастика же стремится соединить рационалистическое знание о мире и художественное знание о человеке. Таким образом она пролагает пути для всей литературы.

— Соединить? — задумчиво повторил он.

— Соединить — это в то же время противопоставить. Фантастика берет рационалистическое, выходящее за пределы человеческих чувств, опыта повседневной жизни. Поэтому при столкновении с этим жестоким рационализмом науки человеческие чувства всегда оказываются перед серьезным испытанием. Отсюда берет начало единственный, по существу, конфликт всей фантастики — человек перед неведомым. И единственный, по существу, ее сюжет — история очередной человеческой попытки расширить свое «Я» на новый островок неизвестного.

— Понимаю. Изменение человека с изменением мира. А изменение мира — прибавление этих островков неизвестного — есть функция науки?

— В основном — да. Но не во всем.

— Например?

— В «Войне с саламандрами» или у Свифта нет никакой «науки».

— Позволь, Свифт — это тоже фантастика?

— Чистейшая. В той же мере, как и лемовские «Звездные дневники».

— Ладно, оставим это. Интереснее другое — чем это отличается от литературы «просто»? Изменяющийся человек в изменяющемся мире — это и есть литература. При чем тут фантастика? Ты случайно не потерял ее по дороге?

— Думаю, что нет. Я против определений, зауженных, как модные брюки. Что же касается отличий, то они не в существе, а в методе.

— Ты хочешь сказать — в форме?

— Нет, форма — это какая-то иная плоскость. По форме фантастика может быть самой реалистической, как в рассказах Уэллса, а реализм — самым фантастическим, как у Гоголя или Щедрина. Различие именно в методе. «Просто литература», реалистическая литература, создается на материале конкретной действительности, с изменениями, действительно происходящими в мире, тогда как фантастическая литература берет ситуации несуществующие. Ее неведомое гипотетично, иногда условно. Поэтому-то фантастический элемент в реализме — всегда лишь художественный прием, лишь форма, тогда как в фантастике реалистический момент — это форма воплощения несуществующего мира, возможной, а не действительной ситуации.

— А, моделирование!

— Удивительно неудачный термин. Всякая литература моделирует действительность — ведь она лишь отражает ее.

— Да, конечно. Но в отличие от моделей настоящего, фантастика создает модели будущего мира?

— Это не так. Модели будущего в чистом виде — это привилегия социальных утопий, но как раз их-то в чистом виде в фантастике почти нет.

— А Ефремов? Стругацкие? А «Магелланово облако» Лема?

— Ни Стругацкие, ни Лем не создавали специально утопий, их интересовало другое. А Ефремов? Что ж, нельзя выбрасывать из фантастики утопический элемент — это ее составная часть. Но в целом фантастика дает не модель будущего, а модель несуществующего. В этом ее колоссальные возможности. По-

думай сам — если бы фантасты задались целью моделировать, предвидеть будущее — во что бы это вылилось? В состязание по придумыванию терминов, не более. Что в этом общего с литературой? Нет, отнесение времени в будущее служит иному. Каждый автор знает, насколько условен построенный им «мир». Стало быть, его чем-то влечет эта условность? Стало быть, есть в ней какая-то скрытая художественная возможность?

— Возможность чего?

— Узнать, открыть что-то новое в человеке и его истории.

— Нет, по-моему, ты все-таки не прав. Если речь идет об облике человека будущего, то я с тобой соглашусь: тут можно что-то предвидеть, пытаться угадать, но это ведь и будет «моделирование» будущего, против которого ты возражаешь. А если речь идет о человеке настоящего, то к чему ставить его в несуществующие ситуации, разве нельзя раскрыть его душевные глубины лучше и полнее в реальной обстановке реального мира?

— О нет! Несуществующий мир — это лишь одна из характерных особенностей фантастического метода. Основой его является некая гипотеза — как правило, рациональная, логическая идея. Гипотеза — вторая особенность метода. Это мостик, по которому наука входит в литературу. Именно по нему лежит путь от человека к тому неведомому, которому нет места в реальной повседневности. Поэтому гипотеза предполагает необходимость несуществующего мира.

— Я не совсем понял...

— Ну, может быть, это станет яснее, если подумать о случаях разобщения этих сторон метода. В памфлете, фантастической сатире часто нам представляют гипотезу, втиснутую в модель мира вполне реального; в приключенческой фантастике — модель несуществующего мира без центрального ядра, стержня, без гипотезы. Я думаю, здесь фантастику подстерегает наибольшая опасность не достигнуть уровня литературы.

— Слишком тонкая грань?

— Да. Слишком прямое следование гипотезе искажает поневоле пропорции реальной модели, но тогда стрела памфлета идет мимо цели — она бьет по произвольно искаженной действительности, по заведомо упрощенному быту.

— Собственно, в приключенческой фантастике происходит зачастую очень сходное — за отсутствием конфликта автору остается лишь описание своей придуманной действительности, описание, оживляемое приключениями.

— Верно. Нет того неведомого, в столкновении с которым открывается правда о человеке. Остается описание придуманного мира, которое длится до его исчерпания, а так как детали можно множить произвольно и до бесконечности, то существует реальная возможность появления космических дилогий, трилогий и эпопей...

— Не совсем понимаю. Разве неведомый мир не есть твое неведомое?..

— О нет! Мир — лишь форма его проявления.

— Так мы не договоримся до сути. Ты давай поконкретней.

— Ладно, попробую. Вот, например, «Солярис». Лем вводит рациональный элемент, то есть то, что уловимо лишь логически, — бесконечную изменчивость форм живого. Это есть внутренняя главная идея книги. Она воплощена в виде гипотезы о живом океане Солярис. Мир планеты двух солнц возникает уже по необходимости — попробуй поставь эту идею в рамках реальной модели.

— О, теперь ты говоришь почти просто.

— По-видимому, есть такие проблемы, которые невозможно поставить в реальной модели. Нельзя. Или — пока нельзя. Вот почему я назвал фантастику пролагательницей путей.

— Ну, а смысл? Ведь дело же не в пропаганде вышеуказанной, вообще говоря, научной идеи?

— Конечно, нет. Тут-то и самое интересное — когда человек «осваивает» эти так называемые перспективы, осваивает эмоционально, возникает любопыт-

нейшее явление: человеческие чувства упорно сопротивляются принять их. Умом, рассудком постижимо вполне, но стоит заглянуть в эту бездну — брр!

— Ну, это ж не всегда! В рассказах, я имею в виду — в типичных рассказах, или у Ефремова не происходит ничего подобного.

— В точности, конечно, нет, но что-то подобное всегда имеет место — в любом столкновении с неведомым что-то неведомое открывается человеку и в нем самом. У Лема это происходит всегда напряженно, ибо неведомое у него почти всегда — Иное, нечто резко противостоящее привычному миру; у Ефремова все спокойнее, его неизвестное чаще всего — логическое следствие уже известного, привычного.

— Да, это, пожалуй, верно. Это заметно даже в излюбленных сюжетных схемах: у Лема люди (в общем-то нам понятные, близкие, то есть олицетворяющие известный нам мир) сразу же оказываются ввергнутыми в мир абсолютно загадочный и неизвестный; у Ефремова, если можно так сказать, наоборот — неизвестные нам герои в известном, привычном для них мире. Но мы отошли от вопроса. Ты говорил о гипотезе и начал приводить примеры...

— Ну, их можно приводить до бесконечности. Главное не в примерах. Мне хотелось выразить иную мысль — за гипотезой (которую зачастую принимают за главное в фантастике), за материалом, по видимости непосредственно связанным с фактическими данными науки, всегда скрывается более глубокая проблема, идея более общего порядка. Возьми такую распространенную гипотезу, как Контакт цивилизаций. У Ефремова она позволяет поставить проблему космического братства, отсюда — мысли о законах развития разума во вселенной, у Лема иная плоскость — Понимание и Непонимание; у Стругацких — их интересуют поступки людей, их моральные критерии, их оценка, — ставится проблема Вмешательства и Невмешательства, точнее — путей, средств, которые не уродуют ни цели, ни человека. И так — с любой гипотезой. Стало быть, гипотеза позволяет выразить

такую проблему или в таком аспекте, которую нельзя поставить в реальной модели просто потому, что ее нет в реальном опыте человека. Я имею в виду обычного человека, героя книги.

В фантастике, в ее несуществующем мире проблема может выступить очищенной от «лишней» конкретности, во всей своей логической чистоте. Попробуй поставить человека перед бесконечностью пространства или времени. Дай ему увидеть новый горизонт мира, в котором он живет, так, как этот горизонт видится с вершин науки, дающей цельный взгляд на мир. Открой перед ним старый пласт «вечных тем», каким он видится в сегодняшней научной картине мира. Все это проблемы бесконечные, в том смысле, что в «общем» своем виде они требуют на сцену все человечество — в реальной модели. И само это уже отрицает эту модель. Гипотеза становится искомой конечной формой этого бесконечного содержания, несуществующий мир — его сценой...

Я перевел дух и посмотрел на него.

— Я тебя слушаю.

— Конфликт в фантастике начинается там, где сталкиваются человек и неведомое ему. Там же, где этих противостоящих сторон нет, нет и того сопротивляющегося материала, преодоление которого только и может дать новое о человеке, — нет материала действительности, ибо в конечном итоге фантастика есть познание действительности. Там остается лишь придумывание, произвол, вседозволенность.

— Я почти перестал тебя понимать, — неожиданно произнес он. — Ты ввел какие-то свои термины, не объяснил их, а теперь строишь концепцию — из чего? Что такое твое «рационалистическое знание о мире»? Что такое в конце концов эта пресловутая «гипотеза»? Все это общо и расплывчато. Я мог бы привести десятки примеров, не лезущих в эту схему...

— Это не удивительно. Коль скоро я сам могу их привести... Тебе нужна совершенная истина, но...

— Нет, это тебе, я вижу, нужна истина в последней инстанции. Но это же нелепость. Ты не замечаешь, что сам начал загонять фантастику в узкие рам-

ки определений? Вся беда в том, что ты берешь нынешнюю фантастику, как единую статичную картину. Миг литературного процесса отождествляешь с процессом, стираешь исторические грани. Фантастика многообразна, это ты уже вынужден был признать. Но она еще ведь и развивается!

— Ясно. Ты хочешь мне сказать, что научная фантастика вообще не могла появиться до тех пор, пока наука...

— Я не собираюсь повторять Днепрова. Я хочу лишь вдохнуть в твою схему жизнь, развитие. Подумай — фантастический прием бытует давно. Сказано ведь — «и весь Шекспир быть может только в том, что запросто болтает с тенью Гамлет...». А Макбет — с ведьмами. А Евгений — с Медным всадником, Иван Карамазов — с чертом. Или ты думаешь, что все дело в религиозности Достоевского или Шекспира?

— Ну, знаешь! — возмутился я.

— То-то! Верно, что есть проблемы, не укладывающиеся в реальную модель. Но у тебя это сильно смахивает на несуществующие проблемы. Как раз напротив — уже существующие. Существующие в логическом абстрактном мышлении человека, если хочешь — человечества. Иначе — какое б это было познание действительности?! И это есть, по-моему, идеи в их чистом виде. Пушкину нужно было столкнуть маленького, «простого» человека с идеей самодержавия и насильственного прогресса. Не с живым Петром — это уложилось бы в обычные рамки. Нет, с обнаженной сущностью того грандиозного явления, которым был в истории России Петр. Эта сущность не находит себе места в реальном времени и пространстве реальных событий...

— Сущность неотделима от явления! — назидательно произнес я.

Он прищурился.

— Начнем старый спор — где существуют общие понятия?

— Да нет, — откликнулся я. — Я ведь именно это и имел в виду: проблемы выламываются из реальности, как кости из мяса. Чем выше поднимается

мысль по ступеням обобщения, тем выше литературная иерархия: аллегория, символ, фантастика как прием — это то, о чем ты сейчас говорил. Наконец, становление фантастики, как метода.

— Да, — перебил он, — но ведь и на этом этапе — свои ступени. Уэллс, Беляев, А. Толстой в своих моделях чаще всего не очень далеко уходят от существующего. Ибо они решают проблемы, рождаемые философией науки своего времени, по характеру чаще социологические, сатирические, иногда чисто познавательные...

— Ну, насчет Беляева я не согласен. Мир Беляева только очень похож на существующий, но в действительности так же далек от него, как мир А. Грина. Ведь беляевский мир — это же сказочный мир, переодетый в современные костюмы...

— Хорошо, если уж говорить о сказке — она была первой попыткой как-то объяснить мир, увидеть за явлениями — их причины, их сущности. Если хочешь — это была своеобразная донаучная философия мира, донаучная наука. И фантастика, впервые зародившаяся именно в сказке, в мифе, уже и тогда была — в широком смысле слова — научной, была связана с общей картиной мира. Меня другое интересует: с развитием науки возникают новые проблемы, еще более абстрактные в соответствии с общим направлением ее развития, и тут уж становятся необходимыми модели «чистого» несуществующего, преобладающие в современной фантастике...

— Ты, видимо, прав. Мы все дальше продвигаемся в познании общих закономерностей, сущностей нашего бытия и бытия природы (это гигантское поле науки в узком смысле слова), и стремление литературы освоить это колоссальное неразведанное пространство — не оно ли влечет за собой растущую роль «условности» в литературе двадцатого века? И ведь любопытно, что параллельно с этим мы наблюдаем стремительный рост фантастики от приема к художественному методу познания, и...

— Эк тебя занесло! — Он как-то странно посмотрел на меня. — Фантастика, потом литература вооб-

ще, потом ты еще примешься основной вопрос философии решать... Нет «условности» вообще, есть конкретная условность. Она диктуется проблемой. Можно вдвинуть одно время в другое — так делал Уэллс. При этом наложении некоторые сущности нашей эпохи обнажаются в противопоставлении необычайно резко. Можно осуществить пространственное наложение, разместив несуществующий мир в существующем, как у Свифта. Иногда достаточно ввести в существующий мир только пороховой шнур гипотезы, чтобы взорвать привычные, устоявшиеся картины, слежавшиеся пласты представлений и открыть под ними заветное искомое. Разве не так сделал Чапек? Ты прав, все это фантастика, но разная. Разная по уровню развития, по целям, а стало быть — и по средствам. А цели, равно как и средства, дает время, история.

— Что ж, тогда выходит, что перед неведомым стоит не герой фантастики, а ее читатель?

— По-моему, в этом соль. Иначе она не была бы искусством. Неведомое — это то, что уже осознал фантаст и еще не знает его читатель. Сложность фантастики в том, что ее интересует не показ читателю явлений и скрытых за ними сущностей, а более или менее прямой показ сущностей, да и то не всяких. Свифт и Чапек, Уэллс и Лем бьют с маху по всему миру в целом, по всей истории человечества, идут не от клеточки организма к целому, а наоборот.

— Что ж, готов согласиться с такой трактовкой моего «рационалистического знания о мире». Мне вспомнилось хорошее слово — «остраннение».

— Представить привычное странным, как бы чужим, неожиданным, и оттого заставить увидеть по-новому?

— Да. Так происходит в робинзонадах — каждая вещь, каждое человеческое действие, атомы существования кажутся увиденными заново. Фантастика — сплошная робинзонада, ее необитаемые острова — ее модели. Она остранняет нашу политическую, этическую, бытовую действительность, беря их в главном, в целом...

— Красивости! А что остранняет обычный научно-фантастический рассказ? Ты опять ударился в крайности!

— О нет! Как раз это-то просто. В рассказе все проще: гипотеза есть гипотеза и неведомое есть просто неизвестное. Читатель осваивает какой-то кусок научной действительности, кусок того мира, в котором живет, не подозревая о нем, как Журден не подозревал, что говорит прозой. Наш герой привык к миллиардам электроновольт и световым годам, привык, не успев осознать. Вот их-то и остранняет рассказ.

— Натянуто. Начал ты проще и верней: гипотезы фантаста вводят читателя в мир рационалистических понятий науки. В тот мир, который не выразить через реальный быт — ну, хотя бы потому, что в жизни ты не сталкиваешься ни с бесконечностью, ни с электронами, ни с загадкой времени или энтропии.

— Дело не в том, что вводят. Ты сужаешь. Ввести в этот мир может и книга Гранина или Митчела Уилсона...

— Там это все иначе. Скажем, та же бесконечность может появиться там лишь, как предмет рассуждений, размышлений героя, но не как нечто овеществленное, стоящее перед человеком и образующее мир, в котором он живет. Для создания такой ситуации без фантастики не обойтись.

— Пусть так. Но ты упустил важное звено — ведь гипотеза фантаста часто говорит о таком, чего может и не быть никогда.

— Нет, я думал об этом. Ты ведь сам сказал, наука поставляет в фантастику не только фактическое содержание гипотезы, но и — что более важно — стоящую за ним проблему. Главное — приобщить к понятиям, к проблемам, а не к фактам. К фактам приобщает научно-популярная литература.

— Чушь! Данин не приобщает к понятиям, к проблемам?

Он смутился.

— Дело, видимо, в том, что научно-популярная литература не может дать главного — сопереживания.

Именно в погоне за неведомым таится приманка научно-фантастического рассказа.

— Но это же фальшивое неведомое! Ведь тех «открытий», о которых говорят рассказы, нет и, может, не будет!

— Дело не в том, чтобы узнать еще один строго научный факт, а в том, чтобы ощутить себя познающим. Здесь необычайнейший синтез — инстинкт познания удовлетворяется в художественной форме. Это именно художественное познание, чувственное, в образах. Простейший пример — наши представления о будущем — ведь это же свод отвлеченных понятий. Наши мечты о нем беспомощно-логичны, им не хватает чувственной, образной оболочки.

— И тут приходит фантаст?

— Да, тут-то он и появляется. И дает форму для этих расплывчатых представлений. Читатель фантастики в среднем неизмеримо отчетливей, конкретней представляет себе будущее, чем тот, кто ее не читает...

— Но ведь это произвольные формы!

— В том-то и дело, что нет. Их конкретность в чем-то произвольна, субъективна, но сквозь нее просвечивают все те же общие законы, которым подчиняется воображение писателя и читателя — законы истории. И в этом главное — через субъективные и конкретные художественные формы читатель приобщается более глубоко, более интимно к этим общим законам. От знакомых общих законов — к конкретным представлениям, к чувственной реальности и через нее — к остраненному, чувственному постижению этих общих закономерностей. В «обычной литературе» чуть ли не наоборот: от знакомой конкретности своего быта — к обобщению, уловленному художником, и через него — к более глубокому пониманию конкретного.

— Если так, то это уже будет верно для всей фантастики. В одном случае объектом будут понятия науки, в другом — морали, социологии, философии, но смысл происходящего одинаков. Фантастика заново «очеловечивает» науку — в широком смысле сло-

ва. Не лишая ее рационалистической привилегии, прокладывает к ней художественный, эмоциональный мостик. Ну, конечно, не в виде тех наивных сравнений, которыми пестрят популярные брошюры...

Он задумался. Потом покачал головой.

— Кое с чем я согласен. Можно, например, понять тяготение фантастики к так называемым «вечным» темам: литературная, или точнее — человеческая традиция плюс новые возможности... Остраннение?.. Вряд ли кто-нибудь так четко показал нам нашу человеческую совесть в ее страшном овеществленном виде, нашу силу и слабость, как Лем в «Солярисе». Пожалуй, верно... Ведь «время действия» в фантастике, ее несуществующий мир действительно причудлив. У Лема в его философских вещах — это чисто логическое время, вневременное, так сказать. И в последних книгах Стругацких — почти то же самое. А вот у Уэллса, у Ефремова, в рассказах, скажем, Днепрова — это действительно будущее время... В общем фантастика создает как бы особое литературное пространство — пространство и время чистых проблем, рациональных сущностей мира...

— Теперь уже ты увлекся игрой в определения?

Он пожал плечами.

— Что поделаешь? Видно, это в нас крепко сидит.

Я усмехнулся в его добродушное теперь лицо.

— Ну, а скажи, зачем же фантастике наука?

Он улыбнулся.

— Я мог бы привести слова Уэллса. Он говорит, что всего лишь заменил вмешательство мага на интервью с наукой. Для него роль науки в фантастике сводится к роли рычага, переводящего события в плоскость несуществующего; там, в этой плоскости, Уэллс соединяет («вмешательство мага»!) оба аспекта сказки — исполнение желаний и социальное обличение. Его мир исполненных желаний и оказывается наилучшим социальным обличением.

— Это приемлемо, — откликнулся я. — Вполне понятно, почему именно Уэллс, определяя роль науки в фантастике, указывает на генетическую связь со сказкой. Такое определение подошло бы и Брэдбери,

Лирик, романтик и сказочник, он ближе в этом отношении к Уэллсу, чем аналитичный Днепров. И, разумеется, у Днепрова есть свой ответ на мой вопрос. И, разумеется, он складывается из представления о фантастике как средства показа научного прогресса. Ибо такой является фантастика Днепрова. Наука нужна фантастике в любом ее обличье, ибо фантастика начинается с научного осмысления мира. Мира в целом или любой его части, но взятых в движении, в тенденциях, в подспудных закономерностях, не имеющих чувственного бытия и потому бытующих в понятиях.

— Стало быть, говоря о науке, ты имеешь в виду не конкретные науки, а общий научный способ подхода к миру, мировоззрение?

— Ты только теперь это уловил? Конечно. И в той мере, в какой видение фантаста отражает — правильно отражает — научно обоснованную картину мира, — его фантастика научна. Не интегралы решают судьбу этого определения, а верное угадывание или понимание законов, правящих интегралами и судьбами людей. А вкладываемый сейчас в это определение смысл узок. В последних сказках Лема — например, в сказке о машине, умевшей делать все на букву «Н» — употребление науки в этом узком смысле, использование ее чисто терминологическое. «Машина» для Лема — то же, что корабль Гулливера для Свифта. В те времена путь в неведомое пролегал через море, сейчас — через космос или лабораторию, но и то и другое всего лишь дань традиции, привычке века. Там, где другие открывали Острова пряностей, Свифт открыл целый мир — его историю, политику, мораль.

— Значит, и Брэдбери, о котором пишут, что он, ненавидящий науку, по недоразумению числится научным фантастом, и американская фантастика с ее «войной всех против всех» во все времена и на все пространства тоже научная фантастика?

— По-моему, да. Чем, собственно, отличается Брэдбери от Уэллса, Азимов от Днепрова, как фантасты? У первых находит выражение одна сторона

научного взгляда на мир и историю, вторые видят оба аспекта. Это различие метафизики и диалектики. Но первоначальный импульс у них один: все они идут от науки.

— У тебя наука сначала расширилась, а теперь и вообще потеряла всякие очертания. Ты говоришь уже не столько о самой науке, сколько об интерпретации ее итогов, о понимании ее путей и, по существу, путей истории? Впрочем, если говорить о мировоззрении, нужно брать именно так.

— Я говорю о науке как о картине связи явлений, взаимодействия и развития их, дающей понимание причин и следствий. Это не каталог фактов.

— Но без фактов...

— Кто же спорит с этим? Но если ты вглядишься в фантастику, то увидишь, что именно это — научное мировоззрение — и нужно было ей, именно это ее и оплодотворяло, определяло главные цели, направление интересов. И это же обозначило границы лагерей...

— Каких еще лагерей?

— В фантастике есть свои лагеря. Если хочешь — направления.

— Это ты о метафизике и диалектике?

— Нет, с метафизической фантастикой все относительно ясно. Извлекая из науки метафизический урок, фантаст — вольно или невольно — омертвляет движение, берет его застывший момент и тем самым сразу же нарушает пропорции мира, к исследованию которого приступает. Он разрушает свой метод.

— Даже Брэдбери?

— И Брэдбери, и Азимов, и Сциллард — они блестяще анализируют остановленное мгновение, но именно потому им нечего предсказать. Их миры безвыходны, замкнуты, это вечный, мучительный, как пытка, повтор одного и того же.

— Так. Значит, метафизика у тебя тождественна с пессимизмом в итоге?

— Ну, в конце концов весь американский фантастический апокалипсис растет из метафизического понимания истории и роли науки в ней. Но Брэдбери,

Сциллард — те защищают в этом аду человека, они могут в вырванном из времени миге раскрыть страхи и сомнения человеческой души, хотя и не могут показать надежд, могут вызвать в нас сострадание и понимание. А другие — вся эта «черная сотня» из космических притонов, они ведь ничего не защищают, не открывают, за ними — пустота...

— Нет, ты все-таки продолжай... а диалектика дает в итоге оптимизм?

— Исторический оптимизм.

— Опять красивости?

— Нет, я просто не знаю общепринятой терминологии. Короче, я за сложный оптимизм — против бездумного бодрячества.

— Вселенную шапками закидаем?!

— Дело даже не столько во вселенной, сколько в человеке, в отношении к нему. В признании его сложности, противоречивости, порой трагичности. В понимании того, что история не райские кущи, не прямая магистраль в царство разума и человечности. В ней есть тупики, закоулки, такие чудовищные повороты, на которых у человечества голова идет кругом. Бывает, что приходится отступать. Мы еще очень мало знаем о будущем, а стало быть — о прошлом, о самих себе.

— Но при чем тут фантастика?

— Фантастика ведь еще пытается предвидеть. В каждой ее модели, в самом столкновении человека с неведомым уже таится необходимость предвидения, чисто фантастический элемент.

— Но ты же отрицал моделирование будущего!

— Как сущность фантастики, но не как один из ее элементов. Здесь речь идет не о будущем, а о возможном, не о вымышленных достижениях, а цене этих достижений, человеческой цене.

— Стало быть, не столько возможные факты, сколько следствия из них?

— В этом роде. И тут-то вступает в игру то видение мира, которым обладает фантаст, его понимание человека и истории. И оптимизм оказывается разным.

— Именно?

— Я бы определил эти лагеря так — релятивизм и антропоцентризм. Главный метод первого — сомнение, отрицание мифов и догм сегодняшнего дня. Это дает возможность разрушить устоявшиеся представления, всколыхнуть живую, ищущую мысль, предостеречь от розового оптимизма. Главное во втором — утверждение идеала, прямое его утверждение. Это воодушевляет мечту.

— Релятивизм — это, наверно, Лем? Это все его предостережения?

— Это не только Лем. Это целое направление.

— И твои симпатии, конечно, на стороне Лема?

— Это мои личные симпатии, но мне кажется, что в них есть что-то объективное. Понимаешь, есть самый привлекательный миф — миф о всемогущем человеке. Он привлекателен, ибо наполняет осмысленностью нашу жизнь, нашу борьбу, но в нем таится и опасность...

— Но почему же антропоцентризм?

— Потому что от убеждения во всемогуществе человека есть реальная опасность перейти к убеждению в его избранности — избранности земного человека, а не разумного существа вообще. В антропоцентристской фантастике вселенная и история теряют качественное многообразие, становятся лишь разнообразными, качество вырождается во внешнее различие.

— Ты прав в том смысле, что в фантастике антропоцентризм действительно незримо лежит в основе многих и многих вещей. Ефремов...

— Ефремов — это вершина антропоцентризма. Его «Туманность Андромеды» дает полное развертывание этого тезиса — на всю историю и на всю вселенную. Собственно, такой размах в одной книге и стал возможен лишь благодаря внутреннему убеждению в единообразии... В этой грандиозности — величие книги, ее роль в фантастике. И в то же время эта грандиозность исчерпывающа. Недаром после «Туманности» кажется почти невозможным что-либо

добавить к ефремовской картине — все кажется частностями.

— Значит, успех «Туманности» связан, по-твоему, с ее антропоцентристским духом?

— В значительной мере. Человеку импонирует величественная картина торжества разума. Импонирует невысказанная, но явная мысль о великом призвании человека во вселенной, импонирует еще и потому, что совпадает с его внутренним, неосознанным убеждением, доводит его до логического завершения. Эта картина становится ему особенно близкой и потому, что, блуждая в космосе с героями Ефремова, он нигде не встречает Неожиданного, Иного — разнообразие форм материи имеет, по Ефремову, форму пирамиды: в вершине ее одна точка — человеческое общество, в существенном повторяющее наше, земное. Такова Эпсилон Тукана. Такова фторная планета. И это не случайно — иначе не было бы тоски Мвена Маса и опыта Рена Боза. Не было бы и странного в общем-то предложения, сделанного в «Сердце Змеи» — переделать человечество фторной планеты по «кислородному» образцу.

— Ты отрицаешь эту пирамиду?

— Я не взялся бы ее утверждать. Миф об избранности легко может превратиться в антропоцентристскую ограниченность. Из веры в человека может родиться самоуспокоенность, нежелание признавать возможность чего-либо иного. «Туманность Андромеды» — научный вариант мифа — в проекции на будущее.

— А «Лезвие бритвы» продолжает?

— Нет, скорее предшествует. На сей раз — это трактат о «единственности решения» системы исторических уравнений. «Лезвие» — этап от прошлого к настоящему. Утверждается, что законы природы и общества действуют с железной однозначностью и отбирают лишь целесообразное (вся сложность и случайная неповторимость социальных условий Земли как бы не замечается). Тогда понятно, что наше нынешнее общество, наш духовный мир, наши эстетические и прочие критерии не могут не повто-

риться в любом уголке вселенной. «Лезвие» дополняет «Туманность». Да что общество! Даже внешний вид обусловлен с той же прямолинейностью, которая дает возможность утверждать его универсальность в природе — вспомни ранние «Звездные корабли»!

— Ты не согласен с этой мыслью?

— Нет. Идея Колмогорова о мыслящей плесени, как и гипотеза Лема о мыслящем океане, при всей их биологической нецелесообразности, даже неправдоподобности, кажутся мне значительно глубже: они позволяют увидеть нас самих как одну из частиц великого мира разума, увидеть со стороны — как великое рядовое явление...

— Значит, дело в том, чтобы придумывать как можно более отличающееся от нас?

— О господи! Что это ты стал так непонятлив? Дело в том, чтобы столкнуть человека, человечество с самим собой.

— Теперь понял: не просто с очередной загадкой природы или «трудностью роста», а с Иным, того же ранга, что он сам или оно само, чтобы в этом столкновении постичь меру своей силы и слабости, меру того, что могут принять разум и чувства, меру ограниченности и безграничности — это ты имеешь в виду?

— Да. И решения здесь не в пользу мифа о всемогущем Человеке. Нет, здесь и Непонимание и Неприятие, здесь часто поражение — но какое! Насколько выше человек в этом поражении, чем в своем победоносном шествии сквозь время и пространство! Антропоцентризм сладко убаюкивает мысль человека. Иное уже пугает его, он уже не способен думать иначе, как по аналогиям. Между тем смысл фантастики — дать человечеству иной взгляд на себя: взгляд со стороны. Наука содержит в себе скрытую возможность этого, фантастика ее реализует. Что открывается в этом столкновении — бесконечный повтор нашего мира или релятивизм наших понятий — зависит уже от установок автора, ведь потенциально возможные «итоги» науки двойственны.

— И это все, что тебя интересует? А где же все-

таки фантастика как литература: ее образы, их соотношение с действительностью, ее художественные средства?

— Читай Пруткова. Нельзя объять необъятное. Да и что образы! Я не уверен, что вся она пойдет по линии человеческого образа, как средства решения своих задач...

— Н-да... ммм...

Я взглянул на него — ну, конечно! Он спал, бесстыдно спал, отключив все рецепторы, кроме слуховых и настроившись на автономную программу «поддакивания».

Вот и кончилась фантастика. Шумное купе, споры, робот-двойник. Есть ночь и поезд, несущийся — куда? — и моя неоконченная погоня за неведомым.

СОДЕРЖАНИЕ

70коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Б4г